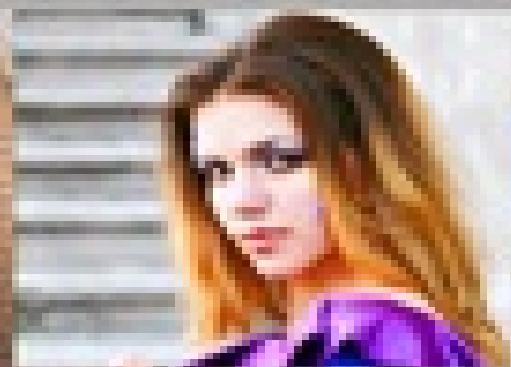
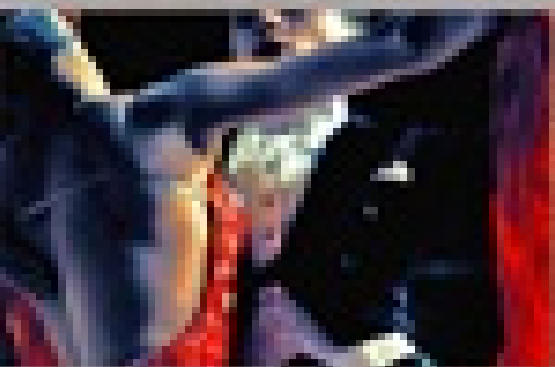
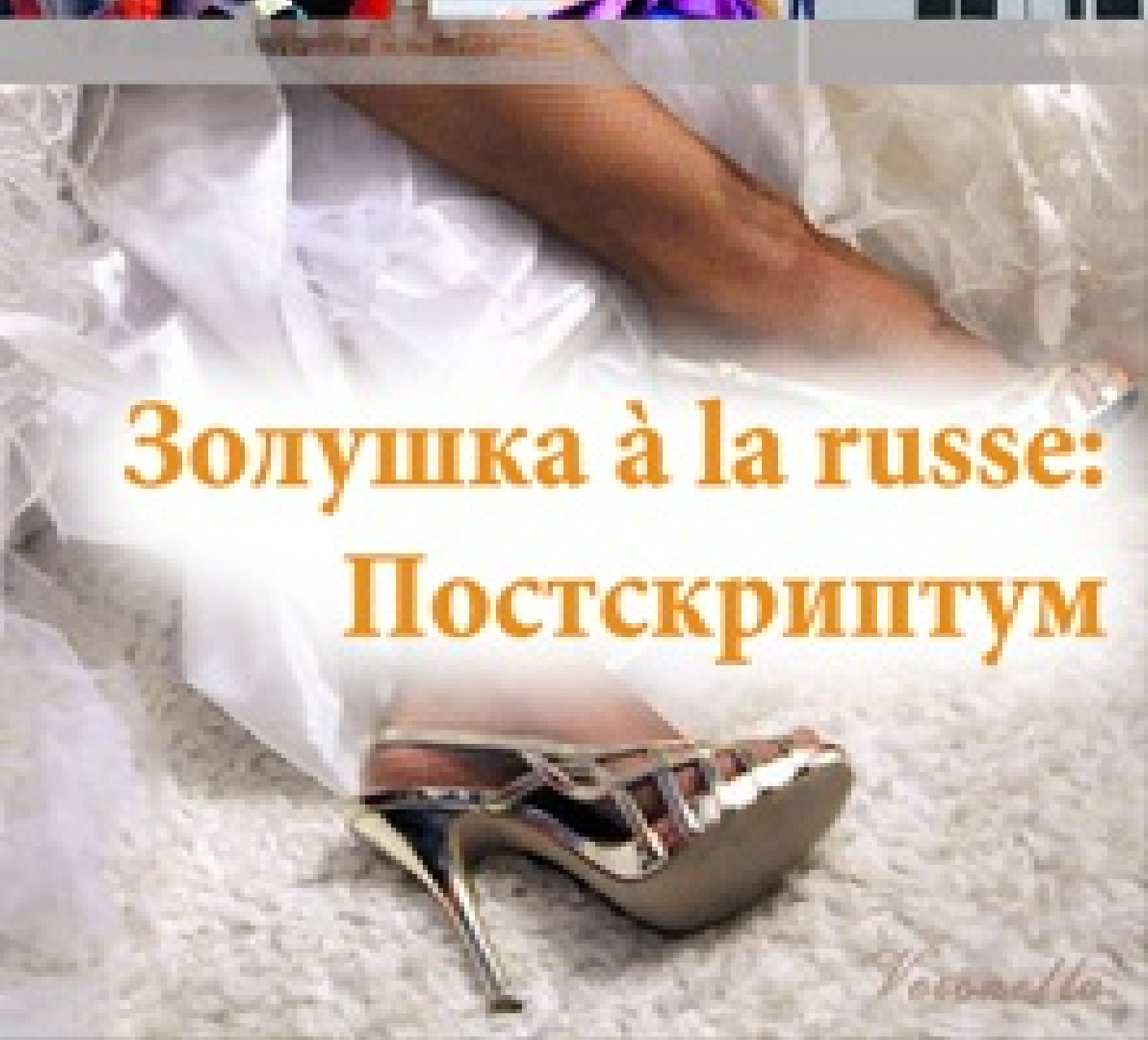

Юлия Эфф

**Золушка à la russe:
Постскриптум**

Journal

Провинциалка Ольга Николаева приезжает в Москву на один телевизионный проект, а попадает на другой, участие в котором не приснилось бы в самом страшном кошмаре. Однако и авторам телевизионного проекта "Десять Золушек" ни за что не пришло бы в голову, что случайно попавшая в проект девушка способна поломать все планы и повернуть шоу в другое русло.

Телевизионные и книжные штампы в отношении истории Золушки и Принца получают совершенно иную трактовку, но сказочный финал останется без изменений: добро будет вознаграждено, а зло наказано одиночеством.

1

Благая мысль!

Сначала ты, а после -

Значимое слово.

По примеру Бояна,

Начнем, помолясь богам...

Это был удар ниже пояса. Будущий политик только представил себе, как люди будут указывать пальцем на его чадо и хихикать: «Посмотрите на трансвестита! Хорошо папочка воспитал сына!» — и у банкира потемнело в глазах. Было ясно как божий день, что это происки конкурентов: именно они, которым так мешала слишком кипучая деятельность олигарха, объявили информационную войну — раздули пожар из двух журнальных статей о похождениях сына-балбеса.

В восемьдесят шестом, тогда еще просто майор в отставке, он, Дмитрий Иванович Карамзин, уверенно начинал свой бизнес: воспользовался связями, деньгами верных однополчан и, наконец, ситуацией в стране. Каждый день был на краю и, вообще, закончил бы однажды свой путь, если бы не верный телохранитель и друг-однополчанин в одном лице, заслонивший собой от автоматной очереди. Тогда везунчику-майору было всего тридцать восемь, и любовь к жизни, желание достичь благополучия помогли пережить страх за свою семью, боль за глупую смерть друга, унижение перед спонсорами-кредиторами и желание все бросить и устроиться на работу в какое-нибудь тихое местечко. Но в то время, действительно, ничего своего, кроме жены и двух маленьких сыновей в коммуналке, не было. Ради них он жил, горел, страдал, уходил от преследования — и беспрерывно унижался, унижался, унижался... Он до сих пор ненавидит это слово и вздрагивает, случись кому-нибудь ненароком напомнить о девяностых.

Но сейчас-то есть все и даже больше: свой банк, несколько промышленных предприятий по всей стране, дом — полная чаша, жена, красавица и умница, несколько не подурнела за эти двадцать четыре года... И все бы ничего, если бы не подросшие сыновья. Правильно в народе говорят: «Маленькие детки — маленькие бедки...» — сыновья выросли, а спокойнее не стало. Старший, слава Богу, вырос более послушным, положиться на него можно — пошел по отцовским стопам, а значит, будет кому оставить свой бизнес... Но этот же, младший, балбес и негодяй!..

Банкир с рычанием покомкал журнал, на обложке которого красовался до неузнаваемости напудренный и на помаженный сын-мажор в женском платье и целующийся с этим неблагодарным довеском-крестничком, неугомным дружком, который (умный!) спрятал свои бесстыжие пол-лица под широкими полями шляпы. Просил же банкир этих балбесов, уговаривал после первого похождения вести себя скромно и не давать пищу газетчикам — не послушались говнюки. Недели не продержались.

Конкуренты тут же подхватили идею, подброшенную желтой прессой, и повернули все так, что, начиная с сегодняшнего утра, словно сговорившись, один за другим звонили клиенты и отказывались от сделок, ссылаясь на форс-мажорные обстоятельства. А консультант-советник по созданию образа будущего губернатора края сказал, что вообще

умывает руки: ему дешевле будет отказаться от работы с Карамзиным, чем вывернуться из сложившейся ситуации.

Таким образом, сегодня из-за этого неблагодарного щенка благополучно перечеркивалось все, созданное за два десятка лет: бизнес, планы на новую карьеру и даже доброе имя семьи. А ведь сколько раз копали под него, пытались уличить его, господина Карамзина, в грязных финансовых и политических махинациях, сколько раз он (в последний момент!) выходил сухим из опасной ситуации, как с поля боя, — и никто не мог никогда поколебать этой скалы, для которой хорошая репутация всегда была прежде всего! И вот тебе — нашли ахиллесову пяту, пробили брешь там, где он, опытный в политических интригах человек, ожидал меньше всего...

Прощаясь по телефону с опешившим банкиром, консультант (но даже в его голосе было больше сомнения, чем уверенности) лишь посоветовал Дмитрию Ивановичу найти соответствующий «клин», которым, как говорится, можно было бы поправить ситуацию. «Какой клин?» — не понял тогда банкир. «Ну, я не знаю... — определенно, консультант говорил первое, что придет в его голову, — вашу семью обвиняют в распущенности, значит, нужно так исправить ситуацию, чтобы все было наоборот...» — «Я за что тебе деньги плачу?! — разозлился Дмитрий Иванович. — Мямлишь, ничего толком сказать не можешь?» — «Ну-у-у...» — консультант на том конце провода, и правда, мямлил. Карамзин представил себе, как этот «профи» привычно откидывается на спинку кресла, крутится в нем задумчиво, постукивает ногтями по зубам (эта привычка всегда бесила банкира) — но ради дела пришлось вытерпеть это долгое «ну». «Скажем, пресса считает вашего сына, э-э-э, не совсем нормальным. На сегодня это единственное препятствие. На кону ваше, Дмитрий Иванович, доброе имя, а значит, нужно твердое доказательство того, что...» Карамзин не выдержал и перебил собеседника, уже уловив идею: «Женить поганца?» — «Хоть бы и так. Можно еще какую-нибудь дополнительную благотворительную акцию провести, поднять престиж, так сказать... Пусть ваш сын поучаствует... Какой-нибудь детский дом...»

Карамзин тогда, утром, только посмеялся над бредовостью идеи: женит он сына впопыхах — и что дальше? Новый скандал? Однако мысль как-то незаметно крепла, безответственно всплывала в самый ответственный момент. По дороге домой, словно в подтверждение нелепой идеи, мимо машины банкира целых два раза просигналили свадебные кортежи. После второго банкир загадал про себя: «Бог любит троицу, если встретится третья — значит, так тому и быть!» Свадебных, громкоголосых кортежей больше не было, и Дмитрий Иванович даже расстроился, решив, что идея, в общем-то, была не плоха.

В это момент вдруг позвонила жена и предупредила, что их непутевый сын, опять вместе с их крестником, ходячим генератором неприличных идей, собираются остаться ночевать на квартире старшего сына, находящегося в отъезде, — а это значит, опять что-нибудь придумают. Банкир велел шоферу поворачивать и ехать в другой конец города, с целью предотвратить очередной скандал. И, сворачивая по Тверской на улицу, где когда-то купил сыну в подарок на совершеннолетие квартиру, Карамзин раскрыл рот: у памятника Пушкину и Гончаровой стояли машины, отдекорированные шарами и искусственными цветами. И счастливые молодые фотографировались, держась за руки, как и бронзовый поэт со своей женой.

Что-то защипало в глазах банкира, он бы и перекрестился тут же, если бы не постеснялся водителя; и всю обратную дорогу молчал, не реагируя на шуточки сына и его

дружка. Дома волнение понемногу улеглось и даже немного забылось за болтовней жены, которая увидела тревожно-подавленное состояние мужа, но не догадалась о причине. Чтобы прийти в себя и решиться поставить неблагодарного отпрыска перед фактом, Дмитрий Иванович заставил себя читать нарочно скопленную за месяц прессу — статьи о поведении сына и неутешительных выводах о том, что его семья «зажралась»...

Карамзин-старший вздрогнул от внезапно раздавшихся завываний, криков и странной музыки из комнаты сына — решительно встал, засунул ноги в тапочки, теперь полностью морально готовый к разносу: сколько можно это терпеть!

За закрытой дверью, ведущей в соседнюю комнату, доносилась какая-то ужасная какофония звуков. Дмитрий Иванович по дороге так сам себя накалил, что без лишних разговоров пнул дверь и ворвался в комнату. От увиденного он опять схватился за сердце: его сын и неизменный дружок (оба в кимоно и с загримированными под самураев белыми лицами, со своими распущенными дурацкими крысиными хвостами на светлых макушках) изображали поединок. Под аккомпанемент японской музыки, выплескивавшейся из внушительного размера колонок.

— Ну, знаете ли... — видимо, привычка постоянно чувствовать спиной дыхание местных папарацци не позволила банкиру выразиться крепче, — Это переходит все границы!

Он выдернул из розетки вилку от удлинителя, но музыка не исчезла: сработал стабилизатор энергии. Тогда банкир бросил в «самураев», увлекшихся игрой, скомканный журнал. Наконец, отцовское отчаяние было услышано: бойцы замерли, продолжая растягивать наглые рты в улыбке. Банкир потряс кулаками. Но грим на лицах двух негодяев не дрогнул в раскаянии, балбесы переглянулись, молча ожидая словесной трепки:

— Какого чёрта ты оделся, как ш... как распутная девка? — банкир переводил взгляд, пытаясь определить, где главный виновник его справедливого гнева, — опять на спор?

Балбесы синхронно почесали в затылке.

— Идиоты! — банкир по привычке сделал было несколько шагов туда-сюда по комнате, наткнулся на валяющийся на полу журнал и остановился, еще более распалившись. — Опять газетчики виноваты, а вы, конечно, никакого отношения к этому не имеете? Сукин сын, рад повалять имя своего отца в грязи... Прошлый раз вы поспорили, так пресса быстро успокоилась... Но второй раз — это уже диагноз. Вам девок не хватает?

— Па... — один из самураев подал голос.

— Значит так. Мне это надоело: мой сын — мало того, что юрист-недоучка, ещё и «голубой»! Вот это, скажи мне, пожалуйста, для чего это? — банкир хотел было смешать грим на лице заговорившего, но побрезговал испачкаться, только бессильно потряс кулаком. — А этот хвост?! Вы, что, на конюшне живете? Всё, из дома ни ногой! А ты, дорогой мой, — отец повернулся к другому, — пшел вон, чтобы я тебя здесь больше не видел! И вообще, чтобы на глаза мне не попадался, неблагодарный, знал бы твой отец, в какого подонка превратится его сын... Слава тебе, Господи, одного сына спас от тебя, теперь ты за второго взялся, подонок? Крестник, мать твою!

— Па!

— Я сказал! И самое главное — жениться! — Карамзин перевел взгляд на воскликнувшего «самурая», — а потом будешь работать со мной, с утра до позднего вечера, чтобы у тебя сил на дурь не хватало. Ну, а если ослушаешься, весь твой «металлолом» завтра же на помойку, а сам пойдёшь у меня двory подметать, щенок.

— Мы в армию пойдём... — второй самураев, обозванный «подонком», попытался вклиниться в монолог.

— Вот это видели? — банкир потряс кулаками в очередной раз, — в армию они захотели... Ума наберитесь сначала, а потом в армию... Ещё там меня не хватало позорить! Не заслужили! Пока я не увижу, что ты повзрослел, — Карамзин ткнул указательным пальцем в сторону сына, — всё будешь делать так, как я сказал.

Отец вышел, хлопнув дверью.

...Жена долго безмолвно смотрела на мужа, нервно наливаяющим себе коньяк, потом изрекла:

— Дорогой, а ты уверен, что он тебя послушает и женится? Допустим, мы его женим, а что, если через два месяца его жена будет направо и налево давать интервью? А вдруг попадётся какая-нибудь стерва и будет его мучить? Мальчик должен сначала присмотреться к своей будущей жене, ну и мы тоже.

— Что ты говоришь! — Карамзин опять начал нервничать. — Твой сын уже не ребёнок. Пусть поковыряется в памяти и найдёт всего одну приличную девушку... Боже! — лицо банкира вытянулось, — а у него была хоть одна девушка?

— Наконец-то ты задал себе правильный вопрос. Ты такой хороший отец, что даже не знаешь, что твой сын ещё ни разу не влюблялся по-настоящему, — и Маргарита Павловна спохватилась, заметив жуткое выражение лица супруга, торопливо пояснила, — нет, Митенька, ты не думай... Наш сын — нормальный, у него были девушки, просто... Ну, я не знаю!..

Маргарита Павловна махнула рукой, не в силах обозначить мысль словами. Банкир отвел тяжёлый взгляд от жены, наполнил вторую рюмку коньяком, выпил залпом, пялясь в пустоту, и налил еще:

— Любые деньги отдам. Найди ему девушку. Пусть её проверят вдоль и поперек. Чтобы нормальная была. Пусть женится, и чтобы я больше не читал этой гадости... Тьфу, мерзость какая: эти сукины дети еще и целуются перед камерами! — Карамзина передернуло от воспоминания о содержании злополучной статьи: — Вот оно ваше заграничное воспитание!

— Каким это образом её «проверят вдоль и поперек»: слежку за ней устроят или КГБ подключишь? — жена банкира замерла на полуфразе.

По телевизору шёл очередной выпуск «стеклянной» программы: скрытые камеры двадцать четыре часа в сутки следили за жизненными перипетиями двух семейных пар. Воображение супруги, делившей досуг каждый вечер с телесериалами и скандальными передачами, тут же заработало:

— ...Гениально! Дорогой, подай мне, пожалуйста, мою записную книжку.

— Зачем?

— Сейчас узнаешь, — она быстро набрала номер знакомого продюсера. — Алло? Светочка, добрый вечер. Это Маргарита Павловна... Да, дорогая, позови, пожалуйста... Добрый вечер, Константин Андреич... Да... Как вы догадались?... У меня к вам предложение, от которого вы не можете отказаться... Почему?... Потому что мой муж согласен профинансировать новый проект... Да... Нужно найти не просто хорошую, а очень хорошую девушку... Для кого? Для нашего младшего мальчика... Не напоминайте мне про эту прессу.... Ну вы же умный, придумайте.... Что-то вроде «Стеклянного дома», но только девушек должно быть очень много, чтобы был хороший выбор... «Бал невест»? Не слишком?... Я не знаю, как вы это сделаете. Я обещаю вам только материальную

поддержку... Алло?... Константин Андрейч?... А, вы думаете... Как, говорите?..

Маргарита Павловна некоторое время слушала собеседника, жестом останавливая супруга, порывающегося вставить слово. На какой-то фразе лицо женщины изобразило гримасу сомнения:

— Нет, я думаю, что не получится. Я этого не хочу: он опять там что-нибудь выкинет. Лучше сделаем так... — Маргарита Павловна поднялась и с телефоном вышла из комнаты, шепнув мужу: «Кофе принесу».

Через несколько минут супруга вернулась, ловко удерживая зажатый между плечом и головой телефон: в руках был разнос, заставленный тарелками с бутербродами, кофейником, двумя чашками и прочей мелочью — все для успокоения раздраженного супруга. Маргарита Павловна поставила разнос на столик у дивана, переложила телефон к другому плечу и так же, коротко поддакивая своему знакомому, неторопливо стала разливать кофе по чашкам:

— Да... Да... Нет, что вы... Я полностью доверяю Артуру. В конце концов, сыновья всегда друг друга понимали... Да, конечно, я понимаю, идея рискованная... Но учтите, имя моего Артурчика так же не должно прозвучать, пусть пресса успокоится и вообще забудет про нашу семью... Хорошо, я в вас верю... Потому что вы — гений.... До завтра. Спокойной ночи, — Маргарита Павловна с торжеством отключила телефон и протянула мужу чашку с кофе. — Ну вот, дорогой. Всё будет хорошо.

— Что ты придумала? — банкир уже изнывал от любопытства, пытаясь по репликам супруги догадаться о целом ходе диалога.

— Нашему мальчику найдут жену. И самую лучшую.

— Будем надеяться, что она оправдает вложенные средства, — усмехнулся банкир, чокаясь своей чашкой о подставленную Маргаритой Павловной.

2

Читаю и смеюсь:

Строки обмана.

Начальник дал бумагу подписать.

— ... И в заключение нашего выпуска новостей — репортаж об одном из самых в настоящее время интригующих телепроектов. С места событий сообщает наш специальный корреспондент.... Михаил?

— Да?.. Здравствуйте... Сегодня сюда, к телецентру, в три часа дня, был вызван наряд блюстителей порядка. Причиной вызова стал скандал, который учинила расстроенная конкурсантка, не прошедшая отбор в первом туре на проект «Десять Золушек». Девушка по имени, э-э-м, Ираида заявила, что её права дискриминированы членами жюри, которые отказали ей в участии в связи со специфической работой жрицы любви. В данный момент несколько таких обладательниц древнейшей профессии устроили пикет у здания кинокомпании, где заканчивается первый отборочный тур. Требование жриц любви — допускать к конкурсу всех девушек, независимо от места их последней работы... Почему вы против этого решения жюри? — Михаил повернулся к толпе, вместе с ним изображение сместилось левее.

— Потому что мы считаем, что тоже можем стать достойными Золушками, — наперебой хором заговорили девушки, — из нас тоже могут получиться хорошие жёны и матери. Почему Джулия Робертс смогла, а мы нет? Мы, что, хуже?

— ...Вот такая ситуация... Мария? — корреспондент вопросительно притронулся к

наушнику.

— Михаил, скажите, а как члены жюри отреагировали на подобную реакцию Ираиды?

— ...Напоминаю, что продюсером проекта стал сам Константин Стрэн. Он лично контролирует отбор девушек. По его словам, все Золушки должны иметь хорошую репутацию, не иметь вредных привычек, быть, как говорится, красавицами, спортсменками и настоящими комсомолками. Нам было достаточно твёрдо сказано, что, поскольку Золушки станут, возможно, невестами известных людей, являющихся визитными карточками России, то для данного проекта представляется совершенно недопустимым участие жриц любви. «Телезритель должен остаться довольным!» — сказал сам Константин. Он намекнул также, что ожидается немало сюрпризов и неожиданностей даже для самих участников. Первоначально будут выбраны десять претенденток, но сколько их останется в финале — не известно: так далеко организаторы проекта пока не загадывают. Одно можно сказать с уверенностью: каждая счастливица, попавшая на этот проект, получит своеобразный карт-бланш от судьбы. Это не только известность, как минимум, на всю страну, но и возможность найти себе достойного жениха. Правда, для этого Золушкам сначала придется подписать контракт практически «вслепую», надеясь на добропорядочность организаторов. Как сказал сам Константин Стрэн, в этом контракте есть пункт, заранее оговаривающий согласие со всеми действиями проекта, что позволит в будущем избежать судебных тяжб и тому подобное. Это звучит, по меньшей мере, загадочно. Однако, в обмен на слепое доверие, девушек ждут хорошие подарки и поощрения. Проект, по слухам, хорошо финансируется влиятельными лицами нашей страны. Имена Принцев пока остаются в секрете, как и многое в этом широкомасштабном проекте. Единственную фамилию, которые мы можем пока озвучить, это Карина Собак, которая станет ведущей, поскольку у нее уже имеется опыт в подобных проектах... Мария?

— Михаил, спасибо. Это был наш специальный корреспондент Михаил Бойко. На этом наш выпуск завершён. Впереди вас ждут новости спорта и погоды. Ну а мы с вами прощаемся до восемнадцати ноль-ноль. Смотрите, как будут развиваться события далее. До встречи на Первом...

3

Немеют пальцы:

Я украл, но не стыжусь.

Бегу, как лань от зверя.

Последний раз Приезжая была в Москве лет десять назад, на учебной экскурсии, вместе с двумя десятками ребят со школы. Тогда школьники из далекого алтайского края передвигались на автобусе — и что они могли узнать о метро и, вообще, о реальном движении в этом огромном муравейнике?

Проплутав больше получаса в подземных переходах площади Трех Вокзалов, Приезжая сначала попыталась самостоятельно разобраться в схеме передвижения, найти станцию с названием нужного места, — и не осилила разноцветную «паутину». Тогда обратилась было к нескольким прохожим, — а те, как назло, все оказались мы-сами-нездешними.

Отчаявшись, она вышла на свет божий из подземки, решив взять такси, сколько бы оно ни стоило. Тем более что в метро на Нее с подозрением косились милиционеры, «просвечивая» глазами тяжелые на взгляд сумки и оценивая эффектный вид девушки. «Смотри, еще одна бабочка прилетела!» — один из милиционеров толкнул в бок рядом стоящего коллегу, озвучив мысль других своих собратьев, выделивших Приезжую в хаотично

движущейся толпе: бросался в глаза яркий стильный макияж, какой обычно наносят танцовщицы ночных клубов, и длинный хвост из мелких африканских косичек.

На поверхности Она также не осталась без внимания:

— Девушка, такси надо? — привокзальный пожилой таксист сразу увидел нерешительно озирающуюся по сторонам девушку, тут же подскочил и вопросительно протянул руки к сумкам, впрочем, показывая приличие и не прикасаясь к вещам.

— А сколько возьмёте до телецентра Останкино? — полезла в сумку на плече.

— Договоримся. Давайте ваши сумки, потом заплатите. Не трясите здесь вашими деньгами, — таксист улыбнулся, давая понять, что такие советы он даёт не каждому своему клиенту.

— Я знаю, куда я приехала... — девушка открыла маленькую сумку, вытащила длинный кошелек и стала оценивать его содержимое.

Должно быть, нежелание следовать разумным советам наказывается кем-то на небесах, потому что в следующую секунду кошелек выхватил какой-то мальчишка и исчез в подземном переходе.

— Ой, посторожите! — только успела выдохнуть Приезжая и побежала за воров. Но, пробежав немного, остановилась и с такой же скоростью помчалась назад, к сумкам.

— Догнали? — таксист невозмутимо стоял, не выпуская из рук две сумки гостыи-растяпы.

— Вот козёл!

— Это не козёл, это Москва. Добро пожаловать в столицу нашей общей родины, — словно ничего не произошло, мужик неторопливо пошел к гусенице из такси. — Все деньги украли?

— Нет, половину. У меня, слава богу, не все в кошельке было, — девушка послушно пошла за таксистом, уже более внимательно поглядывая на свои движущиеся сумки. Но седовласый мужчина с «авторитетным» брюшком нес их, вышагивая так размеренно, что приезжая успокоилась. Вспомнив о чём-то, она погладила немного выпирающий живот:

— Прости, Вася. Ты ведь предупреждал.

Мужичок покосился:

— Ребёночка ждёте?

— Что-то вроде.

— Разрешите дать ещё совет.

— Давайте.

— Надо всегда торговаться. Тем более что таким прекрасным глазам невозможно было бы отказать.

— Спасибо, учту, — девушка не улыбнулась на пошлый комплимент.

Они приблизились к стоянке такси. Мужчина остановился на мгновение:

— Идите вон к тому «Гольфу», номер на восемь-три. С ним договоритесь подешевле, скажите только, что дядя Лёша пообещал... Эй! Петрыч! — мужчина свистнул, — хватит отдыхать! Вишь, девушка опаздывает!

— Спасибо за помощь. А сами вы не едете? — Приезжая удивлённо взглянула на таксиста.

Мужчина заулыбался ещё шире:

— Я жду своего клиента... У меня, кстати, тоже Вася есть, внучок. Полгодика. Такой бандит: то обслуянит, то деду штаны обмочит!

— Ну, мой Вася поспокойней, я думаю, — девушка с косичками улыбнулась.

Дядя Лёша поставил рядом с «дешёвым» такси сумки. Готовый к труду и обороне Петрыч уже открывал багажник.

— Счастливого пути! — доброжелательный проводник подмигнул приезжей.

Когда она отвернулась, Дядя Лёша указал Петрычу на свой живот, поднял палец вверх, предупреждая, и бодро зашагал в сторону буквы «М».

— Садись, красавица! Куда едем? — Петрыч распахнул перед девушкой дверцу.

— К телецентру Останкино. Только дядя Лёша сказал, что вы уступите в цене, — девушка вопросительно взглянула на шофера, словно не решаясь сесть, — а то у меня половину денег уже успели украсть.

— Садитесь, договоримся. Если этот старый лис пообещал... Главное, что вторая половина цела.

— А у вас тут все с чувством юмора? — Приезжая с облегчением откинулась на спинку.

— В Москве, девушка, ни к чему нельзя серьезно относиться. Особенно к деньгам. Они то есть, то их нет. Каждый день такая хохма.

Такси наконец тронулось с места.

4

Книга перемен.

Пророчат мне тревоги,

Звеня, монеты...

— Значит, приехали покорять Москву? — полунасмешливо спросил водитель, бросив быстрый взгляд на пассажирку, распустившую свой хвост и теперь на ощупь пытавшуюся разделить поровну многочисленные косички.

— Вот еще, — Приезжая фыркнула, — больно надо: тут и без меня звезд хватает.

— Зачем же тогда? — неожиданно отрицательный ответ удивил водителя, улучив момент, на светофоре, он более внимательно взглянул на девушку.

— Учиться.

— Ну а я про что?

— Учиться, а потом уехать, — один смысл, а приехать, чтобы покорить и остаться, — другой.

— Да-а, — все, что смог выдавить из себя озадаченный логикой Петрыч.

Девушка соорудила на макушке два игривых хвоста, покрутилась, пытаясь увидеть отражение в боковом зеркале, потом приподнялась, чтобы заглянуть в зеркало водителя. Не сумев увидеть своего отражения, расстегнула верхнюю легкую куртку, и под ней обнаружилось то, что сентиментальный дядя Лёша принял за животик с будущим «Васей», — небольшую, ручной работы, расшитую бисером сумку на поясе. Водитель покосился:

— Дельно придумано! А мне намекнули, будто вы в положении.

— Я не просто в положении, я в очень трудном положении, — рассмеялась Приезжая, раздобыв из глубины своей необычной сумки зеркальце и рассматривая свой изменившийся образ, — если я опоздаю, то «аминь» всей моей поездке. Через полтора часа я должна быть у телецентра.

— Главное, чтобы мы в пробку не попали, остальное я гарантирую — не опоздаем. Если не секрет, сколько всего косичек, долго заплетали?

— Больше двухсот... Да, что-то я сегодня перестаралась... — девушка поправила тушь в

углах глаз, — и переделывать поздно... Вот что значит краситься впотьмах.

Она вздохнула с досадой, убрала зеркальце и опять полезла в свою сумку, достала небольшого размера книжечку, опять-таки в бисерной обложке и прижала ее к груди:

— Пожалуйста, назовите любое число, от одного до ста.

Таксист усмехнулся:

— Любое? Пусть будет семь.

Девушка что-то полистала в книжечке, пробежалась глазами по странице и вздохнула с огорчением:

— Черт знает что, опять я что-нибудь напутаю.

— Это что такое? — такси въехало на оживленную магистраль, и водитель уже больше почти не косился на забавную пассажирку, только продолжал улыбаться, — книга с предсказаниями?

— Ну да, личный консультант. Японские хокку, танки... — девушка продолжала наводить «ревизию»: вытащила-засунула обратно по очереди все, что было в сумочке. Какой-то конверт с ярким проспектом внутри, еще одну записную книжку, кошелек, ключи, коробку с дисками, и, кажется, успокоилась: все было на месте.

— Танки — это хорошо. Душновато в нем, а так — ничего, служить можно... Погадайте и мне на удачу, — водитель с опять возникшей на лице усмешкой покосился на пассажирку.

— Вообще-то я не знаю, как другим, — можно ли?

— А что так?

— Это подарок моего друга. Он писал стихи специально для меня...

— Да ладно! Из любопытства-то разрешается... — нерешительный отказ только раззадорил таксиста. Он был уже в предвкушении от рассказа своим коллегам о забавной клиентке и, в особенности, сентиментальному дяде Леше.

— Попробуем, только сначала задумайте вопрос, а потом скажите число, — пассажирка, уморительно серьезная в своем ожидании, повернулась к водителю.

— Загадал. Шестьдесят шесть... Ну, что там?

— «Три человека.

Лишний должен уйти -

Женщине решать».

— И что это значит? — хмыкнул таксист.

— Я не знаю, вам виднее. У кого есть...любовник. Или любовница.

Девушка, кажется, окончательно закрыла на замок расшитую бисером сумку, застегнула на замок куртку и теперь рассеянно всматривалась в окно. Плывшая за окном Москва и все ее слои: уличное движение, архитектура, цветные пятна людей — все это было, конечно, интересно, но не «вау!» после усыпляющего покачивания поезда. Да и ночь была тяжелой: снились танцы на сцене перед строгой комиссией, причем постоянно выходили какие-то заминки: то диск с музыкой переставал работать, то Она сама забывала движения. Одним словом, полная чушь, от которой просыпаешься несколько раз за ночь, и мысли от «увиденного» неприятно томят душу.

— Так как насчет еще раз погадать? — таксист повторил вопрос, и в голосе слышалось скрытое смущение.

— Что? — пассажирка словно очнулась, — еще раз?.. А что вы хотели узнать?

— Имя, что ли, — водитель криво улыбнулся, — так, для интереса.

— Цифру говорите, — девушка терпеливо полезла за книжкой, — только я просто

первую букву скажу... А вообще, не берите в голову.

— Двадцать четыре.

— ...Так... первое слово «серый». Значит, буква «С».

— Надо же! — водитель воскликнул каким-то своим мыслям.

— Мы еще долго будем ехать? — девушка даже не поинтересовалась причиной возгласа водителя, вытащила из сумочки цветной проспект, пробежала его глазами, беззвучно шевеля губами и кивая головой в такт мыслей.

— Подъезжаем, во-о-он ваш телецентр.

Таксист достал из багажника сумки, отсчитал сдачу, рассеянно улыбнулся девушке, пожелал удачи и сел за руль. Когда Приезжая была уже далеко, и мотор мог заглушить слова от прохожих, таксист разжал стиснутые зубы:

— Щас я домой приеду, и мы посмотрим, кому из нас кажется... Коза! Ведь чувствовал же, а «эта» все: «Тебе кажется, тебе кажется...» Ну, Серега, держись, к бабке не ходи!

Такси рвануло с места, оставив на асфальте две черные отметины.

5

Плющ через стену

Учит меня побеждать:

Терпение — Бог.

Она никогда здесь не была, и поэтому несколько улегшаяся паника после знакомства с московским метро воскресла: пространство перед телецентром наводнил хаос бесформенных людских толп вперемишку с огромным количеством машин. Одно успокаивало — была, в основном, одна молодежь, а значит, здесь действительно проходили кастинги на телепроекты.

Кое-где Она увидела операторов с камерами и рядом, очевидно, корреспондентов. Собравшись с духом, Приезжая нырнула в это море, непрерывно гудящее, бормочущее, поющее и иногда выкрикивающее не разбираемые фразы. Она пыталась прислушаться к разговорам: говорили про разные телевизионные программы, звучали имена знаменитостей — и все было не о том, что было нужно Ей.

Наконец, девушка увидела «островок», где звучала музыка. Двое парней танцевали брейк-данс под аккомпанемент длинного пузатого магнитофона, а вокруг собралась, судя по выкрикам, толпа единомышленников. Никто из зрителей не гудел скептически, все поддерживали танцоров.

— Привет! Скажите, здесь собираются на кастинг «Танцуй, пока танцуется»? — она обратилась к одной из стоявших тут девушке.

— Привет. Да, уже начали регистрировать. Вон, тетка стоит, номера раздает. А начало будет только через часа два: еще не все жюри приехало, — собеседница мельком бросила взгляд на спрашивающую и дальше отвечала, уже не поворачивая головы.

— Вы не знаете, Салма Пухова тоже будет в жюри?

— Вроде, как да. Хотя, на самом деле, никто ничего не знает, — собеседница стала продвигаться ближе к танцующим.

Приезжая осмотрелась, увидела женщину, раздающую номера, и направилась к ней.

— Руку давай, номер напишу, — женщина рисовала маркером цифры на запястье рядом стоящего парня.

— Скажите, вы не знаете, Салма Пухова будет в жюри? — девушка повторила вопрос, пока тетка рисовала на ее руке цифры.

— Не знаю, через полтора часа начнется кастинг, спроси у тех, кто пойдет первым. Следующий!

— А где будет проходить кастинг?

— Девушка, не отвлекайте. Ну вот, сбилась с номером. У вас какой был?

— Сейчас... — она засучила снова рукав, — триста сорок пять.

— Так, триста сорок шесть... — пробормотала тетка, рисуя на следующей протянутой руке номер. — Собирайтесь здесь, возле пропускного пункта.

— Спасибо.

Ждать в бездействии целых девяносто минут — это было выше Ее сил. Сейчас, находясь в лихорадочном возбуждении, она согласилась бы даже подметать всю территорию перед заветной дверью в здание. Приезжая вдруг вспомнила, что совершенно ничего сегодня не ела, да и плотностью вчерашней еды можно было не хвастаться — вовсе не из-за экономии, но исключительно от волнения, в горло лез только чай и какая-то мелочь напоподобие яблок. Она пошла к Останкинскому пруду с твердым намерением уничтожить сдобную булку, начиненную повидлом, но целиком скормила ее уморительным уткам, приплывшим на подачку даже с другого берега. Итак, булка была уничтожена птицами, а время — убито лишь наполовину. Посидев еще немного на скамейке в окружении наглых голубей и воробьев — девушка выгребла все крошки, а птицы продолжали ее преследовать, — так она чуть было не решилась отдать и пирожки, купленные на всякий случай.

За прудом виднелось какое-то здание, похожее на старинную усадьбу, и церквушка с будто натертыми маслом куполами. Приезжая подумала о том, что было бы неплохо заглянуть туда, пока есть время, но отказалась от идеи, представив себе упреки церковных служек по поводу Ее внешнего вида и, в частности, яркого макияжа, сделанного по привычке, — как перед выступлением.

Она прикрыла глаза, в стремлении прочитать про себя молитву-просьбу простить Ее, находящуюся рядом с храмом, но отказавшуюся зайти внутрь, приложиться к иконам. Состояние медитации прервал какой-то проходящий мимо мужчина лет сорока, пожелавший познакомиться с «привлекательной дамой». Приезжая сослалась на отсутствие свободного времени и покинула разочарованного незнакомца, — вернулась к телецентру.

К этому времени хаос участников танцевального кастинга превратился в более упорядоченную толстую и длинную очередь. Очередь оживленно жужжала, обсуждая возможные варианты заданий от жюри. Еще через десять минут из телецентра вышли организаторы кастинга и стали прохаживаться вдоль толпы, желая всем удачи и раздавая бесплатные советы. А через четверть часа очередь дрогнула и зааплодировала: первая десятка везунчиков влилась в здание. Потянулись бесконечные минуты ожидания. Каждому выбегавшему с криком: «Ура! Я прошел!» — аплодировали, а тех, кому не повезло, обнимали, утешая, даже незнакомые.

— Не переживай ты так, тебя только за твои косички возьмут, — кто-то сказал рядом.

— Спасибо, — она только вздохнула. — Почему же Салмы Пуховой нет? Почему она еще не приехала?

— Может, еще приедет? Хотя, главная все равно не она, — объяснила та же собеседница.

— Я этого и боюсь, — опять вздохнула Приезжая.

— Те, кто прошел, говорили же, что там всем этот балерон крутит.

— Какой «балерон»? — по вопросу было видно, что обладательница двухсот косичек

совсем не разбирается в тонких интригах шоу-бизнеса.

— Николай Цискарев.

— Понятно...

Был уже четвертый час, когда, наконец, подошла и ее очередь. Солнце жарило, да и в толпе витал такой горячий воздух, что кое-кому понадобилась скорая помощь. Двоих девушек, не выдержавших проверку высокой температурой, увезла карета скорой помощи. Приезжая, из каких-то внутренних побуждений, каждый раз, оставляя свои сумки под присмотр все той же словоохотливой собеседницы-блондиночки, уходила на вой подъезжавшей кареты скорой помощи, но возвращалась, занимая свой квадрат в очереди: «Все нормально. Хорошо, что рядом были знакомые...»

— Ой, как здесь хорошо, прохладно... — выдохнула соперница по кастингу, когда десятка вместе с приезжей зашла в заветное фойе. — Я здесь была полгода назад. Тут туалет есть на первом этаже, можно потом зайти, умыться холодной водой. Во-он там... Давай держаться вместе?

— Давай. Тебя как зовут? — улыбнулась приветливо наша Приезжая.

— Марина, я из Питера.

— Здорово! Тебе ближе, чем мне: я из-под Барнаула приехала. Ольга, — Приезжая охотно позволила Марине из Питера взять одну из своих сумок, — спасибо, возьми эту полегче. В той, тяжелой, у меня костюмы.

— А я все думаю, почему у тебя столько вещей...

Их десятка конкурсантов подошла к заветной двери, и Ольга спохватилась:

— Послушайте, костюм можно надеть, если есть? — она обратилась к парню, который вел колонну.

— На переодевания нет времени. На второй тур придешь — пожалуйста.

— Зря ты мучилась, везла костюмы, — кивнула Марина.

— Зря, — в очередной раз вздохнула Ольга, — жаль, конечно, что нет времени. Я не думала, что все так спонтанно будет.

— Заходите! — скомандовал провожатый.

6

Не сходится пасьянс

Под тенью томной вишни.

Пора опадать листьям.

— Ребята, вы все молодцы, — заключительное слово взял тот самый артист-«балерон», о котором говорили в очереди. — Вы должны понимать, что вы не первые сюда пришли и удивить нас достаточно сложно. Поэтому тех, кому мы скажем «нет», просим не переживать сильно. Почти в половине случаев вас подводит волнение и недостаточная подготовленность. Вот например, э-э-э, Петр, Карэн, Аленка, и, э-э-э, да, Анна, правильно. Ваши движения слишком резкие, я бы посоветовал больше доверяться ритму танца. Танец — это целая хорошая история, и я увидел эту историю не у всех. Может быть, кого-то из вас подвел выбор музыкальной композиции... В целом, жюри приняло решение дать пропуск на второй тур следующим участникам (один из членов жюри, лысый молодой человек, нетерпеливо крутившийся в кресле, энергично встал и поднялся на сцену для вручения): Иван, возьмите свой билет, Марина, Вовчик, вам тоже, и Лина. Ждем вас во втором туре... Да, вам, Оля и Шура, я не даю проспекта, потому что, считаю, вам у нас делать нечего. У вас есть свой стиль, поэтому сложно будет вас переучить. А нам нужен, так сказать, мягкий

материал. Остальным тоже большое спасибо и до свидания, продолжайте совершенствоваться.

Балерон говорил, не обращая внимания на переглядывания находящихся рядом с собой других членов жюри и, в особенности, на известную актрису, все порывавшуюся отобрать микрофоны, которыми единолично завладел. Закончив свою речь, Балерон улыбнулся стоящим на сцене и, не стирая улыбку с лица, повернулся к коллегам, все так же пряча два микрофона, словно бы по рассеянности, у себя на коленях, под столом.

Получившие билет, подпрыгивая от радости и выкрикивая слова благодарности, направились к выходу первыми. Ольга дрожащими руками застегнула снятую на время набедренную сумку, взяла остальной багаж и последовала, все еще не веря в поражение, за остальными. Но, находясь уже возле двери, остановилась, поставила вещи на пол и вернулась к столику жюри.

— Девушка, выходите, придете в следующий раз, — парень, приведший участников, сразу метнулся к Ольге, опасаясь истерии не прошедшей тур участницы.

— Я только спрошу и сразу уйду, — дрожащим голосом сказала Приезжая, вытаскивая из кармана небольшой цветной прямоугольник-визитку.

— Вы что-то хотели узнать? — сухо спросил управлявший кастингом Балерон, уже не так добродушно, как раньше, глядя на девушку.

— Да. Месяца три назад у нас в городе выступала группа «Кордес». Мы, наша группа, ну, с танцевальных курсов, участвовали «на разогреве». А после выступления Салма Пухова дала мне свою визитку и пригласила сюда на кастинг...

Сидевшая рядом с Балероном женщина-актриса, успевшая-таки отвоевать себе один микрофон, на словах Приезжей откинулась на спинку своего стула и посмотрела с победным видом на сидящих за одним столом:

— А я что вам говорила?

— И что вы хотите от нас? — хмыкнул Балерон. — Я, лично, вам ничего не обещал. Девушка, езжайте домой, тренируйтесь еще, попробуйте другие танцевальные жанры.

— Подождите, Николай, — женщина прикоснулась к руке Балерона. — Девушка, Оля (?), Салма Пухова действительно присоединится к кастингу, но только во втором туре. Я думаю, она хотела дать вам шанс показать себя. Если у вас остались какие-то вопросы, мне кажется, вам лучше съездить к ней в студию и поговорить лично. Поскольку это ее проект, я думаю, ее решение будет конечным, — актриса метнула в Балерона угрожающий взгляд.

— А здесь вы себя уже показали, — не удержался Балерон, не реагируя на вызов, — и я вам скажу, танцуете вы, на самом деле...посредственно! Приходите на следующий год. Уходите, не задерживайте других.

— Николай! Что это за самодурство?! — последнее, что услышала Ольга, выходя в коридор.

Сдерживая слезы, девушка послушно шла за провожатым парнем, который ее дождался и теперь слегка прикасался время от времени к сумкам и спине, как бы подгоняя.

— Со мной все в порядке, — еле выдавила из себя провожатому Ольга, уже оказавшись в фойе и посторонившись. — Я только в туалет зайду и сразу выйду.

Она свернула туда, куда минут тридцать назад показывала Марина, к туалету; тихим голосом попросила сидевшую за столом дежурную уборщицу присмотреть за сумками. Зашла в кабинку, закрылась и разрыдалась в ладони. Через минуту кто-то постучал в дверцу:

— С вами все в порядке?

— Да. Я сейчас выйду, — не в силах окончательно остановиться, Ольга вздрагивала от приступов рыданий.

Когда она подошла к умывальнику и взглянула на себя в зеркало, опять расплакалась: тушь растеклась по всему лицу. Продолжая всхлипывать, Приезжая энергично намылила лицо жидким мылом и смыла злополучную «боевую раскраску», ставшую главной причиной возмущения вдруг заупрямившегося Балерона, предположившего, что девушка с яркой внешностью, возможно, имеет опыт неприличных выступлений в ночных клубах. Напившись холодной воды с ужасным акцентом хлорки, Ольга несколько успокоилась.

Уборщица сочувственно подтолкнула оставленные сумки к хозяйке:

— Целый день сегодня на слезы смотрю. Иди себе с Богом и не переживай.

— Спасибо, — девушка скорбно кивнула и пошла к выходу. Оказавшись у двери, остановилась, пропуская новую партию конкурсантов. Она не знала, что за то время, пока она проплакала в туалете, жюри уговорило строптивного Цискарева пропустить ее во второй тур. Вступившаяся за Ольгу актриса Анисимова решила заодно размять ноги и пошла отдать пригласительный. Но, когда добросердечная женщина спустилась вниз, к толпе все еще ждущих своей участи и другим, все еще ликующим, последним избранным, раздающим мудрые советы, как себя вести с жюри, — в эту минуту Ольга была далеко. Стоявшие ближе к входу очередники подтвердили, что девушка, которую ищет Анисимова, ушла.

7

Муравейник — муравьям:

Сотни дверей.

Смотри, не ошибись.

«Боже, как стыдно!» — Ольга миновала быстрым шагом площадку между телецентром и КПП, проскользнула через пропускной домик на улицу, прокручивая в голове одну и ту же мысль. В тот момент разочарованное сердце проигравшей провинциалки настоятельно потребовало одного — успокоиться в той самой церквушке с блестящими куполами, а нарастающий гул в голове больше ничего целесообразнее и не мог предложить. Приезжая пошла вдоль очереди, на все вопросы отрицательно качая хвостами из косичек.

Впереди, метрах в двадцати, ближе к пруду, узкий проход был почти перекрыт белым автобусом, огромным, двухъярусным. Возле него стояла другая толпа, которую, в этот раз, составляла не одна молодежь. Девушки: блондинки, брюнетки, шатенки — все разные, но одинаково симпатичные и стройные, прощались с родственниками и подругами (в глаза бросалось так же то, что присутствующие молодые парни были явно не «вторыми половинками» девушек, настолько целомудренным было их прощание с красавицами). Мамочки своих дочерей обнимали, целовали, вытирали следы помады на щеках, заботливо осматривали одежду. А отцы и братья, бывшие в меньшинстве, негромко обсуждали возможности автобуса, заслужившего такой сладкой, как его пассажирки, начинки... Среди разрозненных групп то тут, то там, как тонущий среди волн, всплывали два деловитых оператора с камерами.

Последние напутственные слова, пожелания, кое-где цветы и почти украдкой шоколадные плитки, кочующие из рук родственников в элегантные модные сумочки отъезжающих.

— Девушки! Все, кто еще не зашел в автобус, поторопитесь! Зайдите, пожалуйста, у нас перекличка! — на ступеньках размахивала планшеткой с бумажными листами сорокалетняя дамочка, вполне миловидная блондинка.

«Как им хорошо и как мне плохо!» — подумала Ольга, и толпа стала нечеткой от пелены на глазах. Коридор из людей был достаточно узким, чтобы пройти через суetyщихся людей, не задев кого бы то ни было сумками, и Приезжая решила постоять у припаркованных автомобилей, дожидаясь отъезда красавца автобуса; тем более, что закружилась голова, видимо, от пережитых волнений и элементарной нехватки глюкозы. «Надо было есть булку, а не выпендриваться перед утками!» — самой себе адресовала Приезжая претензию.

— Девочки, быстрее, быстрее, — слышался где-то голос блондинки, — я буду называть имена, а вы откликайтесь.

У дверей автобуса столпились любопытные родственники отъезжающих красавиц, они слушали, как, стоя рядом с водителем, блондинка выкрикивала фамилии и имена по списку. Многие из родственников здесь одобрительно поддакивали, услышав знакомое имя, и уходили. Автобус зарычал, готовясь отъехать...

— Все, быстро собралась! — приказала себе Ольга. — Нужно что-нибудь срочно съесть.

Она с трудом, медленно, нагнулась к сумкам — и в ушах знакомо зашумело, картинка вокруг поплыла, но приезжая подняла сумки, которые теперь казались невероятно тяжелыми. Толпа заметно поредела, и оставшиеся в меньшинстве родственники уже просто махали руками в сторону автобусных окон. На очистившемся горизонте стали видны скамейки, и Ольга взяла на них курс, как тяжело нагруженный корабль.

— Девочки, среди вас есть Ольга Красильникова? — блондинка махнула рукой водителю, и тот выключил мотор, — нет? Значит, нет одного человека. Девушки, кто-нибудь что-нибудь знает? Мы и так уже опаздываем. Может, у кого-нибудь есть телефон Красильниковой?

Приезжая была рядом с автобусом, как опять пред глазами появился рой черных точек, — она остановилась и закрыла глаза.

Блондинка заметила ее:

— Девушка, вы — Оля?

Ольга нашла в себе силы только кивнуть.

— Так идите же быстрее, мы вас ждем. Разве можно так опаздывать?

В ответ девушка только непонимающе покачала головой, хотела спросить: «А куда мы опаздываем?» — и потеряла сознание...

...Кто-то лил ей воду на лицо и тормошил воротник легкой курточки:

— Все-все, она приходит в себя: видно, перегрелась на солнце. Сегодня скорая сюда к телецентру два раза приезжала. Как вы себя чувствуете, Оля?

— Нормально, — приезжая тяжело подняла веки. Она находилась на первом сиденье со спинкой, слегка откинутой назад, в автобусе, который уже ехал куда-то (за окном двигались здания). — А куда мы едем?

— Точно перегрелась... — засмеялось несколько девушек, не садившихся от любопытства, а стоявших рядом, в проходе.

— Ты себя хорошо чувствуешь? — спросил еще кто-то.

— Все в порядке, спасибо. Я просто плохо ночью спала...

Ольга попыталась повернуть голову, чтобы осмотреться сквозь пелену. Одна девушка, из стоявших за спиной главной блондинки, смутно была похожа на Марину с танцевального кастинга, — и приезжая успокоилась.

— Девочки, все нормально, рассаживайтесь, — руководитель дала команду, — через

два часа мы будем на месте, решим некоторые вопросы, потом легкий ужин, а дальше можете отдыхать, высыпаться перед завтрашним днем.

Несколько человек неодобрительно загудело, и последовал ответный смех.

— Привыкайте, девушки, к тяжелой звездной жизни. Никаких снов до двенадцати.

— Простите, а как вас зовут? — Ольга взяла положенную кем-то ей на колени курточку, чтобы вытереть ею мокрое лицо и грудь: сумки с предметами первой необходимости рядом не оказалось.

— Вера Александровна. Можно просто — Вера. Оля, вы такая бледная, поспите немного — пока приедем, может, полегчает. Кстати, не беспокойтесь о сумках, они в багажном отделении.

— Спасибо, — пробормотала жертва обстоятельств, усаживаясь поудобней и подкладывая под голову свернутую сухой стороной наружу куртку, — ничего не понимаю. Приду в себя — потом разберусь.

8

Трясу я бубном,

Хочу остановить луну -

И бесполезно.

— Девочки! Мы приехали, — бодрая и жизнерадостная Вера поднялась с места. — Оленька, как вы себя чувствуете?

— Спасибо, еще не поняла, — Ольге пришлось выйти первой из автобуса, потому что сидела она сразу у входа.

Из-за часа прерывистого сна стало не лучше, а даже хуже. Ольга покрутила головой, чтобы осмотреться, но от резкого движения опять все поплыло: и бесконечный высокий кирпичный забор, и зеленеющие за открытыми большими воротами деревья, и охранник в камуфляже у ворот... Хорошо, что в дорогу предусмотрительно была взята с собой небольшая аптечка. Пока выходили остальные девушки, а водитель помогал достать сумки из багажного отделения, Ольга спросила у Веры, где можно взять воду, чтобы запить лекарство. Вера тут же, словно по волшебству, принесла стакан воды из домика охранников.

— Вера, вы волшебница! — вежливо улыбнулась Ольга перед тем, как осушить стакан.

— Здесь столько золушек, значит, должна быть и фея, — пошутила Вера.

Приезжая поперхнулась водой и закашлялась, но предпочла не осмысливать сказанное: в конце концов, каждый имеет право на собственный юмор:

— Ну да. Спасибо за воду.

Автобус опустел, все пассажирки разобрали свои вещи и последовали за Верой. Ольга стояла к воротам ближе всех, но пропустила девушек, чтобы иметь возможность их рассмотреть. Некоторые улыбались ей и спрашивали, как она себя чувствует. Возникшее в автобусе неприятное чувство чего-то странного, происходящего вокруг, не просто крепло с каждой секундой. Ни одна из идущих впереди не была знакома, хотя там, в очереди на кастинг, времени было предостаточно, чтобы рассмотреть многих.

— Господи, куда же я попала? — пробормотала себе под нос Приезжая, обреченно идя за последней, часто останавливающейся молчаливой девушкой.

...Дом был замечательным. Еще лет десять назад архитекторам и дизайнерам не пришло бы в голову смешивать несколько направлений, а сегодня все, что бросалось в глаза и кричало о роскоши, казалось модным и приемлемым. Дом шокировал и поражал красотой. Вошедшие тут же задрали головы, чтобы полюбоваться огромной люстрой, свисавшей с

потолка и преодолевавшей расстояние двух верхних этажей. Атриум белых и золотистых оттенков ослеплял. И все же, несмотря на роскошь балюстрад, ослепительной люстры и жившей в фойе мебели, ощущался необъяснимый хаос. Многие вещи, чувствовалось, находились не на своих местах. А подойдя к задвинутому в угол стеклянному столику, Ольга даже поразилась гостеприимству: стеклянная поверхность была покрыта слоем пыли.

— Странный дом. Кажется, здесь никого не ждали, — вполголоса заметила Ольга, вяло улыбнувшись девушке с красивыми русыми локонами.

— Почему? — та удивилась, подняв брови над миндалевидными глазами.

— Ну, как-то не прибрано, что ли, — пожала плечами Ольга.

— А я даже не обратила внимания, — блондинка закрутила головой.

Вера попросила девушек оставить все сумки в фойе и повела дальше, к конечному пункту назначения. Это была парадная столовая, главным украшением которой являлся длинный сделанный из дерева и блестящий от лака стол. Однако, не вокруг него, а рядом с ним полукругом, в три ряда, стояли стулья с нежно-розовой обивкой.

Здесь было опрятней и торжественней: цветы в вазах выглядели свежими, кондиционеры — включенными заранее, и никакой пыли. Контраст температуры воздуха на улице и в помещении был разительным, кое-кто поежился и набросил на плечи прихваченную кофточку.

Вера пригласила девушек присесть. Всё словно было готово к съемкам телесериала про богатых и знаменитых: эту мысль подтверждали включенные два софита, а рядом с дверью стоял оператор лет тридцати пяти: он начал снимать сразу, как только девушки вошли, и постоянно поворачивал камеру — было件нятно, что переводил объектив с одного человека на другого. Оператор показался Ольге знакомым, и она долго копалась в памяти, где могла видеть, пока не вспомнила площадку у автобуса и провожающих.

Как-то только девушки расселись и осмотрелись, появилась эпатажная ведущая Карина Собак. Сегодня на ней было старинное платье, голову украшала невероятная конструкция из волос — кудри вперемишку с мелкими цветами. Все девушки, кроме Ольги (она с растущим ужасом продолжала думать о последствиях сложившейся для нее путаницы), дружно зааплодировали. Ведущая показала в улыбке зубы и сначала обратилась к оператору:

— Виктор, вы можете пока нас не снимать. Кстати, а где второй оператор, его нет?.. Не будем его ждать. У нас сначала состоится приватный разговор со всеми, а потом останутся одни золушки, и мы отснимем знакомство, как положено, — Карина Собак обратилась к девушкам. — Девчонки, привет! Как дела? Как настроение?

— Отлично! Супер! — послышалось, но Ольга заметила, что ответ в радостном возбуждении дали не все: у кого-то он получился более сдержанным.

— Послушайте информацию, — Карина уселась на небольшой диванчик, такого же светло-розоватого оттенка, как и стулья. — Я хочу, чтобы ситуация была ясна всем. Вы все уже подписали контракт, в котором заранее согласились с любым решением организаторов проекта. Так?.. Отлично. Это чтобы без обид. Кто-то из вас приехал сюда в качестве участника, кто-то из вас здесь, чтобы заработать деньги, я имею в виду обслуживающий персонал.

Оператор, единственный мужчина в помещении, не смотря на просьбу ведущей не снимать, продолжал работать, наверное, проверял состояние аппаратуры. Однако ведущая, дальше говорившая без улыбки и чеканившая слова, не обращала внимания на нетерпеливого коллегу.

— Пока вы сюда ехали, мы провели жеребьевку и распределили пары. У каждой золушки будет своя помощница на неделю. В начале следующей недели, для усложнения задачи, пары будут перераспределяться заново. Задача помощниц делать все так, чтобы максимально облегчить жизнь на проекте своей золушке-на-неделю. Уважаемые помощницы! Я прошу отнестись к этому с пониманием и напоминаю вам, что в случае нарушения любого пункта контракта вы так же покидаете наш проект. Зарплата у вас неплохая, поэтому я надеюсь на вашу дисциплину. Свою копию контракта не теряйте.

«Да что ж это за галиматья?» — подумала Ольга. Ей захотелось обратиться за разъяснением к Вере, сидевшей через ряд, но та заметила движение и сделала жест, мол, потом разберемся.

— Давайте посмотрим на пары, — Собак открыла принесенную с собой папку, — я буду называть имена, а вы вставайте и запоминайте друг друга. Итак, Ольга Посмитная. Ее помощница — Светлана Малькова... — две девушки встали, немного смущаясь, посмотрели друг на друга. — Следующая пара: Ирэн Артияян и ее помощница-дублер — Ольга Красильникова... Ольга Красильникова!

Сначала поднялась с места высокая, с чувственным ртом и яркими черными глазами, брюнетка, стала озираться, но никто больше не встал. Когда несколько девушек обернулось на Ольгу, та с ужасом поняла, что это ее имеют в виду. Она медленно поднялась, краснея:

— Моя фамилия — Николаева, — настырный оператор направил камеру именно в ее сторону.

Повисла пауза.

— Странно, у меня написано Красильникова, — Карина Собак пробежала глазами лист, — наверное, опечатка. Ладно, разберемся позже... Садитесь, девушки. Так, следующие, знакомьтесь. Золушка Татьяна Маслова и ее помощница — Ника Миусова... Как-то грустно сегодня: никто не хочет аплодировать...

Под свежие аплодисменты девушка, имя которой назвали первой, присела в реверансе и послала оператору поцелуй. Все рассмеялись — лед растаял.

Ольга опять обернулась к Вере и сложила в мольбе ладони, потом показала пальцем на себя, Веру и дверь. Женщина сурово покачала головой, опять махнула рукой, приказывая сидеть. Её телефон, видимо, в ту же секунду зазвонил, потому что менеджер встала и, стараясь не привлекать к себе внимание, пошла в дальний конец огромной столовой. Ольга отвернулась и поэтому не видела, что, встав было спиной ко всем присутствовавшим, Вера обернулась, и теперь ее поднятые вверх брови выражали неподдельное изумление от услышанного по телефону. Она медленно перемещалась по периметру зала, не отрывая взгляда от Ольги, которая сидела ссутулившись так, что ее почти не было видно из-за спины впереди сидящей девушки. А оператор на мгновение приложил руку к наушнику и сразу развернул камеру в сторону странной участницы, безрезультатно пытаясь разглядеть ее, сжавшуюся в комок.

— Уважаемые золушки, — ведущая закончила знакомить пары и отложила лист, — вашей доброй феей буду я, а с помощницами будет работать наш главный менеджер проекта Вера Александровна, с которой вы уже успели познакомиться.

Вера, оказавшись позади конкурсанток, почти рядом с Ольгой, в ответ помахала рукой всем обернувшимся.

— Что ж, девочки, всех еще раз с удачно пройденным кастингом на проект «Десять Золушек»! — выкрикнула Собак под неуверенное «о-о-о».

Ольга в отчаянии прошептала: «Господи, боже ж ты мой!» — и еще плотнее обхватила руками основания хвостов из косичек, окончательно осознав все размеры своей катастрофы. Сидевшая рядом Ника Миусова услышала тихий возглас и удивленно воззрилась на соседку:

— Что, сильно болит?

Ольга только покачала головой.

— А теперь, золушки мои, — Карина Собак встала с диванчика, — давайте отснимем торжественное знакомство. Помощницы уйдут с Верой Александровной, а вы все зайдете снова в зал, как будто в первый раз. Только помогите расставить стулья...

Ведущая и часть девушек стала суетливо поправлять стулья у стола, другую половину участниц проекта, своих подопечных, Вера попросила спуститься в фойе. Ольга быстро отнесла стул к длинному столу и заторопилась к дверному проему, где стояла Вера.

— Вера Александровна, можно с вами поговорить?

— Я и дирекция тоже хотели бы с вами поговорить, Ольга Николаева, — взгляд Веры не обещал ничего хорошего, но менеджер сдержалась, перевела взгляд на других девушек и дальше произнесла, не глядя на Ольгу, полупшепотом. — Сейчас не до вас, а после ужина поговорим. И, пожалуйста, больше никаких перфомансов.

— Но я сама...

— Идите со всеми в фойе за вещами.

9

Заботы дня...

Курю кальян душистый

И проклиная труд.

Ольга чувствовала себя униженной и уничтоженной. Третий раз за сутки наказание непонятно за что: сначала в поезде украли сотовый телефон, потом — провал на кастинге и, в довершение дня, она находится непонятно где, непонятно с какими людьми, незаслуженно обвиненная в афере. Девушки со «звездного» проекта, отнесшиеся к ней в начале знакомства вполне дружелюбно, сейчас косились на нее из-за случившейся заминки при объявлении пар.

«А ведь Вася был дважды прав! — уже привычно в очередной раз за день вздохнула Ольга: — Предупредил о потере, о том, что нужно быть внимательной... И вот, пожалуйста... Какие Золушки, какие помощницы? Шарль Перро в гробу бы перевернулся, если бы узнал о таком ремейке своей истории: у Золушки — и дублерша!.. Или это я схожу с ума? Нет, однозначно, отсюда нужно срочно выбираться. Назад, на вокзал, домой — и никаких больше кастингов! Только работа и институт. Все!»

Вместо того чтобы проследовать за девушками, поднимающимися со своими вещами на второй этаж по широкой лестнице, Ольга опять стала рыться в сумках, «отыскивая» нечто. Вера заметила эту симуляцию и жестом приказала подниматься за остальными, а сама исчезла в фойе за одной из дверей. Ольга тут же подхватила свои вещи и, чувствуя слабость, знакомое легкое головокружение, бросилась к выходу. «Как только выберусь, обязательно нужен горячий сладкий чай, иначе опять где-нибудь растянусь», — решила она, бесшумно закрывая за собой изящную полустеклянную входную дверь. На улице, как и положено в середине июня, в семь часов вечера было еще светло. Так что шанс вернуться засветло назад, на вокзал, был вполне реален.

Недалеко от входа, спиной к беглянке, какой-то парень сгорбившись снимал на камеру растительность, сосредоточившись на цветке и не двигаясь. Ольга, затаив дыхание, прошла

за его спиной, но оператор был слишком увлечен. «Они тут все, кажется, немного того», — покосилась на него девушка и, оглядываясь через плечо, свернула по аллее к центральному выходу.

— У вас есть разрешение? — охранник у ворот преградил выход.

— Зачем? Чтобы выйти, еще и разрешение нужно? — Ольга сначала растерялась, а потом разозлилась, — выпустите меня, пожалуйста, мне нужно срочно вернуться в город.

— Без разрешения — исключено, — сказал, как отрезал.

— О господи! — приезжая еле сдерживалась, чтобы не нахамить, — как называется это место? Здесь держат заложников? Тогда просто выпустите — я никому ничего не скажу. Обещаю.

— Девушка, — охранник покачал головой с таким выражением на лице, будто предлагал ребенку очень вкусную конфету, а тот отказывался наотрез, — вы меня слышали? Идите к своей главной, пусть она даст вам разрешение.

Ольга поджала губы и пошла назад; дойдя до места, где аллея поворачивала, остановилась, чтобы оглядеться. Со всех сторон дом окружал парк, а где-то в глубине виднелась беседка. Девушка свернула к ней, чувствуя, что потока слез уже не остановить: в носу щипало, и предательская пелена заставила ноги спотыкаться о возникавшие пучки разросшейся травы. До беседки было уже рукой подать, как вдруг тот самый странный оператор, снимавший цветы на аллее, вынырнул, откуда ни возьмись, из-за веток, — и Ольга едва не столкнулась с ним. Невольно она вскрикнула, видя сквозь пелену расплывчатый образ оператора и тень от камеры, сердито смахнула тут же выкатившуюся предательскую слезу:

— Оставьте меня в покое!

— Ч-что я сделал? — удивился мужской голос.

Ольга мгновенно усовестилась и повернулась.

— Извините, пожалуйста! — она опустила сумки на траву, сложила умоляюще ладони. — Пожалуйста, скажите, как можно отсюда уйти? Только будьте человеком, никому не говорите и не зовите никого! Ради Бога!

— В-вообще-то, я сам здесь п-первый день, — парень смотрел на эту странную зареванную девицу, с надеждой обратившуюся к нему; выключил и опустил камеру.

У приезджей мелькнула мысль, что она сама испугала оператора так, что он стал заикаться, однако, и это не смогло заставить ее улыбнуться.

— Н-ну, я тут видел одно место у забора, т-там есть кривое дерево, и можно п-попынуться перелезть...

— Покажите, где это, пожалуйста, — Ольга вытирала глаза, и теперь образ ее собеседника стал четче, — я уже на все готова.

— Н-ну...ладно, я н-не совсем уверен, но, к-кажется, что это там, — он махнул рукой в сторону, где-то за беседкой.

— Хорошо, пойдете только быстрее, — девушка привычно, наверное, в сотый раз за день, подхватила сумки. — Извините за вопрос, это я вас напугала или вы сами по себе заикаетесь?

— Эт-то я сам. А что, п-противно слушать?

— Да нет, все нормально. Как-то даже мило.

Оператор хмыкнул:

— Я камеру т-только в беседку занесу. И п-помогу с сумками.

— Спасибо, — Ольга улыбнулась недоверчиво, — надеюсь, вы сейчас не пойдете за кем-нибудь?

— А ч-что, у вас в сумках ст-толовое серебро из дома? — парень, вроде как, и не собирался выдавать.

— Да нет же, только мои вещи, — дойдя до беседки, девушка вдруг опять остановилась и замерла, зажмурив глаза, — ой, сейчас, подождите секунду...

Оператор взял сумки из рук Ольги и покачал головой:

— Ст-транная вы какая-то. Если т-тут все на п-проекте такие...

— Со мной все в порядке. Только, кажется, голодный обморок намечается.

— П-приехали, — парень неодобрительно посмотрел на Ольгу, — увлекаетесь голоданием?

— Слава Богу, нет, просто двое суток не могла заставить себя съесть что-нибудь, волновалась очень... — девушка облокотилась о перила и на секунды закрыла лицо руками, потом устало выпрямилась, — а хотите пирожок за компанию? В качестве благодарности.

— А п-пирожок с чем? — оператор не в силах был больше сдерживать смех.

— С капустой. Надеюсь, еще съедобные, на вокзале купила. Все как-то было не до них.

— Т-тогда давайте зайдём в б-беседку, что ли. Заодно и вы п-придете в себя, а то еще уьётесь, к-когда будете п-прыгать со стены.

— Не смешите меня, — собеседница, наконец, улыбнулась.

... В это же время в небольшом домике, пристроенном с тыльной стороны особняка, повисла пауза. Это была рабочая студия проекта, заполненная техникой; на постоянное пребывание здесь людей указывало наличие двух диванчиков и небольшого стола, сервированного бокалами, ложками, тарелками. На входной двери в домик-студию пестрела яркая табличка с черепом и скрещенными костями «Не входить! Опасно!»: повешена она была из соображений секретности происходящего за ее дверью. Сейчас здесь, перед мониторами, скрестив руки, ссутулившись по обыкновения, стоял сам директор проекта Константин Стрэн. Он смотрел на смущенную Веру Александровну, находившуюся тут же:

— Хорошенькое начало для нашего проекта. Еще первый выпуск не сделали, а материал уже с душком.

— Это же хорошо, — вставил свое слово сидящий у пульта молодой человек лет двадцати шести, — чем больше скандалов, тем интереснее.

— Это тебе интересно, а мне нет. Проект должен быть хорошего тона, светским, а не с истериями. Сначала эти проститутки у телецентра... Что скажете, Вера Александровна? Ваши идеи, что будем делать?

— Вариант, конечно, есть. Пока не подключились к интернету, можно вырезать все неудачные моменты и просто сказать, что сделали опечатку в фамилиях. Хотя, если эта Николаева — аферистка или подружка Красильниковой, то я даже не знаю, как реагировать на ее присутствие здесь.

— Ну, а на вас лично она какое произвела впечатление?

— Не знаю, пока кажется, что она действительно просто оказалась рядом.

— А что мы о ней вообще знаем? — Стрэн рассматривал изображения на двух находящихся рядом мониторах, которые показывали девушек-помощниц, располагавшихся двух спальнях на втором этаже и обсуждающих свою роль на проекте. — Которая из них?

Вера Александровна тоже приблизилась:

— У нее длинные африканские косички, такие, с вплетенными нитками... Два хвоста...

Не вижу ее...

— Сюда смотрите, это она? — оператор слегка откатился в кресле и протянул руку по направлению самого верхнего монитора, который передавал изображение со скрытой камеры в беседке, где сидела Ольга с другим оператором.

— Как она там оказалась? — Вера порозовела от негодования. — Я же ей сказала идти со всеми!

— Похоже, она собиралась сбежать, я только что видел ее у ворот с сумками. Она разговаривала с Владимирычем, и он ее не выпустил.

— Да... — протянул директор, садясь в кресло, — сюрприз за сюрпризом. И что она там с нашим Максом обсуждает? Дим, дай-ка звук.

— Окей. Заодноотрегулирую, — оператор Дима потянулся к пульту.

...Пирожки с капустой, по счастью, были съедобными. Ольга придирчиво сначала понюхала свой и только потом откусила, закрыв в блаженстве глаза:

— Еда... Еще бы горячего чаю...

— А п-пирожок ничего, вкусный. М-мама с ума бы сошла, если б-бы видела, что я ем купленный пирожок, — парень улыбался.

— И правильно сделала бы, это я вам как будущий доктор говорю. Можно подхватить как минимум гепатит. Поэтому я не стала брать с мясом. Несварение легче лечится.

— К-круто... А п-по-конкретнее, где учишься? П-пардон, учитесь... А можно на т-ты?

— Пажалста! — передразнила Ольга. — Барнаульский медицинский институт, на пятый курс перешла.

— А п-по тебе и не скажешь, я д-думал, ты т-только что школу окончила, — Макс, как его назвал директор проекта, спрыгнул с перил, вышел из беседки, скрылся где-то в кустах и вернулся с мокрой бутылкой колы. — В-вот, в прудик м-местный кинул, чтоб остыла. Заначка...

Ольга доела пирожок и теперь вытирала пальцы влажной салфеткой.

— Не увлекайся химией — вредно.

— Это т-ты мне как б-будущий доктор говоришь? — молодой человек стряхнул ладонью капли воды с пластика и стал медленно, дразня, откручивать крышку. — Значит, не б-будешь?

— Конечно, буду. Вообще-то я мечтала о горячем чае, но в этой дряни много сахара — и это как раз то, что мне сейчас нужно. Где-то у меня стаканчик был.

— Слушай, а п-почему ты хочешь св-валить отсюда? — оператор опять взгромоздился на перила, игнорируя деревянные лавочки.

Ольга вертела в руках походный складной стакан с холодной колой.

— Секрета особого нет. Еще минутку посидим, ладно?.. Я хотела попробовать себя в одном творческом проекте. Даже не знаю, как сказать...

— Ск-кажи, как есть. Что это за п-проект?

— Танцевальный. У нас недалеко от института есть студия танцев. Года три назад я начала ходить за компанию с подружкой, потом понравилось, и увлеклась. А пару месяцев назад у нас в городе на гастролях был данс-балет «Кордес», и наша группа выступала на разогреве. Короче, за кулисами мы познакомились с Салмой Пуховой, и она даже дала мне визитку, пригласила на кастинг «Танцуй, пока танцуется». Да я бы и не поехала, но Вася, мой почти брат, очень поддержал меня и взял с меня слово, что приеду сюда хотя бы

попытаться.

— А к-как же институт?

— Там все нормально. Договорилась с деканатом, сессию заранее сдала и поехала. Ну как бы я здесь смогла жить? Там, дома, проблем хватает. Вот сейчас я уехала, а мачеха отца обрабатывает...

— Об-балдеть, у тебя мачеха есть! Т-тогда ты попала по н-назначению... А п-правда, говорят, что все мачехи злые?

— Про всех не знаю, а моя отца спаивает нарочно, зараза. Когда мама умерла девять лет назад, отец запил. Сам по себе как человек он хороший, просто слабый...

— Т-так ты была на том к-кастинге?

— Была, разумеется. Сначала все как будто шло хорошо. Жюри все такие вежливые и тэ дэ и тэ пэ. А в конце все-таки отказали, причем по-хамски. И Салмы Пуховой там не было, оказывается, она только на второй тур должна была прийти.

— Ну, так п-поехала бы к ней в студию, т-тем более, что сама д-дала визитку. Она п-помогла бы...

Ольга вздохнула, решительно сложила стаканчик и зачихнула его в сумку.

— Да я и собиралась. Только, как полная дура, грохнулась возле этого дурацкого автобуса, а когда очнулась, ехала сюда. И голова тогда плохо работала, а то бы я, конечно, еще тогда попросила высадить меня...

... В студии Константин Стрэн задумчиво поглаживал подбородок. Все слушали диалог двух собеседников в беседке, не проронив ни звука. Заметив, что девушка собирается уйти, продюсер встрепенулся:

— Вера Александровна, задержите ее, приведите в кабинет. Заодно скажите нашему Максиму, что я его тоже ищу, пусть идет с вами. А я пока позвоню Цискареву, нет, лучше Анисимовой, и узнаю, действительно ли так все было.

— Бегу, Константин Андреич...

... Когда Вера появилась у беседки, Ольги с единомышленником уже там не было. Сориентировавшись на еле различимые удаляющиеся голоса из глубины сада, менеджер побежала на них и обнаружила заговорщиков, стоящих у растущего криво дерева, оба задрали головы вверх, оценивая вероятность побега.

— Я весь сад оббегала, еле вас нашла, — Вера подошла к дереву, тяжело дыша, — Оля! Я же вас просила никуда не уходить.

Парочка переглянулась. Ольга положила ладонь на шершавый ствол:

— Вера Александровна! Спасибо большое за то, что оказали мне помощь, но я не хочу вам врать. Вы, наверное, меня с кем-то перепутали...

— Я знаю. Одну нашу участницу, Ольгу Красильникову, оказывается, не пустил на проект ее близкий друг, о котором она умолчала во время кастинга. Они позвонили слишком поздно, как раз во время нашей установочной встречи. Так что у нас сейчас появилась вакансия.

— Так ведь я не заложник. Я могу отказаться? — Ольга, в поисках поддержки, посмотрела на молодого человека. — Охранник не выпускает... Спасибо, люди добрые нашлись...

— Оля, вы, я так поняла, ничего не знаете о нашем проекте, — Вера с досадой отвела

взгляд, продолжая обмахиваться планшеткой.

Оператор стоял рядом, ожидая развязки, и с любопытством переводил взгляд с сердитого менеджера на смелую беглянку.

— Абсолютно ничего не знаю. И не хочу. Мутный он какой-то у вас, — девушка была непреклонна.

— Подождите, не говорите так категорично. У нас к вам деловое предложение.

— Извините, Вера Александровна, а захочу ли я его услышать?

— Не от меня. С вами хочет поговорить Константин Стрэн.

— Кто?! — брови Ольги взметнулись вверх. — Тот, который директор телеканала?

— Именно. Он ждет нас сейчас в кабинете... И вас, Максим, кстати, тоже. Почему вас не было на первой съемке? Виктор один за вас все будет делать?

— А я н-не слышал, как п-приехал автобус.

— Пойдемте. Ольга, поверьте, вы не пожалеете.

— Но, если я откажусь, мне разрешат уехать? — Ольга с сомнением посмотрела на Максима.

— В любой момент. И даже такси за наш счет вас отвезет, куда скажете, — Вера, наконец, подняла кончики губ в вежливой улыбке.

— А я? — усмехнулся Макс, перехватывая сумки Ольги, — если м-меня тут ч-что-то не устроит?

— Я операторами не занимаюсь. Кажется, у вас свой договор с Константином Андреевичем.

— Вот т-так всегда, — Макс подмигнул Ольге. — П-просите больше у Стрэна. Кажется, они готовы на все, чтобы вы здесь ост-тались.

— И попрошу, — улыбнулась оператору Ольга: он ей понравился. "Золушка à la russe: Постскриптум"

10

Решайся, Золушка:

Не быть иначе сказке.

Туфельку примерь...

В кабинете не было никого, кроме директора популярного телеканала Константина Стрэна. Он встал с диванчика навстречу вошедшим, по-деловому протянул руку Ольге для рукопожатия и тут же перевел взгляд на оператора.

— С вами, Максим, я поговорю позже, а сейчас вы отработаете свой, э-э-э, косяк: вас не было на съемке знакомства. Будьте добры, поработайте сейчас с нами. Мы сядем вот здесь, а вы отснимите-ка наш разговор, — Стрэн заметил, что девушка поежилась. — Не переживайте, Ольга, э-э-э, кажется, Николаева (?), это чисто рабочий момент. Я хочу проверить качество работы нашего оператора. Вы, Вера Александровна, тоже присаживайтесь рядышком с нами: вдруг что-нибудь понадобится.

Максим, нарочито волоча ноги, пошел к одиноко стоящему в углу штативу, перенесенному из столовой, установил на нем свою камеру, но, прежде чем снимать, заметил, что Ольга смотрит в его сторону, и ободрительно подмигнул ей.

— Ну что ж, начнем-с. Ко мне вы можете обращаться просто по имени, на «вы». Итак, насколько я понял, вы попали сюда совершенно случайно.

— Совершенно случайно, — девушка кивнула, избегая смотреть на смешные жестовые сопровождения оператора, — и я была бы вам благодарна, если бы вы позволили мне уехать.

— Вот как! А вы знаете, что к нам на проект хотело попасть около пяти тысяч девушек, и из них мы выбрали только два десятка?

— Я не имею о вашем проекте ни малейшего представления. Вообще редко смотрю телевизор: некогда.

Услышав ответ, Вера изогнула правую бровь и поджала с сожалением губы, а Стрэн вздохнул так, словно был оскорблен.

— Ну, хорошо. Вкратце суть такова. Мы отобрали лучших девушек России, чтобы найти среди них ту самую Золушку, идеальную подругу, жену и мать. Может быть, в финале их будет две-три, может, не будет вообще: это, как в игре, результат непредсказуем. Сам проект мы планировали закончить в сентябре. Задания для Золушек будут самые разные, поэтому им нужны помощницы: принести что-нибудь, помочь выполнить задание. Я вам предлагаю заменить нашу помощницу, вашу тезку, которая не смогла приехать.

— А если я откажусь?

— Ваше право, только... Вы откуда приехали?

— Село Усть Лосиха, недалеко от Барнаула.

— Вот. Я вам предлагаю заработать. В неделю вы будете получать не меньше двухсот долларов, почти за одно свое присутствие. Плюс сумма в зависимости от качества работы, ну и, так скажем, от нашего внутреннего рейтинга, дополнительные проценты. Только я сразу должен вас предупредить, что вы должны подписать контракт об абсолютном согласии со всеми действиями дирекции проекта.

— То есть, если вдруг вам понадобятся девушки для эскорт-услуг, я должна буду

согласиться или выплатить неустойку?

Стрэн посмотрел на Ольгу так, будто впервые ее видел. Он какое-то время разглядывал задавшую неожиданный вопрос.

— Никаких пошлостей и неприличий на нашем проекте. Для этого у нас есть особый пункт в контракте — все в рамках закона. Дело в том, что может случиться так: вы случайно попадете в кадр с тарелкой, тряпкой, и вас заметят зрители... Именно поэтому заранее не должно быть никаких недоразумений. Просто отнеситесь к моему предложению, как к предложению работодателя... Задавайте вопросы — так будет проще.

— Ваш проект, случайно, не реалити-шоу?

— Именно так.

В кабинете повисла пауза. Девушка побледнела и, кажется, затаила дыхание. Оператор высунулся из-за камеры и махнул рукой, мол, ничего страшного. Ольга натянуто улыбнулась:

— Выходит, камеры работают круглосуточно?

— Пока я могу сказать с уверенностью, что камер точно нет и не будет в уборных и ваннных комнатах. Снимать, естественно, будут наших золушек, не вас.

— И я смогу уехать в любой момент?

— Только сегодня, если откажетесь. После подписания контракта ваша судьба будет зависеть от решения жюри и зрителей. По итогам каждой недели происходит отбор. Уходит одна Золушка — значит, должна уйти и одна помощница... Посмотрим по ситуации... Ну, решились?

Ольга сидела, опустив ресницы и раздумывая. Она чувствовала на себе тяжелый, неморгающий взгляд продюсера.

— Позвонить можно, посоветоваться с родными?

— Можно, разумеется. Сегодня можете звонить, куда угодно, и разговаривать, сколько угодно. Со следующей недели — звонки только по средам и субботам, — Стрэн продолжал пристально разглядывать свою визави.

— Можно ознакомиться с контрактом?

— Пожалуйста, — продюсер взял со стола папку, достал лист и протянул, — читайте внимательно. Это одна часть контракта, ее копию мы отдаем вам как памятку. Другую часть вам придется подписать, поверив нам, под наше честное слово. Могу только сказать, что пункты «слепого» контракта не противоречат основным, которые у вас в руках. Еще раз говорю, в рамках закона. Я выйду на минуту: мне нужно сделать звонок.

Когда он вышел, Ольга почувствовала себя свободней, слегка откинулась на спинку стула, читая текст, набранный мелким шрифтом.

— ...Что значит «соблюдать правила дресс-кода»? — обратилась к до сих пор сохранявшей молчание Вере.

— Вам будет выдана униформа. Одежда разработана нашим модельером Ираклием Иванко, отличным мастером своего дела — так что не переживайте за качество.

— Понятно.

— Оля, послушайте меня, — Вера отбивала ногой на полу мелкую дробь.

— Да, Вера Александровна...

— Я советую вам быстрее дать ответ. В проект вложены колоссальные деньги, и, скажу честно, уже поздно брать кого-либо вместо Красильниковой, если вы отказываетесь. Проект понесет ущерб, теперь сложно будет подобрать кого-либо другого, несмотря на то, что у нас есть лонг-лист желающих. Но вам делают предложение, так сказать, больше из-за вашего

эффектного появления. Да и время поджимает, я уже сказала. Во всяком случае, если вам уж совсем будет сложно, то в эту субботу вы уедете домой. Только никому не надо говорить, как вы здесь оказались. Что вы думаете о контракте?

— Жестко: шаг влево, шаг вправо — «расстрел». Я думаю, не может ли это каким-либо образом отразиться на, как бы сказать, моей репутации? Я потом смогу спокойно ходить по своему институту?

Оператор из-за камеры показал большой палец. Вера тоже одобрительно улыбнулась и перестала постукивать ногой:

— Не скрою, вы первая, кто спросил об этом. Но вы можете не беспокоиться. Все зависит от вас, как вы сами себя поведете. Знаете, в экстремальных условиях человек показывает себя таким, какой он есть, без прикрас, ну, иногда делает глупости.

— Это вы про запрет покидать территорию проекта?

— И это тоже. Да, условия жесткие, но зато отдача большая. Соглашайтесь!

— Хорошо... — Ольга отложила листы. — Значит, ответ здесь и сейчас?

— Желательно.

Провинциалка кусала губы, думая о своем, потом обратилась к оператору:

— Максим, как лицо незаинтересованное, назовите, пожалуйста, любое число от единицы до ста.

— Десять! М-мое любимое ч-число.

Ольга достала уже фигурировавшую в принятии решений тетрадь с Васиными стихами.

— Какая прелесть, ваша сумочка! Кто ее делал? — Вера наклонилась рассмотреть ручную работу.

— Я сама, когда еще училась в школе: нечем было заняться, — Ольга нашла нужный стих и словно бы удивилась прочитанному, — не может быть!.. Вера Александровна, вы тоже, скажите, пожалуйста, еще число...

— Что? — опомнилась Вера, водившая пальцев по бусинам, — сорок семь.

— Т-тридцать три! — оператор вошел в азарт.

— Хватит, больше не надо... Хм, — девушка полистала тетрадь, недоверчиво прочитала сначала один «совет», потом мельком взглянув на Макса, открыла еще один, — вы сговорились...

На лице Ольги было столько недоумения и какого-то священного страха, что Вера не выдержала, спросила:

— Что вы читаете?

— Это личное, когда-нибудь расскажу... Хорошо. Я согласна.

— Вы согласны подписать контракт? Наконец-то! Я рада, — Вера погрозила пальцем оператору, сделавшему неприлично развязный жест «йес!»

Будто почувствовав переломный момент в переговорах с новой строптивной участницей, вернулся Константин Стрэн:

— Ну, как дела?

— Оля согласилась, — Вера с готовностью выпрямилась на стуле. — Анкету будем заполнять сейчас, Константин Андреевич?

— Обязательно, хотя бы частично, мне интересно. Читайте, а я послушаю.

— Та-ак, — Вера раскрыла свой блокнот и приготовилась писать, — Оля, отвечайте на вопросы честно и не задумываясь долго.

— Постараюсь.

— Ваше полное имя?

— Ольга Александровна Николаева.

— Возраст?

— Двадцать два. Скоро будет.

— Род занятий?

— Студентка. Пятый курс Медицинского Института города Барнаула.

— И как учитесь? — поинтересовался Стрэн, — «хвосты» есть?

— Нет, учусь нормально, — этот взгляд директора, рассеянно блуждающий по ее лицу и одежде, определенно, смущал Ольгу.

— Замуж собираетесь? — продолжила опрос Вера, — претенденты есть?

— Нет. На первый и второй вопрос.

— Это хорошо... в смысле, отвлекаться не будете... Так, это не нужно... Готовить умеете?

— Немного.

— Шить, вязать... какие-нибудь навыки рукоделия?

— Всего понемногу — чему в школе учили.

— Что вам удастся лучше всего? Талант какой-нибудь есть?

Ольга вспомнила свой кастинг:

— Я вас разочарую — никаких особых талантов у меня нет.

— Ваше хобби?

— Люблю читать книги... не знаю, много чего, вот так сразу не скажешь.

— Животных любите?

— Скорее, да. А что вы понимаете под словом «любить»?

— Хорошо... Дальше... — Вера сделала вид, что не услышала вопроса. — Какое качество характера в людях вы цените и что не можете терпеть?

Ольга задумалась на мгновение, после ответила достаточно твердо:

— Уважаю профессионалов своего дела. А терпеть не могу наглость и глупость.

— Вы верите в Бога?

— Да.

— Как часто молитесь?

— Чаще забываю. Извините, а еще много вопросов? — Ольга не удержалась и зевнула, успев перехватить ладонью зевок.

— У вас много близких друзей?

— Самый близкий — Вася.

— Кто? — тут встрепенулся даже Стрэн, не вмешивавшийся в опрос.

— Вася — мой друг детства, он мне как брат. Он инвалид, так получилось. Очень добрый и умный. Я ему помогаю, а он — мне, морально, поддерживает меня, — девушка покраснела под пристальным взглядом известного шоумена, — почему вы так на меня смотрите?

— Надеюсь, он не будет звонить, как «друг детства» вашей предшественницы с заявлением, что мы ломаем будущую семью?

— Что вы! Ему всего пятнадцать!

— В любом случае, обязательно ему сегодня позвоните и предупредите, — Стрэн махнул рукой в сторону телефонного аппарата на письменном столе. Продюсер поднялся: он услышал все, что ему было нужно для принятия решения. — Вера Александровна, я думаю,

на сегодня хватит. Отдайте вашей подопечной анкете, пусть сама ее заполнит. Вера, покажите дом Ольге, — Стрэн привычно засунул одну рук в карман брюк и повернулся к Ольге, — надеюсь, что вам у нас понравится. Завтра будет трудный день, поэтому сегодня постарайтесь отдохнуть. Остальные девушки уже в курсе всего, это я вам лично объясняю.

Константин Стрэн легко провел ладонью по лбу и повернулся к оператору, о котором почти забыл:

— Максим, спасибо. Вы можете быть свободны. Зайдите только к Олегу Леонидовичу. А завтра уже поговорим. Вера Александровна, можно вас на минутку?

Вера сложила все бумаги в свою папку:

— Оля, вы пока поднимайтесь на второй этаж по лестнице, я вас сейчас догоню.

Девушка кивнула с облегчением (наконец-то, этот тяжелый взгляд Стрэна больше не будет ее преследовать), пошла к сумкам, но оператор опередил ее, сам взял их и даже открыл вежливо дверь.

После ухода Макса и Ольги, Стрэн почти вплотную приблизился к Вере:

— Значит, так. Я позвонил Анисимовой и выяснил все на счет этой девушки. Она не так проста, как кажется. Ее пропустили во второй тур (сама Анисимова и Дружков за нее вступились), но не успели оповестить. Только мы Николаевой пока ничего говорить не будем. Второй тур будет через две недели, так что посмотрим, как она поведет себя у нас. Потом, про университет. Школу окончила не с золотой медалью, но ЕГЭ сдала с высоким баллом и поступила на бюджет. Учится отлично, профессора хвалят... Но если она мне тут что-нибудь выкинет, — директор поднял в небо указательный палец, — я даже не знаю, что с ней сделаю. Человек явно не готовый к подобному проекту, а первый выпуск нужно сделать на ура. И еще. Маргарите Павловне не отправляйте никаких документов Николаевой: ни фото, ни резюме — нет ее у нас. Забыли, не сделали. Пусть наш спонсор пока ничего не знает про отказ Красильниковой: как бы не выдвинули претензий. А в субботу мы спокойненько отправим эту Николаеву домой, и все будет чисто.

— Хорошо, сделаю.

Константин Стрэн помолчал немного, думая о возможных грядущих недоразумениях.

— Посмотрим на этот луч света в темном царстве. Если первую неделю выдержит, и не к чему будет придраться, то как-нибудь поставьте ее в пару с Масловой: Маргарита Павловна в любом случае будет против нашего спонтанного решения. Еще. Напомните Олегу, чтобы со среды сразу прерывал звонок, если родственники будут пересказывать своим Золушкам, что им там на самом деле показывают, хотя, впрочем, это я Олегу еще раз лично скажу. Да, и заберите у Николаевой мобильник, если есть. Естественно, домой пусть своим позвонит и отдаст.

— Во сколько будим всех завтра?

— Завтра пока не насильничайте, своим дайте поспать до восьми. Но чтобы они мне дом отдраили — все блестело! Хозяева переживают, что дом приходит в запустение.

— Будет сделано, — рассмеялась Вера, — летучку сегодня еще раз соберем?

— Давайте, вдруг какие-нибудь еще вопросы появились. В одиннадцать, у меня в домике. Макса не зовите, я с ним завтра поговорю. Все. Идите к своим принцессам. Да Вера, забыл сказать, — Стрэн обернулся, уходя, — спасибо за превосходную работу. Вы — просто молодец.

— Пожалуйста, Константин Андреевич! — Вера просияла лицом и пошла к выходу, счастливо улыбаясь.

Бабочки пляшут.

Вижу: настало время

Заводить друзей.

Комнаты подопечных Веры находились на втором этаже, как и ее самой; третий этаж полностью отвели для Золушек, собственно центральных фигур проекта. Вера не стала показывать Ольге лифт, нарочно повела по лестнице, попутно комментируя расположение комнат и этажей в доме.

— В каком стиле построен этот дом? — происходящее напоминало сказку для приезжей девушки, за всю свою жизнь не видевшей ничего подобного этой роскоши.

— Кажется, американское арт-деко. Мне тут хозяйка этого дома объясняла: можно встретить направления разных мотивов: китайских, индийских, арабских... — Вера походила на экскурсовода, сдержанно жестикулировавшего и указывающего на особо интересные фрагменты декора, — не правда ли, этот дом словно из сказки? Надеюсь, что вам здесь понравится.

Вера остановилась перед одной из дверей, постучалась и, не дожидаясь ответа, открыла ее, шагнув в комнату. Любопытный оператор Максим тут же вытянул шею, пытаясь заглянуть внутрь поверх Ольгиного плеча.

— Я вижу, у вас тут собрание. Молодцы. Как устроились, девочки?

— Спасибо, хорошо! — тут же отозвалось несколько голосов. В комнате были почти все девушки-помощницы. Кто-то сидел на кровати, кто-то стоял у окна.

— У кого в комнате осталась незанятая кровать?

— У нас, — навстречу вошедшим поднялась уже знакомая Ольге блондиночка с кудрями, та самая, которую Ольга в автобусе приняла за знакомую с кастинга. Блондиночка сразу заметила за спиной новенькой Макса с сумками, заметно смутилась, и что-то хищно злое тенью пронеслось по красивому личику; но перевела взгляд на Ольгу, — пойдём, помогу расположиться.

— Спасибо, Ника, — Вера перехватила взгляд блондиночки, обернулась и заметила любопытного глазющего на девушек оператора, — Максим, вы до сих пор здесь? Отдайте сумку Оле и идите к Олегу Леонидовичу, он же вас ждет...

— Л-ладно, — оператор подмигнул девушкам и исчез.

— Девочки, еще раз я вам представлю вашу коллегу по труду, — Вера обошла Ольгу, взяла ее за плечи, словно сама была теперь готова покинуть ставшую тесной от людей комнату. — Это Ольга Николаева. Она будет работать вместо Красильниковой. Вы тут знакомьтесь, а у меня еще есть дела. Ника, вы поможете Оле, да?.. Все, спокойной ночи, девочки. Завтра утром увидимся, — и Вера ушла.

— Привет еще раз, — Ольга переступила с ноги на ногу, не зная, с чего начать.

— Да ты не смущайся, — похоже, блондинка Ника была здесь заводилой, — давай знакомиться, а потом я покажу тебе нашу комнату.

— Проходи, садись, — полулежавшая на кровати девушка сменила позу, освободив место новоприбывшей.

— Слушай, а мы только что говорили, что тебя не видели на кастинге, — сказала другая, рыженькая и удивительно милая, похожая на Мадонну Рембрандта.

— Я сама удивляюсь, как здесь оказалась, честное слово. Я, пожалуй, пойду, пока устроюсь... — Ольга так и не села на предложенное место.

Ника опять поднялась со своего места, поправила короткие штанишки на бедрах:

— Ладно, девчонки, видите: она устала. Пойдем, покажу комнату, а поговорим потом.

Ольга почувствовала некоторую иронию присутствующих, видимо, после ее отказа посидеть-поговорить. Дело было плохо: первый день в новом коллективе — и уже недомолвки. Поэтому она смущенно улыбнулась всем:

— А может быть, кто-нибудь составит мне компанию: ужасно хочется горячего чаю. У меня одуванчиковый мед есть...

Девушки заулыбались. Напряжение было снято.

— Заодно и познакомились бы... А еще я не знаю, как заполнять анкету...

— Ничего себе, она даже анкету не заполняла! — шокированные и заинтригованные помощницы Золушек все до одной засобирались «на чай с одуванчиковым медом».

... Олеся, обладательница рыжей копны волос и симпатичных веснушек, чай не пила, только попробовала сладкий мед и теперь водила ложкой задумчиво по губам, не отводя глаз от Ольги. Олеся озвучила вопрос, который интересовал многих:

— Слушай, а кто у тебя тут есть?

Все девять девушек, как близкие подруги, сидели за столом и недоверчиво смотрели на новенькую, которая под пристальными взглядами пыталась прожевать пару бутербродов. Ольга ничего не сказала про танцевальный кастинг, умолчала, решив, что особой надобности в этом нет. А вся остальная часть истории объясняла ее присутствие вполне логично: ехала себе провинциалка в Москву снять квартиру, чтобы подзаработать, а тут голодный обморок как счастливая случайность возле счастливого автобуса — вот и все. Хотела уехать домой, но Вера вместе со Стрэном уговорили остаться вместо Красильниковой.

— Обалдеть! — прошептала то ли завистливо, то ли с восхищением Катя, — ты хоть знаешь, как тебе повезло?

— Пока не знаю, — Ольга подняла глаза, чувствуя, что хватит и этих, уже озвученных фактов, и засмеялась, видя обескураженные лица, — но чувствую, что с компанией мне повезло. А что, так сложно было сюда попасть?

Всеобщий гул был красноречивым ответом. Заговорили наперебой.

— Мы вообще-то приходили на кастинг, чтобы... стать золушками. Но во втором туре сказали, что уже набрали десятку и предложили просто поработать здесь, — из хаоса голосов Ольга сложила для себя такую словесную мозаику.

— И что это вам даст? — она, наконец, утолила голод, слегка приглушенный трапезой в беседке с оператором, и теперь просто наслаждалась чаем, грея руки о горячий бокал.

Определенно, все девушки ей нравились: все были разные по миловидности, но в чем-то одинаковые — в чем, Ольга никак не могла себе объяснить. Как бы то ни было, находиться в окружении красивых вещей и красивых людей было приятно, — это расслабляло.

Девушки стали рассуждать о блестящей возможности присутствия на проекте: вдруг кто-нибудь из приглашенных знаменитостей заметит, или случайно по телевизору покажут, или даже хотя бы просто посмотреть на всю эту кухню шоу-бизнеса изнутри...

— Вы такие смешные, — Ольга покачала головой, — первое время там, в большой столовой, ну, когда была Карина Собак, я все думала, что вы ничем не хуже этих золушек. Вы такие же элегантные, симпатичные...

— Ты тоже ничего, — поблагодарила ответным комплиментом Ника, до сих пор с улыбкой слушавшая болтовню товарок, — я думаю, что Стрэн не просто так тебе

предложение сделал...

— ...ерунда, — перебила Ольга, — но послушайте. Я, наверное, многого здесь еще не понимаю. Вот, объясните мне, например, смысл вопросов в анкете. Я тут мельком просмотрела ее... К чему этот дурацкий вопрос: «Вы девственница?» Если я здесь для того, чтобы просто работать, то какое отношение это имеет к мытью посуды? Или — ниже. «Если «нет», насколько регулярно вы ведете половую жизнь?» «Половая жизнь» — это значит частое мытье полов? — Ольга вполне серьезно пыталась перебить хохот девушек. — Надеюсь, я не тупая. За три года в мединституте я такого насмотрелась и начиталась, что меня на десять подобных анкет хватит. Надо было еще спросить про молочницу, хламидиоз, гонококк, которые, между прочим, могут встретиться у девушки, даже не имевшей ни одного настоящего полового контакта.

— Так ты девушка или нет? — хохотушка Лера-Валерия, отсмеявшись, вытерла слезы и будто бы серьезно уставилась выжидательно на Ольгу.

— Ну, если вы ничего со мной такого не сделали, пока я была в отключке...

На громкий смех в столовую заглянула Вера, распрошавшаяся со всеми еще час назад, но ничего говорить не стала, только улыбнулась и опять ушла. Ольга сама была готова рассмеяться, однако смущение сдерживало ее.

— Да ты не волнуйся! — Ника протянула руку к чайнику, чтобы налить себе еще чай, — эта анкета, вообще-то, была составлена для золушек. Мы ее заполняли еще в первом туре. Для тебя ее никто не будет переделывать, так что просто честно пиши ответы.

— Хорошо, отвечу, как смогу. И пусть тот, кто составлял эту анкету, будет шокирован моей честностью без границ.

12

Задернуть шторы

Нет желания и сил.

Полнолуние...

Все устроилось как нельзя лучше: общий язык был найден со всеми будущими коллегами по ведру и тряпке, комната оказалась вполне комфортной, впрочем, как и сам чудесный Дом, приютивший проект. Ника, очевидно, взявшая на себя функцию опекуна Ольги, нашла для той ослепительной белизны халат и даже помогла позвонить в родную Усть Лосиху.

А после ванны Ольга была уже почти счастлива лежать в кровати и в полудреме слушать забавные сплетни девушек. Потом были мысли-воспоминания о событиях минувшего дня, его совпадениях и нелепостях; за этими думами поплыли размышления о Стрэне, Вере, девушках-помощницах и даже о любопытном простоватом, но уж очень забавном, операторе Максиме. Дальше мысли переключились на чудесный дом, его рисунки на стенах, бассейн с голубой водой в цокольном этаже, зеркальную комнату, в которой как-нибудь надо будет попробовать позаниматься, без свидетелей... И Ольга окончательно перебила себе сон. Она долго ворочалась, завистливо слушая сопение уснувших соседок по комнате и ругая себя за неумение расслабиться: «Ведь завтра же буду как вареная!»

Сон по-прежнему не шел. Тогда, еще раз мысленно обругав себя, Ольга прибегнула к последнему проверенному средству: ничто так не усыпляет, как любимые мечты на ночь.

Самой действенной мечтой в последнее время была история под придуманным названием «Свалившийся на голову миллиард долларов США». Появляющаяся ниоткуда и ничья эта спасительная сумма денег творила чудеса. Каждый раз, когда Ольга сначала

покупала себе заветный, только ее, большой дом, потом «приобретала» роскошную мебель, «развешивала» занавески, «стелила» ковры, приглашала к себе в гости Васю, его маму, тетю Люду, и они втроем у горящего камина располагались для беседы ни о чем, — тут-то, в самый интересный момент, всегда приходил долгожданный сон.

Иногда, когда надоедало «строить» себе и близким дом, Ольга возводила ещё рядом медицинский центр для детишек. Сама она то стояла в операционной и руководила процессом с помощью новейшего компьютерного оборудования, то в огромном зале с множеством зеркал учила детей с ограниченными возможностями танцевать, то она с каким-нибудь маленьким пациентом плавала в бассейне с понимающими дельфинами, и больные малышки вдруг выздоравливали. Затем пациенты своими ногами покидали этот центр, и благодарные родители бросались к ней, директору, с цветами, тортами и благодарностями; а она искренно отказывалась и говорила, что в этом не только ее заслуга. И рядом стоял Василий Петрович, повзрослевший Вася, без инвалидной коляски, и обнимал уезжающих детей.

Была еще одна сказка, впрочем, Ольга считала ее немного постыдно наивной и глупой, имеющей право на существование только потому, что ее хозяйка просто в детстве любила читать волшебные сказки. Разве может студентка медицинского института, видевшая, так сказать, всю изнанку человеческой сути и наслушавшаяся пошлых анекдотов однокурсников, верить не в элементарное влияние гормонов или могущественное либидо, но в существование платонической любви и сладких мук ее неразделенности? Бред, конечно.

Так почти все Ольгины однокурсницы и подруги имели парней, вели модную регулярную половую жизнь, а при случае еще и пытались склонить «упертую» подругу «покинуть монастырь» и «перестать ждать своего принца». Близкая подруга часто шутила по этому поводу и пророчила Ольге непутевого возлюбленного: «Любовь зла — вот как полюбишь козла, что будешь делать?» Но Ольга решила твердо: никаких «козлов»! Как только замечала, что сама засматривается на симпатичного, но ненадежного в некоторых вопросах молодого человека, истязала себя рассуждениями о его несовершенствах или своих недостатках до тех пор, пока не отпадало всякое желание думать о Нем и мечтать о встречах. Чаще, впрочем, было так, что харизматичный и внешне совершенный Принц вдруг оказывался уже занятым. В этом случае было проще: хватало недели терзаний и самоубеждения не строить на чужом несчастье своего счастья. Чистая совесть всегда выигрывала.

Подруги попытались было укротить строптивую Катрину, сталкивая ее на вечеринках с одинокими знакомыми — и Ольга перестала посещать подобные сборища. То назначали свидания вслепую, до которых она либо не доходила, потеряв боевой дух на полдороге, либо исчезала после первых двадцати минут общения под ставшим коронным предлогом: «Мне позвонили с работы — нужно срочно ехать», — и никому никогда не перезванивала, наоборот, заносила случайных знакомых в «черный» список телефона. В результате, подруги устали заниматься сводничеством и даже нашли выгоду в упертости Ольги: любительницы побаловаться гаданием на картах всегда просили свою нецелованную подругу посидеть на колоде, причем было замечено, что пятьдесят две картинки в таких случаях правду говорили го-ораздо чаще.

Итак, устав окончательно от невозможности заснуть, Ольга взялась за спасительные мечты. Дом был «куплен» со всеми сопутствующими приложениями; потом как-то неловко «построился» медицинский центр... Все рассыпалось, и мечты особенно рыхло выглядели в

эту ночь, в этом шикарном особняке, имевшем все из Ольгиной мечты. Она даже зло вздохнула от своего бессилия. Да что же это такое! Завтра первый день на Проекте, а она...

Ольга в отчаянии стала читать «Отче наш», «Богородице» и даже «Живый в помощи». Как-то незаметно полегчало, веки стали тяжелеть, но мозг по-прежнему оставался бодрым. Пришлось прибегнуть к последнему шансу, третьему варианту «колыбельной».

Вот Она в этом доме моет полы; откуда ни возьмись, вредная мачеха заставляет бедную падчерицу готовить дом к приему гостей, и несчастная Оленька, выдраив весь дом и накрыв праздничный стол, идет в сад поплакать у прудика рядом с беседкой... На этом месте фантазерка хмыкнула, пытаясь удержаться от смеха, но заставила себя дальше переделывать избитый сюжет, подсказанный проектом, и даже нашла в этом необъяснимое удовольствие.

...И вдруг рядом оказывается Вера, забирает у нее тряпку, нет, сумку, и говорит: «Хватит плакать, гости скоро будут! Одень свое самое лучшее платье и иди к гостям. Там тебя ждет сюрприз».

— А где же я возьму платье? — удивляется Ольга, — у меня, кроме танцевальных костюмов, ничего с собой нет.

— Глупенькая. Надень свое платье для танго и сними этот ужасный парик...

С этими словами Вера протягивает к голове Ольги руку и снимает парик из косичек, под которым — длинные белокурые вьющиеся, как у Ники, волосы. Вместе с париком исчезает цветастый халат, ботасы на ногах, а вместо старья появляется любимое малиновое платье с соблазнительным разрезом, а на ногах — волшебные танцевальные серебристые босоножки, купленные благодаря двум месяцам напряженной работы. Ольга идет к дому, заходит в него и почему-то сразу попадает в парадную столовую, где уже танцуют пары. У входа, на диванчике вместе с Кариной Собак, сидит Константин Стрэн. Он встает, подходит к Ольге, легко притягивает ее к себе и обнимает:

— Меня-то ты п-поцелуешь?

Ольга чувствует касания губ, легкие, почти неосязаемые, словно ветер нежно гуляет по губам, щекам и векам.

— Я ждала тебя всю жизнь! — шепчет она, почти отвечая на поцелуи и ослабевая.

— Т-так поцелуй же сама!

И она целует его, и вдруг все прекращают танцевать, окружают их и начинают считать, как на свадьбе:

— Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Шесть! Семь! Восемь! Восемь! Восемь!..

13

Случайная лань

Заблудилась в тумане.

Охотник продрог.

— Девочки, подъем! Уже восемь! — в комнате возникла Вера и с улыбкой смотрела на сонных девушек.

— Сколько? — сонно переспросила Ника.

— Восемь, девушки! Вставайте, дорогие мои. У нас всего час, пока не проснулся остальной народ.

Ольга находилась во власти запоздавшего сна, чувствуя истому после «поцелуев» со Стрэном... Секунда — и пришла в себя, содрогнувшись и резко закрыв лицо одеялом:

— О господи!

Вера, стоявшая в полуметре, едва не подпрыгнула от неожиданности, а соседки по

кроватям моментально проснулись:

— Что случилось?

— Все нормально, — Ольга не знала, что делать, смеяться или краснеть от стыда, ибо сон еще ясно стоял перед глазами. — Полночи не могла уснуть, а под утро такая дрянь приснилась, что стыдно.

— Кстати, девчонки, поздравляю всех, кому приснились сны, — потянулась Валерия, — говорят же: «На новом месте приснилась жених невесте».

— Не надо, — застонала Ольга, — я теперь на Стрэна смотреть не смогу...

Разразившийся хохот поднял на ноги соседок по этажу. Из другой комнаты, наспех одевшись, примчались Олеся и Ксюша. Заглянули в комнату нерешительно:

— Э, да у вас тут веселее...

— Ну вас, хулиганки!.. Я жду вас в столовой! — Вера не могла больше слушать шуточки Леры и вышла из комнаты, стыдливо посмеиваясь.

Подшучивание над Ольгой продолжилось и за завтраком. Девушки всеми намеками и вариантами ответов пытались выяснить, что же на самом деле приснилось Николаевой, и какую роль в «пророческом» сновидении сыграл продюсер. Ольга краснела, закрывала лицо руками, умоляла прекратить пытки, бросала в обидчиц скомканными салфетками, но поток домыслов не становился меньше.

— Ладно, — вздохнула Лера, устав смеяться, — в конце концов, если ничего не было, то и не было. Но если было... то через девять месяцев мы все узнаем.

— Чувствую, грустно у нас не будет, — сказала, вновь появляясь в столовой, Вера. Ее сопровождали два оператора: Виктор, который снимал участниц в парадной столовой, и Макс. Слов Веры за возобновившимся хохотом никто не услышал, и она жестом пригласила операторов присоединиться к завтраку.

Появление новых лиц, впрочем, заставило девушек немного поутихнуть. Вконец смущенная Ольга поднялась со своего места, решив поухаживать за операторами, пошла налить кофе.

— Я думала, вы уже позавтракали, — воспользовавшись относительным затишьем заговорила Вера, — поторопитесь, пожалуйста. Сейчас пойдем за униформой, а это дежурство по столовой, — Вера прикрепила к шкафчику лист с графиком, — вы дежурите по двое. Дежурные готовят завтрак, обед и ужин для всех, следят целый день за чистотой в столовой. На этой неделе к полудню будет приезжать ведущая кулинарной программы, думаю, что вы все ее хорошо знаете, она поможет вам приготовить обед. После завтрака вы подходите к своим Золушкам и получаете задания, если они есть. Если нет, то поступаете в мое распоряжение: уборка по дому, чистка бассейна, работа в саду. Территорию мы так же распределим. В общем, даю вам пять минут, и жду вас в примерочной. Это рядом с моей комнатой. Наташа и Маша, жду вас первыми, потому что вы сегодня дежурные.

— А во сколько завтрак для Золушек?

— Сегодня в девять тридцать, завтра — на час раньше. Вы будете садиться за стол после них.

— У-у, это нам вставать в семь придется! — сказал кто-то, кажется, Катя.

— Забудь мамку и вытри сопли, доченька: теперь ты на реалити-шоу... — погримасничала Лера.

— Тьфу на вас! — Вера несколько раздраженно махнула рукой, показывая, что ей не до смеха, и вышла из столовой.

Ущелье звуков.

Сорока и та молчит.

Опасно эхо.

Пожалуй, больше всех униформе обрадовалась Ольга: набив перед отъездом свои сумки танцевальными костюмами и мелкими реквизитами, она не взяла с собой много одежды, рассчитывая на быстрое возвращение домой, и уже с досадой подумывала о том, что весь проект придется ходить попеременно в джинсах да летнем сарафане. Радость была вдвойне, поскольку на человека полагалось два комплекта униформы, а так же удобная обувь. Одежда была сшита со вкусом и в строгом классическом стиле.

— Класс! — Ника оценила униформу, — хорошо, что сшили двух цветов. Я бы умерла от тоски, если бы ходила в одном розовом.

— Мы учли разные вкусы, — кивнула Вера. — Да, и сразу предупреждаю вас, девочки. У нас договоренность с дизайнером, что вы носите его одежду постоянно, за исключением, естественно, тех случаев, когда будете покидать пределы дома; и в том виде, в каком она создана. Будете стирать, обязательно снимайте этот ремешок на воротнике. Он сделан из какой-то там кожи и ужасно дорогой. Испортите его — вычту из зарплаты. Не будете носить — то же самое.

— Ой, а когда будет зарплата? — Леру прорвало.

— Завтра, если плохо будете работать, — Вера в который раз покачала головой.

Девушки разошлись по своим комнатам для переодевания.

— Никак не могу понять смысл этой отделки, — Светлана Малькова разглядывала «ужасно дорогой» плотный ремешок на воротнике и две бежевые пластиковые ребристые пуговицы, вшитые в светло-коричневую кожу.

— Наверное, и вправду дорогой, если он один на два комплекта, — пожалала плечами Арина Петрова, — униформа неплохая. Я, честно говоря, думала, что одежда будет, как у горничных в отелях. А так ничего, даже сексапильно. Ну-ка, посмотрите, мне идет?

Арина покрутилась, и девушки одобрили внешний вид сотоварки. Ника уже переделалась и убрала ненужную одежду в шкаф. Теперь она критично рассматривала подруг по комнате, заверив всех в своей абсолютной компетенции: три года работы стилистом и визажистом давали ей право делать замечания.

На завтрак стали спускаться золушки, так что помощницы решили переждать в комнате. И однако ж через пять минут в комнату заглянула Наташа:

— Девочки, пожалуйста, спуститесь все в столовую. Ситуация «хэлп»! Там такое!

День начинался многообещающе. В столовой за столом сидели все золушки, многие из них были явно смущены. Одна Татьяна Маслова выжидательно сидела, скрестив руки на груди:

— Э, я долго буду ждать?

Рядом стояла Маша, щеки девушки пылали от возмущения. Стол, как и положено, был накрыт к завтраку: рядом с бокалами кофе, на плоских тарелочках, лежали аппетитного вида бутербродики.

— Что случилось? — с этого момента, подумали многие, смелая Ника объявила себя антиподом Масловой. Помощницы столпились позади Ники.

— Я объясню, — Маслова так и не расцепила руки, — короче так. Лично я и все остальные не хотят растолстеть после ваших завтраков.

— А что такое? Мы ели, и все нормально, — Ника внимательно обвела взглядом опустивших глаза золушек.

— Вот именно, вы ели, — подчеркнула Маслова, — вы, между прочим, еще и зарплату будете получать. А мы здесь с другой целью. Так что не хами, дорогуша. С завтрашнего дня лично я хочу есть то, что хочу. А вы, девочки? — Маслова поискала взглядом согласия, однако, найдя совсем не то, что ждала, перевела ясный взор на Нику, — короче, мы сегодня напишем список и будьте добры, пажа-алста, готовить все это, как положено.

— И чего же хочет ваша светлость? — пока одна Ника смела противостоять самоуверенности Татьяны Масловой.

— Не хами, дорогуша, еще раз говорю, — сладко протянула хозяйка положения, — если я не ошибаюсь, на этой неделе ты — моя служанка... то есть... хм... помощница? Вот и будь добра каждое утро мне свежий сок и мюсли. И запомни — я ненавижу томатный сок.

— Хорошо, еще что-нибудь, на обед, на ужин? — мужественная Ника решила выдержать поединок спокойно, — может, в постельку что-нибудь перед сном, сухарик с молоком теплым?

Кто-то фыркнул, Маслова не пожелала отследить направление звука, она нарочито потянулась и передразнила свою помощницу:

— Я подумаю на счет молока в постельку, потом скажу. Все, можете идти. На сегодня прощаю. Кстати, я там постельку не заправила. И вообще, дорогуша, в моей комнате пыльно-ватно как-то. Ты бы прибралась сегодня.

— А ты не облезешь, Золушка, блин? — тут даже смешливая Лера-Валерия взорвалась, — не боишься, что вон та камера запишет твои запросы, и тебя в эту же субботу выпрут, а?

Ника потихоньку взяла Леру за локоть, но та рвалась в бой. Маслова улыбнулась так, словно только и ждала «на завтрак» словесной перепалки:

— Еще кто тут что скажет? Что б знали, меня никто отсюда не «выпрет»: я условий контракта не нарушаю. Так что, дорогуши, со мной дружить надо, а не ругаться. Есть человек, который за меня вступится, если что. А ты вылетишь без зарплаты, — Маслова опять придвинула к себе тарелку с тостами. — Нам еще микрофоны не раздали, так что нифига ваши камеры не запишут. Вот я тут сижу себе спокойно, а вы бунтуете, руками машете. Влетит вам, а не мне.

— Ну и гадина! — еле слышно прошептала Арина рядом с Лерой, — плюнь на нее.

— Чо стоите, все свободны, — начальственно продолжила Маслова, — идите, убирайтесь в наших комнатах, отрабатывайте свою зарплату.

В столовой остались дежурные Наташа с Машей. Остальные помощницы вышли.

— Ладно, девочки, не берите в голову, — хладнокровно сказала Ника новым подругам, — в конце концов, она права: нам платят деньги. Так что не поддавайтесь на провокации.

— Но терпеть хамство... Это мазохизм... Золушка, называется... — слышались в ответ голоса.

— Ника права, — Валерия приобняла Нику за талию, — давайте не обращать внимания на все это. Посмотрите, в каком классном доме мы находимся. Ну, а наши хозяйки когда-нибудь свалят куда-нибудь, и мы оттянемся по полной...

— Ага, на их кроватях попрыгаем... — не удержалась Ольга. — Я согласна терпеть, если все будет в рамках допустимого.

— Девочки, и черт с ней, — продолжала Лера, — давайте подождем субботы. Вот вылетит эта мадам — и все будет нормально. Не может же быть, чтобы такую стерву оставили на проекте.

— А вообще, где здесь камеры? — Светлана Малькова вертела головой, — лишний раз ничего не сможешь сказать на такое хамство.

— Вера сказала, что они везде, блин, — присевшая на кресло Арина терла внезапно занывшие виски, — кроме ванн и туалетов...

— Да ладно, зато их включают с семи утра и до часу ночи... А потом можно что хочешь делать... И мы сможем намазать зубной пастой наших золушек, — Лера еле сдержалась, чтобы договорить фразу серьезно, и первая расхохоталась заразительно.

— Отлично, все в сборе, — откуда ни возьмись появилась Вера, — девочки, сейчас начнутся съемки, так что вы пока отдохните. Наши Золушки будут делать уборку по дому...

— Я бы хотела на это посмотреть, — шепнула Светлана Ольге на ухо.

— ...а потом они уедут в спа-салон. Ну и вам останется довести дело до конца, — Вера пальцем указала вверх, на второй и третий этажи.

— Так значит этот бардак ждал золушек! — не сдержалась Ольга.

— Молодец! — коротко прокомментировала реплику Вера и удалилась, приложив ладонь к правой щеке.

Через несколько минут появилась Карина Собак, она принесла в руках стопку пустых пластмассовых ведер, расставила их в одну линию в фойе. Тут же приготовили аппаратуру операторы Виктор и Макс, последний успел подмигнуть уходящей Нике.

15

Целую маски:

Время притворяться.

В разгаре карнавал!

В садовой беседке помощницы решили переждать показательную уборку. В доме остались только дежурные по столовой — Наталья и Мария, которые, помыв посуду, присоединились к сотоваркам:

— Люди, это цирк, вы бы видели... — девушки переглядывались друг с другом, не сдерживая презрительных улыбок.

— Я бы хотела посмотреть, как наша Танюша-дорогуша моет пол, — едко заметила Лера-Валерия.

— Да нет, девчонки нормальные, — Маша взобралась на перила, — почти все. Но у них маникюр-педикюр... Моют, а сами причитают. Оператор снимает, и они, типа, трут пол... Потом Виктор с камерой пошел наверх, а Макс ушел к нам, воды попить. Так большинство наших хозяйок тряпки побросали и давай ногти свои рассматривать.

— Ну и зачем такая показуха? — неодобрительно буркнула Олеся.

— У меня тоже маникюр, — Ника сокрушенно рассматривала рисунок на ногтях, — я столько денег отдала...

И все автоматически посмотрели на свои руки.

— Вон у Ольги нет маникюра, пусть она моет весь дом, — Лера успела заметить все.

— Это у меня профессиональное: попробуй сделать массаж с наращенными когтями.

Рассуждения о будущих вынужденных жертвах прервало появление Макса. Он только коротко бросил:

— В-вас Вера ждет.

— Все, «отмыли» дом наши золушки! — ухмыльнулась Арина.

— Ну да, теперь наша очередь, — поддержала Катя.

Светлана пристально смотрела в спину оператора, идущего к дому

— Слушайте, девочки, у меня такое ощущение, что я его где-то уже видела. Кого мне напоминает наш Макс, никак не могу вспомнить.

— Я думала, мне одной показалось, — Арина наморщила лоб, — я дома, как раз перед отъездом, один журнальчик читала. Этот, как его... блин, забыла фамилию... Короче, сын банкира... Как же его фамилия?... Кажется, точно похож на нашего Макса. Только в журнале, я еще обратила внимание, наш Макс с прической, как у Эминема, и смешной хвостик.

— Я тоже вспомнила, — неожиданно для всех, так, что несколько девушек обернулось, вдруг заговорила молчаливая Ксюша Мокина.

— Да нет, девочки, — Ника достаточно уверенно покачала головой, — вы, наверное, имеете в виду Артура Карамзина. Нет, это не он, можете мне поверить: я с Артуром и его братом в одной школе училась. Это не он.

— А я тоже так думаю, что не он, — спрыгнула с перил Маша, — это о нем или о его брате писали, что он голубой и трансвестит? Этот, кажется, нормальный, симпатичный... Мне брюнеты тоже как-то больше по душе... Пойдемте, что ли? Аботать, аботать и еще раз аботать...

— Меня бесит, когда мужики хвосты отращивают, — зевнула Арина, — был бы этот журнал здесь, мы бы над нашим Максом посмеялись.

Ольга неодобрительно покачала головой:

— Меня все утро истязали, а теперь за другого человека взялись бы, да? Вам свежей крови на завтрак не хватило?

— Не переживай, мы и без журнала, очень аккуратно, — Лера выбросила надоевшую жвачку в кусты.

... Бардак, как выразилась Ольга, теперь разбавил еще и хаос из брошенных тряпок и ведер с грязной водой; одиноко в фойе стоял пылесос. Но оператор Виктор невозмутимо сворачивал свою аппаратуру.

— Ну что, понеслась? — Ника подняла пылесос с пола. — Кто со мной на третий этаж?

— Давай я, — Ольга пошла к ведру, — начнем оттуда.

Остальные тоже быстро определились с фронтом работы, а когда работа уже кипела, в фойе спустились Золушки, старательно обходя инструменты для влажной уборки. Кто-то из уходящих бросил:

— Пока, девчонки, бог в помощь!

— Ага, и зарплаты большой, — добавила Маслова, — скоблите лучше!

— Я ж говорю, что среди них есть нормальные, — сказала Маша, когда дом покинула последняя золушка: — Это все дорогуша виновата, всех заводит, стерва.

Из столовой появился Макс, опять что-то жуя на ходу. Он деловито взял камеру с треногой и исчез в лифте. Слышно было, как кабинка зажужжала и тут же затихла. Выйдя на втором этаже, Макс установил камеру и навел объектив на помощниц.

— Максим, вы зачем нас снимаете? — на втором этаже мыли лестницу Ксения и Катя.

— Н-на всякий случай, на всякий случай... — пропел Макс.

— А почему вы с Виктором не уехали?

— А у н-нас уговор: он снимает, я — м-монтирую... Нет, от-тсюда неудобно снимать, — оператор опять спустился в фойе.

Очевидно, там он нашел лучший вид, потому что перемещался исключительно по какому-то установленному для себя отрезку. Вниз на лифте спустилась Ольга с мешком, наполненным мусором, и вышла на улицу, выбросить. Макс проследил камерой передвижение Ольги, а когда она вернулась, то стоял почти у двери.

— Максим, что ты тут снимаешь? — Ольга, проходя мимо, не удержалась и взглянула на изображение через плечо оператора. — Зачем тебе это надо?

Макс загадочно поиграл бровями:

— Т-тут столько интересного!

— Что может быть интересного в уборке? — отойдя несколько шагов, Ольга с подозрением остановилась. — А можно посмотреть?

Оператор отстранился от камеры и жестом пригласил подойти, уступил Ольге место у объектива, а сам встал позади:

— You are welcome!

— Ну и как тут поворачивать?

— Давай, Ольга, учись, — засмеялась Лера, протиравшая ступени, — дополнительная квалификация не помешает!

— Ой, я тебя вижу, помаши мне ручкой! — Ольга оторвалась от объектива и глазом сравнила расстояние. — Здорово! А можно еще приблизить?

— Л-легко! — Макс придвинулся еще ближе, почти обнимая девушку, положил свою руку на ее и теперь направлял движения камеры. — В-вот сюда нажимаешь — увеличивает, сюда — уменьшает... т-теперь поворачивай налево...вниз...

В какие-то секунды Ольга вдруг подумала не о том, что она видела, а о том, что она чувствовала: оператор вполголоса говорил ей, то почти касаясь губами уха, то обдавая дыханием шею; левая рука Макса достаточно крепко обхватывала талию, иногда нажимом давая понять, что нужно сместить объектив, а легкий приятный аромат одеколona, словно запах колдовского зелья, совершенно затуманил мысли. Опомнилась только тогда, когда изображение сидящей на корточках Кати увеличилось так, что стало видно бедра под юбкой:

— Ой!

Макс тихо засмеялся и перевел объектив ниже, на Леру. На этот раз камера крупным планом показала нижнее белье девушки, о чем Лера, энергично моющая ступени, даже не подозревала.

— Ах ты, негодяй! — Ольга вырвалась из объятий и хлопнула ладонью оператора по плечу. — Девочки, бейте его! Он к вам камерой под юбки заглядывает!

Все расхохотались.

— Я п-потом в интернет выложу, — Макс, смеясь, быстро выключил камеру и стал собираться, видя, что девушки собираются «напасть» на него.

— Макс, только приди на обед, подлец! — выкрикнула ему в след Лера.

— Обязательно п-приду! А во сколько? — Макс услышал реплику и опять заглянул в фойе.

Ольга пошла к лифту, качая неодобрительно головой и пытаясь на ходу остудить руками вспыхнувшее лицо:

— А вы говорите «голубой»... Облапал вполне натурально...

Убирать стало веселее, и Дом, кажется, начинал привыкать к этим внезапным взрывам

смеха.

16

Рассвет забрезжил.

Жужжание резвых пчел.

Начало жизни.

В двенадцать часов, как и обещала Вера, приехала Елена Чикина, ведущая кулинарной программы. Она по-дружески, словно со старой знакомой, поздоровалась с менеджером и попросила собрать всех девушек на инструктаж. Еще не пришедшие в себя после уборки, те уныло поплелись в столовую. Гостья оказалась очень милым человеком в общении, она заразила всех своим вкусными комментариями, и девушки заулыбались. Тут же возник с камерой новый оператор (Катя по секрету шепнула подругам, что его зовут Дима) и Макс, которого выгнали бы, если бы не Вера. Она уже посмеялась над рассказом об озабоченности молодого оператора, но предупредила, что съемки с Еленой Чикиной войдут в программу «Заткнись и ешь!». Девушки только покосились на Макса, кое-кто поправил на груди униформу.

Мастер кулинарных изысков привезла с собой охапку приправ и теперь разложила их на столе, словно для выставки, комментируя свойства и предлагая пожевать лист то одной травы, то другой. Затем убрала зелень — настало время для конкретной работы, приготовления обеда. Поскольку для этой части съемки нужны были только дежурные, то остались Маша и Наташа, а остальные удалились.

Ника вдруг своевременно вспомнила про неубранный цокольный этаж, в котором находился бассейн и зеркальная комната для тренировок.

— Эх, жаль! — Ксюша вместе с остальными сидели на краю бассейна и болтали в воде ногами, — я ведь хотела с собой взять купальник, а мама говорит: «Ты на курорт, что ли, собралась?» Ну, я и отложила.

— А я взяла, — однако радости в голосе Светланы не было, — только еще вопрос, разрешат нам здесь купаться или нет.

— Давайте спросим у Веры, вдруг разрешат? — Олеся поднялась. — Я пошла в зеркальную комнату: здесь у меня сил не хватит пол мыть, соблазнюсь и прыгну в одежде!

— Я с тобой, — Ольга пошла за Олесей.

— Вы не забудьте, что нельзя ремешок на воротнике мочить, — вдруг вспомнила Ника, — ладно, давайте убираться. Скоро дорогуша приедет, начнет опять что-нибудь придумывать.

— Слушайте, если Вера разрешит, давайте сегодня придем ночью, когда камеры выключат, и поплаваем. Отметим, так сказать, знакомство, — с воодушевлением обратилась ко всем Лера-Валерия.

— А купальники?

— Черт с ними, покупаемся голышом!

— Ты с ума сошла! — Ника вскрикнула так, что все вздрогнули.

— А что? — рассмеялась Лера, — подумаешь, посмотрим друг на друга.

— Я не буду, — покачала головой Ольга, — вдруг наш озабоченный Макс узнает.

— Ну, хоть один разумный человек, блин, — Ника, похоже, сама испугалась своей бурной эмоции и теперь от смущения ни на кого не смотрела, взяла швабру и начала мыть пол.

— Нет, сначала у Веры спросим, а потом уже решим, что и как, — Светлана мудро

расставила все точки над «и».

В зеркальной комнате Ольга выдохнула с завистью:

— Мне бы домой такую комнату! — плавно взмахнула рукой.

— Танцами занимаешься? — Олеся неловко попробовала повторить движение.

— Занималась. Смотри, тут сколько пыли! Ремонт, что ли, делали? — Ольга перевела разговор и энергично взялась за тряпку, теперь стараясь больше не смотреть на зеркала, чтобы избежать искушения.

День продолжал бурлить в прежнем, полном сюрпризов ритме. Золушки вернулись из салона красоты, благоухая парфюмом и в благостном настроении. Маслова без умолку возбужденно болтала, остальные тоже были расслаблены; к содержимому тарелок претензий не было, так что Верина бригада, не говоря уже о дежурных, вздохнула с облегчением. Но желанной послеобеденной сиесты не получилось: тут же приехал профессиональный фотограф со своими тремя расторопными ассистентками, которые принесли огромные коробки с реквизитом и полотно-фон.

— А я его знаю, — сообщила шепотом своим подглядывающим подругам Ника, — Рудольф Генрихович немного «того», но очень талантливый дядька. Знакомая модель мне рассказывала: замучает всех, пока проведет фотосессию — зато снимки с руками потом оторвут...

Откуда-то неожиданно, когда про нее совершенно забывали, словно постоянно напоминая о своем существовании, появилась Вера. Она вяло поинтересовалась о том, как прошел обед, и предложила воспользоваться присутствием фотографа — сделать памятный снимок.

— Представляю, какой у меня на фотографии будет замученный вид, — вздохнула Маша: — Я столько дел дома в неделю не переделывала.

Вера дала своим подопечным время отдохнуть и привести себя в порядок, пока дотошный Рудольфович «истязал» придирками золушек.

Карина Собак, после полуторачасовой фотосессии золушек, увела тех в зеркальный зал для знакомства с тренером по фитнесу, а потом долго занимала зевающих слушательниц разговорами и планами на неделю. За это время фотограф, словно поставив себе цель замучить всех особей женского пола в Доме, развернул бурную деятельность, хотя об этом никто из дирекции не настаивал. Когда пришла Вера с помощницами, фотограф так воодушевился симпатичными подручными менеджера проекта, что по просьбе Веры сделав пару стандартных групповых снимков, стал требовать индивидуальных кадров. Вера махнула рукой на чудаковатого фотографа и ушла, привычно в этот день прикрывая ладонью щеку, однако строго наказала слушаться Генриховича «от и до», на всякий случай.

И фотограф носился, как голодная пчела по полю, полному только что распустившихся цветов, выдвигая все новые требования касательно прически, макияжа, одежды. Надо было отдать должное его ассистентам-стилистам: те беспрекословно исполняли любой каприз «маэстро», прося простых смертных, оказавшихся на пути у Мастера, набраться терпения. Так Рудольф Генрихович заставлял Ольгу и ее смешливых сотоварок беспрестанно переодевать привезенные в коробках платья, иногда собственноручно стирал с лиц один make-up, рисовал пальцем в воздухе линии, объясняя своим неразговорчивым и послушным помощницам другой.

— Хорошо, что наших дорогуш Собак увела, — первой опомнилась Лера-Велерия, получившая свою порцию позитива от неугомонного фотографа и теперь наблюдавшая за

чужими пытками.

И действительно, те, кто успел подсмотреть фотосессию золушек, пришел к выводу, что Генрихович не разбирал, кто перед ним — будущая перспективная невеста или ее помощница, трущая полы. Он задумчиво схватился за свою козлиную бородку, увидев Ольгины косички, потом, извиняясь, крутил их так и эдак, пока в итоге не сделал два хвоста, повторив прическу, с которой девушка была на танцевальном кастинге. Оставшись довольным результатом, вдобавок приказал Ольге надеть совсем короткое сочно-бардовое платье — и воплотил в жизнь наивный и сексапильный образ японской мультяшной принцессы-феи, идола современных маленьких девочек.

— Ноги криво поставь... Вы ей звездочки пририсуйте и крылья за спиной, как у стрекозы... — хохотали некоторые с подачи Леры, наблюдавшие за перевоплощением, и Рудольф Генрихович выгнал их, не потерпев комментариев в адрес своего художественного видения.

17

Если бы не ты,
О боль, я не узнал бы
Запаха костров.

У Веры заболел зуб. Это было весьма некстати в самый первый день проекта, в день, когда должно было случиться по плану несколько важных событий. Днем, пока главному менеджеру приходилось управлять всеобщим хаосом уборки и принимать гостей, мозг заглушал пульсирующую боль, было легче. Теперь же, ночью, тишина уснувшего Дома убивала Веру. Имея индивидуальную непереносимость некоторых лекарств, Вера мучилась от очередного зубного «выстрела», вскакивая с кровати к аптечке — и возвращалась назад, едва не плача: страх перед последствиями аллергии был сильнее зубной боли. Измученная бессонницей Вера запоздало вспомнила о народном средстве, спустилась в столовую, сделала себе теплый содовый раствор и только тогда почувствовала облегчение, а возможно, просто свое взяла усталость. Боясь сглазить болевое затишье, Вера выключила свет и теперь дремала за столом, положив голову на сложенные руки, почти уснув, но всё же приподнимая голову при каждом пригрезившемся шорохе.

А последний звук был настолько явным, что проснулся даже зуб. Вера повертела шей, разминая затекшие мышцы; потеряла тяжелые веки — нет, не показалось: по дому действительно кто-то ходил крадучись, потом легко хлопнула дверь, которая вела в цокольный этаж. «Шестой час!» — Вера прищурившись взглянула на наручные часы, поднялась недовольно и, тяжело ступая, пошла в цокольный этаж, по дороге хватаясь за мебель и дверные косяки.

Внизу почти неслышно играла музыка. В бассейне было безлюдно, но дверь в бильярдную, переоборудованную в зал для фитнес-тренировок, оказалась плотно закрытой. Оттуда-то и просачивалась мелодия. Вера несколько раз дернула за ручку, морщась от усилий и слабости во всем теле, а когда заглянула, опешила. Перед зеркалом танцевала подопечная Веры, Ольга Николаева. Главный менеджер решила подождать: не было сил кричать. Так и стояла главный менеджер, прислонившись к дверному косяку и приложив теплую ладонь к ноющей щеке, пока девушка не заметила отражение случайной зрительницы. Ольга резко остановилась, выключила музыку и с виноватым видом пошла к Вере.

— Извините, Вера Александровна, я просто не хотела никого беспокоить. Мне сказали,

что камеры до семи утра выключены...

— Да ничего, — Вера оценивала ситуацию, насколько ей это могло позволить болезненное состояние, — все нормально, занимайтесь до семи, хоть каждый день. Только про свои обязанности не забывайте.

— Я помню. Мы с Никой сегодня дежурные по столовой, и меню на день уже готово.

— Вот и хорошо, — Вера взялась за дверную ручку, — я пойду: что-то я еще не проснулась. Не забудьте здесь потом все выключить...

— Спасибо, Вера Александровна!

— Просто Вера.

— Да... пожалуйста, не говорите никому про меня, ну, что я танцую...мне бы не хотелось.

— Хорошо, — менеджер попыталась улыбнуться, но улыбка получилась кривоватой, — никому не скажу. Все, я пошла...

Ольга с облегчением вздохнула и только сейчас обратила внимание на серые круги под глазами шефини:

— У вас что-то случилось?

— Наверное, пломба откололась. Кстати, я утром уеду к стоматологу, иначе умру. Так что вы до обеда как-нибудь без меня. Передашь нашим? Я пойду, нет сил стоять.

— Вы бы приняли обезболивающее.

— У меня аллергия на анальгин, а димедрола, как назло, нет. Так, пополоскала с содой — вот и все.

— Попробуйте валерьянку, спиртовой настой, немного разбавить теплой водой и подержите на зубе. Только врачу обязательно покажитесь.

— Попробую, — Вера слабо кивнула и закрыла за собой дверь.

18

Шахерезада,

Ублажай не сказками -

Шербетом сладким.

Позанимавшись еще несколько минут (появление Веры выбило из рабочего настроения), Ольга переделалась и отправилась на кухню, чтобы приготовить завтрак. Благодаря продуманным с вечера действиям, приготовить завтрак на двадцать пять человек было не сложно, хотя и пришлось поторапливаться: с сегодняшнего дня первыми завтракали золушки, к тому же вчера вечером, после всех событий, Маслова принесла список персональных меню на утро. Желающих особого внимания, к счастью поваров, было всего три человека.

— Не все такие дорогуши, как наша Танюша, — прокомментировала имена Лера-Валерия, — ты посмотри, два дня знакомы, а уже спелись...Прям, как мы.

Ольга не была избалована: потеряв в тринадцать лет мать, она научилась делать все. Свою лепту в воспитание внесла и мать Васи, крестная, тетя Люда, которая была ближайшей подругой Инне Ивановне. Готовила тетя Люда так, что на запах заходили проходящие мимо односельчане и спрашивали рецепт. «Интересно, крестной сейчас не икается? — улыбалась про себя Ольга, убирая пироги с мясом и рыбой в духовку, — вот бы ее сюда, в этот кухонный рай!»

Пока пеклись пироги, она успела приготовить кашу для Масловой и ее соратников по капризу.

— Блин, я проспала! — в кухню влетела Ника, на ходу протирая глаза и поправляя волосы. — Они уже идут!

— Не переживай, я уже все сделала, только на стол не все поставила, — Ольга разрезала пирог, — там, в кастрюле, каша твоей дорогуши.

— Спасибо, спасибо! Ты меня спасла! Обалдеть, ты это все сделала сама?

— Ничего страшного, это рецепты такие, несложные... Никусь, я пойду в душ, ладно? Не хотелось вас будить. Ты тут сама уж проследи. Я вернусь быстро, если душ не занят.

— Конечно, иди. А ты знаешь, что у нас Карина Собак сегодня ночевала? И она тоже придет на завтрак... О! Уже идут! — Ника торопливо расставляла на столе последние приборы.

Ольга пропустила в дверях золушек и ведущую, та сегодня была одета просто, в футболке и джинсах — похоже, ничего эпатажного на сегодня не предвиделось.

Увидев накрытый стол, Собак поинтересовалась, почему только у троих каша, и, получив ответ от Ники, усмехнулась. Во время завтрака шло обсуждение первого самостоятельного задания: нужно поразить своим талантом гостей в «зачетную» пятницу. Большинство собиралось петь, оригинальная Маслова — читать басню, кое-кто был в затруднении, не обнаружив у себя нужных талантов.

— Сегодня вы должны определиться с номером, — ведущая говорила, пристально разглядывая начинку пирога, — друг друга, разумеется, можете не вводить в курс дела, пусть будет секрет. Но меня предупредить надо, чтобы мы к пятнице успели приготовить всё, что вам нужно для вашей самопрезентации. К слову, вы можете воспользоваться правом совета со своими помощницами. Думаю, что они будут так же объективны, как и наши гости. Ну, и совет могут дать, какой-нибудь. Запомните, ваша самопрезентация будет решающей при выносе решения нашими жюри... Вкусный пирог... Татьяна, вы не боитесь переесть?

— Пирог пахнет хорошо, а каша — не очень. Поэтому я сегодня лучше не буду есть кашу, — самоуверенно, как всегда, заявила Маслова, пропуская мимо ушей смешки вокруг.

— У вас через час фитнес, так что за калории не переживайте: растолстеть мы вам не дадим. К тому же сегодня еще диетолог придет, он поможет вашим помощницам составить правильное меню.

— Ладно, — Маслова поняла намек и обернулась к Нике, — ты это, забыла, как тебя зовут... Нина?

— Ника.

— Ну да, Ника. Короче, не надо нам, троим, готовить отдельно. А то еще переработаетесь.

Собак улыбнулась себе в чашку, словно так и надо извиняться. Выражение на лице Ники было непроницаемо. Только когда на завтрак пришли ее подруги, Миусова пожаловалась:

— Второй день — и опять это хамство от нашей дорогуши.

— Плюнь, — посоветовала Светлана, — мысленно поставь стену вокруг себя, и пусть эта мегера брызжет себе ядом.

— Самое интересное, что мы каждую неделю, если не уйдем, будем меняться хозяйками. Я потом посмотрю, как ты эту стену будешь строить.

... Перед обедом на кухню, где вместе с Ольгой и Никой колдовала Елена Чикина, ведущая кулинарной телепередачи, заглянула Ирэн Артияян, «хозяйка» Ольги. Увидев, что не до нее, она удалилась, жестом показав, что хочет поговорить тет-а-тет.

— Что это было? — Ольга, расставляя на столе миски с овощами, шепотом спросила у

Ники.

— Наверное, посоветоваться хочет по поводу пятничной самопрезентации, — еле слышно ответила Ника, боясь рассердить главного кулинарного эксперта.

Оператор Макс был тут же, готовился к съемке для кулинарного канала — особо не поговоришь. К слову, Нике и Максиму стоило немалых усилий убедить Ольгу принять участие в программе. «Ты ненормальная? — удивлялась Ника, — тебя же по телевизору покажут!» — «Вот этого-то я и хочу избежать. Я здесь не затем, чтобы звездить! И вообще, это золушек должны снимать...» — ворчание Ольги подало новый повод для полемики среди помощниц. Утром на гвалт в столовой заглянула Вера и одной фразой о том, что договор, дескать, уже подписан, и поэтому Ольга не имеет права отказываться, прекратила все препирательства. «А вдруг нашу Лельку объявили в розыск, и она поэтому не хочет участвовать в съемках?» — в заключение сказала Лера, громко, чтобы зануда дня услышала эту фразу.

Так или иначе, перед съемкой Ольга, хотя и помнила о трех камерах, закрепленных под потолком, попросила Максима меньше наводить на нее объектив, снимать больше Елену Чикину и Нику. Но ведущая, заметившая остатки утреннего пирога, как назло, в процессе задавала Николаевой, готовой спрятаться под столом, вопросы, на которые невозможно было дать короткое «да» или «нет», так что пришлось-таки махнуть рукой на сложившиеся обстоятельства. В результате словесной провокации со стороны гостьи Ольга рассказала немного о себе, о своем кулинарном опыте, подробнее — о мастерстве крестной; случайно на память пришла парочка смешных случаев — и от волнения она, уже не контролируя себя, поделилась ими, чувствуя пламя на щеках и стесняясь притронуться к ним ладонями, чтобы охладить.

Ника ядовито фыркнула после окончания съемки: «Ну-ну, это называется «не снимайте меня, пожалуйста, крупным планом». Театр одного актера. Больше выпендривалась...» «Ничего, Максим вырежет лишнее, да?» — Ольга, переживая свою проклятую минуту славы, с надеждой посмотрела на улыбчивого оператора, сворачивающего аппаратуру. «Д-даже не обещаю. Зд-дес-дес я н-не имею ник-какого отношения к м-монтажу», — прозвучал ответ.

Как бы то ни было, перед своим отъездом Елена Чикина попрощалась с расстроенной Ольгой особо — пригласила «как-нибудь после этого проекта» пожаловать к ней еще раз на передачу. «Лучше уж вы к нам...», — Ольга даже не улыбнулась, продолжая клясть себя за словесную невоздержанность.

После обеда Ирэн терпеливо ждала Ольгу в беседке, золушка объяснила помощнице, что не хочет петь, потому что уже шестеро соперниц собрались делать то же самое, а других идей, кроме чтения стихов и басен, в голову не приходит.

— Почему обязательно нужно так себя презентовать? — Ольга не чувствовала неприязни к своей хозяйке, как это было между Масловой и Никой, тем более, что Ирэн вела себя очень скромно и уважительно по отношению к другим присутствующим в доме, включая обслуживающий персонал. — Почему нельзя, например, приготовить что-нибудь вкусненькое, показать себя, так сказать, хорошей будущей женой? Ведь, как я понимаю, это ваша конечная цель на этом проекте, — выйти замуж. Какой прок от жены, поющей красивым голосом на кухне во время приготовления ежедневного омлета?

— Я бы с удовольствием: люблю готовить. Но Собак предупредила, что такой конкурс еще будет, это пока на вас тренируются. Поэтому в пятницу я должна показать нечто зрелищное.

— Жалко, — согласилась Ольга, — а кто будет в гостях, мужчина или женщина?

— Кажется, Антон Ракамский и Павел Асхатов, если ничего не поменяли.

— Ну танцевать-то умеешь? Вы же на Кавказе все танцуете.

— И что я им станцую, народный танец? Даже если Карина найдет костюм и музыку, это все равно будет не то: все решат, что я продвигаю свою национальную культуру.

— А что в этом плохого?

— Это не тот проект, понимаешь?

— Нет.

— Карина вчера нам долго объясняла, что первая наша презентация должна зацепить мужчину независимо от его возраста и национальности. Номер должен быть зре-лиц-ным. То есть я должна уметь делать то, за что меня мой муж ни на кого не променяет.

— Понятно, — Ольга не удержалась от иронии: после съемки ужасно хотелось быть злой, — заводит твой муж себе любовницу, вернее, клеится к нему какая-нибудь дамочка вся из себя. А тут ты — раз! — и устраиваешь ему романтический вечер с концертной программой своих талантов. Он смотрит на тебя и думает: «Какой я был дурак, что запал на ту ля-ля-ля. Моя жена лучше всех!» Потом звонит своей несостоявшейся любовнице и говорит: «А знаешь, как моя жена классно басни рассказывает? Так что не звони мне, дорогая, больше». Примерно так?

— Смеешься, да? — Ирэн прижала подушечки указательных пальцев к уголкам глаз, — тебе легко говорить, а для меня это первое задание, если вылечу самой первой — позор будет на весь Ереван. Я домой тогда не вернусь, знаешь, что мне братья сказали? Я обязательно должна из-за них сделать все возможное. Лично мне победа не нужна, главное — не опозориться. А что делать, всю ночь думала — и не придумала. Пришла к тебе, свежей голове, надеялась, что ты посоветуешь что-нибудь дельное...

Ольга долго раздумывала, прежде чем решиться. Заговорила только тогда, когда Ирэн всхлипнула и отвернулась.

— Не переживай, — Ольга решительно прыгнула с перил, — ну-ка, встань рядом... Если очаровывать мужчину, то только восточным танцем. Сейчас они в моде. И без всякой национальной ориентированности. Надеюсь, смелости хватит у тебя?

— Я?! Я боюсь! — Артисян взмахнула своими красивыми длинными пальцами.

— Тогда пой!

— «Пой»... Я же сказала, что это ерунда. Просто я же не знаю танец живота.

— Я тебе и не предлагаю этого, просто научу простым, но эффективным движениям. Без всякого живота. Мы его прикроем. Все будет нормально. Есть, правда, ещё вариант, могу научить накладывать асептическую повязку, тоже зрелищно, особенно в области тазобедренной кости. Ничего другого больше предложить не могу.

Ирэн смеясь бросилась серьезной Ольге на шею:

— Не надо повязки, спасибо! Боже, как мне повезло с помощницей!

— А мне с хозяйкой, — вежливо ответила Ольга на комплимент, отстраняясь, — только, Ирэн, это мое условие, никто не должен знать, что именно я тебе дала костюм и научила. Понимаешь? Я пока никому не хочу об этом говорить.

— Я — рот на замок, — черные глаза Ирэн заблестели, — когда начнем?

— Когда все лягут спать, ладно? Или можно утром, часиков в пять-шесть, до завтрака.

Ольгина золушка была «совой», поэтому решено было репетировать в строгой секретности, ночью.

Забыл о славе,
Пленный ароматом
Простой фиалки.

Времени, и правда, оставалось совсем мало: среда и четверг, хотя карт-бланш от Карины Собак на свободный выбор режима дня в эти дни был весьма кстати. Нервозностью страдали все золушки, а от них заразились помощницы. Первым хотелось выступить на ура: никто не желал покинуть проект в конце первой недели; вторые, помощницы, оставшись довольными событиями первой недели (фотосессией и съемкой для «Заткнись и ешь!») мечтали о более длительном пребывании в Доме. Одна Маслова сохраняла невозмутимость, высмеивая репетиции у караоке, гнусаво подпевала, проходя мимо, и сама, то ли желая заморочить всем голову, то ли из соображения секретности, собиралась то петь, то плясать, то рассказывать басню, и, к счастью для Ники, не подключала свою дублершу к подготовке, презрительно фыркая:

— Обойдусь без чужих бездарных советов!

Пока Маслова демонстративно избегала Нику, Ирэн Артисян, наоборот, как никто из золушек, почти не расставалась со своей помощницей и всё не могла понять причину нежелания той репетировать днем и, тем более, — при свидетелях. Секретность придавала особую пикантность подготовке, но Артисян была не любительницей острых ощущений, и поэтому только из-за жгучего желания одержать-таки над собой победу Ирэн терпела Ольгино упрямство и свой личный недосып. Поначалу умная золушка заподозрила в помощнице низкую самооценку, каковой обладала сама (знала, но не боролась) и собралась было в качестве благодарности поднять комплиментами уверенность Николаевой, но, слава богу, передумала, вдруг сообразив: это вовсе и не блажь, а некое хладнокровное отречение от славы, похожее на монашеский обет.

«Улыбаться, смотреть в глаза и слушать музыку», — стало молитвой Ирэн на два дня. Эти несколько слов Ольга повторяла постоянно во время репетиций, и великовозрастная ученица с восхищением наблюдала чужое мастерство и никак не могла поверить в то, что для выступления, чтобы никто не заметил промахов, понадобится всего лишь — улыбаться искренне, смотреть в глаза гостям-судьям и попадать движениями в такт музыке.

Оператор Дима, нечего и говорить, пожалел о том, что ему пришлось поставить Веру в известность о намечающемся на всю страну стриптизе — очень уж хотелось посмотреть на переодевание девушек. И все же бессменный звукооператор был полностью вознагражден за свое терпение полученной дозой эстетического наслаждения от второй ночной репетиции Артисян и Николаевой. Ничто так не украшает женщину, как яркий восточный костюм — Дима в одиночку не вытерпел пытки созерцания полуобнаженной, покачивающей соблазнительно бедрами Ирэн и разбудил остальных операторов, Виктора и Макса, приобщил мгновенно заинтересовавшихся молодых людей к ночному искусству Дома.

Но Ольга, продолжавшая верить, что ночью камеры не работают, и скромница Ирэн, к своему счастью, не услышали закадровых комментариев в свой адрес и продолжали работать над пластикой: Ирэн — в Ольгином танцевальном костюме, Ольга — в короткой маечке и облегающих стройные бедра трико, позволявших не менее четко разглядеть гибкость их хозяйки.

В четверг, последний день перед пятничной утренней презентацией, решающую репетицию, когда качество танца находилось уже на приемлемом уровне, Ольга назначила встречу на послеобеденное время, напомнив Ирэн, что днем золушка должна будет

поработать сама, без активных подсказок, и черноглазой участнице Проекта пришлось подчиниться.

— Давай сейчас один прогон с подсказками, а потом все, сама, как будто на самопрезентации, — Ольга уселась на стул напротив Ирэн, — ставь самостоятельно музыку, будто меня здесь нет.

— Ох, как я волнуюсь! — Ирэн покрутилась у зеркала, подвигала бедрами, заставив звенеть монетки и бисер на расшитом поясе, — может, со мной рядом, а?

— Нетушки! — Ольга показала пальцем на камеру, — я здесь так, за компанию.

Ирэн включила музыку и стала танцевать, помощница только негромко подсказывала: «Поворот... рука... бедро... поворот...». Композиция отзвучала, и в тишине стали слышны стуки в дверь.

— Д-девчонки! Откройте! Я ж-же знаю, что вы т-там! — голос Макса был весьма некстати.

Ирэн пожалала плечами, и Ольга пошла к двери. Макс держал в руках камеру:

— Всех от-тснял, вы одни ост-тались.

— Кругом камер без твоей хватает, — Ольга опять вопросительно посмотрела на свою «хозяйку», ожидая ее решения.

— Это н-нужно д-для субботнего отчета. Вы репетируйте, а я п-поснимаю.

— Та-а-ак, это без меня! — Ольга обошла оператора и встала за его спиной.

— Да ладно, — Ирэн сделала вопросительный жест, — посветилась бы рядом...

— Мне вашей «Заткнись и ешь!» вот так хватило... Начинай.

— М-мировой славы не хочешь, — пошутил Макс, — я всех п-парами снял, никто не отк-казался.

— «Мировая слава» — скажешь тоже. Критика на все село... Хватит разговоров, Ирэн, танцуй! Представь, что Максим — это Ракамский или Асхатов. Помни о контакте глаз.

Ирэн начала танцевать. Ольга, сложив руки, стояла позади оператора, и, если Макс смещался, делала синхронно шаг, перемещаясь, дабы по-прежнему остаться вне поля зрения объектива.

Когда танец закончился, в ответ на вопросительный взгляд своей раскрасневшейся хозяйки Ольга только покачала головой, вздохнула и обратилась к молодому человеку:

— Максим, ты можешь прокрутить для Ирэн ее танец?

— А что, я со стороны ужасно выглядела?

— С танцем все нормально, только у тебя был такой напряженный вид, как будто ты танцуешь под страхом смертной казни. И все хочу спросить: зачем ты кусаешь губы и возводишь глаза к потолку? Вчера же, то есть сегодня, на... — Ольга быстро взглянула на Макса, — предыдущей репетиции все было нормально. Ты Максима, что ли, испугалась? Что же ты завтра будешь делать, когда будет толпа?

— ...Ка-ашмар! Это я? — Ирэн смотрела запись.

— Давай еще раз и помни об улыбке. Максим, ты еще снимешь?

— Б-без п-проблем, если надо.

С половины танца Ирэн остановилась и выключила музыку:

— Нет, я не могу больше! — села расстроенная на пол, — я устала.

— Так работай вполсилы: сегодня отоспишься, и все будет нормально, — Ольга подошла к ней и присела на корточки рядом, — Максик, выключи камеру, пожалуйста.

— Да я не в этом смысле, — Ирэн вытирала выступивший на носу пот, — когда я

начинаю думать про эту улыбку и контакт глаз, забываю движения...

— Да не думай ты о них, ты просто представь себе, что все тебе должны крупную сумму, если уж не в состоянии изобразить влюбленность.

— К-класс! А эт-то как это? — Макс крайне заинтересованно приготовился к разговору о женских хитростях.

Ольга покачала обреченно головой и долго молча оценивала Макса, с иронией ожидающего ответа, и вытянувшую на полу ноги Ирэн.

— О Аллах! Вставай, иди к Макс, я покажу еще раз, так, на пару секунд.

— Эт-то надо зап-печатлеть, — оператор тут же вскинул камеру на плечо.

— Только попробуй! — пригрозила ему Ольга — или не мешаешь, или уходишь отсюда.

— Л-ладно, я ост-таюсь, — Макс вскинул руки вверх, и, как грозное оружие, осторожно положил камеру в угол, — т-только я бы хотел увидеть т-тебя в костюме.

— О, она классно танцует! — Ирэн показала большой палец.

— Издеваетесь, да? — Ольга с укором покачала головой и кивнула на камеру, — а потом на youtube?.. Ну, уж нет.

— А я к-камеры закрою, — Макс скорчил рожицу, не рассмеяться на которую было невозможно, — идет? И т-танец в костюме?

— Без камер? — недоверчиво повторила Ольга.

— Б-без! Н-ну что, зак-клеиваю?

— Вот вы как дети! — Ирэн добродушно рассмеялась, — так мне раздеваться?

— С-супер, еще и на стриптиз п-попал! — молодой человек залез на стул и в одно мгновение завесил одну из камер забытым кем-то полотенцем, объектив другой — стянутой с себя футболкой.

— А теперь выйди, мы переоденемся, а то еще будешь за ширму заглядывать, — Ирэн подтолкнула оператора к выходу.

— Иду, иду... Т-только не обманите, иначе я в-всех сюда п-приведу...

— Шантажист, — проворчала Ольга, спохватываясь и отводя взгляд от татуированного мелкого дракона на голой спине Макса.

— Эх, наших бы сюда, чтоб обзавидовались, — Ирэн через ширму передала Ольге верх от костюма.

— Еще одна взялась...

— А вообще мне этот Макс нравится. Прикольный такой. Вчера утром к нам с камерой пришел, мы толком еще не проснулись. Я только из душа вышла, естественно, в халате, а Зоя и Шурка — в нижнем белье. Воплей было!.. Еле выгнали. Потом слышим: такой же визг в соседней комнате.

— Да, Макс обманул мое первое впечатление, оказался самым настоящим шутком, — Ольга распустила косички из хвоста, — он тут единственный парень нашего возраста, вот и сходит с ума.

— Зря ты так о нем, — не согласилась Ирэн. Она уже переделалась в свою одежду, вышла из-за ширмы и теперь поправляла у зеркала прическу, — позавчера наша Танюша чуть не покатила с лестницы, Макс ее подхватил и на руках снес вниз. Было красиво.

— Ну да, и поэтому она отказалась от своей каши на завтрак. Знаешь, что мы с тобой забыли? Про обувь. Ты в чем будешь танцевать?

— Босиком. Если я еще и туфли одену, то...

— Босиком, так босиком... А я не могу без шпилек. На каблуках идет немного другое

перераспределение энергии движений. Кстати, как-нибудь попробуй.

— Д-девчонки, н-ну вы скоро? — Макс постучал в дверь, — я т-тут уже не могу, щ-щас умру от любопытства...

Девушки прыснули со смеху:

— Заходи! — Ольга поправила свои вещи, переброшенные поверх ширмы, — ты садись на стул, как будто ты — Ракамский, а я — Ирэн.

— Класс! — Макс окинул взглядом Ольгу с ног до головы, — а я-то, б-балбес, хотел тебе п-помочь сбежать... и п-пропустил бы такое шоу.

— Помолчи! Лучше бы я сбежала: теперь буду терпеть твои шуточки.

— А?..

— Помолчи немного, я не успела обуться.

Ольга достала из своей сумки пару серебристых изящных босоножек на шпильках.

— Ух, ты! — Ирэн не выдержала и подошла ближе, — ты на них не убьешься?

— Это моя волшебная обувь. Я привыкла к ней.

— Жалко, что никто не видит. Оль, ну можно позвать остальных?

— Не сегодня, — она была непоколебима, как скала, — мы много болтаем, а времени все меньше и меньше.

— Н-ну и к-как можно «изобразить в-влюбленность»? — Макс закинул ногу на ногу и скрестил руки.

— Не зли меня, — Ольга, стоя спиной к «зрителям», минуту прислушивалась к некоей оперной арии со своего диска, будто входя в образ и не оборачиваясь на смешки и возню за своей спиной, лишь пальцем, не поворачиваясь корпусом, погрозила в направлении «зрителей». Наконец кивнула своим мыслям, быстро нашла нужную мелодию и повернулась к «Асхатовым». Макс и Ирэн толкались на единственном стуле, пытаясь спихнуть друг друга. Взгляд и выражение лица обернувшейся Ольги заставили Макса уступить, он тут же позволил вытеснить себя, раскрыл рот в изумлении и весь танец стоял, как зачарованный.

Едва музыка зазвучала, танцовщица едва подмигнула Ирэн: «Учись, студент!» — а потом смотрела только на Макса, зацепила его, будто в наказание за глупые шутки, призывной улыбкой и взглядом, то дразня одним движением брови, то приближаясь к нему на близкое расстояние и удаляясь. На лице молодого человека, пораженного лицедейством, было столько смешанных эмоций, что сложно было выделить преобладающую. Он даже немного порозовел от волнения, когда поддался на провокацию и сделал шаг вперед, повинувшись движению пальцев танцовщицы.

— Ну как? — оттанцевав, Ольга остановилась, продолжая по привычке улыбаться, но уже отведя глаза от «соблазненного».

— Здорово, — вздохнула Ирэн, — те же самые движения, но совсем другое восприятие. Я все равно так не станцюю. Макс, как тебе?

Он подошел к Ольге и поцеловал ей руку:

— М-мы в в-восхищении!

Повисла неловкая пауза: Макс смотрел на изменившуюся в лице танцовщицу, а Ирэн — во все глаза на эту застывшую «скульптурную» композицию, красноречивости которой позавидовал бы Церители.

— Я же сказала, что он шут! — девушка с возмущением вырвала руку, — как можно к нему относиться серьезно?

— А что он такого сказал? — опешила Ирэн.

— Ничего, «королева в восхищении...» — по лицу Ольги было видно, что она явно рассержена, хотя теперь и избегала того самого «контакта глаз» со стоявшим перед ней вполне серьезным Максом, — уходи!

Оператор удивленно разглядывая лицо визави, потом, очевидно, некая мысль, которая все объясняла, пришла ему в голову, и он от души рассмеялся.

— Я с-случайно, извини. Н-никакой иронии, ч-чес-с слово.

— Уходи! — Ольга пошла к ширме.

— Ухожу, ухожу, — Макс подпрыгнул, стягивая футболку с камеры, — не К-коровьев я. М-мне лично б-больше Бегемот нравится.

— Да что происходит? — возмутилась Ирэн.

— Б-булгакова читать надо, — Макс обернулся к Артисян и поднял с пола свою камеру.

— Все настроение испортил, балбес, — Ольга зло расшнуровывала босоножки, — случайно он...

— А я ничего не поняла. Причем тут Булгаков? — Ирэн растеряно стояла, опершись спиной о зеркало. — Ну подумаешь, пошутил... Или у вас какие-то особые отношения?

— Какие «отношения», прости господи? — простонала за ширмой Ольга, — я его еще это «камеру влево, а теперь вправо» помню... ах да, тебя же тогда не было...

— Ты знаешь, если бы ты меня не предупреждала про взгляд, ну, который «контакт глазами», я бы подумала, что между вами что-то есть. Он так на тебя смотрел!

— Все мужчины так смотрят. Иногда и женщины. Вот и ты завтра не смущайся.

— Неужели тебя это не возбуждает? Я имею в виду эти взгляды?

— Так я же понимаю, что это всего лишь игра: работа есть работа, — Ольга застегнула молнию на сумке с костюмами. — Завтра я поглажу костюм и принесу тебе в комнату.

— Спасибо. Мы больше не будем сегодня репетировать?

— Давай в последний раз, что-то настроения нет. Эх, этот дурак всю песню испортил.

Ирэн неодобрительно покачала головой:

— И что ты разозлилась, никак не пойму: то «балбес», то «дурак»?

— У тебя по русской литературе что было?

— Пять, я с золотой медалью школу окончила, — заподозрила подвох в неожиданном вопросе золушка, — а при чем тут это?

Ольга, кусая губы, непроизвольно растягивающиеся в улыбке, пошла к музыкальному центру включить музыку:

— Да так, к слову что-то... Но ты права: Макс, и правда, не тот, за кого себя выдает.

20

У самых ног моих

Летают ласточки.

Предчувствие томит.

Маргарита Павловна в предвкушении новых положительных эмоций устроилась перед телевизором. На изящном стеклянном столике рядом с креслом — запечатанная бутылка красного вина, два фужера и закуска на тарелочках.

— Дорогой, ну ты скоро? — Маргарита Павловна час мучила супруга, пока он добирался из банка домой, — осталось десять минут... Хорошо, хорошо, я не буду больше звонить...

Она положила телефон на столик, окинула взглядом приготовленную закуску и побежала за штопором, про который забыла. Банкир опоздал на минуту, передача-отчет только началась, и шла заставка.

— Я руки помою, — он засучил рукава.

— Садись, на рекламе помоешь, — жена протянула ему бутылку, — лучше открой вино. Все, тихо! Слушай!

...Карина Собак стояла у входной двери дома проекта:

— Здравствуйте, уважаемые телезрители! Судя по итогам посещения нашего сайта (напоминаю, один тэвэ — точка — синдерелла — точка — ру) начало неплохое. Сегодня в нашей программе: десять имен, десять красавиц; самопрезентация наших участниц, а так же сюрприз для телезрителей, о котором будут знать только они, наши телезрители. Итак, знакомьтесь с участницами...

В это же самое время в Доме, в кабинете, куда приходили участницы потренироваться в пении с караоке, стоял телевизор. Сама комната была до отказа заполнена обитателями дома: здесь были золушки, вся Верина бригада, оба оператора, Вера и сама Ксения Собак.

При представлении с телеэкрана очередной участницы присутствующие аплодировали. Ведущая стояла неподалеку от телевизора с хладнокровным видом и иногда многозначительно переглядывалась с Верой, но никто этого в море всеобщего волнения и азарта не замечал. Впрочем, в комнате было еще четыре человека, сохранявших спокойствие. Виктор и Макс уже видели передачу, поскольку сами имели непосредственное отношение к монтажу, они больше наблюдали за реакцией девушек, подобно зрителям в театре, актерами в котором были девушки. Была невозмутима Маслова, время от времени она отводила взгляд от телевизора и обзревала очередной взрыв эмоций, еле уловимо усмехалась и снова «возвращалась» к выпуску. Но Маслова перестала бы быть собой, если бы не выкрикнула невпопад пару фраз во время просмотра, и каждый раз (девушкам было не до того, они только фыркали) Макс и Виктор покатывались со смеху.

Четвертым человеком была Ольга: она изначально негативно относилась к проекту, и поэтому, в противоположность другим помощницам, когда замечала себя на заднем плане, то хмурилась, то качала головой, то опускала глаза и стыдливо потирала лоб, то вздыхала с обреченным видом заложницы и перебирала пальцами некие свои талисманы на цепочке.

Макс, стоящий у двери лицом ко всем девушкам, с улыбкой наблюдал за Ольгиными контрастными переживаниями.

После третьей рекламной паузы Николаева не выдержала и стала пробираться к выходу. Вера вопросительно кивнула ей, и девушка в ответ притронулась к вискам и помахала пальцами, показывая, что душно. Вера медленно моргнула глазами, разрешая выйти. За Ольгой в коридор выскользнул Макс:

— Т-ты чего?

— Батарейка села.

— К-какая б-батарейка?

— Голова болит — я пойду спать, иначе завтра целый день буду от мигрени мучиться, — Ольга устало прикоснулась к плечу Макса, — спасибо за беспокойство. Спокойной ночи.

— Сп-покойной ночи... — оператор немного постоял в коридоре, рассеянно провожая взглядом выдохшуюся Ольгу.

21

Расцвечено небо

В цвет радуги — счастья.

Кисти еще мокры.

— Ой, как я удачно получилась! — воскликнула Ирэн Артисян, когда показали фрагмент ее выступления, вызвавшего восхищение у известных актеров. Перед презентацией Ольга так напоила Ирэн валерьянкой, что танцовщица показалась гостям немного томной. Артисян даже вошла во вкус, почувствовав вдохновение, а Макс из-за камеры показал ей «окей»: ученица оправдала ожидания своей учительницы, и справилась, как с движениями, так и с «контактом глаз».

— Все нормально смотрятся! — подытожила Александра Сергеева, — а Татьяна с гитарой была просто супер!

— Да тихо вы! — кто-то из помощниц зашипел рядом.

— ...Итак, согласно решению жюри, в конце этой недели ни одна золушка не покинет нашего проекта, — вещала с экрана вторая Собак, — но на сегодня и это еще не все: смотрите нас после рекламного блока.

На три минуты атмосферу комнаты заполнило безумие. Золушки ликовали, а их помощницы с облегчением поздравляли друг друга. И вдруг изображение на экране потухло, в кабинете стало темно.

— О-о-о! Включите свет! Только не это! — ликование сменилось отчаянием.

Кто-то услышал на небесах, и тут же зажглись настенные бра и люстра. Но Карина Собак не стала его включать телевизор повторно, не взирая на жалостливые просьбы, закрыла собой экран:

— Нет, дорогие мои. В следующий раз вы увидите выпуск только у себя дома.

Восстановилась тишина.

— Сегодня это был подарок лично от нашей съемочной группы. Но у меня есть еще один, индивидуальный, — ведущая махнула рукой оператору Виктору, и тот подал ей стопку журналов, — журнал «Страницы гламура» стал одним из спонсоров нашего проекта. И, начиная с этого номера, до конца проекта, здесь будут ваши фотографии.

Собак раскрыла разворот журнала с общей фотографией золушек. Вздых восхищения стал лучшей заочной похвалой работе чудака Генриха Рудольфовича.

— Сегодня я каждой золушке дарю этот экземпляр, — пока ведущая говорила, Вера помогала раздавать журналы, — но в следующем номере будет индивидуальная фотография той, за которую больше всего проголосуют посетители интернет-сайта и наши телезрители... На этом, пожалуй, на сегодня все...

— Ну, пожалуйста, включите телевизор, ведь еще же десять минут осталось!

— Напоминаю всем, — хладнокровно продолжала Собак, не поведя и бровью, — что, начиная с сегодняшнего дня, вы звоните только через оператора. Сначала набираете номер один-один-один, потом называете оператору свой телефон и ждете соединения.

— Оказывается, до этого дня были только цветочки, ягодки будут впереди! — шепнула на ухо Олеся Светлана.

— Это точно!

— Девушки! — Собак демонстративно выдернула из удлинителя вилку от антенны, — сейчас почти одиннадцать, и у вас всего один час, чтобы позвонить своим родным. Ровно в двенадцать линия будет недоступна. Виктор, помогите здесь все отключить и унесите, пожалуйста, лишние шнуры.

— Мои девочки, спуститесь со мной в столовую на пару минут, — Вера первой показала пример, двинувшись к двери.

... В это же время в квартире банкира сверкали молнии и гремел гром праведного гнева. Забыв про свежую закуску и вино, отец семейства не мог остановиться от возмущения:

— Я спрашиваю, на что я даю деньги? Или я такой дурак — это у меня на лбу, вот тут, написано? — разгневанный зевс с такой силой постучал себе пальцем по лбу, что на коже остались белые пятна.

— Да успокойся ты, дай досмотреть до конца, — Маргарита Павловна всегда была прохладной водой для горячего, как неукротимое пламя пожара, супруга, но сегодня она, кажется, наслаждалась буйством.

— Одна поет, другая танцует, третья — на гитаре играет... Да я лучше сына в армию отправлю!.. И кстати, слав-те-господи! — Дмитрий Иванович истово криво перекрестился, — что ты этого балбеса туда не засунула! Я представляю: нате вам, дорогие мои журналисты, новую историю про моего сына-идиота! Красота! Вот бы потешились умные люди! Слушай, а давай, а? Давай, дай ему там работу: пусть траву стрижет, мусор выносит, заодно с парочкой шлюх познакомится, развлечется. Давненько он у нас...

— Тихо-тихо!

— Что «тихо», что «тихо»? Чем эти девки лучше местных проституток, а?

— Нормальные девушки и очень талантливые...

— Да что ты, в самом деле издеваешься? — банкир вскочил с места.

— Митя, ты куда?

— Выпить. Я. Хочу. Нормальной водки. Со стрихнином. Чтобы легче пошла, — прорычал супруг, — я не могу больше на это смотреть!

— ...Согласно данным нашего сайта (один тэвэ — точка — синдерелла — точка — ру), уже три тысячи пятьсот восемьдесят четыре человека в курсе того, что происходит на нашей фабрике невест. Напоминаю, что камеры работают круглосуточно, но наши герои об этом даже не догадываются, поэтому самое интересное можно увидеть именно после того, как девушки считают, что никто за ними не наблюдает... А теперь сюрприз для наших телезрителей. Среди наших золушек есть одна, не вполне обычная девушка. Это молодая и

еще пока никому не известная актриса, родом из Болгарии. Она будет помогать мне выводить на чистую воду ненастоящих Золушек, тех, которые утаили темные пятна в своей биографии (от нашего жюри), тех, которые будут не соответствовать образу идеальной подруги и жены. Итак, начиная с этой минуты, я жду ваших смсок по указанному ниже номеру с именем нашей золушки-провокатора. Первым двадцати, угадавшим имя провокатора, я подарю экземпляр журнала «Страницы гламура» и футболку с логотипом нашего проекта...

— Кстати, число двадцать является знаковым для нашего проекта. Почему, спросите вы. Ответ на этот вопрос я дам ровно через неделю. Смотрите сводки нашего проекта ежедневно в двадцать два ноль-ноль и повтор в девять утра, а так же еженедельный отчет в субботу в это самое время. Девушки, заходите на наш сайт, оставляйте свои комментарии и пожелания — самые интересные мы передадим нашим участницам. А вы, холостые и богатые парни, заполняйте анкету на нашем сайте и ждите звонка от наших менеджеров: вполне возможно, вам улыбнется удача, и встретитесь с любимой золушкой. Предупреждаю сразу, — Собак лукаво улыбнулась, — мы позвоним самым перспективным и порядочным женихам. На сегодня у меня все. До встречи через неделю!

— Вот-вот, — последние слова едко прокомментировал вернувшийся банкир, — он грузно сел рядом с женой, — что это, по-твоему? «Звоните нам, пишите, и мы устроим вам встречу» — сутенерство, только на всю страну.

— Ты успокоился, Митя? — Маргарита Павловна выключила телевизор и развернулась всем корпусом к супругу.

— Нет! Завтра же позвоню твоему Стрэну и потребую найти себе нового спонсора.

— Да успокоись ты или нет? — вспыхнула супруга, — ты мне слово не даешь сказать!

— А у тебя есть что-то добавить? — банкир уперся кулаками в ляжки, и это был плохой знак для собеседника. — Ты мне сама говорила, что отбирала все анкеты-конфеты. Неужели у моей жены такой прекрасный вкус, что она своему сыну выбрала в жены супермодель с пане...

— Ты же ничего на самом деле не знаешь! Не показали сегодня того, что ты ждал, да? Бедненький... Константин Андреевич — профессионал, и дураков там тоже нет, будь покоен, — супруга взяла в руки бумажный пакет со стеллажа, вынула из него большой конверт и коробку с диском, пошла к телевизору, — возьми фотографии, посмотри повнимательней.

— Твой любимый еврей делал? — банкир не притронулся к конверту.

— Тебе какая разница? Не хочешь — не надо. Но если ты сейчас спокойно не посмотришь этот фильм (его специально для тебя сделали, неблагодарный), то я завтра же подам на развод...

— Напугала, — вода наконец начала тушить пламя, и уговоры подействовали, — а я, если это будет опять ерунда, все-таки позвоню завтра твоему гениальному продюсеру. И не дай Бог, если у нашего балбеса появится одна из этих прошмондовок и испортит мне всю малину...

... Вера попросила помощниц сесть за стол и вынула из одного шкафчика припрятанные три журнала и стопку белых больших конвертов:

— У меня тоже есть для вас подарок. Это фотографии, сделанные Генрихом Рудольфовичем, и диски с записями передач «Заткнись и ешь!» с вашим участием. Все это посмотрите позже. А сейчас хочу озвучить цифры, я имею в виду вашу зарплату. Каждую

субботу, по вашему желанию, я могу выдавать вам ваши законно заработанные деньги. Это около трехсот долларов в неделю (Лера тут же выдала красноречивый победный жест), а так же, в зависимости от вашей индивидуальной работы с золушками, рейтинга нашей программы, вам будет начисляться дополнительная премия. Ее сумму я не знаю, да и потом, говорить не буду. Если вы решите оставить деньги на временное хранение в бухгалтерии проекта, то я вам буду только выдавать конверты с цифрами. Так вы сможете легко подсчитать заработанное. А в случае покидания проекта, вы, разумеется, получаете всю сумму целиком, наличными или переводом на банковский счет, все будет зависеть только от вас.

— А зачем нам здесь деньги, если все равно никуда не выходим? — заметила Арина Петрова, — или все-таки будет возможность потратить?

— Возможность будет, — пообещала Вера, отложила папку с фотографиями и дисками, раскрыла журнал для демонстрации, — отныне, находясь на проекте, вы сможете заказывать любые вещи, не выходя за пределы дома.

— Там есть купальники? — Лера не могла долго удерживать удачные мысли в голове.

— Тут есть все. Заказы будут приходить по понедельникам. Но завтра, в виде исключения за вашу хорошую работу, придет ваш первый заказ, если вы, конечно, подадите мне список до десяти утра. Сумма покупки будет высчитана из вашей зарплаты. Поэтому тратьте умеренно.

— А когда привезут купальники, если мы их закажем?

— После обеда, приблизительно в районе пяти часов.

— Девочки! Завтра устраиваем вечеринку у бассейна! — воскликнула Лера-Валерия.

— А мне можно к вам? — Вера улыбнулась.

— Конечно! — гаркнул дружный хор.

— Хорошо, только не забудьте пригласить и своих хозяек. Будем считать, что это станет хорошим поводом для вашего сближения. Так что насчет зарплаты — выдаю или оставляю в виртуальном банке?

— Виртуальный банк, — не стовариваясь, решили все.

— Вот и отлично. Оставляю вас, разбирайте ваши фотографии и спокойной ночи всем. Фотографии были потрясающими.

— Девочки! Никуся была права, — выдохнула в восторге Арина:- Это же просто искусство! Посмотрите, как мы здорово получились...

— Неужели это я? — Олеся рассматривала свои фотографии.

Фотограф сделал для каждой «клиентки» по три фотографии, одну общую, и две индивидуальные.

— Олеська, ты — класс! — заглянула через плечо Ника, — ты только посмотри, это же обложка для какого-нибудь мужского журнала — обалдеть!.. Ой, а Маша! — Ника переключилась на следующий шедевр.

В столовую мимоходом заглянули Виктор и Макс: Карина попросила их удалиться для приватной беседы с золушками.

Девушки тут же потребовали с появившихся операторов дать трезвым мужским взглядом оценку фотошедеврам. И молодые люди оценили: попросили на время дать им фотографии. «Я отсканирую и себе н-на рабочий ст-тол ваши фотографии п-поставлю», — эти слова Макса были лучшей похвалой.

Сегодня, кажется, помощницы Золушек разошлись в более радужном настроении, чем

их хозяйки. И никто не обратил внимания, что вместе с несколькими фотографиями Макс унес конверт, никем не открытый и лежавший одиноко на краю стола без своей хозяйки.

22

В ежедневнике

Расписываю планы

Под тихий смех небес.

Теперь банкир был доволен. Наброски к будущему выпуску передачи его вполне устраивали:

— Ну и зачем ты меня заставила смотреть на этих прошмондовок? — он обратился к жене, — сразу бы правду показала.

— Я просто хотела подшутить над тобой, — теперь была очередь Маргариты Павловны гореть, — а ты сразу раскричался! Шуток ты не понимаешь. Господи, как я с тобой прожила двадцать лет! Ведь мне же ничего не нужно, только, чтобы все были довольны. Чтобы ты приходил домой спокойный, ужинал и сидел бы у своего футбола. Чтобы детки наши женились и подарили бы нам толпу чудесных малышей... А этот тут кричит, дослушать не может. Как ты со своими клиентами разговариваешь у себя в банке? — жена чуть не «плакала» от обиды.

— Умница ты моя, ну прости меня, дуралея, — Михаил Иванович целовал руку жены, — я же не знал, что они так все подадут, черти. Я думал, что покажут, как моя будущая невестка борщ умеет готовить, пироги печь, а не задом своим вертеть.

Внезапно слезы на глазах Маргариты Павловны высохли, она испугалась:

— А что, если мы все это зря затеяли, а? Вдруг он выберет себе вертихвостку?

— Ну, э-э-э, для начала, если такая появится (он же ведь тоже воспримет это, как игру?), если мы узнаем, то быстро ее с проекта, с глаз долой и из страны вон.

— А если не полюбит, которую мы ему выберем?

— Ну, тогда, мы его просто женим — и все. А там — стерпится-слюбится.

— Ты думаешь?

— Конечно! — муж гладил прильнувшую к нему жену, умиротворенный и расслабленный.

— ...Стрэн даже придумал, как нам девушек показать, воочию, так сказать.

— И как же?

— Ну-у, пока это секрет, но для него нужны деньги.

— Начинается, — банкир отстранил супругу.

— Митя, не начинай опять! Я сейчас уберу посуду, мы пойдем спать, и я тебе в кроватке все расскажу. Опять будешь беситься — пожалеешь.

— Ладно, ладно, молчу, — Банкир засмеялся и снова притянул к себе жену, — но меня не проведешь. Твой Стрэн хоть и держит меня за пацана, но считать я умею.

— Что значит «держит тебя за пацана»? Опять ни за что оскорбляешь человека.

— Да потому что ты мне тут десятерых девушек нахваливаешь, а я видел только девятерых. Или десятая — подсадная утка, ваша провокаторша?

— А я не знаю. Действительно... Завтра же позвоню Константину Андреичу.

— Позвони, позвони, — банкир зевнул и потянулся к пульту, чтобы найти спортивный канал и убаюкать себя звуками какого-нибудь футбольного матча.

23

Сижу на мысе,

В океан страстей смотрю,

Молчу и плачу.

Олеся разносила подругам фотографии, возвращенные Максом.

Учитывая последние события, заставившие всех обитателей Дома лечь спать достаточно поздно, в первое воскресенье по всем этажам разлилась благодущная лень. Дежурные по столовой, Ника и Ольга, преодолевая сонливость, с трудом выполняли свои обязанности. «И почему нельзя просто заказать пиццу и отдыхать весь день?» — ворчала Ника, второй раз убирая после завтрака посуду. Ольга, почти весь день подавляющая непроизвольную зевоту, лениво молчала: ей было гораздо тяжелее после трехдневного недосыпания, из-за возни с Ирэн. Собственно, по этой же причине она не только не поинтересовалась местонахождением своих фотографий, о которых помощницы говорили во время всего завтрака, но и не обратила внимания на неприлично частые внимательные в ее сторону взгляды Макса, появившегося сегодня в одиночестве, без Виктора. На чей-то вопрос, где второй оператор, Макс ответил, что «д-дрыхнет-с, в-велели-с их не бесп-покоить»

После завтрака Ника со словами: «Имейте совесть, дайте отдохнуть!» — усмирила более энергичных сотоварок во главе с Лерой, отправив их в кабинет смотреть записи кулинарных передач и уговорила Ольгу вздремнуть немного перед обедом. «Что же мы такие несчастные? У всех воскресенье, как воскресенье, а мы тут, как бедные золушки, надрываемся...» — заразно зевнула Ника, укрываясь пледом, и Ольга последовала ее примеру. После второй попытки выспаться Ника почувствовала себя более уверенно, даже запела в душевой.

Фрагмент приглушенной песни слышала Олеся, когда после обеда решила наведаться в соседнюю комнату, а заодно вернуть фотографии. Попав в комнату, рыженькая помощница рассмеялась от картины, напоминающей ту, что лицезрела несколько секунд назад: все девушки, кроме Ники, находились на своих кроватях, Светлана и Арина — в попытке уснуть, Лера листала журнал покупок, а Ольга сидела по-турецки, прислонившись спиной к стене, с закрытыми глазами на кровати, прижав к груди подушку. Время от времени Лера прыскала, когда за дверью Ника особенно громко вытягивала ноты.

— У меня дежавю, — Олеся положила фотографии на столик, — у вас тоже тихий час?

— Не тихий час, а время медитации, — откликнулась Лера, переворачивая страницу.

Олеся смеясь тронула Ольгу за плечо:

— А ты почему спишь сидя?

Ольга открыла глаза, распрямила ноги и легла, не выпуская из объятий подушку:

— Я не сплю, я думаю думаю.

Арина фыркнула, не открывая глаз.

— У нее, как это, тактильный голод, — ответила за Ольгу Лера.

— Это что значит? — Олеся заинтересованно присела на кровать, — кстати, я твои фотографии принесла.

— Надеюсь, приличные? Меня на них не раздели? — пробормотала Ольга.

— Классные!

Лера отложила свой журнал, не поленилась, встала с кровати и взяла белый конверт:

— Ну-ка. А почему мы вчера их не видели?

— Ольги же не было, а Макс, наверное, случайно сгреб конверт с нашими фотографиями. Так что за «тактильный голод»?

— Это когда целоваться хочется, — Лера вытащила из конверта фотографии.

— Не «целоваться хочется», а испытываешь недостаток осязательных ощущений, — так же, в подушку, поправила шутницу Ольга.

— Сам себе психо-аналитик... Девчонки, посмотрите на двойника нашей правильной Лельки! — Лера развернула одну фотографию к Нике, вышедшей из ванной.

Ника, держа в зубах заколку для волос и собирая свои кудри, промычала одобрительно; Арина подняла свою голову от подушки и, сонно прищурившись, посмотрела на фотографию:

— Ну да, супер... Если бы я была мужиком, непременно бы запала на такую зануду... которая всю неделю ворчала, что не хочет славы... Покажи вторую фотку... Вау! Эта круче!

— Давайте пошлем ее в какой-нибудь мужской журнал? — Лера подмигнула Нике и кивнула на Ольгу, не реагирующую на комплименты.

— Ее и так напечатают, мне Вера по секрету сказала, — Ника ответно подмигнула, поддерживая игру.

Ольга тут же проснулась, соскочила с кровати и бросилась к фотографиям под хохот Леры, Ники и Олеси. Лера, не сопротивляясь, отдала фотографии хозяйке.

— Ника, скажи, что пошутила!

— Ну, пошутила. Лежишь тут, выпендриваешься, как будто тебе не интересно, типа, «быть знаменитым некрасиво, не это поднимает ввысь»...

Ольга вернулась к своей кровати, высоко подняв фотографии над протянутой к ним руки Светланы, которая вышла из дремотного состояния и тоже пожелала взглянуть на очередной шедевр Рудольфовича.

— С вас литр валерьянки. Не забывайте, что я только случайно оказалась здесь, — Ольга села привычно по-турецки на кровати, взглянула на фотографии. — Ну, здорово, ну, молодец фотограф, хорошая память будет — и что?

— Ты меня не устаешь поражать, — Олеся во все глаза смотрела на Ольгу, — с какой ты планеты?

— С Пояса Ориона, раз уж я здесь с вами, дорогие мои суперзвезды. Девчонки, я уже устала объяснять, не приставайте вы ко мне. Нарочно издеваетесь.

— Нет, серьезно, — Олеся посмотрела на Нику и Леру, — почему она не хочет быть знаменитой?

— Да хочет она, хочет, специально так говорит, пуп земли, хочет нас заставить презирать самих себя за постыдное желание стать известными. Вот, — Ника поудобнее уселась на своей кровати и взялась за пилку для ногтей.

— Достали... — Ольга с полотенцем отправилась в душ, — как вы не понимаете, что меня сожрут в деревне, каждый будет тыкать пальцем. Вы же мою мачеху совсем не знаете — она будет первой. Сколько было случаев, когда дурацкая слава людям жизнь портила...

— Что значит «дурацкая»? — не выдержала Светлана, — ты так высокомерно за всех не говори. Я, например, очень довольна, что сюда попала, пусть даже как помощница. Первая неделя — и меня по телевизору уже целых полчаса показывали...

Ольга, стоя у двери в ванную, терпеливо выслушала все реплики возмущения в свой адрес:

— Ругайте, как хотите, если вам легче от этого станет. Но я хочу быть просто хорошим доктором. Вот скажите, каким образом все это пригодится мне в будущем? Вы думаете, что мои преподаватели просто так мне оценки на сессии будут ставить? Так что не надо мне вашей славы кухарки. Я не об этом мечтала.

— А о чем? — Лера заинтересованно приготовилась слушать.

— Да ну вас, пересмешники, — Ольга закрыла за собой дверь в ванную.

24

Серый кокон дрожит.

Биение сердца слышно.

Близится чудо.

Вера была права, когда сказала, что импровизированная вечеринка у бассейна поможет установить более тесные взаимоотношения между золушками и помощницами. Праздник удался. Во-первых, купальники, которые, кстати, заказали не только помощницы, но и их хозяйки, были доставлены вовремя. Во-вторых, приготовленная закуска превосходно подошла к шампанскому, презентованному дирекцией проекта. И, наконец, даже Татьяна Маслова, находясь, видимо, в миролюбивом настроении после своего субботнего выступления, была не слишком навязчива.

Шампанское пили все, за исключением Ольги и Олеси Жвалевской, вдрут обнаружившие сходство в неприязни к этому напитку. Тем не менее шампанское было великолепное: сразу ударило в голову девушкам, и на порядок повысило градус веселья в бассейне. Стены содрогались от визгов и приступов хохота.

— Может, вам принести вина или водочки? — Вера услужливо поинтересовалась у Ольги и Олеси, — у меня есть...

Но девушки отказались, а чтобы не мозолить никому глаза, Ольга принесла сок, заменив им шампанское в своем и Олесином фужерах.

Тут как тут в бассейне появились неизменные операторы, подав своим появлением новый повод к восторгу, Маслова завизжала так, что Ольга вздрогнула. Виктор был лет на десять старше своего шутника-товарища и вел себя гораздо солиднее: много плавал и скромно присоединялся то к одной группе девушек, то к другой, поддерживая разговор. Подойдя к двум скучающим трезвенницам, он поинтересовался, почему они сидят вдвоем и не принимают участия в брызгах и прыжках в воду. Олеся призналась, что не умеет плавать и поэтому боится лезть в бассейн со взбесившимися от радости людьми. Виктор галантно предложил свои услуги тренера — парочка удалилась.

И Ольга осталась наедине со своими мыслями: ее глаза сами собой, непроизвольно, следили за Максом. Сами мысли, если разобраться, были настолько неуловимы, постоянно ускользающими от своей хозяйки, что «сам себе психо-аналитик» никак не могла организовать их в единое целое. Что-то злило и раздражало Ольгу, но что, — она никак не могла обозначить, загнав в закоулок сознания понимание того, что Максим ее одновременно раздражает и притягивает. Неловко было себе признаться в этом, и Ольга подумала о бабниках, категории мужчин, которые всегда раздражали её вызывающим легкомыслием.

Сам предмет запутанных мыслей подошел к Ольге только один раз, точнее, попытался подойти: девушка остановила его взглядом и жестом. Тогда он, словно загипнотизированный, медленно развернулся и, оглядываясь, направился к шумной у воды группе, а через минуту сам хохотал рядом, бросая в бассейн счастливо повизгивающих «жертв». И все равно, — выныривая из воды, случайно оборачиваясь, неся на руках очередную добычу, — все равно чувствовал на себе взгляд, смотрел в ответ мельком и отводил глаза. Однако же, встретиться на более близком расстоянии Ольге все-таки пришлось.

Ольга собралась с духом поплавать перед уходом, насколько это было возможно в

беспокойной воде. Неожиданно рядом вынырнул Макс, увлеченный в эти минуты новой игрой: он перемещался под водой и хватал первую подвернувшуюся русалку. И, хотя в прозрачной воде его силуэт виднелся отчетливо, жертва вскрикивала, словно от неожиданности, а потом они оба, Макс и жертва, задержав дыхание, ныряли под воду. Но для Ольги, поплававшей и нырнувшей, а теперь протиравшей глаза одной рукой (другая рука держалась за край бассейна), появление веселого оператора стало совершенной неожиданностью.

— Максим, когда ты повзрослеешь?! — она сердито толкнула его в плечо.

Сам испугавшийся своего попадания, Макс сначала отпрянул на секунду, но потом быстро справился с собой и развязно прижал жертву к стене бассейна, решив отомстить за пристальные взгляды и, наконец, разобраться в отношениях:

— Все веселятся, п-почему я не могу?

— Веселись, кто тебе мешает...

— Т-так я и веселюсь. Что т-тебе не нравится? Д-давай вместе веселиться, я смотрю, т-ты весь вечер сидишь, как сова.

— Зато я не лапаю всех подряд! — Ольга попыталась освободиться от замка из рук.

— Моя всех л-лапать? К-когда?

— А еще сейчас нагло пялишься на мою грудь, — Ольга вспыхнула, неправильно истолковав взгляд молодого человека, рассматривавшего иконку-амулет с крестиком на цепочке.

Макс отодвинулся:

— П-пожалуйста, можешь п-плыть. Я и не собирался п-приставать.

— Вот именно — ты сам не соображаешь, что делаешь, и как это выглядит со стороны, — Ольга поплыла в сторону лестницы.

Максим сначала смотрел вслед, а потом быстро догнал, размашисто работая руками.

— Слушай, т-ты, как моя мама. Т-та тоже п-постоянно ворчит. Тебе, случайно, не пятьдесят лет, а?

— Хамишь, парниша! — Ольга доплыла до лестницы, но оператор преградил дорогу, давая понять, что последует продолжение словесной дуэли.

— Зн-наешь, мне кажется, что я т-тебе нравлюсь, а ты меня п-просто ревнуешь. Вот и б-бесишься. Ну, п-признайся же!

Рядом кто-то прыгнул с шумом в воду, но, словно два заклятых соперника, пристально глядящие друг другу глаза в глаза Макс и Ольга не повернули на звук головы.

— Я тебя слишком мало знаю, чтобы ты мне нравился, а я ревновала! — резко оттолкнула его от себя и взобралась по лестнице.

Макс ушел под воду, вынырнул, фыркая, протирая лицо, и какое-то время смотрел вслед Ольге, быстро собирающей свои вещи, чтобы уйти.

— Макс! Плыви к нам! — крикнула Лера, находясь в эпицентре бури из тел и воды, и он опомнился.

— Странные у вас взаимоотношения, — Ольге дорогу преградила Ирэн Артисян, наблюдавшая сцену в бассейне, — вы не подеретесь, если вас оставить наедине?

— Дай пройти, — Ольга, сжав зубы и не поднимая глаз на золушку, направилась к выходу.

Все то же пиво, сухари...

О, Симпсоны!

В понедельник Карина Собак озвучила новое задание. Начиная со вторника, в гостях целую неделю собирался пробить ведущий программы «Незванный гость». От золушек требовалось приготовить обед или ужин, согласно жеребьевке. Выполнение осложнялось еще и тем, что в прошлую пятницу ведущая другой кулинарной передачи, Елена Чикина, распрощалась со своими ученицами, оставив на память поваренную книгу и свое обещание появиться во вторник в качестве единственно дегустатора.

Масла в дискомфорт подлила Вера. Она принесла небольшие листы с именами золушек для нового распределения пар.

— Надеюсь, снаряд дважды в одно место не попадает, — Ника вытащила первой свой жребий, — уф, не дорогуша.

На этой неделе мучиться с великой и ужасной Масловой пришлось молчаливой и безропотной Ксюше Мокиной. Ольге «досталась» Колобова Нинель, ослепительная брюнетка. Узнав о выборе, Ирэн Артисян подошла к Ольге с сожалением, что распался их тандем, в котором она, на самом деле, привязалась к своей помощнице.

— Наверное, у Нинель свой ангел, — Ольга была тронута признанием: — В отличие от тебя, она совершенно не умеет готовить, так что моя помощь ей придется кстати.

Вера попросила помощниц срочно составить список продуктов, необходимых для приготовления первого, второго блюда и десерта. Поваренная книга мигом куда-то исчезла, и никто за это не брал на себя вину.

— Хотелось бы не перессориться из-за килограмма картошки, — вздохнула Лера-Валерия.

Ника первая безо всякой шпаргалки написала список продуктов:

— Ваша книга у Масловой. Она уже час мучает нашу Ксюшу, все выбирает экзотические блюда. В нашем случае нужно готовить то, что умеешь, а не то, что хочешь попробовать: мы не такие уж и великие повара.

Остальных убедило рассуждение негласного лидера, и все последовали примеру: составили свое меню, разумеется, согласовав их с золушками-хозяйками.

Внутри своей пары, которая должна была дежурить в пятницу, Ольга с Никой договорились, что первая готовит ужин, а вторая — обед.

Других заданий на этой неделе пока не последовало, так что эти семь дней ожидалось спокойнее предыдущих: для золушек — завтрак, фитнес, подготовка к званому обеду или ужину, в остальное время — отдых у бассейна или в кабинете у телевизора с дивиди-плеером. И у помощниц объем работы изменился не намного: помощь хозяйкам, уборка по дому и вокруг особняка. Вера, наконец, распределила территорию — Ольга, естественно, выбрала цокольный этаж с его зеркальным залом, где бывала чаще других и продолжала заниматься по утрам, а так же часть сада, где была беседка с небольшим искусственным прудиком.

...Понедельник клонился к ночи, золушки все реже сновали по дому, готовясь ко сну, а помощницы в своих комнатах выжидали назначенных Никой одиннадцати часов. Утром Ксюша по большому секрету рассказала сначала Олесе, после нее — Наташе и Кате, а потом и остальным сотоваркам о своем дне рождения, попросив каждую хранить эту новость втайне от других, чтобы никого не беспокоить. Когда раскрылось, что про день рождения знают все, девушки сначала посмеялись над святой простотой своей коллеги, а потом

решили провести тайную вечерю без, сговорившись целый день делать вид, что честно выполняют волю Ксюши. И целый день слово «тайна» будто бы случайно срывалось с языка то Леры, то Арины — Ксюша каждый раз вздрагивала и радостно краснела, а девушки тут же рассказывали первую пришедшую на ум шутку и хохотали, приводя в замешательство тихоню.

Вдоволь натешившись этой игрой, помощницы золушек стали готовиться к сабантую. Кое-кто приготовил скромный сувенир на память Ксюше, а появление Ники с двумя полуторалитровыми бутылками пива и несколькими пачками соленых сухариков к нему придало особую пикантность тайному собранию: второй пункт в контракте запрещал «распитие спиртного в стенах Дома» и даже грозил увольнением нарушившему дисциплину. Тем не менее, все поверили, что Ника привезла «нашу прелесть» с собой и держала ее, не решаясь рассказать подругам о контрабанде.

— Слушайте, а если кто-нибудь потом увидит эти бутылки? — Олеся сразу подумала о последствиях.

— А мы их Масловой под дверь подкинем — пусть выкручивается, стерва, — Лера предложила выход.

— Черт с ними, бутылками, — Арина никак не решалась пригубить пенку, — отнесем потом в контейнер — и все. Нас завтра запах выдаст.

— Напугала! — Ника деловито расставляла тарелки с сухариками на выдвинутой в центр комнаты тумбочке, — три литра на десятерых — тьфу! На худой конец завтра пусть Леська с Леркой приготовят омлет с чесноком — все будем пахнуть: и мы, и золушки.

— И весь дом, — добавила Светлана.

Заседанием взялась руководить Ника, она предложила право на тост пустить по кругу. Собравшимся хватило нескольких минут, чтобы с помощью Леры так поднять себе настроение, что хохот поднимался от любой, самой плоской шутки, да и запрещенное контрактом спиртное помогло раскатать чувство юмора самых несмешливых девушек, Ники и Арины. Спустя два поздравления от Наташи и Кати, сама именинница, быстро захмелев, попросила дать ей слово:

— Я хочу сказать, что очень-очень вам благодарна, я совсем не ожидала, что все будет вот так... — девушки разразились хохотом, вспомнив о «секрете», и с трудом успокоились, видя растерянность Ксюши, — я, конечно, мечтала встретить этот день дома, со своей семьей...

— Зачем тебе семья? — не выдержала Лера, — мы — даже лучше!

— Ну, я хотела сказать, что мечтала отпраздновать вместе с мамой... — пролепетала Ксюша: она никак не могла привыкнуть к прямолинейности своих новых подруг, — а моя мама говорила...

— Опять двадцать пять! Какая мама? Какие родственники? Забудь, дорогая, о своей семье на время: мы с тобой! — Арина покровительственно положила Ксюше руку на плечо.

— Дайте ребенку сказать! — не выдержала Олеся, — говори, Ксюша, а вы все молчите!

Смешки затихли, девушки попытались изобразить на своих лицах понимание всей серьезности ситуации, и Ксюша, вдохновленная паузой, открыла рот:

— Но вы, конечно, не моя семья, я это понимаю...

Первой не выдержала Маша, она прыснула и уткнулась лицом в спину Ники, желая скрыть очередной приступ, а Лера сорвалась с места и убежала в ванную, чтобы не расхохотаться громко по привычке. Этого с лихвой хватило, чтобы остальные, кроме

растерянной Ксюши, подавились хохотом. Прошло минут пять, пока все не успокоились. Лера вернулась на свое место, шумно вдыхая воздух, с целью успокоиться.

— Короче, я буду твоей мамой на сегодня и, если захочешь, навсегда, — Арина опять потрепала Ксюшу по плечу, — говори, дочь моя...

— Тогда и отец нужен! — поддержала идею Лера, — кто будет отцом?

— Давайте я! — Светлана вскинула руку.

— Вот! — Лера обратилась к Ксюше, — видишь, сколько у тебя родственников, а ты говоришь, что одна... Кто там еще у тебя дома остался?

— Бабушка и дедушка, — пролепетала бедная Ксюша, не зная, то ли над ней издеваются, то ли как-то наоборот.

После взрыва смеха, Лера подняла руку в знак своей светлой мысли:

— Товарищи, быстро, определяйтесь, кто тут бабушка и дедушка? А то наше пиво скоро закипит...

— У меня вино есть! — вдруг радостно сказала Ксюша и наблюдая ту же реакцию на свою слова, добавила тихо, — ... мама положила...

— Я тебя умоляю, не говори больше ничего про родителей! — Наташа услышала последнюю фразу и простонала, — у меня уже рот болит смеяться...

— Смотри, не порви, а то долго потом будешь Вере объяснять, почему ты Гуинпен, — Лера пальцем ткнула в красную Наташу.

— Кто тут у нас самый «старый»? — Ника вздыхала, — кому больше двадцати трех?

— Я, — отозвалась Светлана, — но я не буду. Надо выбирать самых мудрых.

— Тогда пусть Ольга будет бабкой, — засмеялась Лера, — она больше всех знает, даже про тактильный голод.

— И ворчит больше всех! — Ника схватилась за бокал, чтобы подавить приступ икоты.

— Ладно, я буду, только хватит смешить, — Ольга вытерла слезы, — завтра пресс будет болеть.

— Так, хорошо. Осталось найти деда...

— Я не буду, — Олеся замахала руками, когда на нее посмотрела Ника и Лера, — какой из меня дед? Я же твоя тетя.

— А я — дядя, — Ника протянула Олесе руку, — привет, жена!

Ольга покачала головой:

— Как хорошо, что здесь нет камер: нас бы уже в психушку упрятали!

— Я буду дедушкой! — Лера усовестилась, глядя на замученный вид Ксюши, и кивнула Ольге, — ну что, бабка, я тебе сгожусь на роль супруга?

— Вполне! — Ольга полусерьезно пожала протянутую руку, — из тебя получится отличный дед Щукарь!

— Я вас умоляю, хватит, сумасшедшие! — Маша от смеха уже не плакала, стонала. Глядя на нее и Наташу, багровых от смеха, другие начинали смеяться заново.

— А мы — всё, или у тебя еще кто-то из родственников есть, внучка? — Лера обратилась к Ксюше.

— Больше нет...

— Слава богу, еще минута, и я бы умерла от разрыва селезенки! — Ника с усилием сдержала очередной приступ, — Ксюша, говори, пока не поздно!

Именинница опять подняла бокал:

— Я так рада, что сегодня я вместе с...

— Семей! — хором выкрикнуло несколько слушателей.

— Да! — Ксюша окончательно растеряла все свои слова, но, пожалуй, сегодня она была счастлива как никогда.

... Расходясь по комнатам далеко за полночь, усталые от смеха и перевозбужденные на редкость удавшимся «заседанием», девушки еще какое-то время разговаривали, лежа в кроватях, оттягивая время сна.

— Кто-нибудь мне скажет, что это сегодня было? — хрипло спросила в темноте Светлана.

— Ролевая игра, — Ольга ворочалась в кровати, — полезная вещь, между прочим.

— Я же сказала, что из Лельки отличная бабка получилась: она знает все! — Лера тихо засмеялась, заразив опять всех.

— Эй, хватит вам ржать! — Ника с трудом изобразила в голосе возмущение, — ты, дед, между прочим, завтра дежурный!

Лера, подумав, согласилась успокоиться. Прошло немного времени, и тишину (не было слышно ни единого сопения: все продолжали бодрствовать) нарушил голос Светланы:

— А какая у нас теперь фамилия?

Все прыснули от смеха и спохватились, ибо комната Веры была к ним ближе, чем к комнате с остальными помощницами.

— Адамсы... Хотя...

— Слушайте, хватит, а? — сказал голос Ники, — спите вы, блин! Кто много смеется, тот потом много плачет.

— И правда, Адамсы, хватит уже, — Арина тоже устала, — спите.

В комнате повисла тишина, Лера шепотом возразила через минуту глубокого раздумия:

— Нет, Адамсы не едят омлета с чесноком. Не хочу быть вампиром.

— Ну и кто мы тогда? — опять спросила Светлана.

— ... Симпсоны же, — проворчала Ольга.

Тишина длилась недолго, хрюкнула первой Лера, взвыла заразно и уткнулась в подушку: «Ба-а-абка! Бин-го!» На это невозможно было не откликнуться, смех Леры оказался самым быстро действующим вирусом. И только спустя четверть часа в ролевой игре была поставлена жирная точка; в комнате, наступила тишина, прерываемая хихиканьем, но Ника сердито шипела, и очень скоро девушки погрузились в сон.

Уснули, не догадываясь, что завтра их «заседание» выйдет в вечерний эфир: так громко и долго оператор Дима и Вера, наблюдавшие рождение новой «семьи», давно не смеялись.

26

На капельницу

В моей палате темной

Луч рассвета сел.

Во вторник, после ужина, Вера сбилась с ног в поисках Николаевой. Кто-то из помощниц сказал, что их подруга наводит порядок в беседке после того, как там «хорошо посидели» Маслова и Зоя Корнева.

Ольга точно была там, уже заканчивала убирать на своей территории свинство, оставшееся в наследство от двух золушек. Вера объяснила, что искала ее, студентку мединститута, чтобы проконсультироваться. Заболел оператор Виктор, днем вызывали скорую помощь, но медбрат ничего вразумительного сказать не мог, только то, что налицо переутомление и нужно ехать на обследование в город или устроить постельный режим на

недельку-другую. Дирекцию проекта не устраивал ни один из вариантов, предложенных медбратом, потому что на Макса, в случае отсутствия Виктора, особой надежды не было.

И поскольку в прошлый раз совет Ольги помог, то Вера решила спросить и на этот раз.

— Я так и думала, что Максим не специалист, — злорадно усмехнулась Ольга.

Главменеджер смутилась, сообразив, что сказала лишнее:

— Да нет, Максимка все умеет, просто у Виктора другая работа.

— Я все поняла! — Ольга не могла прекратить улыбаться, — а сам Виктор где?

— У себя в домике.

Неподалеку от ворот на территорию особняка находился, спрятавшись за группой елей, небольшой коттедж на три семьи. В самом крайнем, Ольга знала, жил Владимирыч, тот самый «привратник», который не выпустил ее, беглянку.

Вера поднялась к двери посередине. Ольга немного задержалась: не избежав искушения, присела на секунду в уютные садовые качели рядом с коттеджем.

— Тук-тук! Можно? — Вера приоткрыла дверь.

В ответ раздалось мычание. Внутри комнаты стояло две кровати, один письменный стол с компьютером и разбросанными дисками; пара стульев у стены. В самом дальнем углу на кровати лежал оператор Виктор. Услышав приветствие, он тяжело попытался сесть и тут же схватился за голову.

— А, Вера Александровна, проходите!

Главменеджер вошла, шагнула к кровати Виктора и опять посмотрела направо, на то, что случайно привлекло ее внимание, — на работающий компьютер. Вера подошла к монитору и от неожиданности поперхнулась воздухом: на рабочем столе было изображение Ольгиной фотографии, сделанной Генрихом Рудольфовичем. Девушка сидела поперек широкого кресла, утопая в леопардовых пятнах небрежно брошенного пледа, босые перекрещенные ноги были перекинута через ручку кресла, — и гадала на бутоне сочно-красной, под цвет платья, розы, отрывая лепесток. И поскольку само платье, которое чокнутый фотограф заставил Ольгу одеть, было выше колен, то, благодаря соблазнительной позе, в глаза светлым пятном бросались открытые бедра. А в низу фотографии, у изогнутых ножек кресла, рядом со складками свисающего пледа, беспорядочно лежали уже оборванные, добавленные на «фотошопе» яркие лепестки.

В комнату вошла сама Ольга. Она вопросительно посмотрела на закашлявшуюся Веру, но менеджер помахала ей рукой, мол, ничего страшного, и указала на кровать с лежащим Виктором, оставаясь стоять спиной к яркому монитору.

— Где можно помыть руки? — привычно спросила студентка медиститута, взглянув на свои ладони, грязные после уборки в беседке.

Вера показала на дверь в ванную, а сама, пока Ольга отсутствовала, лихорадочно пыталась сообразить, как убрать слишком приметную картинку. За этим занятием ее застал Макс. Вера ему показала пальцем на монитор, сделала страшные глаза, а потом погрозила. Улыбаясь, оператор в два счета поменял обои на рабочем столе и выключил компьютер. Вера с облегчением вздохнула и подошла ближе к Виктору.

— Что случилось, Виктор? — вернувшись, девушка села на кровать, рядом с Виктором, не обращая внимания на появившееся новое лицо в комнате.

— Я не знаю, череп болит ужасно, только встану — все кружится и темнеет в глазах.

— Когда это началось, обратили внимание?

Макс развернул стул у компьютера и молча, подчиняясь суровому выражению глаз

Веры, сел верхом на него.

— Да у меня голова вообще почти постоянно болит, с полгода, — Виктор с трудом открывал глаза, — в воскресенье с утра было хреново, потом ничего. С утра в понедельник все, копец, не могу встать.

— Температура или другие признаки простуды есть?.. Поливость, озноб?..

— В том-то и дело, что ничего, кроме слабости и головной боли. Еще глаза сильно болят, как будто песка в них насыпали.

— Понятно, — Ольга осмотрелась, — сколько сидите за компьютером, приблизительно, часов в день?

— Не знаю, ну по шесть — семь... Последнюю неделю вообще всю ночь до четырех.

— Понятно, — повторила Ольга, — можно поинтересоваться, зарядку какую-нибудь делаете? Вообще.

— Какая зарядка! — Виктор со стоном опять принял горизонтальное положение, — нет у меня свободного времени.

— Не замечали, зрение не падает в последнее время? — Ольга придвинулась ближе и протянула руки к голове.

— Ну да, чуть-чуть хуже, пару недель назад очки поменял.

— Ну, так что, Оль, — Вера не выдержала, — понятно, что с ним?

— Отдохнуть не мешает, это точно. Помощников надо выбирать толковых, — она покосилась на Макса, — а то некоторые только за юбками бегают, кузнечиков снимают...

Макс открыл было рот, но Вера опять погрозила ему пальцем. Ольга попросила Виктора снять футболку и лечь на живот, убрала подушку из-под головы, стала сосредоточенно щупать позвоночник:

— А голова как болит, вся или какая-то часть?

— Чуть выше правого затылка.

— Ощущение температуры есть? Или жжения?

— Есть, а я-то все думал, из-за перхоти...

— Лежите тихо, уже отшутились, — дойдя до шейного позвонка, Ольга удовлетворенно хмыкнула, попросила оператора сесть, еще раз пощупала шею, — наверное, хруст в шее есть?

— Постоянно.

— Так что это? — Вера в выжидании присела на стул рядом с Максом, — лечится или нет?

— Болезнь двадцать первого века. Пока не умер, конечно, можно попытаться. Виктор, я сейчас вам небольшой массаж сделаю. На мой взгляд, всего-навсего шейный остеохондроз, плюс небольшое смещение двух шейных позвонков, отсюда — дистония сосудов. Зарядку надо делать, Виктор, слышите? Работать в меру, спать не менее восьми часов.

— Угу.

— Сдается мне, что тут еще и игры до утра, а не работа, сетевые, какие-нибудь, или стрелялки, погони за чудовищем и прочая дрянь.

— Есть такое...

— Молчите, не отвечайте. Просто слушайте, — Ольга продолжала массаж, Макса и Веру так и подмывало встрять в этот монолог, но девушка взглядом приказала потерпеть, — дышите ровно, расслабьтесь. Вот, к примеру, садитесь вы поработать, а потом решаете немного подразмяться: сначала начинаете играть и не можете остановиться, потом думаете, что пора бы и поработать. А глаза уже болят, но вы думаете о просьбе начальника, о его

гневе. Решаетесь бросить игрушки и приступить к делу. К тому времени, когда работа сделана, вы уже проклинаете все и вся. А уже начался новый день, и ваш сосед по комнате проснулся, выспался и готов к работе, которую вы успели за ночь возненавидеть. Сосед не дает вам нормально выспаться утром, а после обеда донимает дурацкими рассказами о своих похождениях с девушками, которых у него миллион. И всех-то он перелапал, и все-то его любят. Он такой обаяшка в свои двадцать с хвостиком...

Вера закрыла рукой рот, но Макс продолжал старательно смотреть на говорящую, не скрывая улыбки, будто намеки относились не к нему.

— ...И так он будет прыгать и заигрывать со всеми, — Ольга добралась до шеи и медленно делала массаж, продолжая большими пальцами нащупывать позвонки, — пока кто-нибудь ему...

Неожиданно она на что-то нажала на шее, и послышалось два щелчка, а за ними — испуганный вскрик Виктора. Вера подскочила на стуле, Макс вздрогнул.

— Что это было? — простонал Виктор.

— Я вам вправила позвонки, — Ольга опустила свои руки, потрясла ими, — уф, за неделю мышцы, кажется, атрофировались. Полежите, я сейчас другой массаж сделаю. Максим, в вашей аптечке есть корвалол?

— Кому?

— Ну не мне же. Поищите. Вера, я выпишу кое-какие лекарства, только мне нужно позвонить, проконсультироваться.

— Да, конечно, — Вера протянула свой мобильный телефон.

Ольга попыталась вспомнить телефон, набрала один номер — попала не туда.

— Сейчас, подруге позвоню, спрошу номер, — пообещала она Вере в ответ на ее вопросительный взгляд.

— Конечно, только недолго, я тоже жду важного звонка.

— ...Аня, привет. Это я, Николаева. Как сессию сдала?.. Молодец!.. Подожди, подожди... это потом... У меня все нормально, я тебе завтра вечером позвоню...что?.. Не понимаю...

— Оля! — Вера в нетерпении ерзала на стуле.

— ...Подожди, не морочь мне голову, какой интернет? Молодец, молодец... Да послушай ты... мне люди дали телефон, чтобы я позвонила. Стоп! Я говорю. Дай мне, — прервав не умолкавшую подругу, она говорила медленно, чеканя слова, — пожалуйста, номер Василия Даниловича... Все, быстро...Я жду...

Макс принес корвалол и протянул его Ольге. Та, не отнимая трубку от уха, только взглянула:

— Немного воды и двадцать капель. Вера, дайте, пожалуйста бумагу и чем писать... Да, Ань, я слушаю...мгм...двадцать сколько?...есть! Все, спасибо!.. Что?.. А при чем тут я? Все, пока! Завтра перезвоню... давай...

Ольга набрала второй номер, поговорила со своим преподавателем и написала рецепт. Все это время, в частности, пока будущий доктор говорила по телефону с подругой, с Верой творилось что-то необъяснимое: она то подавалась вперед, то откидывалась на спинку стула, будто в отчаянии, то вытирала внезапно выступивший на лице пот. Но девушка этого не заметила, потому что следила за действиями Макса, жестах давая ему указания.

— Вот, — она вернула телефон Вере, — это рецепт на пару недель: необходимо понаблюдать за реакцией. А вам, Виктор, делать зарядку надо, особенно на шейный и

поясничной отдел. Можно самомассаж этой точки, — Ольга помассажировала пальцем один бугорок на позвоночнике, чуть ниже шеи, — сегодня пока вы легко отделались.

— Мне как будто уже легче, — Виктор отдал Максиму пустой бокал и опять принял горизонтальное положение, — голова не так сильно болит.

— Это хорошо, значит, я была права, но все-таки потом, как-нибудь, сходите к невропатологу, пусть выпишет направление на рентген.

— А что вам подруга рассказывала? — рассеянно спросила Вера.

— Я не поняла. Ерунда какая-то.

Вера еле заметно выдохнула с облегчением:

— Ладно, я пошла. Спасибо, Оля, за помощь. Я вас ждать не буду, пойду, отправлю шофера в аптеку. А вы, Виктор, отдыхайте и выздоравливайте. Завтра утром я к вам загляну.

И Вера вышла.

27

От выстрела Эрота

Везде переполох

И птичья зависть.

— М-может, зароем т-топор войны? — Макс не отходил.

— А разве была война? — Ольга тянула время, без конца намывая руки, пока оператор у двери. Макс не уходил, и пришлось сдаться. — Ладно. Я была неправа. Какое мне дело до твоего поведения? В конце концов, я, действительно, не твоя мать.

— П-потрясающе!

— Может, дашь пройти? — она осмелилась поднять глаза.

— Д-да, конечно. П-проходи, — Макс отодвинулся, — и все-таки, мне интересно, п-почему?

— Я не хочу говорить на эту тему: это личное.

— Обожаю личное. Я в д-детстве обожал ходить голышом. В-вот, т-теперь ты знаешь м-мой секрет, расскажи свой.

— Максим! — она показала глазами на задремавшего Виктора. — Так значит, на этом компьютере вы делали тот выпуск, который мы смотрели в кабинете?

— Н-нет. Здесь б-больше я работаю. Я д-делаю т-только монтаж отдельных фрагментов для рабочих в-выпусков, с п-панельника по п-пятницу. А В-вitek сводит их на д-другом, более мощном, в т-телецентре.

— Понятно. Всегда было интересно, как делаются все эти передачи, спецэффекты...

— Хочешь п-покажу? — Макс сделал шаг к компьютеру.

— С удовольствием. Я сама не очень владею компьютером. Курсовую, реферат еще кое-как наберу, распечатаю.

Макс включил компьютер и, пока он загружался, вернулся к первой теме разговора:

— Но т-ты не ответила, п-почему?

— Что «почему»?

— Т-ты знаешь. Я никак не могу п-понять вас, женщин. П-почему вы говорите одно, а д-делаете другое? С мужиками п-проще.

Ольга показала пальцем в сторону Виктора.

— Вitek, а где п-последняя нарезка? — нарочно громко спросил Макс. Ответа не последовало, — д-да спит он уже.

Компьютер загрузился, на рабочем столе возникла картинка из известной

компьютерной игры.

— Вот тебе и мой ответ, — Ольга кивнула на монитор, — вы, мужчины, мыслите, как бы это сказать, привычно: женщины, машины, оружие и тэ дэ и тэ пэ. Я еще ни у одного мужчины, считающим себя крутым, не видела на рабочем столе, например, картины природы, котят. Потому что ваша ментальная организация не настроена на детали. С одной стороны, это здорово, иногда я бы хотела иметь мужской взгляд на вещи: он не позволяет отвлекаться на постороннее. А с другой стороны, обедняет жизнь.

— Я вчера сп-пециально п-посмотрел «Чего хотят женщины». Т-там у вас всякий мусор в голове во время секса. П-по-твоему, это обогащает? — Макс включил негромкую музыку, попутно копаясь в электронных папках.

— Это не наша вина. Я же говорю, способность концентрироваться на одном у мужчины намного выше, чем у женщины. Но только на самом важном для него. А для женщины важно все: как выглядит ее партнер, сколько роз в букете, который он ей дарит по стандартным праздникам, и что он сказал до того, как предложить заняться любовью. Это природа. Именно она дала женщине хорошее боковое зрение, подтвердив таким образом умение делать сразу несколько вещей. Женщина лучше распознает ложь, первой догадывается об измене, в то время как партнер еще только ее замышляет.

— К-кошмар. И как с этим ж-жить?

— Вот так живет и мучаемся. Хорошо, если ума хватает понять, в чем причина. А если нет, то всю жизнь обвиняем кого угодно, только не себя.

— «Все м-мужики — козлы»...

— Именно. Как и «Все бабы — дурь». Никто не хочет принять природу такой, какова она есть. Самоанализом не все хотят заниматься. Обвинять проще.

— Н-ну, т-ты тоже меня обвиняла...

— Слава богу, я остановилась. Понимаешь, у меня было такое чувство, словно в моей жизни должно что-то случиться, это меня подгоняло... Я приехала в Москву, думала, что все будет так, как я планировала. А сама оказалась заложницей наиглупейшей ситуации. Как я в этом автобусе оказалась? И, самое главное, почему я согласилась на эту авантюру?

— А т-тут я, непутевый.

— Ну да. Помнишь, когда ты хотел мне помочь сбежать? На тот момент я чувствовала себя в западне, а ты... ну, совершил как бы подвиг, что ли. Вот я и восприняла тебя как надежного друга. Будь на моем месте мужчина, он ни о чем подобном даже и не подумал бы или не стал бы развивать эту мысль дальше. Обстановка — непривычная, окружение — тоже, а значит, начинается новая жизнь, новые чувства, новый парень и так далее. Если все вокруг супер, значит и парень должен быть супер.

— Спасибо за к-комплимент. Хотя т-тяжело уследить за в-вашей логикой.

— А никакой логики — только эмоции. У нас, когда появляются эмоции, логика, как правило, спит глубоким сном. Живем как чувствуем, на грани переживаний и интуиции.

— Т-тяжко. Я б-бы с ума сошел.

— Это было в моем случае. А теперь объясни, почему мужины не могут себе признаться в легкомыслии? Подумаешь, погулял с одной, потом с другой. Вы думаете, что это логично: нельзя привыкать к одной «бабе», иначе она тебя потом так захомутает...

— А разве н-нет?

— На мой взгляд, все правы в этой проблеме взаимоотношений двух полов, потому что живут по стереотипу, который навязан окружением. Да я уже говорила. Не все хотят идти по

собственному пути, потому что, в сущности, мало кто представляет, что ему нужно конкретно.

— П-понятно. Т-ты считаешь, что это г-главная п-причина, н-например, разводов или расставаний?

— Нет. На мой взгляд, тут работает еще один ментальный стереотип, который ломает отношения. Как обычно говорят при знакомстве или когда собираются жениться? «Пусть она или он воспринимает меня таким, такой — нужно подчеркнуть, — какой я есть». Некоторые говорят, мол, ничего, женюсь, перевоспитаю мужа или жену. На самом деле, это обычная гордыня. Никто из тех, кто верит в силу этого своего убеждения, сам не хочет меняться, подстраиваться под привычки своей половинки. Естественно, что в результате остаются одни, со своей никому не нужной гордостью, еще и удивляются, что так все получилось, и он такой разнесчастный. Потом такой разведенный эгоист жалуется другой пассии, понарасказывает всяких ужасов про свою бывшую и ловит на жалость. А когда у дурочки открываются глаза, как правило, уже поздно — или ребенок, или штамп в паспорте. Извини, что я все в мужском роде, — это всех касается.

— Н-ну, я п-понял. И что же т-теперь всю жизнь п-подстраиваться под чужие п-привычки?

— Нет, конечно. Я считаю, если, создавая брак, люди сначала думают о том, как они будут сносить плохие привычки друг друга, то это брак по расчету. Обычно люди влюбляются и не видят недостатков друг друга, готовы идти за предметом воздыхания хоть на край земли. Это, с одной стороны, правильно, ведь без любви нельзя строить отношений. Только нужно задать себе вопрос, настолько ли я люблю его, ее, что сам готов измениться? Ответ на вопрос пусть и станет решением — жениться или нет. А потом, брак — это все равно, что дом, строить его должны двое, а не один человек. Кстати, благодаря здешней библиотеке, я прочитала недавно потрясающие слова о том, что настоящий, хорошая брак — это большое счастье, и единственное утешение для тех, кто его не имеет, — это незнание его преимуществ.

— Н-ну, а если, н-например, все вокруг н-навязывают женитьбу?

— Ты о себе говоришь?

— Родители хотят, ч-чтобы я женился, выбрали сами, б-блин, невесту... И н-ни она, ни я н-не хочу.

В комнате повисла пауза. Ольга, улыбаясь, смотрела на Макса и слушала музыку, подперев щеку ладонью.

— Н-нравится?

— Что-то знакомое... Поль Мориа?

— Уг-гадала.

— Никаких слов, одна музыка — и все понятно. Когда ты встретишь ту, которую будешь понимать без слов, как сюжет оперы на незнакомом тебе языке, и все будет тебе понятно и комфортно — тогда и решится твоя проблема. Ты просто не влюблялся по-настоящему. Объясни это родителям, у тебя они хотя бы есть. Если они тебя любят и, самое главное, если ты их любишь, вы поймете друг друга... Так ты мне покажешь, как делается монтаж?

— М-музыку оставить?

— Да, пожалуйста.

— Н-ну вот, смотри, это такая п-программка специальная. Импортируешь файл...Н-например, этот...

— Максим, ты поросенок! Откуда у тебя это? — Ольга чуть не подпрыгнула на стуле: на мониторе появилось изображение одной из ее утренних репетиций. Кажется, это была второй день на проекте, когда она принесла в зеркальный зал с собой сумку с костюмами и решила в них прогнать пару танцев и, слава богу, именно тогда появилась ширма для переодевания.

— А я п-пришел как-то утром искупаться, услышал м-музыку, т-ты закрыла дверь. М-мне стало интересно, и я п-пошел в студию, п-попросил включить камеру, ну и записал...

— О Боже! — Ольга закрыла лицо руками.

— Д-да ладно, чего стесняться? Т-ты п-превосходно танцуешь, зачем скрывать? В-все равно, все уже знают.

— Как все?! Ты рассказал всем?

— Н-не я, Ирэн. В б-басейне, п-позавчера.

— Ужас! Вот и верь после этого людям, — Ольга расстроилась, — удали файл, пожалуйста.

— Ладно, я т-только покажу... Вот, д-добавляем на монтажный стол, п-потом — спецэффект «замедление»... еще... и ты танцуешь под Поля Мориа.

— Ты обещал!

— П-пожалуйста!.. З-закрываем... Дэлит... Все... Тебя нет...

— Я не дура! Из корзины тоже!

Макс засмеялся, но выполнил приказ:

— М-мне не жалко. У меня т-таких файлов много...

— Я тебя убью... — Ольга замахнулась подвернувшимся под руку диском.

— Т-только в терновый куст не б-бросай!

— Ты — негодяй, я всегда это подозревала!

— Я п-пошутил. Н-нет больше ничего.

— Я тебе не верю.

— Хочешь, я т-тебе про свое хобби покажу. М-мы будем квиты. Вот, м-мои мульты... Одень н-наушники, чтобы В-вitek не п-проснулся...

Макс поставил музыку на паузу, включил видео. Девушка недоверчиво смотрела на монитор.

— Не верю, что это ты. Скачал где-нибудь в интернете.

— Н-наоборот, это я их т-туда слил.

— Не могу пока ничего сказать, нравится мне это или нет. Но это очень талантливо. Я бы посмотрела их еще раз на досуге. Представляешь, ты можешь сам делать для своих собственных детей персональные мультфильмы.

— Если б-будут. Д-дети.

— Когда-нибудь да будут, — Ольга поднялась со стула, — мне пора: уже темнеет. Спасибо за беседу. И за музыку. Я надеюсь, что мы поняли друг друга.

— Я п-провожаю.

28

В абрикосовой пене

Лунный шар застрял.

Инь-янь весны.

За пределами стен был такой свежий и мягкий воздух, что Ольга вздохнула в восхищении:

— Как хорошо на улице, оказывается! У вас же — дышать нечем.

— Н-надо проветрить, — Макс оставил дверь открытой, — м-может, посидим на качелях?

— Только недолго. Сколько сейчас?

— Д-десятый. Д-детское время.

— Расскажи, что-нибудь, — она подперла голову рукой, готовая слушать, — жалко, музыки нет.

— А м-мы мигом, — Макс тут же вернулся с айподом, — т-тебе какую? Как та?

— Как хочешь. А у наших все телефоны забрали. Девчонки теперь страдают: позвонить, когда хочешь, нельзя.

— М-мне заблокировали тоже. Т-только музыку могу послушать и п-поиграть. Я сам с ума схожу.

— Откуда же ты домой звонишь? Я ни разу не видела, чтобы ты к нам в кабинет приходил.

— Если н-нужно, Витек приносит. М-мне, в основном, м-мама звонит.

— Твои родители чем занимаются? — Ольга подобрала под себя ноги, Макс слегка раскачивал качели.

— М-мама... б-бухгалтером работала, сейчас дома, т-так, иногда, за чужими детьми присматривает. А от-тец, — Макс ненадолго призадумался, — по всякому... М-может крыши... на домах делать...он, вообще, умеет в-все, если захочет... даже п-парикмахером... — провел рукой по волосам.

— Здорово, у него золотые руки.

— И н-не только, — Макс отвел взгляд.

Ольга по выражению лица молодого человека догадалась о том, что не было произнесено вслух:

— Но ты его не любишь или злишься за что-то.

— Д-да, есть н-немного. Он п-постоянно навязывает мне свой в-выбор. Школу, университет, п-профессию.

— Зачем он это делает, ты не задумывался?

— Он г-говорит, ради моего блага.

— У тебя была плохая школа, институт и тебе не нравится быть оператором?

— Это-то мне и нравится. Н-но меня не учили этому в университете. Я сам. Вот т-ть медик, а любишь т-танцевать. Что т-ты выберешь? П-профессию или хобби?

— Я буду искать способ соединить эти два занятия, хотя не знаю пока как. Твой отец сумел же сделать это. Помнишь сказку о царе, который научился ткать, и это спасло ему жизнь? Он, находясь в плену у разбойников, соткал ковер и передал жене, а она узнала работу мужа, и разбойников схватили... Опять ты смеешься! — Ольга выпрямила ноги, собираясь встать.

— П-подожди. Я п-понял, одну вещь, — Макс взял руку собеседницы в свою, — я рад, что у м-моего отца много д-друзей, и они п-помогли пихнуть меня сюда. Я н-никогда столько бы не узнал.

— Максим, я пойду. Опять эти твои штучки, отпусти.

Заиграла какая-то легкомысленная скрипка Ричарада Клайдермана, подчеркнув тонкую улыбку Макса.

— Сейчас, — он притянул к себе Ольгу и поцеловал ее.

Ольга резко не оттолкнула от себя ухажера, голос ее задрожал, а глаза мгновенно заблестели от подступивших слез:

— Что ты наделал?! Я поверила тебе, а ты... Не смей больше ко мне приближаться!

Макс растерялся и тоже вскочил, протягивая руки к отступающей к дому девушке:

— Д-да что я сделал? Сж-жег лягушачью шк-курку?

— Ты все уничтожил, все!

— П-простым п-поцелуем? Не убегай, об-бъясни! — он догнал рыдающую Ольгу и обхватил ее, — б-балда, т-ты же сама была непротив. Я же п-почувствовал! Н-ну, говори же, что?

— Это был мой первый поцелуй, — давась слезами, всхлипнула Ольга, — я хотела, чтобы это было не просто так... Я верила...

Парень повел ревушью назад, к садовым качелям:

— Сядь, усп-покойся. Женская логика, б-блин... Вот, — Макс похлопал себя по карманам, вытащил носовой платок, — д-держи... Скажи, что не так, мы п-перецелуемся.

— Негодяй ты и есть негодяй, — Ольга вытерла мокрое лицо и нос, то ли плача, то ли смеясь, — расслабил меня музыкой и разговором по душам. Выключи ее! Опять он улыбается...

— Д-да откуда же ты взялась, т-такая странная? П-первый поцелуй в двадцать два!

— Ты думаешь, я придумала? Ты думаешь, таких, как я, мало? По-твоему, все девчонки только и думают о поцелуях с первым встречным? Любая девчонка хочет, чтобы все было по-настоящему. А потом появляется такой, как ты, и все ломает: «Да ладно! Все так делают!» Естественно, любая решит, что так и надо, без любви! А потом вы сами говорите, что все бабы — дуры и продажные. Я с тобой всего неделю знакома, а ты навоображал себе. Конечно, что тут особенного: познакомился, поцеловался — в постель, — Ольга повысила голос, не давая «негодяю» оправдаться, — а дальше уже не интересно, и все, по новой с другой, да?

— Т-тихо, не кричи, — Макс протянул руки, пытаясь перехватить в воздухе эмоционально жестикулирующие руки девушки, — сюда В-владимирыч п-придет.

— Пусть все слышат! Что ты сделал, чтобы заслужить ту самую, о которой ты мечтал? Что? Лапаешь всех подряд? А потом говоришь: «Что-то мне никто не нравится», да? Оставь меня в покое и не смей подходить ни к кому из наших. Я всем расскажу, что ты из себя представляешь! Только ноешь, а сам не уважаешь желаний других людей. Ты — такой, как все! — Ольга повернулась и побежала в сторону особняка.

— В-вот, ч-черт! — Макс ошалело смотрел вслед, потом схватил телефон, продолжавший издавать звуки, и бросил его озимь.

— Правильно, она сказала, — в дверях домика стоял Виктор, — ты — как все настоящие мужики. Молодец! Я где-то недавно слышал, что в таких случаях мужик может легко разбить дорогой телефон, но женщина — никогда. Подумал тогда: вот бы проверить, брехня или нет.

— У тебя б-больше не болит голова? — мрачно спросил Макс.

— Сам удивляюсь, что нет. Массаж был просто супер. Если бы ты думал своей головой, то и тебе бы сделали...

Макс не стал слушать рассуждения коллеги, бросился за Ольгой, но пока добежал до особняка, замедлил темп, подошел к двери, постоял, раздумывая, не решился, стукнул кулаком и медленно пошел назад, тяжело дыша. Теперь он явственно услышал знакомые

всхлипывания со стороны беседки, свернул с темной аллеи и почти на ощупь пошел к звукам, в темноте наткнувшись на загромоздившее пустое ведро, чертыхнулся, нащупал его и отставил подальше в сторону.

Ольга безутешно плакала, забившись в угол, то затихая, то начиная опять. От внезапного шума она вздрогнула, устыдилась публичности своих слез, перестала рыдать и попыталась успокоиться, глубоко вдыхая вечерний воздух. А обидчик нерешительно поднялся по ступеньками, подошел к ней и присел рядом.

— Н-ну прости меня, я же не знал. Мне казалось, что я т-тебе тоже нравлюсь, как и т-ты мне.

Ольга молчала.

— Т-ты только скажи, что не хочешь, чтобы я к тебе п-приставал. И я обещаю, ч-что б-больше ни к кому не п-подойду, — он нашел в темноте сначала ее плечи, потом — влажное лицо, — а т-ты встретишь своего п-принца и не рассказывай ему про п-первый поцелуй. Пусть думает, что он п-первый. И я н-не скажу.

Вместо ответа Ольга убрала мужские руки от своего лица и поцеловала Макса.

29

«Один плюс один

Равно нулю!»- крик старух.

Малязм заразен.

Девушки еще не спали, вполголоса переговариваясь, лежа в кроватях.

— Ты где была так долго? — Ника приподнялась на локте, — мы думали, ты с Верой и Виктором в больницу уехала.

— Я в саду была. Можно, я быстро душ приму?

— Иди уж, — подала в темноте голос Лера, — только, бабка, свет не включай, твой зять уже спит.

— Дружила с кем-нибудь, — зевнула Арина Петрова, — со своим Стрэном, наверное. Так что, дед, ты — рогоносец!

Девушки захихикали. В соседней комнате зажурчала вода, а потом послышался тихий вскрик.

— Что случилось? — Ника лениво поднялась на локоть, — э-эй, Оля, все нормально?

— Д-да. Меня, наверное, комар укусил, когда я в беседке убиралась, — в ванной Ольга рассматривала в зеркале розовое пятно на шее, — вот ересь!

Наскоро ополоснувшись под душем, Ольга надела халат и на ощупь пошла опять к выходу из темной комнаты.

— Бабка, ты куда опять? — проворчала Лера. — Могла бы и у Стрэна помыться...

— Идите вы! Я поищу какую-нибудь мазь.

В кухне она поставила чайник и стала рыться в аптечке.

— Да-а, сильный укус, — за спиной стояла Ника, — болит?

Ольга испуганно обернулась:

— Господи, как ты меня напугала... не смотри на меня так!

— И тебе этот комар несколько пуговиц расстегнул на груди, я заметила, когда ты входила, — Ника сурово стояла, скрестив руки, — кто это? Неужели, и правда, Константин Андреевич?

— Вы меня замучили со своим Стрэном, что я вам сделала?

— Значит, Макс. Оля, ты же не знаешь его, вы всего неделю знакомы! Ты, умная

девушка, поддалась на его заигрывания! Ты сама говорила, что он — бабник.

Ольга отставила аптечку, тяжело вздохнув:

— Я все понимаю, но ничего не могу с собой поделать. Я была у них в домике: меня Вера туда позвала, чтобы Виктору помочь: он себя плохо чувствовал. А потом сначала мы с Максимом помирились после воскресной ссоры, потом опять поссорились из-за того, что он меня поцеловал, — и снова помирились. Я его поцеловала. Сама, понимаешь? Он меня вообще не заставлял. Не понимаю, куда меня несет, словно в водоворот затягивает, но остановиться я уже не могу... И потом, там, в беседке, мне показалось, что он совсем другой человек...

— Вы целовались в беседке? — в ужасе зашептала Ника и присела рядом, приблизившись, — какой ужас!

— Я же говорю, мы просто не могли остановиться. Я думала, что прошло всего минут десять, ну, полчаса...

— Какой ужас! Тебя выгонят, дурочка!

— И слава богу, быстреей домой попаду.

— Ты с ума сошла! — Ника не могла поверить своим ушам, — если Вера узнает, а Вера обязательно узнает, будет такой скандал!

— Я никому не скажу, Макс никому не скажет, ну, и если ты промолчишь...

— Боже мой, — Ника приложилась лбом о стол, — это неопишимо... Тут кругом камеры, микрофоны, а она...

— В беседке тоже камера? — Ольга побледнела, — откуда ты знаешь?

— От верблюда! А ты думала, что это пожарная сигнализация?

— Ну да, Макс так сказал.

— О Господи, святая простота! Завтра же порви с ним! Скажи, что это была минутная слабость, ты просто ему отомстила, что-нибудь придумай!

— А ничего больше и не будет, — Ольга положила ладонь на пальцы подруги, — это была минутная слабость. Но я о ней не жалею, понимаешь? Я сама решила, кому подарить первый поцелуй, и я его подарила. Во мне сейчас такое горит — я описать не могу. Но я забуду его, я заставлю себя забыть, понимаешь?

— Нет.

— Я чувствую, что не останусь тут до конца проекта, должна же буду уйти когда-нибудь — зачем мне потом мучиться, думать о нем? Я спокойно буду ждать своего мистера «А».

Ника только открыла в сильном изумлении рот:

— Ты сошла с ума!

— Да нет, это моя личная статистика, — Ольга спокойно взялась за аптечку, — буквы «м», то есть человек с именем на букву «м» вообще не должен был как-то появиться в моей судьбе.

— Вы там, в беседке, ничего не пили? — Ника щелкнула пальцами в воздухе, будто проверяя координацию подруги.

— Ты послушай, я абсолютно нормальная. По природе я очень влюбчивая, но всегда как-то стыдно говорить о своих чувствах. Я бы даже сказала, что я бабник (как это будет в женском роде?), только социально не опасный, довольствуюсь платоническим созерцанием. И хотя многие считают меня холодной, странной, не способной любить, меня это не задевает. Любовь для меня — это как ветер на ветряной мельнице, который помогает перемалывать муку и делать хлеб. Я всегда, как только влюблюсь, бросаюсь в учебу, работу,

танцы — одним словом, сублимирую как могу... А год назад я просматривала свой дневник и обратила внимание на очень странную закономерность: каждый раз, когда я влюблялась, или мне просто кто-то нравился, то первые буквы имен, и даже фамилий совпадали: сначала был Степан, Кирилл, Андрей, потом опять Сергей, Коля, Артем...

— Ты не думаешь, что это простые совпадения? Или внушаешь себе...

— Это у меня с детского сада. Я же никогда об этом не задумывалась, только год назад. У мальчиков даже первые буквы фамилий совпадали — Конев и Корин, Домашов и Дедушкин... Я не знаю, что это — совпадения, знаки? Последний был однокурсник Славка. Поэтому сейчас должен быть Артем, Аркадий, Акакий и никак не Максим.

Ника вцепилась руками в свои волосы и со странным выражением на лице, с каким обычно смотрят на душевнобольных, слушала подругу:

— А если он тебя не полюбит, воспользуется доверчивостью, обманет и бросит?

— Ну, тогда хотя бы моя мельница намелет муку, я испеку хлеб и поделюсь с другими людьми.

— Ты говоришь, как блаженная, — Ника покачала головой.

— Если бы в моей жизни не было бы ни капельки, ни грамма любви, моя жизнь стала бы рутинной, и вот тогда я сошла бы с ума, — Ольга улыбалась и, в целом, выглядела точно, как счастливый клиент психиатрической клиники.

— Ты совершенно не знаешь Макса: он испортит тебе жизнь! А потом ты разочаруешься во всех мужчинах.

— Откуда ты знаешь? — Ольга спокойно, — во-первых, ты сама его не знаешь...

Ника подпрыгнула на стуле и почти закричала:

— Я не знаю?! — и сама испугалась своей реакции, как когда-то в бассейне, порозовела, закрыла лицо руками.

Ольга открыла в полу-изумлении, полу-испуге рот:

— Ты чего?

Не глядя на подругу, Ника встала и налила себе минералки из холодильника. Жадно выпив, сказала уже хладнокровно:

— Мне рассказывали.

— Кто? — Ольга рассмеялась, — доверительный источник?

— Да, ты права, я не очень хорошо знаю твоего Макса, зато я лично знакома с Артуром Карамзиным.

— И что?

— А то! Макс — близкий друг Артура. Слишком близкий, чтобы я тебе вот тут просто так все это говорила...

Ольга задумалась, припомнив недавние сплетни помощниц, и какая-то мысль замаячила в голове, но хозяйка никак не могла ухватить ее:

— Артур Карамзин... «А» и «К»...

Ника подбежала к Ольге и затрясла ее за плечи, испугавшись не на шутку:

— Нет, нет... Даже не думай... ты, сумасшедшая...

— Да что ты, в самом деле? — Ольга с трудом освободилась от рук Ники, встала с места и понесла аптечку на место, — я же никогда его не увижу, не переживай... Ты права, глупости это все...

— А если увидишь?

— Каким образом?

Внутри Ники, определенно, шла какая-то борьба: девушка хотела что-то сказать, но еле сдерживала себя, то поглядывая на камеры, то на Ольгу. В конце концов, сделала несколько расслабляющих вдохов-выдохов и обреченно обратилась к молчаливой Ольге:

— Ты только никому больше этого не рассказывай, про свои буквы и дурацкую статистику! Самое главное, Олька, молчи! Не суйся ты никуда, и обходи Макса стороной!.. Что ты хочешь сделать со своим следом преступления? Надеюсь, у него такого же нет?

— Я не знаю, кажется, нет...

— Боже, Боже! — Ника воздела руки к небу, — завтра выйдете с одинаковым пластырем, если еще твоему Ромео хватит ума прицепить его... Да не клей ты его сейчас, балда, утром приклеишь — за ночь все равно отвалится. Пошли спать... И вообще, что у тебя с лицом, ревела, что ли?

Вздыхая, как печальное привидение, Ника отправила впереди себя Ольгу, контролируя, как бы та опять не попала в какую-нибудь историю.

30

Иду я в гору

За улиткой Мацуо.

Учитель, прости!

Комната Веры была чистой зоной от наблюдения видеокамер и вездесущих микрофонов. Поэтому Константин Стрэн попросил Веру о встрече именно в этой комнате и не в своем коттедже, где он жил по соседству с операторами, имевшими возможность подслушать разговор.

— Что случилось? — Вера освободила стул от сваленных на него бумаг.

— Позавчера мне позвонила Маргарита Павловна и спросила, почему мы не подали видео-досье на Красильникову. Я пообещал исправить ситуацию.

— Но почему, Константин Андреевич, вы ничего не рассказали?

— Как-то постеснялся, знаете ли. Если честно, я боюсь эту женщину. Когда дело касается ее детей, она готова уничтожить любого обидчика. Я пока еще морально не готов к скандалу: слишком маленькая аудитория у нас, защищаться мне нечем.

— Значит, надо отвезти досье и все рассказать, как есть. Девочка, кажется, хорошая, положительная. Вчера Виктору позвонки вправила, массаж сделала, он сегодня уже тут пытался бегать по дому... Так что, я думаю, все нормально: мы не зря ее взяли.

— Ну да. Вчера, после вашего визита, я даже постеснялся выйти на улицу: она такую истерику закатила Максу! А потом, как ни в чем не бывало, они целовались в беседке.

Вера ахнула:

— Вот это да! Когда же это они спелись? Всего неделя... — и схватилась за сердце, — но теперь, согласно контракту, мы должны ее выгнать.

— Вот и я думаю. В беседке, правда, темно было: слава богу, Владимирыч забыл свет на аллее включить, и Дима тоже поэтому отключил трансляцию. Так что на этот раз пронесло, если только Николаева не растрепала своим, э-э-э, симпсонам. Я боюсь сейчас одного — чтобы наш Макс и ваша Николаева больших глупостей не натворили. Давайте так: вы сейчас идите к своим, наблюдайте особенно за этой парочкой...

— Хорошо, уже иду, — Вера встала бы, но Стрэн ее остановил.

— Подождите, я самого главного не сказал. На этой неделе, с завтрашнего дня Маргарита Павловна лично хотела бы познакомиться с девушками. Естественно, не со всеми одновременно. Посылайте всех своих парами, им там за работу будут платить, причем наличными. А Николаеву отправьте даже завтра, и вообще, пусть меньше амуры тут крутит. Если она не понравится нашему спонсору, мы ее сразу домой отправим.

— А видео досье?

— Вот пусть ваша плясунья собственными руками его и передаст, я не хочу иметь никакого отношения к очередному скандалу, — Стрэн морщась потер шею, — я бы еще, конечно, поговорил бы с вашей протеже, придумайте повод... Первый и последний раз я лично берусь за такой проект.

— Не переживайте вы так: пока все нормально. Мне как раз сегодня сводку принесли. Вчерашний вечерний отчет посмотрело уже около пяти миллионов телезрителей...

Словно в подтверждение этой приятной новости, зазвонил сотовый телефон продюсера.

— Да, я слушаю... Да... Навалом места...Реклама чего?.. Кофе — это хорошо... Да... Пожалуйста... Давайте завтра у меня в офисе... в десять? Отлично. Спасибо... я тоже рад... До свидания, — Стрэн вернул телефон в карман и улыбнулся Вере, в первый раз за утро, — ну вот, глядишь, мы и в гору пойдем. Новое предложение от рекламодателей и очень выгодное...

— Подождите, то ли еще будет, — Вера чуть было не решилась обнять шефа, — мы всех порвем. Вот выйдет субботний выпуск, и все — будет бомба!

— Лишь бы эти влюбленные раньше ничего не взорвали. Пойдемте.

Стрэн распахнул перед Верой дверь.

31

Змеи улыбкой

Не жаль меня, мой друг!

Будь лучше ты врагом.

После разговора с суеверной подругой, Ника, обуреваемая возмущением, полночи проворочалась в кровати.

В отличие от Ольги, которая перед принятием решения сначала представляла себе результат выбора, и, если он не устраивал, искала другое решение, Ника выбрала самый эмоциональный путь: задолго до завтрака она бросила все свои дела, даже не уложила как следует волосы (черт с ними!) и помчалась к Максиму. Он, заинтригованный внезапным появлением возбужденной Ники, наспех оделся и увел Нику вглубь сада, к Кривому Дереву, подальше от любопытного Виктора.

Там Ника для начала высказала Максиму все, что она думает о нем и его легкомысленном отношении к девушкам. А потом, в пылу ссоры, переключилась на личность сумасшедшей подруги и поведала об Ольгиной системе влюбленностей.

— Так что ты, на самом деле, никто, понял? — подытожила свои рассуждения Ника, злясь, потому что Макс больше обрадовался новости, чем огорчился «сумасшествию» Ольги. — Как только я ей скажу, что, к примеру, Виктор, и есть тот самый Акакий Корзинкин, то есть «А.К.», она сразу же накрутит себя, что должна в него влюбиться — и забудет тебя.

— Т-ты сама бы сейчас п-посмотрела бы на себя со ст-тороны, — Макс продолжал смеяться от души, — ревнуешь, т-так и ск-кажи.

— Я?! Сволочь ты! А ну вас! — Ника махнула рукой, — вы друг друга стоите: бабник и сумасшедшая. Радуетя он...

— А ты не б-боишься, что я м-могу все Оле рассказать п-прямо сейчас?

— Иди, иди. И расскажи ей все! И про свою личную жизнь не забудь рассказать. И про меня расскажи, и про дружка своего... Начнешь рассказывать — позови меня, я добавлю, если ты что-нибудь забудешь... — Ника распахнулась и пошла к особняку, ворча себе под нос, — расскажи, только попробуй... сволочи, все вы сволочи...

Максиму пришлось приложить немало усилий, чтобы успокоить Нику. Когда они пришли на завтрак, напротив Ольги и пустующего места ее подруги сидела Вера, что было не так уж часто за эти дни. Немного растрепанная Ника села рядом с Ольгой.

— Вроде как все нормально, ничего нет! — уловив момент, Ольга шепнула подружке на ухо, имея в виду шею Макса.

Вместо ответа Ника толкнула подругу в бок и показала глазами себе на колени. Там

лежала коробка с гримом. Ольга покраснела: с утра Ника успела спасти ее от позора.

За завтраком Вера рассказала о том, что их проектом заинтересовалась живущая неподалеку семья, хорошие знакомые Веры; они приглашают золушкиных помощниц подзаработать — помогать прислуживать на вечеринках, да и просто убирать дом.

— Хорошая возможность сменить обстановку, — предложение Веры понравилось Олеся Жвалевской.

— И красный пылесос — на какой-нибудь зеленый, — добавила иронично Катя, — разве что на других людей посмотреть.

— Завтра я предлагаю поехать вам, Оля, — Вера так выразительно посмотрела на девушку, что та опять покраснела, — и...

— Можно, я? — Олеся подняла руку.

— Все, отлично! Договорились, — Вера поднялась, — заканчивайте завтракать и на территорию...

Вера не договорила фразу и окаменела: в столовую вошел Владимирч, пятидесятилетний охранник, с огромным букетом красных роз.

— Вот, привезли. Сказали, что для, дай бог памяти, Николаевой Ольги.

Девушки заахали, потом заплодировали:

— Оля, скажи, кто? Ну, скажи!

Ника показала сияющему Максусу кулак. Медленно, словно перед ней медленно разверзалась земля, Ольга, пунцовая, как сами розы, подошла к охраннику. Тот ее узнал и протянул с насмешливой улыбкой букет. Ольга приняла цветы и обвела смущенным взглядом присутствующих.

— Там записка внутри есть, — охранник не уходил, наслаждался всеобщим шоком.

— От-крой, от-крой! — скандировали Ольгины сотоварки.

Она медленно достала из огромного, состоящего, наверное, не менее чем из пятидесяти роз, букета, бумажку, медленно открыла ее, прочитала и еле сдержала улыбку.

— Ну что там? — не вытерпела Лера.

— А это не мне, — Ольга повернулась к охраннику, — вы перепутали, — это для Посмитной Ольги. Я ей отнесу! — и, не дожидаясь вопросов, быстро вышла из столовой.

Ника с облегчением откинулась на спинку стула.

— Ну и что за глупый розыгрыш! — рассердилась Лера.

— Ч-чеснока надо м-меньше есть, В-владимирыч, — Макс, широко улыбаясь, как чеширский кот, понес свою посуду в мойку.

32

Истерты пальцы,

Не поймешь ты чем. Взгляни:

Узлы от ниток

Злого кукловода.

Беги от ширмы и друзей.

Вера попросила Ольгу оказать услугу — провести сеанс массажа Стрэну, который, находясь на проекте, уже пропустил несколько от своего личного массажиста. Ольга согласилась, взамен потребовав не говорить об этом остальным, и поставленное условие вполне устроило главменеджера.

Стрэн ждал Ольгу в комнате Вере, лишив тем самым шанса случайной встречи с Максом, которой она, к слову, совсем и не желала. С одной стороны, Ника не отходила ни на

шаг, бросая злые взгляды на появившегося оператора с камерой и под любым предлогом отсылая подругу на разные этажи дома. С другой стороны, так решила сама Ольга, испытывавшая жгучий стыд при воспоминании о минутах, когда она потеряла над собой контроль.

Но Макс сдержал слово: прекратил приставать к каждой юбке и вел себя подозрительно скромно, готовясь к съемке очередного конкурсного приготовления обеда. «Кажется, наш Макс заболел», — заметил кто-то из девушек. Попытались было его расшевелить на какую-нибудь скабрёзность, но он отмахивался, глупо улыбаясь.

Нечего было говорить о том, что Ольга чувствовала себя как минимум смущенной. Делать массаж для нее — привычное дело: в родном селе и в институте это позволяло ей держаться наплаву в ожидании стипендии. Клиенты тоже были разные, вечно жалующиеся и благодарные, стесняющиеся раздеваться и предлагавшие сходить вместе в сауну. Но никогда еще Ольга не делала массаж человеку, столь известному и приводящему в трепет одним взглядом. Коротко кивнув вошедшей, Стрэн молча снял рубашку и лег на кровать Веры, оставаясь безмолвным.

— Вам какой массаж делали, лечебный, тонизирующий, просто классический или?.. — еле выдавила из себя Ольга, чувствуя, что начинают дрожать руки.

— Любой, — во вздохе Стрэна было сожаление, что попалась такая глупая массажистка, которая не знает его потребностей.

— Тогда классический, — Ольга боролась с искушением сделать массаж особых точек, чтобы этот гипнотизирующий удав уснул бы на второй минуте массажа, и она смогла бы уйти.

Вместо этого она минут десять в полной тишине делала руками нужные пассажи. И только когда в процессе, по привычке, вправила пару позвонков на сутулом продюсере, тот словно опомнился:

— Вы жалеете, что не прошли кастинг?

— Что? — Ольга почти вздрогнула.

— Я говорю про ваш танцевальный кастинг. У вас были хорошие шансы.

Девушка не отвечала, чувствуя усиливающееся сердцебиение.

— А хотите, я помогу попасть во второй тур? Будете себе танцевать у Салмы Пуховой. Потом, я дам вам хорошую рекомендацию, сделаете красивую карьеру. Дансбалет, подтанцовки у знаменитостей... Наберетесь опыта и сами создадите свою школу, будете диктовать уже свои условия. Я могу помочь найти хорошее здание, организовать турне за границу, — Стрэн, конечно же, чувствовал, что качество массажа становится другим, как если бы у мастера кончились силы.

Первый раз в жизни он решился на такую провокацию, от которой самому было неудобно. Но ведь когда-нибудь в жизни надо отработать труд, вложенный в институте педагогами по актерскому мастерству:

— ...Я бы никогда не подумал, что вы такая темпераментная девушка. А вчера я в этом убедился. Молодость — это прекрасно. Но тратить свой темперамент на безмозглых мальчишек — глупость. Ну, проведете еще пару вечеров в беседке, а дальше? Здесь, в доме, столько искушений. Длинноногие красавицы ходят в купальниках возле бассейна... Бросит вас молодой и бесперспективный оператор, а вы уедете себе в свою деревню (никак не могу запомнить ее названия). А я вам предлагаю реальную поддержку в жизни. Что скажете? Может, подумаете над моим предложением? Молодость проходит — проблемы остаются. Я

вам предлагаю небольшую сделку: вы мне дарите немного своего темперамента, красоты... естественно, внимания... А я вам все что хотите — власти и денег у меня предостаточно...

Ольга перестала делать массаж еще несколько фраз назад, но, войдя в раж, сорокапятилетний продюсер уже не мог остановиться, получая удовольствие от каждого, приходящего на ум предложения.

— А может, вы уже решили поменять мечту? Вы, наверное, первый раз в жизни задумались о красивых вещах. Хотите жить в таком же красивом доме? Я могу устроить так, что вы выйдете в финал, у вас будет слава самой лучшей золушки на всем постсоветском пространстве... Ну, так как, подумаете? — усилием воли стерев улыбку с лица, Стрэн повернулся и сел перед девушкой, — я могу подождать, Оленька...

Больше ему ничего и не надо было говорить. «Оленька» стояла, опустив дрожащие руки, и боялась поднять их, чтобы смахнуть предательски потекшие по щекам слезы ужаса перед будущим позором. Вопрос, заданный ей в лицо, заставил опомниться, девушка попятилась к двери, судорожно дернула за ручку — и не смогла открыть.

— Лучше выпустите, — Ольга пятилась, не выпуская из поля зрения невозмутимого полураздетого продюсера, ощупывая позади себя руками, по периметру передвижения, все, что могло послужить защитой, но попадалась одна бесполезная мелочь.

— Оленька, скажи просто «нет» или что ты подумаешь, — мужчина довольно наблюдал за реакцией пятившейся от него собеседницы.

— Какая мерзость! Я всем расскажу, как вы тут на проекте себе любовницу присматривали! — девушка медленно приближалась к столику у окна.

— Тихо-тихо! — Стрэн попытался схватить строптивую девицу, показывающую намерение, если что, выпрыгнуть из окна.

Что-то ощутимо твердое попало под руку, и Ольга замахнулась.

— Только не камера! — вскрикнул испуганно продюсер и отступил.

— Фу! Мерзость и гадость! Вы еще и на камеру записывали? Да вы извращенец! Откройте дверь или я ее разобью! — Ольга решительно подняла камеру.

— Вера! Да помогите же! — Стрэн крикнул в сторону.

Вера сразу выбежала из ванной: она и так, пока, спрятавшись, ожидала условного знака, перенервничала до боли в грудной клетке.

— О, Вера Александровна! — изумилась Ольга, не зная, что и сказать.

— Оля, тихо! Присядь, послушай!

— Вы заодно... Боже мой! — девушка огорченно села, не выпуская из рук захваченной камеры.

— Оля, это был розыгрыш, проверка! — Вера стала медленно подходить ближе, как минер к сверхчувствительной бомбе, — да, я согласна, это была дурацкая идея...

— Я вам не верю, — Ольгу, как обязательно выразилась бы Лера, увидь эту сцену, «колбасило по полной»: ее трясло так, что Стрэн не спускал глаз от дорогой камеры, пляшущей в дрожащих руках.

— Все, все, мы поняли, что ты никогда не согласилась бы с таким предложением, — Стрэн спохватился и стал надевать рубашку, — а теперь успокойся и давай поговорим начистоту.

— Да пошли вы! — Ольга вскочила, голос Стрэна только подливал масла в огонь, — откройте дверь! Вера Александровна, как вы могли! Вы же знали, что меня и так девчонки дразнят, что я тут по какому-то блату, его протеже!

— Прекрати истерику! — вдруг рывкнул Стрэн, — родители... Макса — мои хорошие друзья. Что я им скажу, когда они узнают, что их сын целовался с почти незнакомой девчонкой на глазах у всей страны! Завтра, ты понимаешь или нет, желтая пресса будет про тебя писать!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Стрэн подошел и забрал камеру из опущенных рук Ольги. Вера не решалась приблизиться, только села на край стула у кровати.

— На, держи ключ! — продюсер бросил его на колени девушке.

Ольга продолжала мелко дрожать:

— Кто я такая, чтобы про меня писать? Я — простой обслуживающий персонал, уборщица. И причем тут Максим? У него самые обычные родители-трудяги, вы, конечно, их друг, но прессе совсем не интересно писать про таких людей.

Стрэн как-то странно засмеялся, потеряв левую часть груди. Бледная Вера тоже улыбнулась.

— Уже легче, — Стрэн шумно выдохнул воздух и сел на кровать. — Послушай, камеры не запрограммированы только на наших золушек, и в интернете есть все. Вера, объясните ей, я уже не могу.

— В любой момент зрители, и они имеют на это право, могут потребовать перевести тебя в разряд золушек — и нам придется согласиться. Кстати, у вас в контракте об этом написано.

— Но я не хочу быть золушкой. Я смогу отказаться, я читала, — все силы куда-то делись, девушка чувствовала, что опять подкатывают слезы.

— Теоретически — да, а практически — нет. Желание зрителя — закон, — грустно сказала Вера.

— У меня есть один вариант, — продюсер потянулся к столику и вытащил из-под Вериних бумаг яркую открытку, — возьми.

— Что это? — Ольга не верила своим глазам, — это же билет во второй тур!

— Ты заслужила его, он твой, — Стрэн небрежно притрагивался к камере, которую поставил на тот же столик, — Елена Анисимова и Егор Дружков вступились за тебя на кастинге и заставили Цискарева выдать пропуск. К сожалению, а может и к счастью, ты ушла и оказалась у нашего автобуса. Никому ты ничего не должна. Но помни, кастинг начинается в понедельник. У тебя всего три дня, чтобы решиться. Если ты решишь уйти, наш шофер отвезет тебя. Но если остаешься, то никаких больше выкрутасов. Все согласно контракту.

— Спасибо! — Ольга не в силах была улыбнуться желанной новости: сегодня для нее слишком много было потрясений, — я теперь все поняла. Я могу идти?

— Тебя никто не держит, — пожал плечами продюсер.

Трясущимися руками Ольга открыла дверь и умчалась.

— А мне будет жалко, если она уйдет, — Вера устало вздохнула, — хотя и тяжело с ней, непредсказуема уж очень.

— Ну да. Но мы сможем извлечь максимум пользы из любого ее решения, — Стрэн выключил камеру и поднял ее вверх, — это будет не просто бомба, это будет атомный взрыв.

Задумался над фразой.

Не люблю я «нет»...

Это было только легко сказать: «Выбирай!». Теперь, когда заветный пригласительный был в руках, Ольга другим глазами смотрела на все, происходящее вокруг. Все помощницы и даже золушки казались такими родными, а сердце сжалось при виде стоявшего внизу Макса с камерой. Оператор тоже что-то почувствовал, потому что стал озираться, посмотрел вверх, так, может быть, и стоял бы, задрав голову, если бы не Ника, взявшая на себя роль блюстителя нравов: она привела молодого человека в чувство, дав легкий подзатыльник.

Полдня Ольга приходила в себя после провокации Стрэна. Лишь выпив двойную порцию корвалола, она усмирила нервное возбуждение, дрожь в пальцах и неподвластные хозяйке слезы, хлынувшие потоком, как только Ольга в одиночестве закрылась в ванной. Лекарство подействовало, и лихорадка сменилась оцепенением, похожим на транс.

Обмануть подруг придуманной головной болью было проще, чем Макса. Он единственный заметил, что из комнаты Веры после Ольги, вылетевшей вихрем в коридор и склонившейся в изнеможении над перилами, спустя несколько минут вышли довольно улыбающиеся сама Вера и Константин Стрэн, который утром, после завтрака, успел продублировать слова и действия Ники, отругать его, Макса, за легкомысленное поведение.

Теперь сложить одно с другим было не сложно, но молодой человек только скрипнул зубами: что он мог сделать один против всемогущего шоумена? В любом случае, Макс дал себе слово, что если Стрэн выпроводит ни в чем не виноватую девушку домой, пусть даже Ника будет права (Ольга предпочтет расстаться с бабником на букву «М»), Макс в тот же день сбежит из Дома и ни за какие коврижки не вернется назад! Собой играть он не позволит! Слава богу, теперь-то он сможет родителям объяснить все, что чувствует.

...Успокоившись, Ольга пробовала копаться в себе, найти ответ на вопрос, стоят ли ее новые, шаткие и условные отношения с этим слегка заикающимся брюнетом, чье имя никак не вписывалось в систему влюбленностей, стоят ли они давней мечты и шанса начать все сначала. Да, Она чувствовала головокружение от внутренних ощущений, да, Макс, в целом, внешне соответствовал ее мужскому идеалу, — что-то в нем было и от однокурсника Славки и тонкого, но сильного Артема, самую большую любовь, и других принцев, только Макс был во сто раз лучше, обаятельнее, остроумнее, нежнее, талантливее... Так что, если говорить о чувствах с высоты имеющегося опыта, все влюбленности, предшествовавшие этому состоянию парения, были только предтечей явлению Любви. Но если это временно и спустя некоторое время она, Ольга, будет вспоминать эту влюбленность и смеяться над ее пылкостью? Есть ли это настоящая Любовь...

И сбивалась на полпути к ответу: кто-нибудь отвлекал вопросом или просто своим присутствием. А что если Стрэн был прав, и все это последствия пребывания в красивом доме, окруженной красивыми людьми? Зеркальный зал как давняя мечта, бассейн, беседка в саду с прудиком, — может быть, все это стало катализатором поиска чего-то сверхэмоционального? И вдруг, за пределами дома, она будет сожалеть о своем мимолетном увлечении и неправильном решении?

За все нужно платить. Так что отдать взамен?

— Нет, этот бубнеж невозможно терпеть! — разозлилась Ольга, когда вечером, во время приготовления ко сну, кто-то в очередной раз вытащил ее из темной пещеры размышлений.

Ольга надела халат, взяла из своего шкафчика коробку и пошла в зеркальный зал.

— Не трогайте ее, девочки, — Светлана Малькова при мягком свете настольной лампы

листала Верин журнал для покупок, — Макс сегодня тоже какой-то пришибленный был.

— А причем тут Макс? — Арина Петрова сразу подняла голову с подушки.

— Только слепой не увидит, что между ними что-то происходит, — ответила Лера.

— Да, дед, не успела бабка за тебя выйти замуж, а уже вовсю изменяет... — хихикнула, вспомнив старую тему, Арина.

— Это точно невозможно терпеть! — Ника тоже вскочила, надела халат и пошла к выходу, обернувшись в дверях, — надеюсь, когда мы вернемся, вы уже будете спать, сплетницы.

В зеркальном зале Ольга сидела, сложив ноги по-турецки, перед опущенным на пол музыкальным центром и «листала» музыку, разговаривая вслух.

— Нет, это не вальс... точно не вальс... и не джаз, конечно...

— Что ты делаешь? — Ника присела рядом.

— Ищу музыку.

— Зачем?

— Я не знаю, что мне делать.

Ника переместилась к стене, облокотилась по-удобнее.

— Оль, а ты, как Офелия, сейчас цветами разбрасываться не будешь? Это ты мне мстишь за Макса, да?

— Я не обижаюсь на тебя. Ты — моя самая лучшая подруга здесь и думаешь, что защищаешь меня. Я не знаю, правильно это или нет, но выбор буду делать я сама... Боже, что за музыка! Узнаешь? Россини, «Безумный день или Женитьба Фигаро»... Я должна найти музыку, которая объяснит мне, что я чувствую. Возможно, что и решение приму.

— А ты не чувствуешь себя в ритме Россини? У него как раз про сумасшествие...

— Нет, мне нужно что-то такое... острое и одновременно сладкое.

Ника зевнула:

— Может, спать пойдём, а?

— Сейчас, еще чуть-чуть, и я приду.

Ника, зевая, ушла, не дослушав блюз, над которым задумалась Ольга.

34

Стук двух сердец,

Два пламени, два тела...

Предвкушение...

— Ты в бассейн? — сонно спросил Виктор, проснувшись от звука будильника: Макс одевался, не включая света.

— Спи, т-тебе доктор п-прописал спать до восьми.

— М-м, — согласно промычал Виктор, переворачиваясь на другой бок. Ему очень хотелось съязвить по поводу парадного вида товарища, идущего купаться и надевшего рубашку и брюки вместо более удобных шорт и халата. Но очень хотелось спать, и Виктор решил отложить ремарку до более позднего утра.

На аллее было божественно прохладно и тихо. Люди еще спали, а птицы пользовались тишиной и пели особенно громко в предвкушении нового дня и новых событий — так заявляли о своем праве на голос в шумном и суетном мире людей.

Макс, однажды поднявшись непривычно рано, полюбил эти утренние летние часы, когда сама природа готовилась к пробуждению человека, тем более что тут, за городом, были совсем другие звуки и запахи. И находясь на проекте, он не поленился, однажды

запечатлел на камеру и птичьи голоса, и молчание машин, и далекий крик петухов, и восход солнца (со стены у Кривого Дерева). Виктор, которому Макс показал ценные кадры, поразился гармонии, но добавил, что даже ради этого он, будучи совой, никогда не покинул бы свою уютную постель.

Макс спустился по лестнице. Так и есть: из фитнес-зала доносились приглушенные звуки.

— Т-танго! — не удержался Макс, узнав выбор Ольги.

Он постоял под дверью, просто слушая музыку и улыбаясь, решив дождаться конца мелодии. Неожиданно, дверь открылась.

— Я почувствовала, что кто-то стоит за дверью, — Ольга была в красном танго-платье, облегающем, длинном, с сумасшедшим разрезом, и в своих «волшебных» серебристых босоножках.

— П-привет, — Макс смотрел на нее, не смея переступить порог.

— Привет, — она смутилась, — что?

— Я н-не видел тебя в этом п-платье. Сколько же их в т-твоей волшебной сумке?

— Почти десять.

— А в-волшебной обуви?

— Только одна пара. Они же волшебные, их не должно быть много... — она отступала перед идущим Максом, взявшим ее за руку.

— Что мы сегодня т-танцуем?

— Загадаем? Пускай следующая...

Цыганский хор отпел, и заиграл одинокий саксофон.

— Я нашла твой диск...

— Как ты д-догадалась, что это я?

— Рядом лежала маленькая красная роза... А если бы на тот стул сел кто-то другой?

— Исключено, я б-бы его или ее п-прогнал... Знаешь, как н-называется эта композиция?

— Нет, но я помню очень красивый клип... Мэрайя Кларк, кажется...

— П-песня называется «Мое всё»... I'd give my all to have just one more night with you...

— Ты когда поешь, не заикаешься — тебе надо больше петь.

— Я б-буду часто петь...

— Но твое заикание мне тоже нравится, иногда я ловлю себя на мысли, что начинаю т-тебе п-подражать...

Макс засмеялся и обнял ее.

— ...baby can you feel me imagining I'm looking in your eyes...

— Почему техника не может чувствовать, что нужно человеку? Почему эта музыка не может играть вечно? Ты знаешь, мне кажется, нас постоянно будут разлучать на этой неделе. Вот сегодня я должна ехать в какой-то там соседний особняк, — они вальсировали на месте под очередной инструментальный шедевр, — а я бы хотела слушать эту музыку, воткнуть в уши какие-нибудь наушники и мыть эти бесконечные полы, думать о своем...

— Я б-бы тебе отдал свой т-телефон, но, к сожалению, я его п-позавчера разбил...

— «Поздравляю, Шарик, ты балбес!»

— Я здорово разозлился т-тогда на тебя, п-помнишь, после п-первого поцелуя...

— Я кричала, как истеричная дура... потому что ужасно боялась нового чувства.

Они замолчали, каждый вспоминая тот вечер. Ольга вздохнула:

— Надо идти, скоро все проснутся, и опять будут ненужные слова.

Макс отпустил ее руки и подошел к музыкальному центру:

— В-всегда мечтал станцевать т-танго с профессиональной т-танцовщицей. Всё какие-то д-дилетантки попадались.

— Ты умеешь танцевать танго? — приятно удивилась Ольга.

— Н-ну, мама меня водила на т-танцевальный кружок. Она считала, что каждый настоящий д-джентльмен должен уметь т-танцевать танго, вальс и рок-н-ролл...

— Твоя мама — удивительная женщина, — партнерша сделала предтанцевальный реверанс.

Звучало танго.

Макс двигался очень профессионально, не сбиваясь и не наступая Ольге на ноги. Эти двое, пытающиеся в танце рассказать друг другу то, в чем еще рано было признаваться, — в желании обладать своим партнером, — даже не подозревали, что за их танцем наблюдают.

В студии, всего в нескольких метрах от двух тангерос, пил кофе оператор Дима, сделав звук громче и проверив, идет ли запись; к мониторам, раскрыв рты, прильнули интернетозависимые пользователи, любители подглядываний и завистники чужой красивой жизни и славы.

А утренняя Москва, как одна большая милонга, просыпалась в ритме танго, готовясь к дневному рок-н-роллу. Первые утренние пробки заставляли поток машин делать корте и очо кортадо на раз-два-три-раз; первые невнимательные пешеходы рисовали ногами куниту и мулине в попытке перейти улицу, но возвращаясь назад, на тротуар, вдруг рассмотрев цвет на светофоре; дворники со своими метлами старательно отработывали барриду и леваду, перетаскивая с места на место безразмерные мешки для мусора... И облака в небе, медленно и тягуче, изображая свое танго вечности, тянули белые адорнос и рондо над куполами и крышами, над огромным зевающим городом, в направлении, известном только ветру, мимо одного из царственных особняков на окраине, где пара танцевала, скользила мимо зеркал, не замечая свое отражение и глядя лишь в глаза друг другу.

Над двумя увлеченными своим танго-вальсом, жильцы только открывали глаза, зевали, потягивались, умывались, вглядываясь в зеркало, натягивали униформу и заправляли постели.

По лестнице торопливо спускалась Ника, застегивая пуговицы на униформе и поправляя заколку в волосах, бежала вниз, по лестнице, в цокольный этаж, туда, где играло танго и танцевали двое. Она не знала, что было слишком поздно останавливать этот зарождающийся вихрь: остро-сладкая музыка, способная свести с ума, уже обволокла нотами танцующих, заставляя чувственно открыть губы, но не прикасаться ими, а мучить друг друга предвкушением теплого огня во всем теле.

— Т-так ты меня сегодня п-поцелуешь? — на последних аккордах Макс притянул к себе девушку.

— Как ты сказал? — Ольга вдруг широко раскрыла глаза.

— Н-ну поцелуй, жадина.

— Так это был ты, а не...

— А н-не кто?

— Не важно, — она прикоснулась к его губам.

— Опять эта парочка! — на пороге стояла Ника и подозрительно огляделась, — вы тут всю ночь, что ли, танцевали?

— Я ухожу, — Макс на прощание поцеловал Ольгу и чмокнул Нику в щеку, — н-не сердись, н-начальника. Д-до завтрака!

— До завтрака! — Ольга смотрела сияющими глазами на подругу и готова была закружить ее в счастливом порыве, — это был не Стрэн, Никуся! Это был Макс! Господи, как хорошо! Спасибо, спасибо!

Ольга поцеловала свою нательную маленькую иконку.

— Чокнутая! Ты сама понимаешь, что говоришь? — Ника приблизилась и понюхала красное платье, — духи пили?

— Ты не понимаешь! — Оля пошла за ширму, — помнишь, Лерка пошутила в первое наше утро...ну, вы тогда надо мной весь день издевались... Я подумала, что мне приснился Стрэн. С одной стороны, это был он, но он только подошел... Я только сейчас поняла, что это не его голос был...

— Слава Богу, — Ника у зеркала поправляла волосы, не слушая бред, — теперь все понятно. Как будто бы. Кстати, что вы тут делали, я, конечно, имею в виду до того, как начали целоваться?

— Мы танцевали, и это было лучше поцелуев!

— Хорошо, что ты сегодня уезжаешь на день: я замучилась бы целый день ходить за вами. Танцоры, блин.

35

Мудрые пчелы:

Уж полон улей меда.

А я, бездельник...

Узнав о том, что Ольга уезжает на целый день, обеспокоилась Колобова Нинель, золушка Ольги на эту неделю: именно сегодня они должны были подготовиться к съемке кулинарной передачи. «Не переживай, мы прогоним меню вечером, а утром я сделаю заготовки», — успокоила ее Ольга.

После завтрака шофер отвез Ольгу и Олесю в особняк, находящийся в тридцати минутах езды. Их радушно встретила Маргарита Павловна. Прежде чем дать им работу, хозяйка силой усадила девушек пить чай, не обращая внимания на вежливые отказы. Пакет, который передала Ольга, женщина отложила в сторону.

— Какая приятная женщина, — шепнула Олеся Ольге, пока Маргарита Павловна суежилась, накрывала маленький столик.

— Так значит, вы Олеся Жвалевская и Оля Красильникова? — женщина разливала чай.

Девушки переглянулись.

— Откуда вы знаете? — радостно удивилась Олеся.

— А мне Вера Александровна звонила, предупреждала, — хитро улыбалась Маргарита Павловна, — Вы, Олеся, учитесь на дизайнера, а Оля, я знаю, работает менеджером.

— Вообще-то, я не Ольга Красильникова, я ее тетка, — девушка неохотно рассказала о себе.

Ольгу озадачило то, что Вера, предупреждая об их визите, подала старые сведения, перепутала имена. Да и хозяйка дома, это было заметно, неприятно удивилась, постепенно вытянув из «тезки» историю появления на проекте: «Шла — потеряла сознание — очнулась в автобусе — пригласили остаться — согласилась». Недовольство читалось на лице женщины, хотя причина была девушкам непонятна: какое ей дело было до биографии тех, кто моет полы в чужом доме?

Пробеседовав больше с Олесей, Маргарита Павловна стала недвусмысленно торопить девушек с работой. Показала подсобное помещение с инвентарем, попросила убрать дом и подмести дорожки. Сама же поднялась на второй этаж и предупредила, что будет крайне занята.

— Обед нужно готовить? — спросила Ольга сдержанно: все свое присутствие рядом с этой женщиной она чувствовала себя неловко, как если бы провинилась в чем-то.

— Нет-нет, не нужно. У меня будут гости, но это близкие подруги, мы только попьем чай, — хозяйка дома словно давала понять, что долг свой она выполнила и теперь ничего не должна девицам, приехавшим делать уборку.

— Приятная женщина? — усмехнулась Ольга Олесе, когда они остались вдвоем.

Ближе к обеду приехали две подруги хозяйки дома с маленькой девочкой лет пяти.

— Посмотри, какая крошечка! — Олеся поманила Ольгу к окну, — настоящая принцесса.

Маргарита Павловна поцеловала девочку, поздоровавшись с подругами. Женщины устроились пить чай там же, где сидели девушки несколько часов назад.

— Олеся, солнышко, принесите нам чай, пожалуйста! — донеслось из фойе.

— Ты сегодня в фаворитах, — улыбнулась Ольга, — иди, поухаживай там, а я пойду в сад подметать дорожки.

Ольге все-таки пришлось пройти мимо дам, ухоженных и стильно одетых.

— Ах да, — ее заметила хозяйка дома, — девочки, это Ольга.

Женщины рассматривали представленную, оценивая и переглядываясь.

— Эта тетя кто? — спросила девочка в розовом пышном платье.

— Илоночка, ты кушать будешь? У меня есть вкусная колбаска, — не ответила на вопрос ребенка Маргарита Павловна.

— Ни за что! — закрутил головой ангел, — я уже сегодня кушала.

— Кушала она, — вздохнула эффектная блондинка лет пятидесяти, — йогурт и конфету. Не заставишь ее. Как Ленка с ней справляется, ума не приложу.

— Можно я пойду? — Ольга напомнила о себе, — я в сад.

— Да, конечно, — «приятная женщина» даже не посмотрела в ее сторону.

Подмигнув Олесе, стоявшей возле стола, Ольга вышла. Подметая дорожки, она отнесла на место веник и ведро. Неподалеку от домика для инвентаря находилась вольера, в которой спала большая беззлобная собака. А рядом сидела Илона и просовывала сквозь прутья сорванные листья кустарника:

— Гена, ешь таблетки! Если есть не будешь, то умрешь.

— А ты не боишься собаки? — Ольга подошла поближе.

— Не-а, он не кусается.

— Откуда ты знаешь? — девушка опустила на корточки.

Собака только ухом повела, не отреагировав на появление чужого человека, продолжая дремать.

— Потому что он ничего не ест! — авторитетно заявила девочка.

— Тебя, кажется, Илоной зовут? У тебя очень красивое и редкое имя. Ты с мамой приехала в гости?

— Нет, с бабушкой.

— А она разрешила тебе гулять одной?

— Я не одна — я с Геной, разве ты не видишь?

— А зачем ты собаку кормишь листьями?

Девочка обиделась:

— Это не листики, это таблетки. Я лечу Гену. Чтобы у него зубы и живот не болел.

— Ну, если чтобы зубы и живот не болел! Нет, — Ольга скептически покачала головой, — тут нужны настоящие таблетки.

— Мама и бабушка не разрешают с настоящими таблетками играть.

— А ты знаешь, кто я? — серьезно спросила Ольга.

— Ты тетя, которая моет полы. Ты — уборщица!

— Это тебе бабушка сказала?

Девочка не ответила, кивнула.

— Я только притворяюсь уборщицей. А на самом деле, я — настоящий доктор!

— А разве у докторов бывают такие косички? — девочка открыла широко глаза.

— Это чтобы хорошо замаскироваться. Ты знаешь, что значит «замаскироваться»? Нет?

Замаскироваться — значит так одеться и причесаться, чтобы тебя никто не узнал.

— Ух ты! — восхитилась девочка, — а ты какой доктор? Ты что лечишь?

— А я как раз лечу зубы и животы. И даже умею делать волшебные таблетки. Хочешь, научу?

— Конечно! Ты будешь делать их из листиков?

— Нет, пойдем в дом, сама увидишь, — Ольга взяла ребенка за руку, — только знаешь самое главное правило доктора? Доктор, прежде чем лечить других, должен хорошо поесть.

— Нет, я есть не буду! — девочка остановилась.

— И даже волшебную-преволшебную кашу?

— Волшебную, как мама делает?

— Так твоя мама тоже умеет делать волшебную кашу? Вот это здорово! Она, наверное, у тебя тоже волшебница...

Заговаривая зубы ребенку, Ольга повела девочку в дом, на кухню, через служебный ход, чтобы избежать лишних вопросов хозяйки и ее гостей.

— Пока будет вариться волшебная каша, мы будем с тобой делать волшебные таблетки. Только нужно сначала помыть руки особым образом, иначе ничего не получится.

Она поставила стул перед мойкой, подняла на него девочку и показала, как нужно правильно мыть руки:

— Все доктора перед операциями так моют. Не забудь помыть между пальцами. А потом нужно стряхнуть воду вот так.

Ольга поставила вариться рис в небольшой кастрюльке, закрыв глаза, прошептала что-то и поводила руками в воздухе.

— А мама так не умеет! — Илона ахнула.

Ольга отрезала ломоть хлеба и скатала несколько шариков из мякиша, показывая, как надо делать.

— Если не получается, то вот тебе тарелочка с водой, ты намочи свои пальчики в воде и дальше лепи таблетку. А таблетки складывай на эту тарелочку. Мы их потом подсушим.

Пока они налепили тарелку волшебных «таблеток», сварилась каша. Ольга остудила ее и поставила перед девочкой, продолжая придумывать истории.

— Илона, вот ты где! — вспомнила про внучку гостя, вбегая на кухню, — я тебя везде обыскалась!

Ольга приложила палец к губам, и женщина, ахая и пятясь, вышла. Тут же на кухню

заглянула Маргарита Павловна с другой подругой, желая удостовериться в чуде. Ольга помыла посуду, поставила тарелку с «таблетками» в микроволновку, чтобы подсушить. Девочка доела кашу, и доктор с ученицей пошли на улицу лечить собаку.

— А ты часто сюда приезжаешь? — девушка наблюдала, как малышка кормит собаку, через одну отправляя «таблетки» себе в рот.

— Когда мама занята, мы с бабушкой часто сюда приезжаем.

— А с кем же ты тут играешься?

— Иногда Ланка приезжает, и мы с ней играем. Иногда с Артуром.

— Ланка-это кто?

— Это моя подружка. А Артур — это дядя Артур. Но я так его зову. Он смешной и делает мне самолетики.

Когда гости уезжали, Илона перед тем, как сесть в машину, подбежала к Ольге, та присела, чтобы обняться.

— Ты самая лучшая ненастоящая уборщица! Я никому не скажу, что ты можешь превращаться в доктора! — зашептала маленькая девочка на ухо Ольге.

36

Луна поднялась.

Палитра изменились вдруг.

Гляди в оба!

Гости уехали, и помощницы остались опять с Маргаритой Павловной.

— Во сколько за нами приедут? — тихо спросила Ольга, заметив, что хозяйка не знает, что им еще поручить.

— Вера сказала, что в семь, не раньше, — Олеся составляла посуду на разнос, — еще целых три часа.

— Маргарита Павловна, что еще надо делать?

Та растерянно огляделась вокруг:

— Может, еще чай попьем?

Ольга предложила приготовить ужин, хозяйка не возражала, потому что, действительно не знала, чем их занять. Уверив, что справятся без нее, Ольга уговорила женщину отдохнуть.

— Эх, мне бы такую жизнь: приняла двух подружек и отдыхай, — вздохнула с завистью Олеся, делая себе бутерброд, — я уже есть хочу. Наши скоро ужинать будут.

— Ничего, нам оставят, не переживай. Сегодня ужин Ирэн делает, так что у нас будет армянская кухня, — Оля нашла мясо в холодильнике, разморозила его в микроволновке и что-то стала готовить, долго не рассуждая.

Маргарита Павловна изредка появлялась справиться с ходом дела, но почуяв вкусные запахи, успокоилась, еще немного поговорила о том, о сем и опять удалилась «сделать пару важных звонков». Олеся тут же расслабилась и уютно устроилась за столом, не вставая, только выполняя команды подруги, взявшей на себя организацию работы.

— Я тебе забыла сказать одну новость, — Олеся «воровала» из тарелки порезанную соломкой морковку и задумчиво отправляла по одной в рот, — ты пропустила самое интересное, пока была в саду.

— Что я на самом деле уборщица? — усмехнулась Ольга.

— Не-а! Не угадала!

— Хоть тепло?

— Холодно! Я подскажу: ты не зря закашлялась, когда мы пили чай вместе с хозяйкой...

Ольга сделала испуганные глаза:

— Боже! У меня туберкулез?

— Да ну тебя, бабка, как скажешь! Ты закашлялась после того, как Маргарита Павловна сказала, что у нее есть сын по имени Артур.

— Я закашлялась, потому что поперхнулась: не надо было торопиться. И, чтоб ты знала, у меня нет аллергии на это имя.

— Ой, что-то ты темнишь, бабка! — почти совсем как Лера, заговорила Олеся.

— Эй, я тебе, вообще-то, мать, так что не хами, дорогуша! — Ольга бросила в Олеся пару морковных соломинок, — сидит тут, ест чужую морковку и зубы мне заговаривает...

— Ладно, пусть это будет на твоей совести. Короче, будешь дальше отгадывать?

— Ни за сто! И ни за двести!

— Ладно, — Олеся загадочно потерла руки, определенно, все привычки Леры распространялись на окружающих с космической скоростью, — тогда сядь, пока не упала...

— Майкл Джексон и Элвис Пресли снова с нами? Ура науке!

— Сын Маргариты Павловны — Артур Карамзин... который знакомый Ники...

Ольга побледнела и села на стул:

— ... Этого не должно быть!

— Правда, новость супер? Жалко, что мы его не встретим: Маргарита Павловна говорила своим подругам, что он сейчас за границей, сдает сессию...

— Слава богу!

— Почему «слава богу»?

— ... Значит, молодец, учится, престижную профессию получает, — Ольга с внешним хладнокровием вернулась к плите.

— Ну да, молодец. Но я бы очень хотела с ним познакомиться: зря, что ли, сюда приехали? Потом девчонкам бы рассказывали, пусть бы они умерли от зависти!

— И ты Брут? Слушай, а может, ты объелась морковки?! Вдруг это у тебя анафилактический шок?

На пороге стояла Маргарита Павловна, она услышала только последние слова Ольги:

— Девочки, звонила Вера: за вами уже отправили машину. Я пойду пока, скоро мой сериал начнется, а вы меня позовите, когда машина придет.

— Хорошо, мы как раз успеем, — на сей раз Ольга более внимательно посмотрела на мать своего злополучного «суженого», подумав, похож ли сын на нее.

Оставшееся время Олеся сидела как на иголках, то и дело выходила на улицу, посмотреть, не приехала ли машина. Наконец, выйдя раз четвертый, она задержалась особенно долго, а, вернувшись, обвила ольгину шею руками:

— Лелька! Они приехали!..

— Боже мой, я даже не подозревала, что ты так сильно хочешь уехать...

Олеся отстранилась и торопливо зашептала, сияя своими изумрудными глазами:

— Я только вышла, смотрю: стоит такой классный крутой «Лексус», а возле него блондинчик-лапочка, я умираю! Угадай, кто это?

— Николай Ковбас, что ли?

— Балда! Это... Артур Карамзин!

Олеся, конечно, специально говорила с таким выражением, чтобы донести до подруги всю важность события, не подозревая, что и без таких волнительных интонаций новость не стала бы менее ужасной. Ольга вздрогнула, побледнела, и на пол шлепнулась тряпка,

которой девушка вытирала поверхности кухонных столов.

— Он же за границей, — пролепетала Ольга.

— Враки! Он только что приехал! — Олеся немного успокоилась, удовлетворенная шоком подруги.

— Только не это! — Ольга схватилась за голову, — нет, этого не должно было произойти...

Олеся остановилась, будто наткнулась на стену:

— Я не поняла. Ты о чем?

— Это крах... А за нами не приехали?

— Кстати, да. Уже стоит, тьфу ты, я забыла сказать, что Макс тоже приехал и сейчас разговаривает с Артуром, оказывается, они хорошо знакомы... Да что с тобой?

Ольга медленно подняла с пола тряпку, сняла передник и пошла к мойке:

— Я сейчас... соберусь...

— Что случилось? — Олеся растерянно стояла на том же месте.

Ольга махнула рукой и замучено улыбнулась Олесе:

— Что-то вступило... Ты иди, а я сейчас выйду... тоже...

— Ладно, я пошла... — Олеся пошла к выходу из кухни, обернувшись в дверях, еще раз вопросительно взглянула на подругу, — я тебя там буду ждать.

— Я сейчас, минутку только, доубираюсь...

Оставшись одна, Ольга машинально домыла посуду, убрала ее, навела, где оставалось, порядок, и, когда нечем уже больше было занимать свои руки, закрыв глаза, наклонилась над мойкой:

— Нет, этого не может быть... это невероятно...

Она села за стол и потеряла устало лоб, вытащила цепочку из-под униформы; зажав в руке крестик с медальоном-иконкой, начала почти беззвучно, закрыв глаза, молиться о своем, в зажатый кулак. Из тихого шепота можно было услышать совсем не много, но то, что, по-видимому, особенно придавало силы молящейся:

— Святая Феврония, не оставь... молитесь Бога о мне, святые заступники, Петр и Феврония... Дура, я, дура... Благодарю вас за испытание... Прости, моя заступница... не оставь...

— Оль, это уже неприлично, — Олеся вернулась возмущенная, — твой Макс там тебя ждет, а ты сидишь.

— Пошли, я готова, — Ольга встала и украдкой, за спиной Олеси, по дороге перекрестилась и поцеловала святых «заступников», убрала их под униформу.

Перед домом, на белой скамье сидели молодые люди. Увидев девушек, они встали.

— Ты как тут оказался? — улыбнулась Максиму бледная Ольга, стараясь не смотреть на «блондинчика», — сбежал?

— Я же д-должен проверить в-вашу сохранность, — Макс перевел взгляд на сына Маргариты Павлоны, — п-познакомься, м-мой друг, Артур. Артур К-карамзин.

Артур галантно поцеловал руку Ольге:

— Очень приятно! Так вы сегодня целый день с моей мамой провели? Она вас не замучила работой?

— Ах да, нужно же попрощаться, — Ольга собралась покинуть компанию, — иди, Олесь, скажи, что мы уезжаем, может, что-нибудь Вере передать надо.

— А почему это я? — веснушки Олеси потемнели: Артур оценивающе ее рассматривал.

— Ну, ты же больше Маргарите Павловне понравилась.

Артур засмеялся, переглянувшись многозначительно с Максом:

— А вы, значит, меньше?

— А я сюда не на смотрины приехала, — Ольга выдержала взгляд блондина с тощей косичкой на затылке, — Максим, ты остаешься?

— Артурчик! — из дома вышла Маргарита Павловна, сама заметившая из окна молодых людей, — а, и ты здесь? Ну, конечно, как один может без другого?

Макс подбежал к ней и обнял:

— Зд-дравствуйте, тетя Маргарита! М-можно с вами поговорить? — и повел ее в дом.

— Какая я тебе тетя, ты что, заболел? — бормотала ошарашенная Маргарита Павловна.

— Ужасно не любит, когда ей напоминают о возрасте, — объяснил Артур девушкам.

— Но Макс, похоже, все равно, — Ольга даже не улыбнулась, — ладно, приятно было познакомиться... За нами вон та машина приехала?

— Да, но... — этот Артур теперь весьма прилежно глядел на Ольгу, однако девушка рассеянно смотрела по сторонам, куда угодно, только не на молодого человека, — мы с вами еще увидимся?

— Я не знаю. Где же Макс? Передайте, что мы подождем его в машине. Вы, наверное, устали с дороги, вам непременно нужно отдохнуть, — Ольга, наконец, взглянула на Карамзина и даже уверенно выдержала его насмешливо любопытный взгляд. До свидания,

Дав понять, что продолжения разговора не будет, она взяла Олеся под локоть и повела к машине.

— Ну ты чего? — Олеся недоумевала, — такой мальчик хорошенький. Богатый притом. Могли бы еще поболтать, познакомились бы поближе.

— Мы сюда приехали работать, ясно? Еще не хватало заводить интрижку с сыном работодателей. Тебя сразу же с проекта выпрут.

— А жаль, — Олеся вздохнула, садясь в машину и оглядываясь на глядящего им вслед молодого человека, — так вот он какой Никуськин одноклассник, Артурчик Карамзин. Похож...

— А мне, слава богу, не понравился... — Ольга, прижимая к груди ладонь, туда, где под uniformой висел нательный крест, задумчиво смотрела на торопливо бегущего к машине Макса с двумя конвертами в руках. По пути он задержался ненадолго возле Артура, что-то взял у него небольшое, что поместилось в ладонь, и положил в карман, на прощание обнялся и побежал к машине, запрыгнул на место рядом с водителем и обернулся:

— Эт-то вам, д-девички. Коля, п-поехали.

— Ух, ты! — Олеся заглянула в свой конверт и показала содержимое Ольге, которая сразу убрала свой, даже не полюбопытствовав.

— Максим, может, ты расскажешь нам про свои родственные связи? Ты зачем нахамил женщине? — Ольга взъерошила волосы Максиму.

— П-потом...

37

Ночь. Шел я спешно.

Не заметил, как свернул.

Чужой проулок.

Вечером этого же дня Ольга и Нинель разбирали меню для съемки. Нинель нервничала сама и сбивала помощницу, без того витающую в облаках.

— Давай сделаем так, — после десяти минут обсуждения Ольга поняла, что время пройдет в сплетнях и оценивании шансов других участниц, — я завтра утром сделаю тесто для нашей кулебяки, а ты во время съемки замесишь немного и уберешь под полотенце, а достанешь мое. Я твое потом переделаю. И бульон тоже с утра сварю, тебе останется только вытащить мясо, порезать его, бросить в бульон красный болгарский перец — резать его вот так, — поняла? Сыр, запомни, в суп перед самой подачей. Я тебе сейчас напишу все более подробно. Ты повтори утром и перед съемкой... Ты о чем сейчас думаешь, я кому объясняю? Или я буду это все делать?

— Извини, слушаю.

— Сейчас попробуем пирожные сделать: этого я тебе заранее приготовить не могу. Единственное, что тебя спасет, если ты что-то забудешь, обратись к Елене и Александру, спроси, что они думают. Или попроси нарезать что-нибудь. Самое главное, постоянно говори, говори, рассказывай про своих родителей, что мама лучше всего готовит и так далее... А может, тебе рецепт внутри холодильника повесить?

Колобова начала зевать: время было позднее для получения новой информации. Это, конечно, было не Ольгино дело — учить невнимательную Нинель, словно плохую ученицу. И, в сущности, было плевать, вылетит Колобова или нет в конце недели. Николаева должна была натаскать по кулинарии эту бестолковую красавицу, это была ее задача как помощницы, согласно контракту.

— Так что ты там про домашних говорила? — Ольга поняла, что кулинарию, так или иначе, придется разбавить сплетнями и разговором по душам. (Где ты, умница Ирэн Артисян?)

Нинель мгновенно «проснулась»:

— Я нашим девочкам говорю, что никак не могу нормально ни с родителями, ни с подружкой поговорить. Только заходит разговор про меня. Я спрашиваю: «Ну как я со стороны смотрюсь, есть у меня шансы?», как — хоп! — и звонок срывается. Ничего не могу понять. И у Шурки, Оли и Вики то же самое. Такое ощущение, что специально разъединяют. Но я все равно стала орать в трубку оператору, чтобы соединил с подружкой. Этот мужик говорит: «Подождите минуту». Блин, я больше десяти минут ждала! Потом соединили, и все равно с подружкой нормально не поговорили. Она каким-то странным голосом мне всякую ерунду говорит. Я ее спрашиваю: «Скажи, точно в туалетах и ванных камер нет?» Она говорит, что точно, и просит меня быть внимательной. Хоп! И опять линия разъединяется. Что за ерунда?

— Да, наши тоже что-то подобное рассказывали, — Ольга устало смотрела на болтающую золушку.

— А ты сама нормально дозванивалась? — Нинель, наконец, занялась делом и стала отделять желток от белка, кусая губы от напряжения.

— Я подругам не звонила ни разу — зачем? Сейчас все равно каникулы, кто где. Только своей крестной позвонила пару раз, через соседку, первый раз ждала минут двадцать. А потом все нормально было, ничего особенного лично я не заметила, — Ольга задумалась, — хотя, если... На этой неделе мне нужно было подруге-однокурснице позвонить. Она мне что-то такое говорила, что я не совсем поняла: что они там все за меня болеют, каждый день смотрят... Что они там увидели, я не знаю. Я сначала подумала, что она что-то напутала, потому что я должна была... — Ольга осеклась, чуть не проговорившись про танцевальный кастинг, — не важно... Но мне показалось, что подруга что-то пыталась мне сказать про Маслову... Не знаю, не хочу голову ломать.

— И вас разъединили?

— Мне некогда было все выяснять: я тогда с телефона Веры набирала, неудобно как-то было все выяснять, а потом просто забыла перезвонить подруге.

Нинель слегка взбила тесто на пирожные, отставила его в сторону и слушала помощницу, подперев руками голову:

— А что, можно у Веры попросить телефон, сделать пару звонков?

— Попробуй, но, я думаю, не получится. Я же тогда по делу звонила: Виктор заболел и нужно было проконсультироваться. Даже у Макса телефона нет. Ему самому Виктор откуда-то приносит на пять минут, когда нужно, — Ольга непроизвольно вздохнула, заговорив о Максе: весь день они не могли выкроить минуты, чтобы побыть с глазу на глаз

— Так значит, Макс может разговаривать, когда захочет, если только попросит? — красавица Нинель задумчиво помешивала ложкой жидкое тесто.

— Хватит болтать, давай, выкладывай тесто на противень, а я пока включу печку, и начнем мы с тобой делать крем.

Удивительно, но Нинель стала болтать меньше. Возможно, сказала вечерняя усталость. Пирожные уже были почти готовы, оставалось их начинить кремом, и чудесный запах заполнил кухню, как появилась Вера.

— Ух ты! Как тут у вас пахнет! Репетируете?

— Попробуйте! — Нинель с гордостью пододвинула к Вере тарелку.

— Только одно, пожалуйста. Ох, еще горячее! — Вера взяла в руки пирожное и отложила его назад, на тарелку, — Ника со своей золушкой завтра утром готовятся?

— Да, мы договорились, что сегодня вечером мы, а завтра утром — они, — Ольга, сдерживая зевоту, мыла посуду, забыв про присутствие на кухне посудомоечной машины. — Говорят, что завтра три съемки будет, а не две?

— Да, сегодня Татьяна уже отстрелялась. Молодец, шустрая девушка. На субботу, получается, останется одна Рамина Султанова, но в пятницу надо подводить итоги. Так что завтра у нас будет два ужина, — Вера тоже зевнула, не удержавшись, — Елена Синицкая готовит в одиннадцать; ваша съемка, Нинель, перенесена на три часа, а после вас, в пять, — Рамина. Так что вы много на ужин не готовьте. Попролам, на пятнадцать человек каждый делайте, а то продукты пропадут. За ужином разберетесь, кто что есть будет. В общем, как сегодня.

— Хорошо, меньше работы, — Нинель доделала пирожные и встала, — Оль, посмотри, как?

— Я чего к вам-то шла? — Вера дула на медленно остывающее пирожное. — Оля, завтра вы опять едете к Маргарите Павловне. С вами поедут Маша и Наташа.

Ольга уныло кивнула: снова она целый день не будет видеть Макса. Его отсутствие разжигало острую тоску. Воспоминания об ощущениях во время танца в комнате с зеркалами, кажется, возникали в голове каждую минуту. Руки слабели, и все тело, словно кусок льда на солнечном подоконнике, начинало плавиться.

— Вы у нас девушки не городские, так что работа будет для вас привычной, — продолжала Вера, — завтра можете униформу не одевать, там дадут одежду, чтобы переодеться. Или у вас, Оля, были другие планы на завтра?

— Да нет, все нормально, — и все-таки в голосе Ольги энтузиазма было ни на каплю.

— Завтра вы пораньше вернетесь, не переживайте. Как выполните свою работу, подойдите к Маргарите Павловне, она позвонит мне, и я пришлю машину, — Вера вытерла

салфеткой руки, — спасибо, было очень вкусно. Спокойной ночи, девочки. Вы еще не идете спать?

38

Среди сугробов

Все тяжелее брести.

Белое небо.

Перед сном Ольга даже немного всплакнула то ли от усталости, то ли от невозможности разобраться в собственных чувствах. Здесь, в Доме, было невыносимо находиться из-за постоянного поиска решения: отказаться от Макса и уйти на долгожданный проект к Пуховой или остаться и — будь что будет. Ольга интуитивно подозревала, что уйти сейчас, когда чувства, непонятные, но такие желанные, только начинались, значило признать их незначимыми. На одной чаше весов были только чувства, интуиция и почти полное незнание Макса как человека, на других весах — реальный шанс попасть на второй тур к своему кумиру, ради которого, собственно, она преодолела огромное расстояние.

С другой стороны, ехать к Маргарите Павловне, чтобы там отвлечься от этого «быть или не быть», Ольга тоже не хотела. В доме Карамзиных она испытывала панический страх перед другой сумасшедшей проблемой. Здесь нужно было не просто выбирать, а бороться с собой, своими собственными, придуманными суевериями или правдивой статистикой, то есть, в последнем случае, — с волей Того, кто управляет человеческими судьбами.

Ольга не раз пожалела о том, что, находясь в состоянии эйфории, наболтала лишнего Нике, которая сегодня узнала со слов Олеси все подробности о неожиданном возвращении Артура Карамзина. Когда-то посмеявшись над Ольгиной сумасшедшей хронологией, теперь Ника с дьявольским блеском в глазах, наоборот, пыталась столкнуть подругу со своим знакомым, даже влюбиться в него. Весь свой дар убеждения Ника вылила на Ольгу в ванной, куда затащила растерянную «сумасшедшую» перед сном.

— Я тебе говорю, ты должна попробовать... Обязательно познакомься поближе с Карамзиным! Ты знаешь, он какой? Он щедрый, умный, остроумный и веселый...

— Откуда ты так хорошо его знаешь? — Ольга не сопротивлялась, чтобы случайно не подлить масла в огонь.

Сатанинский огонь в зрачках Ники на несколько мгновений неожиданно потух и вспыхнул с прежней силой:

— Я — знаю, поверь мне! Он так красиво ухаживает, он... он такой... Он — точно твоя судьба!

Слава Богу (это лишний раз доказывало, что она хорошая подруга), Ника никому из девчонок не рассказала об Ольгином суеверии. Но сболтнула ли она с Максиму, Ольга не решилась спросить. Сам Макс, будучи, наверное, просто уставшим, за ужином бросил на Ольгу несколько пристальных взглядов, которые она чувствовала на себе, но боялась ответить тем же, чтобы не спровоцировать Нику.

Ужин был слишком щедро сдобрен разговором о Карамзиных, их особняке и прекрасной перспективе выйти замуж за богатенького сыночка. Пытаясь сменить тему, Ольга заговорила с Наташей, которая в поисках какой-нибудь путной книги в библиотеке наткнулась на Пройслеровского «Крабата», весь день носилась с этой сказкой и даже теперь, за ужином, сидела, положив книгу на колени, нет-нет невпопад цитируя по памяти удачные идеи автора. Вопрос Ольги поддержала Маша:

— Это даже ученые доказали, что влюбленные одинаково мыслят и чувствуют. Я

считаю, что, если, например, твой парень болеет, то ты обязательно почувствуешь его состояние, если по-настоящему его любишь.

— Философ... — усмехнулась Лера, — а ты сама-то влюблялась так, как тут рассуждаешь?

И Маша замолчала.

— Хорошо, положим, это уже экстрасенсорика, — Наташа не отступала, — я имею в виду одинаковые сны и мысли, но можно же проверить, понимает ли тебя тот, в кого ты влюблена, по-настоящему.

— Например? — Арина повертела в руках Наташину книгу и, отложив в сторону, опять взяла вилку, нацелилась на оливки в салате.

— Я не знаю... например... — Наташа задумчиво сложила руки домиком и водила глазами по потолку, — вот например, я передаю какую-нибудь штучку своему другу и прошу ответить на мой вопрос...

— И чтобы к завтрашнему утру был твой ответ! А не угадаешь загадку, мой меч — твоя голова с плеч! — расхохоталась Лера.

— А потом выходит бедолага на улицу и видит, что вокруг твоего дома весь забор в отрубленных головах! — Арина с восторгом поддержала шутку.

Многие засмеялись, Ольга и Ника усмехнулись, Олеся покачала головой, а Макс молча доел ужин, отнес посуду к мойке и вышел.

Приблизительно через час к Ольге со смущенным видом подошла Ксюша Мокина. Она протянула книгу и передала просьбу Макса вернуть эту книгу на место, библиотеку. Это был какой-то исторический роман, но главное было внутри книги: между страницами кто-то заложил достаточно свежую ромашку, похожую на те, что росли у беседки. Лепестков почти не было, всего несколько. «Что же случилось за этот день, что ты меня спрашиваешь, люблю ли я тебя?» — подумала Ольга, огорченно вертя в руках ошипанный цветок. Определенно, сегодня Макс будто избегал ее: сразу по возвращении помчался куда-то, сославшись на срочный монтаж, за завтраком его не было, и за ужином он не делал никаких многозначительных знаков Ольге, даже не подмигивал, как обычно.

Раздумывая над посланием, Ольга отправилась в библиотеку, чтобы оставить там книгу и поискать что-нибудь подходящее для ответа, но по дороге подругу перехватила Ника для приватной беседы «по душам», ванной.

Ника даже не подозревала, что, подталкивая Ольгу к «суженому А.К.», добивается абсолютно противоположного результата. Чем больше Ольга думала о Карамзине, тем сильнее влюблялась в Макса, еще не в силах признаться себе в этом.

Разве мог, по словам Ники, гадкий и подлый Макс искусно притворяться во время танго? Именно с тех минут молчаливого откровения Ольга чувствовала себя словно бы принадлежащей ему, покоренной им. А первое знакомства — какая была выгода Максиму обманывать незнакомку? И, если уж говорить обо всех суевериях, то стоило учитывать не только последовательность имен, но и странный сон, приснившийся в первую ночь и подаривший потом, будто бы в насмешку, состояние дежавю. А значит, и встреча с Максом была тоже не случайной, давно запланированной небесами. Бр-р-р! Окончательно запутавшись во всей этой бесовщине, Ольга перекрестилась под одеялом. Нет, пусть она сгорит в этих чувствах, пусть будет обманутой, но ни за что без боя не отдаст Нике, Карамзину того, что у нее уже есть.

Кыш, противная

Ворона у турбины!

Земля в квадратах...

Маргарита Павловна, по обыкновению, сначала предложила чай гостям. Ольга прочитала на лице хозяйке, узнавшей вчерашнюю девушку, некое неприятное удивление. «Какая ей разница?» — подумала Ольга и отказалась от чая, сославшись на готовность поработать. Полоть огородик или красить недавно установленную в саду пергалу? Огородик был дальше от дома, и девушка выбрала участь ковыряться в земле. Маргарита Павловна не стала уговаривать работницу задержаться немного в компании.

— Синдерелла, привет! — в самый пик прополки к Ольге подошел злополучный Артур, — вас, кажется, Оля зовут? Я правильно запомнил?

— Правильно.

— Я не помешал?

Черт возьми, конечно, помешал! Своим появлением молодой человек вывел работавшую из транса мечтаний, что существенно облегчало тяжелую работу, позволяя не сосредотачиваться на сорняках и усталости в руке от инструмента.

— Все нормально, — Ольга вытерла пот на лбу.

— Тяжело работать? — Артур присел неподалеку на корточки.

— Нормально.

— Завтра мы приглашаем всех ваших девушек сюда, на вечеринку. Обещаю, никакой больше эксплуатации. Только шашлык и пиво. Приедете?

— Я не знаю, — дополов-таки очередной участок, Ольга распрямилась, вытерла новые выступившие капли на лице и...перешла на другой квадрат воевать с сорняками.

— Какая-то вы неразговорчивая, — Артур развернулся на корточках, как флюгер.

— Я сюда приехала не разговаривать. Чем быстрее сделаю работу, тем быстрее уеду.

— А может, потом чай попьем? Пообщаемся...

Последнее слово по непонятным причинам всегда раздражало Ольгу:

— Спасибо, я уже пила чай с вашей мамой... Больше не хочется... Послушайте, если хотите помочь, принесите холодной воды.

— Сейчас, — блондин с готовностью встал и ушел.

— Прицепился же, — сквозь зубы процедила Ольга, возвращаясь к траве.

Одна она оставалась недолго. Артур быстро вернулся с бутылкой холодной минералки. Пока девушка пила, он пристально ее разглядывал.

— Может, хватит пялиться? — разозлилась Ольга. — Спасибо за воду, но, все-таки, вы бы себе нашли какое-нибудь другое занятие.

— Макс предупреждал меня, что с вами нужно быть осторожнее, — Артур взялся за тяпку, но его руки явно делали это крайне неумело.

— Давайте сюда, помощник, — девушка забрала инструмент, — садовник из вас никудышный. Я поняла, Максим попросил вас последить за мной, чтобы я ничего не натворила, да? И теперь вы мне не дадите спокойно работать?

— Совсем не так. Предлагаю перейти на «ты».

— Хорошо, — она поднялась, подошла, и, с усмешкой глядя на собеседника, протянула руку в перчатке, испачканной землей, — Ольга.

Блондин смутился, но руку пожал, потом, украдкой, отряхнул.

— Раз уж мы перешли на ты, можно вопрос? — она вернулась к грядке и говорила не

глядя на Артура, — я тут вспомнила, кто-то из наших девушек рассказывал про одну статью в журнале. Правда, что вам, то есть тебе, больше парни нравятся?

— Вот блин, началось, — вопрос явно попал в цель: Артур поморщился, — и часто ты читаешь желтую прессу?

— Крайне редко. Я же сказала, что слышала. Ну, так как с ответом, сложно?

— Глупости, могу доказать. Завтра приезжай — сама увидишь.

— Откуда я знаю, а вдруг ты будешь специально притворяться, чтобы заморочить всем голову?

— Зачем морочить? А вообще, что тут такого? Прикольно же. Первый раз мы в Лондоне, на Хэллоуин, когда искали костюмы, нашли только один женский, ведьмы, и мужской, Дракулы, ну, бросили жребий. Мне досталась ведьма. Получилось смешно. Я, кажется, даже на столе танцевал.

Видя, что заставил улыбнуться собеседницу, блондин воодушевился.

— И как вас там приняли? — Ольга стала медленнее рвать траву, — не приставали?

— Так там все были в костюмах. Правда, ко мне да, прицепился какой-то упырь. Мне пришлось сказать, что...э-э-э, Макс (он тоже там был) — мой бойфренд. Пришлось поцеловаться, чтобы доказать.

— Какие вы балбесы! Макс мне не рассказывал эту историю.

— Ну, еще бы: столько выпить!

— Понятно, — Ольга успокоилась, отсмеявшись, — а я всегда считала, что мужчина, который красит себе волосы и отращивает хвост, нетрадиционной ориентации.

Артур обиделся:

— Я нормальный. В нашей компании у всех есть волчьи хвосты. Мы решили, что каждый отрежет свой на свадьбе. Как бы в знак несвободы.

— Русские бабы, выходя замуж, расплетали косы и делали одну, а у вас отрезают, значит. Так Максим не из вашей компании?

— Из нашей, — Артур посмотрел на свои ногти и стряхнул невидимую мусоринку со штанов, — его отец подстриг.

— Ну да, Максим говорил, что его отец — мастер на все руки.

Работа была почти завершена, Ольга собрала траву в тележку:

— Куда ее везти?

— Давай, я помогу, — Артур взялся за ручки тележек, — я где-то там, у забора, видел кучу. Может, туда?

— Тебе видней: ты же здесь живешь. Но знаешь, возвращаясь к нашему разговору, я бы, лично, никогда не посмотрела бы в сторону парня с косичкой. Смешно как-то.

— Значит, у меня никаких шансов? — Артур улыбнулся.

— Думаю, что никаких.

— Жалко. А между прочим, мне цыганка на днях сказала, что мою жену будут звать Олей.

— Я не единственная Оля на свете, — девушка вытряхивала перчатки, — у нас на проекте есть, например, Посмитная Оля.

— У нее такие же косички? — Артур сдвинул нагруженную тележку с места, — «Он сказал: «Поехали» и махнул рукой»!

— Фетишисты... Вы в вашей компании все повернутые на косичках? — усмехалась Ольга, наблюдая, как блондин-щеголь справляется с тележкой.

— Зря смеешься, цыганка так мне и сказала. Я не особенно верю в эти «ай-пазалати-мне-ручку-дарагой», так, вспомнилось что-то...

Артур остановился передохнуть и обернулся. Ольга изменилась в лице, перестала улыбаться и сосредоточенно стала чистить о попавшийся камень подошву рабочей обуви.

— С фантазией у тебя все нормально. Не шути так больше никогда.

— А я и не шучу, — Артур с неуловимым выражением иронии на лице смотрел на девушку, — я серьезно, сам никогда не верил цыганкам: им лишь бы деньги отобрать.

— Вот и не верь.

Пока они шли до кучи кем-то давно сложенной травы, помощник перевел разговор на личные предпочтения, стал спрашивать о любимой музыке, фильмах, о привычках. Ольга отвечала неохотно, морщась каждый раз, когда Артур восклицал: «Мне тоже нравится... Я тоже обожаю этот фильм!» «Что же это такое? — бессильно думала Ольга, — совпадение или испытание?.. Поскорей бы назад».

Наташа и Маша, не торопясь, докрашивали деревянную решетку неподалеку от домика с инвентарем, болтая о чем-то и посмеиваясь. Артур поставил тележку, похлопал ладонями, отряхивая пыль, и обратился к посерьезневшей Ольге:

— Что еще надо делать?

— Спасибо, ничего не нужно. Я переоденусь.

— Артур, пошли нам помогать! — услышала его Наташа, — Мы тебя тоже покрасим.

— Спасибо, не надо, — Артур взглянул на Ольгу, — ладно, мне надо сделать один звонок. Еще увидимся.

Ольга переоделась, помыла руки и перчатки из установленной рядом с домиком колонки; умылась водой и заторопила подружек:

— Быстрее докрашивайте, я пойду к хозяйке, попрошу вызвать машину.

— Куда ты торопишься? Домой приедем, там опять что-нибудь дадут делать, — Маша нарочно медленно водила кистью, — отдохнем здесь, поболтаем с Артурчиком.

И девушки заливисто засмеялись.

— Тогда я пойду, спрошу, что еще надо сделать, — разозлилась Ольга.

— Ладно, мы почти все, только краску ототрем, — Наташа подмигнула напарнице, — она к своему Максиму торопится.

Ольга зашла в дом. Маргариты Павловны внизу не было, нужно было подняться наверх, на второй этаж. Проходя мимо небольшого стеллажа со статуэтками и вазами, Ольга остановилась, собираясь с духом. За одну вазу была задвинута рамка с фотографией. Девушка машинально поправила вазу, открыв фотографию. На фоне Лондонской набережной, обнявшись, стояли два похожих блондина. Макс и Артур.

40

Некуда бежать:

Кругом решетка да кресты.

Час исповеди.

Это было выше всяких сил: Некто сверху смеялся над Ольгой, снова и снова ставя ей, считавшей себя верующей, в упрек грех суеверия. Она села на ступеньки и расплакалась. Выходит, Макс намеренно многого не договаривал, и Ника была права, пусть и отчасти. Если эта фотография не фотомонтаж... и недаром же она стоит в этом доме... и все это значит... значит...

Расстроенная девушка никак не могла собрать мысли воедино. Неожиданно открылась дверь рядом, и на площадку вышла Маргарита Павловна с телефоном в руке:

— ... Галочка, я тебе перезвоню... Вы уже выполнили работу?

— Я — да, проверьте, пожалуйста, — Ольга с трудом подавила в себе желание выплакать весь накопившийся стресс, наскоро вытерла глаза, поднимаясь и поворачиваясь лицом к хозяйке, — девочки тоже почти закончили. Какие будут еще задания?

— На сегодня хватит, я сейчас позвоню Вере Александровне, — Маргарита Павловна внимательно разглядывала Ольгу, не задавая естественного в такой ситуации вопроса о причине слез.

— Вот, за вазой было... — Ольга протянула хозяйке фотографию.

— Я ее потеряла, — хозяйка взяла фотографию и равнодушно поставила назад, на полку, — спасибо.

— Можно задать один вопрос? — Ольга через силу сделала вдох, и только потом осмелилась взглянуть на женщину.

— Задайте, — Маргарита Павловна холодно рассматривала собеседницу.

Девушка указала рукой на фотографию:

— Скажите, правда, что друг вашего сына, который на фотографии, не очень... честный человек?

— Могу узнать, зачем вам это знать, дорогая моя?

Ольга молчала, кусая губы, чтобы не разреветься.

— Зачем вам знать про все подвиги этого оболтуса? Я бы сказала, кто он... Дармоед!

— Мне он кажется очень добрым и талантливым...

Маргарита Павловна взяла в руки фотографию:

— Кто тут талантливый? Он моего Артурчика подбивает на всякие гадости, а потом умывает руки, как ни в чем не бывало.

— Максим просто веселый, но он беззлобный. Я не думаю, что он...

— Максим?

— ...Я понимаю, он много болтает. Вчера вы на него разозлились за то, что он обошелся с вами очень фривольно. Я его тоже отругала за это... — Ольга говорила, словно на последнем выдохе, и уже не в силах сдержать дрожь, идущую откуда-то из желудка, — но он, правда, хороший! Если ему объяснить или попросить, он исправится, я знаю...

— Ничего не понимаю. Где же вы с ним познакомились? — красиво подведенные брови

хозяйки поднялись.

— На проекте, он работает оператором. Я думала, что вы знаете об этом...

Маргарита Павловна вдруг сбросила маску холодности, удивилась и растерялась одновременно, коснулась рукой лба, взяла фотографию в руки и указала пальцем на Макса:

— Это ты про него сейчас говорила?

— Да. Вы не думайте плохо про него, просто он еще плохо знает жизнь. Мне только что ваш сын рассказывал про один случай. Мне кажется, что они оба друг друга стоят...

На лестничной площадке повисла пауза. Хозяйка смотрела на фотографию.

— Простите меня, — Ольга взялась за перила и отступила, спустилась на ступеньку ниже, — я, наверное, пойду...

— Подожди-ка, — Маргарита Павловна опять вернула фотографию на место и подошла к Ольге, взяла ее за руку:

— Пойдем, поговорим. Ты должна мне все рассказать, как он ведет себя там. Я ведь его мать, крестная... Почти родственники, можно сказать... Так что ты говорила о Максиме?

Она завела девушку в свою комнату, усадила на кровать и сама расположилась рядом.

— Я не могу, — Ольга закрыла лицо, — простите.

— Неужели ты в него влюбилась? — догадалась Маргарита Павловна, — да? Скажи?

— Я не знаю, — девушка вытерла выкатившиеся слезинки, — но я уже третий день схожу с ума, постоянно о нем думаю. Засыпаю — думаю, просыпаюсь — думаю.

— «Люблю ли тебя — я не знаю, но, кажется мне, что люблю», — вспомнила вдруг Маргарита Павловна. — А он, что он говорит?

Ольга покачала головой и все-таки не сдержалась — разревелась безутешно, как несправедливо наказанный ребенок.

Маргарита Павловна сначала терпеливо ждала, поглаживая девушку по плечам и спине, не выдержала, встала и налила воды из графина:

— Давай-ка, девочка, по порядку. Расскажи мне все с начала. Вот, выпей воды, что же ты такая плакса?

— Не знаю, — Ольга высморкалась в салфетку, — я уже лет десять столько не плакала.

Наташа и Мария доделали свою работу и теперь ждали, сидя во дворе на стульях под зонтом. К ним присоединился Артур, принес три банки холодного пива. Слегка охмелев, девушки хохотали над анекдотами, совершенно забыв про Ольгу.

41

Прекрасна злая ночь,

Когда ее сменяет

Добрый день.

— А мы пиво пили! — похвастались Наташа и Маша, как только отсутствовавшая полдня в Доме троица оказалась в комнате с подругами, отдыхающими после обеда.

— Все, в следующий раз я поеду, — рассмеялась Лера. — А у вас из зарплаты не высчитали?

— Вроде нет, — Маша похвасталась конвертиком, — пятьдесят зелененьких. Ай лайк зэ бакс. Оль, у тебя сколько?

— Отстаньте, — Ольга легла на свою кровать, предварительно согнав оттуда двоих сотоварок.

— Смотрите, какой у нее благородный загар на лице появился, — неумная Лера показала рукой на лежащую, — или это краска стыда за то, что на сегодня она — самый

богатый человек в комнате и не хочет проставляться.

— Успокойтесь, алкоголички. Завтра у вас будет шанс напиться. Маргарита Павловна сказала, что приглашает всех наших девушек на шашлыки, — Ольга ощупывала пылающую кожу на лице и плечах.

— Понятно? Завтра из всех вас шашлык сделают! — объяснила Наташа, подавая новый повод для хохота.

— Уйдите в другую комнату, пожалуйста, — Ольга достала из своей сумки походную аптечку, нашла нужную таблетку и ушла в ванную.

— Чего это с ней? — спросила Светлана.

Наташа первой подала пример, собираясь уйти:

— На солнце перегрелась. Мы-то в теньке работали, а она — на солнце полдня. Потом ее хозяйка отхаживала.

Из ванной вышла хмурая Ольга с мокрым полотенцем, легла на кровать и накрыла лицо полотенцем, давая понять, что не намерена разговаривать.

— Может, тебе что-нибудь принести сюда? — Ника присела рядом, — ты ведь не обедала.

— Спасибо, ничего не нужно, только оставьте в покое.

Все ушли. Голова, действительно, раскалывалась. То ли от солнца, то ли от постоянных слез. «Хватит уже, в самом деле, рыдать и стенать, — приказала сама себе Ольга, — другие же получают удовольствие от пребывания в этом доме. Я тоже должна. Разве будет лучше, если я сейчас завалю упреками Макса, с которым «общаемся», как выразился Артур, всего-то полторы недели. Пусть все идет, как идет. «Кажется мне, что люблю», — что-то знакомое... И зачем я все рассказала этой женщине, пусть она трижды крестная мать Максиму, вот зачем? Дура я и балбеска! Ни за что теперь больше не поеду работать туда. Ни за какую оплату».

... Любопытная Маргарита Павловна выудила из плачущей девушки все подробности знакомства с Максом. Сначала женщина тонко улыбалась, пока Ольга рассказывала о том, как Макс едва не помог сбежать; потом невольно издала возглас негодования, когда услышала о легкомысленном поведении крестника; и покраснела, сама же заставив смущенную влюбленную открыть тайну первого поцелуя. История была рассказана, и Маргарита Павловна удивилась:

— Так что же ты плачешь? У вас, кажется, все нормально.

— Я не поэтому плачу: мне страшно, я боюсь себя, боюсь, что ошибусь, сделаю что-нибудь не то. Но страшнее всего думать, что Макс окажется не тем человеком, каким я его знаю. Для меня он очень умный, обаятельный, нежный, добрый, талантливый, даже, я бы сказала, светлый... И в то же время, другие люди, как и вы, говорят совсем другое... Что он ненадежный, обманщик...

— Так я же... — Маргарита Павловна осеклась, — а кто еще так говорит?

— Да так, неважно...

Ольга вздохнула и поднялась:

— Я, наверное, пойду. Извините за истерику. Спасибо, что выслушали.

Но для Маргариты Павловны самое интересное прозвучало несколько секунд назад, и поэтому она не собиралась отпускать девушку так быстро.

— Ты не обращай на меня внимания, я в сердцах сказала. У моего сына и похуже друзья есть. Садись, поговорим еще, — хозяйка заставила собеседницу сесть, — ты не думай о том, что и кто тебе говорит, особенно друзьям не доверяй.

— Почему?

— Друг другу рознь. Вот, например, есть у моего сына такой дружок, Игорь. Беги от него, как от прокаженного, если встретишь... Наплетет с три короба, а когда придешь в себя, уже поздно будет...

Ольга улыбнулась, первый раз за всю беседу:

— Ваш сын — тоже мастер лапшу на уши вешать.

Маргарита Павловна словно очнулась:

— Мой сын? Какой? Артур?

— Ну да, сегодня в саду развлекал меня... — Ольга чуть было не произнесла вслух «пророчествами» и осеклась: на лице собеседницы было странное, необъяснимое выражение, а глаза женщины потемнели, будто от гнева. Девушка на миг представила себе, как она делится своей сумасшедшей историей о совпадениях имен с матерью злополучного А.К., а потом, — ревнивая свекровь убивает свою несостоявшуюся невестку. Перед Ольгой в воображении возникла картина «Иван Грозный убивает своего сына», только вместо исторических персонажей на полотне были окровавленная работница с косичками и склонившаяся над ней с ножом в руке Маргарита Павловна. Ольга вздрогнула и торопливо заговорила:

— Вы, Маргарита Павловна, не думайте ничего плохого, мы просто разговаривали... Я ему уже сказала, что он не в моем вкусе... — последние слова напуганная девушка пролепетала — не произнесла.

Маргарита Павловна встала налить себе воды, пробормотав нечто вроде: «Как по нотам, каждый раз одно и то же».

— Чем же тебе не нравится мой сын? — немного остыв от внезапного гнева, спросила с напускной вежливостью хозяйка дома.

— Тем, что я не люблю его. Извините меня, у меня свои принципы: терпеть не могу зависеть от других людей, и я прекрасно понимаю, что мы — люди разных социальных слоев. Возможно, кто-то и мечтает выйти замуж за миллионера, но лично я никогда не пойду на брак по расчету. И я, обещаю вам, никогда не предаю Макса. Каким бы он плохим ни оказался.

Ольге стал противен страх матери, светской львицы, что ее сын вдруг выберет себе безродную спутницу, и девушка отбросила всякую робость, наоборот, всячески стараясь сдержаться, чтобы не нахамить.

— Вот и хорошо, — с облегчением кивнула Маргарита Павловна и улыбнулась, — хоть одна девушка поставит этого Артура на место. Я разрешаю.

Потом они поговорили еще немного, но теперь разговор перестал казаться душевным. На прощание Ольга позволила себя обнять и сама, переборов свою гордость, сделала вид, что забыла о неприятном осадке, возникшем по вине ревнивой матери. «Пусть тебе попадет такая невестка, какую ты заслуживаешь!» — пожелала мысленно Ольга, натянуто улыбаясь...

...Она убрала полотенце с лица, достала запечатанный конверт и посмотрела на свет: помимо длинной купюры в конверте лежало еще что-то, похожее на открытку.

— Это что такое? — девушка оторвала край конверта и потрясла. На кровать вылетела стодолларовая купюра и фотография Макса.

Спасен от зноя и дождя

Хозяин твой.

Пятничный день подходил к концу. Морально измотанные соперничеством в кулинарном конкурсе Золушки и их помощницы с трепетом ожидали решения жюри: в эту неделю точно должен был кто-то вылететь.

Что касается Макса, то все объяснилось. Он пришел на ужин, усталый, с небольшой щетинкой на подбородке и над верхней губой. Заметив взгляд Ольги, еле заметно кивнул ей и еще медленнее обычного стал ковыряться в тарелке. И только когда на кухне, кроме него и Ольги, осталась одна дежурная Ника, отставил от себя посуду и отъехал на стуле от стола. Ольга подошла и обняла.

— Кто тебя так замучил? — она погладила Макса по голове и потрогала щетинку.

— М-местный доктор п-прописал нашему Виктору б-больше отдыхать, т-так что я т-теперь делаю свою и п-почти всю его работу, — Макс притянул Ольгу себе на колени, поцеловал в висок, — я п-получил твою к-книгу.

— Больше ты не будешь задавать мне глупых вопросов?

— Обещаю...

(Днем, когда она почувствовала себя лучше, Ольга все-таки пошла в библиотеку за ответом на «ромашковый» вопрос Макса, нашла то самое стихотворение, которое процитировала Маргарита Павловна, и через Виктора, случайно оказавшегося в фойе, передала Максиму книгу с карандашной пометкой на форзаце).

— А т-ты где так загорела? — Макс осторожно прикоснулся пальцами к розовой коже на щеке Ольги.

— На Черное море летала. Между прочим, я подружилась с твоей крестной.

— Это с к-какой из них? — Макс невольно посмотрел на Нику, с грохотом запикивающую тарелки в посудомоечную машину.

— Как с «какой»? Ты заработался... С твоей «тетей Марго».

Молодой человек отодвинулся, чтобы заглянуть в глаза девушке, хотел что-то сказать, но не решился:

— Завтра п-поговорим, ладно? У м-меня еще сегодня есть работа. Завтра т-только утром п-проведу съемку и б-буду спать д-до вечера.

— Бедненький, — Ольга обняла Макса на мгновение, — не буду тебя задерживать. Иди, быстро доделывай свою работу и спать!

— Пока! — прошептал Макс, и, удаляясь, обратился к Нике, стоявшей подбоченясь и пытавшейся прожечь его своим злым взглядом, — ч-чего бесишься?

— Ну, вы и обнаглели! Внаглую обнимаются и камер уже не боятся!

— Ч-чего их б-боятся? — усмехнулся Макс, возвращаясь, однако, не подходя к Нике слишком близко.

— Выпрут ее завтра за ваши обнимания, а он: «Чего их бояться?» — Ника передразнила Макса.

— Никусь, ну что ты, в самом деле? — обиделась Ольга.

— Разве я неправа?

— Н-не «в-выпрут», если т-только ты не п-поможешь, — Макс выжидательно стоял напротив Ники.

— Класс! Я что ли тут ее обнимаю? Нет, нормально, я еще и крайняя оказалась... — Ника рассвирипела, — давай, скажи еще что-нибудь душещипательное. Чтобы я тебе

поверила...

Ольга вскинула руки вверх:

— Хватит, я сказала! — и попыталась вытолкать Макса из столовой, шепнула ему, — иди, работай!

— Н-нет, п-подожди.

Макс взял Ольгу за руку и быстро повел в центр столовой, развернулся сам лицом к одной из камер и помахал свободной рукой:

— Люди, п-привет!

— Максим, не надо! — Ольга в ужасе выдернула свою ладонь из пальцев Макса.

— Ага, сейчас спектакль будет! — злорадно усмехнулась Ника.

— Люди, я к-клянусь, что люблю ее! Н-не хотелось д-делать так п-по-дурачки... И н-не буду! — собравшись что-то сказать, Макс передумал, поцеловал на прощание остолбеневшую Ольгу в губы, помахал рукой Нике и пошел решительно к выходу.

— Спокойной тебе ночи, Максим Пирожков! — ядовито попрощалась Ника.

— Т-тебе тоже спокойной н-ночи, злюка!

43

В игре дураков

Потери неизбежны.

Собираю масть.

В субботу перст судьбы указал на ничем особо не отличившуюся Зою Корневу и помощницу тихоню Ксюшу Мокину. Что касается Корневой, то все было, по мнению Леры-Валерии, просто: эта золушка никоим образом за две недели не выделилась из «великой десятки», ни в скандалах, ни в творческих подвигах замечена не была. Она так ни с кем не подружилась, приставая то к одной кучке золушек, то к другой. Кроме всего вышесказанного, она была одной из троих, составивших себе особое меню.

— Вот как наша дорогуша убирает конкурентов, — Светлана Малькова внесла свое понимание в выбор жюри, имея в виду то, что Корнева спала в одной комнате с Масловой: — На один храп рядом с Масловой будет тише.

— Ксюшу жалко, — Олеся немного всплакнула, когда провожали сотоварку до ворот, — благодаря ей мы все подружились.

— Да, моя внучка этого не заслужила. После того, что она сделала, мы ей должны памятник возложить, то есть поставить, — Лера вспомнила о дне рождении Ксюши и рассмеялась, — редеют наши ряды.

— Еще неизвестно, кому повезло, — заметила рассудительная Арина. — Внучка сказала, что ей, как первой вылетевшей, даже некую сумму в конверт добавили. А нам уже будет по стандартному тарифу.

— Неужели вы не видите: здесь тоже рука дорогуши поработала, — Ольге так же было жаль эту почти молчаливую и никогда не имеющую своего мнения девушку. — Ксюша всю неделю плакала от Масловой.

— Бабка, а чтобы ты сделала, если бы тебе досталась «наша радость»? — Ника скептически покачала головой.

И все же покинувшие проект не ушли совсем несчастными: каждой из них достался свой, особый презент, врученный лично Кариной Собак. Зое Корневой достался сертификат-предложение сняться в кофейной рекламе, а бледной Ксюше с огромными от страха глазами, не совсем понимавшей, почему ее тоже снимают на камеру для отчетного выпуска, вручили

пакет с письмами телезрителей.

— Не смотря на то, что вы, Ксения, здесь были не в качестве золушки, тем не менее, на адрес нашего проекта пришло несколько писем от мужчин, заметивших вас во время наших ежедневных отчетов. Выберите достойнейшего из них и постройте свое семейное счастье, — Карина Собак почти силой всучила растерянной Ксюше пакет и даже поцеловала ее, — для кого-то вы станете настоящим сокровищем.

— Круто! — восхитилась Маша, — наша внучка ушла с деньгами и с женихами.

— Тяв-тяв, старикову дочку везут в санях с золотом и серебром, — машинально пробормотала себе под нос Ольга. К счастью, этих слов никто не услышал.

После расставания с первыми выбывшими Вера собрала в столовой всех девушек, и своих, и золушек, и объявила о предстоящей вечеринке, добавив:

— Много не пейте: там будет камера. С вами поедет Виктор,

Ольга отказалась от вечеринки, объяснив Вере, что просто хочет выспаться и побыть в тишине. При других обстоятельствах Вера, может быть, и не согласилась бы, но продюсер, которому менеджер позвонила посоветоваться, успокоил ее, напомнив, что стрессов у Николаевой было предостаточно на этой неделе.

— Пусть наберется сил и примет решение. Кроме того, меня эта девушка начинает пугать: уж слишком резво она находит себе покровителей.

Говоря это, Стрэн имел в виду свой последний телефонный разговор с Маргаритой Павловной. Пока власть на проекте полностью не перешла в хищные руки рейтинга, жена главного спонсора решала судьбу помощниц и всех вместе взятых обитателей Дома. Растроганная исповедью девушки Маргарита Павловна позвонила продюсеру сразу, как только за машиной с девушками закрылись ворота, и попросила отменить свою предыдущую настойчивую просьбу-приказ — убрать с проекта нежданную гостью. Видавший виды Константин Стрэн серьёзно в трубку ответил: «Хорошо, Маргарита Павловна. Сделаем!», а после развел руками перед Верой:

— У вашей Николаевой, наверное, очень хороший ангел-хранитель. Мне бы такой не помешал. Я представить себе не могу, что будет в субботу вечером, после выпуска. Придется все телефоны отключить. Если Маргарита Павловна будет меня искать, передайте, что я заболел.

44

Что там впереди?

Весь горизонт в тумане.

Потираю руки.

Оставшись, наконец, в тишине и одиночестве, Ольга сначала понежилась в ванне, а после задремала под пледом, положив под подушку, рядом с иконой своей святой, фотографию Макса, подаренную Маргаритой Павловной.

Спала она и не подозревала, что в этот вечер ее судьба резко повернулась на каблуках. Меньше половины субботнего выпуска «Десять Золушек» было отведено на рекламу кулинарных талантов участниц. Еще минут десять Карина Собак знакомила телезрителей с настоящими героями проекта, помощницами Золушек, показав их в работе и на отдыхе. Остальная часть эфирного времени была заполнена историей Ольги. Показали все, что успели снять камеры: обморок перед автобусом, заминка на первой встрече в Доме, попытка побега, интервью в первый день, ссоры с Максом, репетиция танца с Ирэн Артисян, испытание деньгами и славой в комнате Веры, танго с Максом и даже максовское признание

на камеру в любви.

Лицо самого Макса было скрыто благодаря Диме, оператору, звукооператору и, по совместительству, монтажера, обрабатывавшего материалы для скандальной части выпуска.

...В этот раз Карина Собак восседала на стуле в зеркальном зале:

— Что выберет эта девушка, любовь или карьеру, мы узнаем уже скоро, в понедельник. И я объявляю новый тотализатор догадок. Присылайте ваши смски со словом «любовь», если верите, что Ольга выберет чувство, и слово «танцы», если думаете, что она уйдет с нашего проекта на второй тур кастинга от Салмы Пуховой. Самому активному и приславшему наибольшее количество правильных смсок достанется этот мобильный телефон с красивым номером и двумястами часами бесплатного интернета. Но помните, что наш тотализатор работает ровно до полуночи субботы. Почему до полуночи? Вспомните сказку...

Интуиция Стрэна не подвела его, когда он собирался стать временно недостижимым: Маргарита Павловна после просмотра телевыпуска, под гомерический хохот супруга, пообещала придушить продюсера собственными руками...

...Как это обычно бывает, вечерний сон тяжелый и приходит в себя после него — долго и мучительно. Проспав около трех часов, Ольга продолжала лежать с закрытыми глазами и слушала голоса вернувшихся с вечеринки.

— Лелька, ты многое потеряла! — в комнату, как порыв ветра, ворвалась громкоголосая Лера. — Посмотрите, она так все проспит! Срочно зовите принца, чтобы поцеловал эту спящую!

В комнате господствовал хаос из жужжащих, вскрикивающих, хохочущих голосов. На кровать, рядом с Ольгой, присела Арина. Она попробовала растрясти лежащую. После неудавшейся попытки сама прилегла на край.

— Господи, вас всего четверо, а как на Казанском вокзале, — проворчала Ольга, переворачиваясь на спину и силясь открыть глаза. — Хорошо съездили?

— Превосходно! — зевнула Арина, — сначала все было чинно и благородно, а когда уехала хозяйка, и Виктор свернул свою камеру, начался какой-то кошмар. Мы танцевали, как сумасшедшие, шашлык был обалденный. Эти хулиганки стали водой со шланга обливаться. Облили Маслову — вот вони было! У меня лицевые мышцы болят до сих пор: так я хохотала...

Ольга не выдержала и рассмеялась:

— Она вам отомстит... Кстати о вони, откуда этот запах? Кошмар!

— А чем пахнет? — Лера, полураздетая, подошла ближе.

— Господи! — Ольга резко села на кровати и закрыла лицо руками. — Как в морге!

— Ну и завидуй! — Лера показала язык, — пить надо всем или никому. В следующий раз мы и тебя накачаем.

— Как же я буду сегодня с вами спать? — Ольга встала с кровати и потянулась. — Это вас Артур спаивал?

— Там было столько хороших мальчиков, — сладко зевнула Светлана, наоборот, принимая горизонтально положение, — а эти одноклассники, Никуся с Артуром, весь вечер зажигали.

— Короче, алики, сегодня вы отвели душу. Пойду на кухню, умоюсь там, — Ольга вышла, оставив расслабившуюся Арину лежать на своей кровати.

Спускаясь по лестнице, заметила внизу Макса, сидящего на софе и разговаривающего с Нинель. Он заметил Ольгу, извинился перед собеседницей и пошел навстречу. Сейчас он

выглядел отдохнувшим, серьезным как никогда, щетинка была выбрита.

— Привет, ты выспался? — она не решалась целовать его при Нинель, во все глаза наблюдающей за парочкой.

— Д-давно уже. Жду т-тебя. В-выйдем-ка на улицу.

— Пойдем, свежим воздухом подышу: эти алики весь воздух в комнате испортили, — Ольга не удержалась и зевнула опять.

Макс повел ее к своему коттеджу, к садовым качелям, где в тишине пели сверчки.

— Т-ты знаешь, что сегодня за д-день? — молодой оператор полусерьезно, полуласково смотрел на Ольгу, гладившую его волосы и шею, — Н-нет? Сегодня юбилей. Т-третье наше свидание.

— Бог любит троицу? А ты меня не бросишь сегодня в честь такого праздника?

— Н-наоборот, — Макс поймал Ольгину руку и поцеловал ладонь, — я п-предлагаю сбежать на всю ночь.

— Когда мы вернемся, у порога будут стоять наши чемоданы... Я не против.

Макс присмотрелся к циферблату на ручных часах:

— Сейчас п-полдвенадцатого, в час выключат камеры, и я б-буду тебя ждать в б-беседке. Оденься п-по-теплее.

— Мы будем кормить в беседке наших комаров?

— Н-нет, сегодня у нас к-культурная п-программа. Мы оба выспались, т-так что теперь будем всю ночь ст-таптывать башмаки по М-московским улицам. Сегодня в н-нашем распоряжении личный шофер и карета. М-мы успеем вернуться к семи, н-не переживай. Н-никого из начальства сегодня нет — в-все уехали.

Ольга прижалась к Максиму, не в силах скрыть радость:

— Как же я тебя люблю! Ты мой самый лучший подарок в этом году. Слушай, пойдем, попьем чай? Кажется, еще пирожные остались.

— Я н-не против, т-только, солнышко, не говори ничего в доме, д-даже не намекай. И вообще, ст-тарайся меньше говорить п-про нас в доме. Я работал с Д-димой, он каждое слово ловит. Т-только это секрет. Н-никому не говори.

— Значит, эта скамейка будет нашим местом, — они шли к дому, обнявшись.

— Если т-только ты будешь в этом халате, а не в униформе. Уедем, я т-тебе все объясню, что смогу.

45

Над облаками

Крыло из металла

Мешает смотреть.

По словам Макса, шофера с машиной на эту ночь ему одолжил Артур. Водитель был очень корректен, не вмешивался в разговор, но в машине при нем Макс, Ольга поняла, все равно не хотел говорить откровенно. И вообще, сегодня молодой человек был скрытен, что-то в нем изменилось за эти три дня. Казалось, он повзрослел и стал задумчивее, отшучивался на расспросы и даже не делал попыток поцеловать. Она чуть было не расстроилась, но, продолжая сидеть, откинувшись на спинку сидения и не глядя на спутницу, Макс погладил лежащую рядом руку возлюбленной так нежно, что девушка успокоилась и поддержала молчаливую игру. По просьбе Макса шофер высадил парочку на набережной, у горьковского парка, а сам остался в машине.

Держа Ольгу за руку, Макс повел ее к пристани, по-прежнему оставаясь

неразговорчивым. Кроме того, он часто оглядывался. И Ольга не выдержала, остановилась:

— Не пугай меня, пожалуйста. Я чувствую, что что-то случилось, а ты не хочешь говорить. Не скрывай от меня ничего — не нужно. Объясни, что происходит? Что случилось за эти четыре дурацких дня?

— В-все нормально, я п-просто хочу сделать т-тебе сюрприз, — Макс был по-прежнему замкнут, хотя и попытался придать голосу бодрую интонацию, — п-потерпи пять минут...

Она послушно шла рядом с чужим и серьезным Максом. Определенно, он пытался скрыть нечто. Но пять минут — так пять минут. Ничего, она потерпит, и все же морской царь проснулся, волны зарыбились, и к глазам стали подступать соленые слезы. Ольга попыталась их сдержать, только шмыгнула носом. Макс услышал, не смотря на то, что казался погруженным в свои мысли:

— Т-ты не п-простыла?

— Я? Нет, все нормально... — она подавила обиду, продолжая мучиться от самых нелепых подозрений. Всего пять минут, только пять минут...

Они подошли к пристани с катерами. Макс оставил Ольгу стоять у посадочной площадки, а сам скрылся в каюте катера, стоявшего дальше всех от берега. Вернулся через минуту, когда Ольга уже успела смахнуть пару слезинок, и, сдержанно улыбаясь, протянул руку:

— П-прошу вас, м-мадмуазель... П-предлагаю совершить одно небольшое к-кругосветное п-путешествие...

Но Ольга не позволила увлечь себя на катер, удержала Макса:

— Подожди, я хочу сказать... Поверь мне, что я уже не могу больше плакать, а ведь я начинаю заводиться от любой ерунды. Поэтому, Христа ради, скажи мне хоть что-то, чтобы я успокоилась. Я не прошу, не говори мне ничего, если ты чем-то связан, контрактом, обещанием — не важно. Клянусь, я никогда ничего не попытаюсь узнать, если ты мне запретишь. Я полностью доверяю тебе и мне даже плевать, если ты меня обманываешь. Только, пожалуйста, как-нибудь, намекни, что мне сделать, чтобы ты не был таким чужим. Не заставляй меня придумывать всякие страсти, что что-то может случиться страшное. Лучше знать об этом, чем подозревать и мучиться. Ты слышишь меня?

Макс выслушал Ольгу, не перебивая, однако выпустил ее руку, отошел к перилам, наклонился сначала к чернеющей внизу воде, а потом поднял голову к редким московским звездам, по-мужски стыдясь эмоций.

— Макс! Я сейчас расплачусь. Правда, ты меня пугаешь! — в отчаянии повысила голос девушка, — если разлюбил или думал, что любил, просто скажи. Я пойму, слышишь? Я обещаю, не будет никаких упреков. Я слова больше не скажу, что люблю тебя, и мы расстанемся друзьями... Все! Ничего не нужно. Поехали назад!

— В-все нормально. Я п-полный идиот... — он с трудом нашел в себе силы обернуться, — в-выходи за меня, д-дурака, замуж!

— Да что случилось, господи, боже мой?! — Ольга схватила Макса за плечи и встряхнула его, отворачивающего лицо.

Не отвечая, он почти силой потащил Ольгу на катер, подвел к самой последней скамье, быстро принес из каюты плед и укутал им девушку. И лишь когда зажужжал мотор катера, и судно качнулось, сел рядом, крепко обнял девушку за плечи, нежно поцеловал в висок и зашептал на ухо:

— П-прости меня, идиота! Я н-не хотел тебя п-пугать. Я д-думал, что сп-пасаю тебя от

этих сволочей... Т-только не плачь, — заметив страх в заблестевших глазах, он встал, расправил плед и сам укутался в него, приобняв под ним девушку. — Т-теперь мы м-можем поговорить спокойно... И целоваться, сколько н-нам влезет...

Прежние знакомые интонации немного успокоили Ольгу:

— Сколько влезет — не надо: мы потеряем над собой контроль, и придется опять врать про ненасытных комаров.

— В см-мысле? — Макс тихо засмеялся, целуя Ольгину руку, которой девушка защищала свою шею.

— Тебе смешно, а мне тогда знаешь, как стыдно перед Никой было? Особенно за себя.

— П-почему?

— Ты, конечно, не понимаешь...

— Н-нет. Абсолютно.

— Хорошо, что Ника меня не выдала: не сказала нашим, что у меня под пластырем.

— Извини...

— Тебе смешно, поросенок! А тебе что она говорила, когда замазывала мои следы преступления?

— К-какие?

— Максим, ну что ты в самом деле? — Ольга слегка оттолкнула Макса, — я сейчас снова сойду с ума, а завтра Ника опять побежит к тебе с гримом.

Макс успокоился и даже заинтересованно спросил:

— «Опять»? Я, к-конечно, был бы счастлив иметь от т-тебя «синяки», так ты же н-недотрога! Эт-то тебе Н-ника сказала, ч-что у м-меня б-были следы?

— Ну да... — Ольга растерялась, — а разве не было? Нет, я, конечно, ничего такого не помнила, в смысле, того, что было тогда, в беседке... Но Ника сказала, что замазала тебе гримом...

— Ревнивая д-дура твоя Ника! Н-не верь ты ей, н-ничего не было: т-ты само целомудрие. К-кстати, о друзьях... Я хочу тебе к-кое-что рассказать. Т-только ты, солнышко мое любимое, д-держи все в секрете, ладно? Н-никогда даже н-не намекай никому... Ради нас.

— Я сделаю все слово в слово, как ты скажешь, только не пугай больше, — Ольга совершенно успокоилась, чувствуя рядом с собой знакомого Макса. — Я ничего не боюсь, кроме того, чтобы потерять тебя сейчас, потому что я чувствую, как будто к моей половине приставили другую, и я стала целой.

— Д-давай плюнем на этот ч-чертов проект, на этого С-стрэна? П-поехали ко мне домой, к моим родителям, я их см-могу убедить. П-поехали?

— Неужели он и тебя использует?

— Н-нет, все не так. Он н-ничего мне не сделает. Я н-на проекте так, г-гость. Б-боюсь, что Ст-трен тебя сломает. Д-для них главное — рейтинг. М-машина закрутилась, п-понимаешь, а если т-ты сделаешь хоть один н-неверный шаг, тебя растопчут. И я н-не смогу помочь. С-стрен п-повернет все так, что т-ты будешь крайняя. Т-ты сама не знаешь, что в этот раз т-ты выпуталась, а завтра?

Знакомая дрожь, соскучившись по хозяйке, взялась за привычное дело. Увидев, что окончательно напугал любимую, Макс обхватил ее руками и зашептал на ухо: «П-прости, прости меня!».

— Что мне делать? Я сделаю все, что ты скажешь.

Катер плыл по реке, впереди показалась темная царственная статуя Петра у корабля, готового рвануть по водной поверхности, вперед, к новым победам. Где-то плыли огни города, позади неясно виднелись темные, с редкими огнями, очертания буднего Кремля... Но влюбленные, поглощенные своими секретами, не смотрели по сторонам, в эти минуты величественный ночной пейзаж для них был не важен.

46

У входа не забудь

Спасительный клубок

Из ниток светлых.

По голосу Макса можно было понять: то, о чем он говорит, действительно его беспокоит:

— Я сам, если честно, т-только начал понимать, ч-что-то здесь не так. П-понимаешь, от м-меня тоже многое скрывают и, если бы н-не Дима, я бы т-так ничего и н-не узнал... Хотя, у меня т-такое чувство, б-будто меня готовят к ч-чему-то. П-пока Витек болел, мне пришлось выполнять его н-некоторую работу, н-ну, я кое-что заметил... спросил...

— И поэтому ты молчал в машине?

— Н-ну да, я б-боялся, что нас прослушивают. Я же т-тебе говорил, что они ловят к-каждое слово...

— Зачем? — Ольга удивилась.

— Я еще н-не понял.

— Подожди, ты имеешь в виду наших золушек?

— И вас т-тоже. Возможно, у Ст-трэна есть в планах в б-будущем что-то сделать и с вами — я н-не знаю. Стрэн мне говорил, что вас н-нужно снимать на в-всякий случай, но это в эфир н-не войдет. А вчера я случайно увидел у Д-димы на монтажном столе к-кое-какое видео, с т-тобой. Я, к-конечно, сделал вид, что не заметил, а Димон б-быстро свернул окно...

— Может, тебе показалось?

— Иск-ключено. П-поэтому ты, когда мы вернемся, сделай, пожалуйста, вид, что ничего не п-подозреваешь... Я т-тебя очень прошу... Если они узнают, т-тебя выкинут в т-тот же день.

— Хорошо, мне это будет не трудно, тем более что сейчас ты для меня ничего нового не сказал. Я сама начала подозревать подвох, когда заполняла эту дурацкую анкету. Задумываться особо не стала — платят и платят... Но после этого розыгрыша... — Ольга осеклась, едва не проговорившись про испытание Стрэна, — скажи, это все из-за моего выбора, который я должна сделать?

— Ч-что за выбор? — насторожился Макс, — что ты д-должна сделать?

— Если бы тебе сказали: «Выбирай из двух вещей одно — давнюю мечту или сильное желание», — что бы ты выбрал?

— К-конечно, мечту! П-подожди, что ты имеешь в виду? П-признавайся! — Максим обхватил Ольгу под пледом и стал настойчиво зацеловывать, — б-буду целовать, пока не п-признаешься!

— Все, все, я сдаюсь, — засмеялась Ольга, — я скажу! Разве тебе ничего не говорил Константин Андреевич? — она посмотрела ему в глаза, пытаясь казаться небрежной, — или Вера, может, Виктор, Дима, кто там еще? Про мои танцы?

— Ч-чтобы ты п-перестала заниматься по утрам? — Макс удивился, — ну и с-свинья же

он! К-какое ему дело?

Ольга с облегчением вздохнула: Макс ничего не знал. Влюбленные поцеловались. И вдруг спасительная мысль пришла в голову:

— А если я смогу тихо и мирно покинуть проект, к примеру, в этот понедельник? Уговорю Стрэна меня отпустить?

— Н-невероятно. П-просто так он ничего не д-делает.

— И все-таки, представь, что он отпускает меня на проект к Салме Пуховой? Ты сам сможешь уйти?

Макс задумался на мгновение:

— Н-нет. Н-не получится. Я д-дал слово, что б-буду на проекте до конца, — Макс почувствовал вопрос, повисший в воздухе, и поспешил ответить, чтобы не смущать Ольгу, — н-не из-за денег... Моя миссия п-проста. Если ск-кажу, смеяться будешь. П-попросили одному б-балбесу невесту п-присмотреть.

— Нашел?

— Ему — н-нет, себе — да. К-к тому же родители сч-читают, что т-так они изолировали м-меня от моих друзей.

— Или наоборот, — рассмеялась Ольга, — твоих друзей от тебя, «дармоеда»...

— Это т-тебе М-маргарита Павловна п-по-секрету сказала?

— Как ты догадался? Маргарита Павловна мне столько про тебя рассказала. А я пыталась ей доказать обратное. Почему она тебя не любит? Почему она считает, что ты используешь ее сына, Артура? Она сказала, что ты живешь за их счет... И, кстати, эта машина с шофером — чья она? Они чем-то обязаны тебе или твоим родителям?

Реакция Макса на вопросы была настолько неоднозначной, что он возмущенно что-то пытался сказать, но потом спохватился, качая головой.

— Н-ну зачем она это сделала? Ч-черт! — он разозлился и огорчился одновременно. Макс потер руками лицо. Кажется, он не притворялся, а неискренность Ольга, как человек, привыкший всегда говорить правду, точно почувствовала бы.

— М-мой отец к-как-то спас жизнь отцу Артура. М-мать тогда ходила б-беременная, и отец Артура п-покаялся другу, т-то есть моему отцу, что б-будет помогать его семье, как своей... Д-долго рассказывать, н-не хочу сейчас. К-короче, мы просто лучшие друзья. М-маргарита Павловна как мать п-преувеличивает мое влияние на своего сына. Он сам еще т-тот н-недоросль. М-мы постоянно п-помогаем друг другу. Сегодня он дал свою м-машину, завтра я б-буду ему писать какой-нибудь п-проект или курсовую.

— Но ты зависишь от него! Я не знаю ничего о его талантах, но знаю о твоих. Зачем стоять в чужой тени, если можешь отбрасывать свою? Помнишь, у Булгакова фразу о том, что не надо никогда и ничего не просить у тех, кто тебя сильнее?

Макс запрокинул голову, шумно выдохнул, чтобы взять себя в руки:

— П-пожалуйста, я не м-могу больше продолжать этот разговор. Когда-нибудь я все т-тебе расскажу, но н-не сейчас. Т-ты мне обещала н-не спрашивать, — он поправил сползшие края пледа и взглянул в лицо девушке. — Я хочу т-тебе поклясться. В-вот все эти глупости — это н-неважно. Это игра. Н-нет, я не могу объяснить. В-вечер испорчен. Т-ты теперь меня п-презираешь и... Ч-чертов Стрэн!

Ольга закрыла своей ладонью Максу рот:

— Я не могу судить тебя, Артура, Маргариту Павловну, Веру и даже Стрэна, потому что я, как ты говоришь, на самом деле ничего не знаю. Поэтому я просто тебе доверюсь — и все.

Сегодня я приняла важное решение и от многого отказалась ради тебя, поверь мне. Если сейчас Бог слышит меня, я бы хотела поблагодарить его за то, что Он послал мне тебя. Рядом с тобой мне спокойно, и это главное: не важно, кто и что о тебе говорит.

Макс был растроган, с облегчением крепко обнял Ольгу:

— Спасибо. Т-ты меня защищаешь, д-даже не зная м-меня хорошо...

— Прекрати. Все, хватит говорить об этом. И хватит меня убеждать в своей никчемности: я больше не хочу быть твоим адвокатом ни перед твоей крестной, ни перед тобой. Я люблю тебя, «как сорок тысяч сестер», — и точка!

— Ладно, — Макс поцеловал девушку, — защитница ты м-моя. П-правда, спасибо за к-крестную...

— Она мне даже фотографию твою дала, — Ольга засмеялась, вспомнив свое удивление от выпавшей из конверта фотокарточки, — я, конечно, понимаю, что это она откупила от меня, чтобы я к ее сыну не приставала...

Макс расхохотался от души:

— К Артуру?

— А к кому же еще? Но я ее успокоила, сказала, что меня богатенькие сыночки, которые строят свою жизнь за счет своих родителей, не привлекают. Кстати, и ты мне пообещай, что больше не будешь пользоваться услугами своих крестных.

— Я обещаю н-не пользоваться услугами своих к-крестных, — Макса криво перекрестился под пледом.

— Вот и ладненько! — девушка обвила руками шею спутника, — мы сегодня вообще будем целоваться или нет?

Макс осмотрелся по сторонам:

— П-похоже, что м-мы приплыли... В см-мысле, скоро п-причал. У нас всего пара м-минут. П-подожди-ка. Я все-таки хочу д-договорить, что собирался.

— Ты опять про Нику?

— И н-не только... П-помнишь, ты говорила, что в отн-ношениях важнее меняться, а не менять т-того, кого любишь? Н-ника из той п-породы людей, к-которые считают, ч-что они — п-пигмалионы, больше всех знают и ч-чувствуют, и поэтому имеет п-право управлять людьми, н-навязывать свою точку зрения. Н-не рассказывай ей н-ничего и никогда: вы — разные.

— В чем же? Кстати, она тебя тоже не любит.

— Эт-то ее дело. Она в-в людях сразу видит н-недостатки, а ты ищешь т-только хорошее; т-ты миришь, а она любит п-посмеяться. П-поэтому берегись ее.

— Давай больше не будем об этом. Хотя мне очень интересно, откуда ты ее так хорошо знаешь, как и она тебя. Вот уж воистину правда, что мир тесен.

— Я сам об-балдел, когда ее увидел на п-проекте...

Макс хотел еще что-то добавить, но катер был уже совсем близко с причалом, замедлил ход, готовясь к остановке.

— В целях б-безопасности, мы не б-будем больше говорить об этом. Зап-помни главное: п-проект — это игра. М-может, и веселая д-для кого-нибудь, но не для т-тебя. Т-тут никогда не знаешь, ч-что лучше: уйти или остаться. Т-ты уйдешь рано — мы можем больше н-не встретиться, а если удержишься — б-будет тебе тяжело. П-поверь мне. П-поэтому никому н-ничего не рассказывай и н-не пытайся узнать лишнего: ваши разговоры т-тоже прослушиваются — никак н-не могу понять, где находятся эти микрофоны. Т-так что п-

просто выполняй задания и б-будь сама собой. П-помни только о контракте: т-там все написано, что м-можно, что нельзя, лазейки тоже есть. Я т-тоже буду искать в-выход, чтобы в-все это б-быстрее закончилось. К-краем уха слышал, что ск-коро будет разыграна инт-тересная карта, она п-позволит тебе сп-покойно рулить п-процессом.

— Хорошо. Значит, игра? Я поняла. Я постараюсь. Если ты меня не бросишь.

47

В сладком воздухе

Пьяные стрекозы.

Смешная свадьба!

Перед тем, как сесть в машину, Макс предупредил спутницу:

— У н-нас есть еще час, и я хочу тебе п-показать, где живу. Здесь н-недалеко, — и, оказавшись в обитом кожей салоне, опять замкнулся в своей неразговорчивости.

После почти получаса беспрерывной беседы слушать молчание было вдвойне тяжелее, и поэтому Ольга сидела как на иголках, нетерпеливо вглядываясь в ночные огни. Автомобиль повернул налево, на Никитскую, и сразу же где-то впереди послышался слабый медный звон. Ольга очнулась:

— Неужели ночью храмы работают? А можно посмотреть?

— Зачем т-тебе сейчас храм? — но Макс наклонился и дотронулся до плеча водителя, — остановите рядом, п-пожалуйста...

По-прежнему ничему не удивляясь и ни о чем не спрашивая, шофер повиновался и припарковал автомобиль в нескольких метрах от неярко освещающейся церквушки, почти полностью скрытой зеленью и похожей со стороны улицы больше на старинный купеческий дом, чем на Божью обитель. А дворик был настолько мал, что пришлось сначала посторониться, чтобы выпустить нескольких прихожан, идущих со службы.

— Что это за церковь? — Ольга задала вопрос Максиму, живущему, по его словам, неподалеку, но он промолчал, сам с любопытством созерцая крохотную комнатку-веранду, в которой с трудом могли бы разминуться три человека.

Проходящая мимо прихожанка полусердито ответила невежам на вопрос:

— Малого Вознесения.

Ольга оторопела и обернулась к стоящему позади Максиму:

— О! Я читала про этот храм! Я давно хотела здесь побывать...

— От-ткуда ты знаешь? Н-не знал, что т-ты такая набожная, — Макс удивился.

— А здесь должна быть икона моей святой, она редко где бывает, я же собиралась найти этот храм, когда ехала сюда, — и Ольга уверенно вошла внутрь.

Макс еще больше открыл рот: оказавшись внутри, он словно попал в чью-то квартиру, убранную иконостасами и свечными подставками. Внутри самого храма было тихо, служба только что закончилась, и терпкий запах ладана и горевших свечей еще тягуче висел в помещении невидимым туманом. Кроме вошедших, запоздалых любопытных Макса и Ольги, здесь была молодая женщина, в платке, она перемещалась с большой тарелкой и ножом, счищая свечной нагар с церковной утвари, да мужчина средних лет, вышедший из притвора.

— Н-никогда не был ночью в церкви, — шепнул Макс, — разве что на П-пасху. И т-то...

— Молодые люди, вы бы за руки-то в храме не держались.

Мужчина быстро взглянул на парочку и мимоходом сделал замечание, направляясь к убирающейся женщине.

— П-почему? — не удержался Макс.

— Вы же не на венчании, — так же не глядя на них, ответил мужчина. — И платок бы на голову, девушка, одели. Пришли, как в дом свиданий. Совсем стыда нет.

Но Ольга не смутилась:

— Девушкам можно без платка, — она что-то искала глазами, переводя взгляд с одной иконы на другую. — Скажите, пожалуйста, правда, что у вас есть частичка мощей Петра и Февронии?

Мужчина подошел, уже более дружелюбно настроенный, словно прозвучал пароль. Он показал нужное место в храме и потом наблюдал, уже не отходя далеко и комментируя историю двух святых.

— От-ткуда ты все знаешь? — шепнул Ольге Максим, чувствуя себя здесь неловко: ему пришлось перекреститься и приложиться к одной из икон, вслед за Ольгой, и сделал он это так неумело, что церковник фыркнул.

— Меня бабушка в церковь привела, когда мне было лет четырнадцать, на день рождения, познакомила меня с моей святой, — Ольга видела растерянность своего спутника и решила его пощадить. — Пойдем, еще погуляем. Я больше не буду тебя мучить. Кстати, скажите, — она опять обратилась к мужику, — а что за святой на иконе праздника, чей сегодня день?

— Святого Апостола Фомы.

— Это к-который Фома н-неверующий? — Макс не удержался, желая блеснуть имеющимися знаниями.

— Он самый, — подтвердил мужичок, — был слабее других апостолов по вере, но потом сделался по благодати божией ревностнее и мужественнее других. Кстати, скоро, в четверг, будет праздник святых заступников и покровителей храма нашего, Петра и Февронии. Приходите обязательно.

Ольга поблагодарила мужичка и пошла с Максом к выходу.

— Уф! Ч-чувствовал себя п-пацаном каким-то, — выдохнул Максим, оказавшись на улице, и заметил, что спутница улыбается своим мыслям и кусает губы, чтобы не рассмеяться. — Ч-чему ты улыбаешься? Раск-кажи!

— А разве тебе история Петра и Февронии не показалась забавной? Петр был настоящим мужчиной — пообещал жениться на простушке, а сам обманул.

— Н-на что ты это н-намекаешь? — рассмеялся парень:- Если я т-тебе изменю, у меня тоже ст-трупья пойдут по всему телу?

— Вот поэтому ничего и не обещай зря, — смеялась Ольга.

Макс выпустил ее руку и забежал вперед:

— Н-нет п-погоди. Т-ты считаешь, что я обманщик? Г-говори правду!

— Не обещай ничего, — смеялась Ольга, — помни о стружьях, Фома неверующий.

— Д-да я серьезно! — Макс выпустил ее руку из своей, — я сейчас сб-бегаю, куплю кольца. К-какой у тебя размер?

— Максим! — она схватила удаляющегося Макса за рукав, — я же сказала, не надо ничего. Кроме того, без свидетельства из загса сейчас не венчают. У тебя есть блат в церкви?

— Т-ты просто меня не любишь, — Макс притворился обиженным, — или н-не веришь.

Ольга прижалась к нему, не в силах преодолеть смех:

— Я не верю, а доверяю — это большая разница. И люблю. Но все-таки, клятв давать не нужно. Я в свое время поклялась, что подарю первый поцелуй только суженому, будущему мужу. И видишь, что получилось?

— Ах, т-так, да? — Макс высвободился из объятий и шутливо скрестил на груди руки, — я, зн-начит, виноват? П-после этих слов я, к-как истинный джентельмен, п-просто обязан на тебе ж-жениться прямо сейчас.

— Обещай, обещай! — они отошли на достаточно дальнейшее расстояние от храма Малого Вознесения, чтобы Макс мог вернуться, раззадоренный Ольгой.

— Я ч-что-нибудь п-придумаю, — он подставил локоть Ольге и повел ее по тротуару. Машина медленно поехала за ними.

Болтая о пустяках, они подошли к перекрестку. Макс махнул рукой направо:

— Т-тверской бульвар. Здесь П-пушкин с Гончаровой гуляли...

— Повторим историю? — предложила Ольга, не зная, куда дальше увлечет ее спутник.

— Не-е... Т-там, у п-памятника Есенину... К-короче, нам не т-туда.

Напротив, на противоположной стороне перекрестка, стояли две машины, скромно украшенные свадебными цветами и шарами. А за ними, у памятника Пушкину и его жене, молодые и гости пили шампанское. Макс оставил Ольгу стоять на тротуаре, а сам побежал через дорогу к толпе, пожал деловито руки курящим у автомобилей мужчинами, о чем-то поговорил. Один из них взял в зубы свою сигарету, подошел к машине и, отвязав два шара, протянул их Макс. Тот вернулся к Ольге:

— Н-ну что, Пятачок, идем на д-день рождения?

— Что ты им сказал? — засмеялась девушка, принимая неожиданный подарок.

— П-правду — что у нас юбилей. П-пойдем, недалеко осталось, — Макс опять увлек девушку в направлении своего дома.

— Тут на каждом углу храм, — заметила Ольга, когда они подошли к очередному перекрестку, не такому оживленному.

— Это Храм Б-большого Вознесения, — Макс махнул сначала рукой в направлении куполов, а потом назад, — а там, мы его прошли, мой дом, номер десять, квартира десять — легко запомнить. К-кстати, в этом храме в-венчался П-пушкин, стоял в-вот за этой стеной. А м-меня здесь крестили. Т-так что я не совсем н-неверный.

Они перешли через дорогу.

— И правда муравейник, — Ольга почему-то вдруг вспомнила одно из Васиных хокку, — история рядом с буднями, святость — в метре от суеты...

Она подошла и прикоснулась сначала рукой к деревянной массивной двери, а потом прислонилась спиной к зданию, лицом к Макс:

— Что-то сегодня слишком много сюрпризов. После того, как слишком хорошо, бывает слишком плохо.

— А т-ты не д-думай о плохом, и все будет н-нормально, — Макс подошел с целью обнять и поцеловать, но задел воздушным шаром за шершавый выступ, и шарик лопнул — Ольга вздрогнула, а потом рассмеялась.

— Теперь он у тебя спокойно поместится в горшочке!

— Н-ну да, — Макс посмотрел на шарик, повертел в руках, задумавшись и будто бы не обращая внимания на хохочущую Ольгу, забрал у нее второй шар, лопнул и его за компанию, потом полез в карман куртки.

— Опасное чувство — зависть! — девушка не могла остановиться, так уморителен был странный Макс.

Наконец, он протянул перед Ольгой два кулака:

— В к-какой руке?

Ольга хлопнула по левой. Макс раскрыл ладонь, Ольга наклонилась, чтобы рассмотреть:

— Что это такое?

— Это б-были наши шары. Т-тебе достался синий. Н-ну что, к-кольца есть, еще какие отг-говорки?

— Маргарита Павловна была права: с тобой не соскучишься. Признайся, сколько раз ты надевал такие шариковые кольца на свой безымянный палец?

— Н-ни разу, к-клянусь! Это м-мой лайф-хак, т-только что придумал.

Он вертел в пальцах свое кольцо от другого шарика и был чрезвычайно серьезен, что Ольге давалось с трудом:

— Ты понимаешь, что это кощунство: рядом с храмом давать обет при помощи резиновых колец? Или это последствие мирового кризиса?

— Я серьезно. Т-ты обещаешь? — Макс испытывающе смотрел в глаза спутнице.

Ольге стало не по себе: она перестала улыбаться и невольно посмотрела по сторонам. Мимо проходила какая-то парочка, неподалеку стояла машина с шофером, который наверняка наблюдал за ними. А Макс, полвечера ожидающему слезки, словно было наплевать на это. Он ждал ответа.

— Ты действительно хочешь, чтобы я поклялась или дала слово, ведь назад пути не будет?

— Ладно, н-не надо, — Макс поежился, как если бы замерз, и отвел взгляд.

— Посмотри на меня, — Ольга взяла его за руку, неожиданно наклонилась и поцеловала кисть, как раб господину.

Молодой человек растерялся, а девушка продолжала серьезно:

— Я сегодня тебе все уже сказала, что я чувствую и думаю. Смотри, я не буду тебе клясться, и ты тоже не клянись, — она прикоснулась к стене храма ладонью, — я чувствую, что кто-то там, наверху, меня слышит. И я не шучу: видит Бог, я хотела бы быть с тобой всю оставшуюся жизнь. Если это возможно, пусть будет так; я прошу, пусть Господь сделает меня достойной любви; а самым страшным наказанием пусть станет то, что я разлюблю и забуду тебя. Там, у иконы своей святой, я попросила, если по каким-то причинам мы расстанемся, я все равно хочу любить тебя по-прежнему. Потому что нет настоящей жизни без любви, и я только сейчас это поняла. И пусть Господь простит мне: я надену это ненастоящее кольцо в знак своей любви и верности.

Ольга протянула Макс ладонь с лежавшим на ней колечком. Он с серьезным видом, — у него немного дрожали кончики пальцев, — взял резиновое цветное колечко, поцеловал протянутую ладонь, повернул кисть, надел на безымянный палец символ бракосочетания и замер в поцелуе руки:

— И н-настоящей любви вне жизни тоже нет, — Макс обнял Ольгу, растроганный ее словами. — Я т-такой дурак. Я т-тоже прошу у Бога, чтобы я ок-казался достойным тебя и чтобы он н-научил меня, к-как надо любить. Одень мне т-тоже кольцо в знак т-того, что я д-действительно хочу б-быть с тобой и хочу исп-правиться, если я д-делаю что-то не так.

Ольга надела Макс на протянутый палец другое колечко, и «новобрачные» обнялись. Случайно или нет, ожидающая их машина издала гудок. Макс вытащил из кармана мобильный телефон и всмотрелся в цифры:

— Д-да, п-почти пять, у нас м-мало времени. Н-надеюсь, наше дерево не сп-пилили и не натянули к-колючую проволоку на забор.

— А вдруг мы не сможем забраться? — Ольга сбросила серьезный настрой по дороге к

машине.

— З-залезем, — пообещал Макс, — т-только бы В-владимирыч ничего не заметил: он рано п-просыпается... Д-давай, когда все зак-кончится, здесь обвенчаемся?

— Ох, нет, я суеверна. Кстати, а ты не боишься, что я тебе надоем за всю жизнь?

— Если б-будешь танцевать для меня, т-то нет, — Макс подвигал бедром.

Назад машина ехала быстрее. Макс больше не стеснялся водителя: целовал склоненную ему на плечо голову с косичками и руки своей спутницы. А ночная радиостанция посылала в эфир нонстопом чувственную музыку, и влюбленным уже не нужно было ничего добавлять вслух.

Водитель остановил машину почти вплотную у кирпичного забора, Максим помог Ольге забраться на машину, с нее — на забор, и беглецы без особого труда спустились по лапам Кривого Дерева, вниз, к начинающей влажнеть от утренней росы траве. Желая продлить ночь и наверстать ощущения, на которые не хватило времени, влюбленные еще долго стояли у шершавого теплого ствола, словно превратившись в еще одну ветвь. И ни Макс, ни Ольга не заметили, как всего спустя четверть часа чья-то тень мелькнула в глубине сада, замерла на мгновение и осторожно удалилась.

Для остальных побег остался незамеченным.

48

Простых яиц

Ты больше, Ряба, не неси:

Я передумал.

Как ни старался директор проекта, Константин Стрэн, избежать праведного гнева Маргариты Павловны, она сама его нашла, приехав к нему домой в воскресенье утром. Светлана, супруга Стрэна (которую разъяренная фурия оттолкнула на пороге, чтобы ворваться в квартиру), весь скандал пробыла на кухне, за закрытой дверью, опасаясь выйти и попасться под горячую руку страшной во гневе жены банкира и вздрагивая от каждого крика и звуков разбиваемых стеклянных предметов.

В воскресенье вечером бледный, потрепанный и всю дорогу дымящий сигаретами продюсер вернулся в Дом.

— Ну как? — были первые слова перенервничавшей в ожидании Веры, когда шеф зашел к ней в комнату.

— Надеюсь, хуже не будет, — продюсер покачал устало головой, — еле успокоил. Сначала пришлось пообещать не выпускать больше таких материалов. Потом она потребовала, чтобы я отпустил вашу Николаеву и нашего Макса: видите ли, мальчик влюбился и не дай бог передумает. Я еле убедил ее не пороть горячку, а дать немного поработать времени: пусть их чувства пройдут небольшую проверку. Тем более, Макс наберется опыта.

— А при чем тут Макс? — удивилась менеджер, — он даже не родственник вашей Маргарите Павловне, как я поняла. Пусть уходит — найдем другого оператора. А этого вашего Карамзина-младшего женим, какие проблемы, не понимаю? Девушек хороших много и без Николаевой.

— Ох, Вера, Вера, — Стрэн потер виски, опять обреченно покачал головой, — как бы вам объяснить...

— Да я знаю все, мне девушки вчера все рассказали: Макс — близкий друг Артура и даже, как это, сводный, что ли, брат? Кто они друг другу, если у них родители кумовья?..

Стрэн не выдержал, он и так слушал Веру с видом уставшего профессора-экзаменатора, перед которым первокурсница несла чушь, перебил помощницу:

— Извините, Вера Александровна. Я знаю, что ваша дочь дружила с Артуром Карамзиным — вы его хорошо знаете?

— А при чем тут это? — Вера задумалась, — нет, конечно, я много о нем слышала, но дома он у нас никогда не был...

— Все понятно. Не буду вас разочаровывать, — Стрэн взглянул на часы, — так что будем делать с Николаевой? Макса я как-нибудь уговорю перебраться в офис, но под каким предлогом я Николаеву выпущу с проекта?

— Придется изобретать предлог: номер с кастингом от Пуховой уже не пройдет.

— Почему? — Стрэн с трудом перевел взгляд с сигареты, которую крутил в пальцах, на Веру, — что опять случилось?

— Сегодня Оля сказала мне, что порвала приглашение и остается. Что будем делать?

— Она объяснила, почему приняла такое решение?

— Нет. Но я догадываюсь. Сегодня утром, часов в шесть, меня подняла Ника: она обнаружила, что Оли нет в комнате, ну, и мы с ней вдвоем оббежали весь дом в поисках, пока я не догадалась заглянуть в сад.

— Зачем же они там прятались?

— Нике хватило ума ляпнуть Оле, что в беседке есть камера. Думаю, поэтому.

Стрэн схватился за голову, взъерошил волосы, рассеянно глядя в пол и кусая губы:

— Все не слава богу. И что я теперь скажу Маргарите Павловне? Ваша Николаева меня в гроб вгонит. То она хочет уйти, то не хочет. Завтра выйдет выпуск о ее решении, и что, мы, в качестве поощрения, отправим ее домой вместе с Максом? А с кем я буду работать? У меня эфирная сетка на три месяца разбита вперед из-за прихоти некоторых моих, черт бы их побрал, знакомых... Сейчас лето, что я поставлю вместо проекта, если он будет закрыт?

— По договору, ваши спонсоры не имеют права замораживать финансирование до конца проекта.

— Зато имеют право сократить финансирование, — Стрэн не удержался от сарказма в голосе, — извините, Верочка, не хотел вас обидеть. Нужно подумать и сделать так, чтобы Николаева осталась. Хотя бы на месяц. Жаль, конечно, если она уже разыгранная карта, показала все, на что способна...

— А может, им свадьбу тут устроить?

— Вера! — Стрэн не выдержал и, сломав сигарету, бросил ее на стол, — ваша Николаева — это реальный залог финансирования в прежнем объеме.

— Да почему? — Вера, наконец, догадалась, что она не знает самого главного.

Стрэн медленно выдохнул воздух, протрубил аккорды неизвестные миру марша, рассеянно разглядывая Веру, и решился:

— Представьте себе ситуацию. Что на вашу Николаеву на самом деле глаз положил не какой-то там Макс из деревни Гадюкино, а Артур Карамзин...

Вера похолодела:

— В смысле, как «положил глаз»?

— Вот так, взял и положил. Ваша Николаева любит Макса, а Карамзин любит Николаеву... Ну и кто кому должен в этой задачке?

Вера села на стул, убитая новостью:

— Так значит, Маргарита Павловна намеренно избавляется от Оли, чтобы она не

бросила Макса и не... Господи! Какая коварная женщина!

К Стрэну вернулся прежний, обреченный, взгляд. Кажется, он готов был заплакать от собственного бессилия.

— Вера Александровна, вы, ей богу, как ребенок. Вас даже обидеть нельзя. Я вас очень прошу — у меня лично нет на это сил — поговорите со своей Никой, она вам все объяснит... Нет, я правда, не могу... — продюсер заставил себя собраться с мыслями, — давайте так. Пока вы не разберетесь во всей этой подоплеке, кто кого, кому и когда, я вас умоляю, не делайте поспешных выводов. Да, я дал маху, что сразу ничего вам не объяснил: решил все держать в тайне... Ну да бог с ним... Разберемся... Здесь нужно что-то придумать. Что у нас на этой неделе по плану?

Вера, пытаясь скрыть смущение после услышанных многозначительных слов шефа, торопливо стала листать бумаги в папке:

— На этой неделе у нас детский дом и дети.

— Нет, не пойдет. И вообще, Верочка, — Стрэн засунул руки в карманы брюк и стал ходить по комнате, гремя ключами и пытаясь взбодриться, — нужно перетряхнуть это волшебное царство. Когда у нас должна быть провокация?

— Через неделю.

— Вот. Поменяем наши недели. А заодно позвоните Пуховой, скажите, что мы перенесли нашу встречу на пятницу раньше. Уж ей-то ваша золушка не откажет. Посмотрим, конечно, как оно все пойдет. Кстати, нужно поговорить с Татьяной, передайте ей, что я буду ждать ее в операторской через, скажем, минут сорок.

Продюсер продолжал искать выход и замолчал, раздумывая. Вера протянула ему лист:

— Я сегодня смотрела рейтинг. После субботнего выпуска наша аудитория выросла наполовину, и как мне сообщили, на наш тотализатор поступило около пятисот тысяч смсок...

Стрэн пробежал глазами цифры, а потом поднял глаза на Веру:

— Слушайте, а у вас нет коньяка, а?

— Есть... — Вера была шокирована просьбой, — вам же нельзя!

— Сегодня даже нужно.

Вера достала припрятанную бутылку, рюмку, налила и протянула шефу. Тот выпил не крикнув, словно водой промочил горло, и вернул рюмку:

— Давайте еще, и себе налейте. Напьемся сейчас и что-нибудь придумаем этакое, — продюсер покрутил в воздухе пальцами. — Не могу же я сейчас остановить проект просто так. Еще только все начинается. Show must go on!

49

На эшафоте

Лепестки хризантем.

Щекотно ногам.

Не смотря на то, что Вера похвалила Ольгу за решение остаться, да и сама девушка не жалела о выборе, начиная с утра воскресенья, у девушки появилось смутное чувство, что, возможно, стоило пойти другой дорогой, ждать Макса на свободе было бы безопаснее.

От резинового колечка пришлось избавиться уже за завтраком того же дня: из-за хорошей наблюдательности Ники и Леры-Валерии. Первая с подозрением спросила, что это значит (пришлось сказать, что это напоминалка, вместо узелка на носовом платке); вторая тут же стала прозорливо шутить, что, пока все спали, их сотоварка успела выйти замуж за

производителя автомобильных шин или надувных шаров, а то и еще смешнее, — за директора завода, производящего средства контрацепции. На последней шутке, вызвавшей за завтраком истеричный смех, в столовой появился Макс. Рыдающие от смеха девушки не заметили молниеносного обмена знаками двух влюбленных — и Макс успел снять свое кольцо и спрятать в карман.

Затем, Макс еще не дожевал свой завтрак, как за ним приехала таинственная машина. По словам любопытной Арины, это была машина Артура, сына Маргариты Павловны. В этот день оператор так и не вернулся, появившись только в понедельник утром, раздраженный и мрачный. Ольга боялась смотреть на него, не говоря уже о том, чтобы подойти. Ситуацию прояснила Ника, зазвавшая Ольгу в ванную под каким-то предлогом, и там передала слова Макса о том, что его переводят в офис работать с интернет-сайтом проекта.

Но и это был не последний «сюрприз». В этот же день, при распределении пар «золушка-помощница», Вера ввела новую директиву: не будет больше никакого случайного выбора, пары распределит сама администрация, руководствуясь желанием ограничить возможность повтора.

— Девочки, вы должны поработать с каждой золушкой, — попыталась всеми разумными доводами утешить помощниц Вера.

И Ольге досталась Маслова. Эта новость, впрочем, была не столь убийственная, как последовавшая за ней через час.

Карина Собак собрала в парадной столовой золушек для оглашения нового задания. Подслушивать согласились добровольцы Арина и Светлана, которые и принесли подругам новость: на этой неделе золушкам предстояло сплотиться и показать умение работать сообща. Им было предложено на выбор — извять из пяти килограммов пластилина общую статую или придумать и станцевать два групповых танца. Естественно, кто хотел пачкать свой маникюр в пластилине? Выбрали танец. Только и дожидаясь этого решения, Карина Собак пригласила в столовую тренера по танцам.

Ольга не могла поверить своим собственным глазам: тренером оказался Егор Дружков, тот самый член жюри, который вручал билеты во второй тур на кастинге «Танцуй, пока танцуется!» и, если верить Стрэну, именно он, вместе с известной актрисой, выпросил у Цискарева для Ольги билет во второй тур.

Дружков не сразу, но, столкнувшись нос к носу, узнал девушку с косичками, тщетно пытавшуюся не попадаться на глаза гостю. К облегчению Ольги, тренер не стал выяснять подробностей, но густо посыпал рану солью, заметив, что Николаева находится не на том проекте, и даже вежливо поинтересовался, не может ли он как-нибудь поспособствовать перемещению. Ольга что-то пробормотала в ответ, и весь день ее лихорадило, как наркомана, испытывающего первую ломку. Она страдала, начав тяготиться положением «рабыни» вредной Масловой: та, словно нарочно, придумывала наиглупейшие поручения, а, выполняя их, помощница каждый раз оказывалась рядом с тренером.

С другой стороны, Ольга не могла оторвать глаз от работы профессионала Егора Дружкова, метавшего бисер перед абсолютно неподготовленными физически золушками, обладавшими скорее модельными, чем спортивными данными. И все тренировки Ольга простояла адъютантом при Масловой, у двери в фитнес-комнате, отлучаясь то за свежими полотенцами, то за минералкой.

А золушки валились с ног от усталости, выплескивая раздражение на помощниц, разбрасывая свои вещи и наводя беспорядок везде, где собирались передохнуть.

Так Ольге пришлось на время почти оставить мысли о Максиме, покинувшем Дом, но пообещавшем часто навещать или передавать через Нику записки своей возлюбленной.

50

Пью жадно воду.

Кто-то вспоминает

Мой день рождения.

В среду, в расписании дежурств по столовой в графе «Ф.И.» значилось: «Миусова — Николаева».

С утра, как обычно, Ольга позанималась в зеркальной комнате и раньше подруги появилась в столовой. На столе ждал сюрприз: огромный букет из красных и белых роз и коробочка, красиво упакованная и перевязанная бантиком. Рядом лежала записка от Макса: «Любимая, я знаю, что дарить заранее — плохая примета. Но так получилось. С наступающим днем рождения! Я тебя люблю. Максим».

— Как он узнал? — подумала вслух Ольга, целуя розы и вдыхая еле заметный аромат.

Макс остался верен своей привычке — шокировать размахом. На этот раз, Ольга посчитала из любопытства, в букете было семьдесят семь роз. «Он разорится на букетах», — проворчала про себя девушка, продолжая улыбаться. И вдруг спохватилась: семьдесят семь — это еще и удобный повод для любителей позубоскалить. Она схватила первый попавшийся нож и судорожно стала потрошить букет: выбросила оберточный целлофан и ленточки в мусор, а сами розы — со скоростью урагана пробежала по дому — расставила цветы в вазах. Успела до прихода Ники спрятать подарок.

— Я опять проспала, — сонная Ника, зайдя на кухню, первым делом направилась к термосу с кипятком налить себе кофе. — Ты чего такая всполошенная?

А подарком от Макса стал небольшой, длиной в палец, музыкальный плеер с запиской: «Надеюсь, музыка, которую я записал на него, тебе понравится, и ты будешь мысленно со мной, когда захочешь».

51

Глух и далек голос

Муэцзина на башне.

Шумная река...

— Ну ты даешь! — Лера не переставала восхищаться Ольгой, — я бы никогда не додумалась так вывести из себя дорогушу. Как это у тебя получается?

Лера осталась на кухне после завтрака помогать подругам, да и было о чем поговорить. Два дня Маслова по мелочи мучила свою помощницу, невпопад раздавая задания и практически не отпуская от себя ни на шаг. Но сегодня за завтраком дорогуша превзошла саму себя.

Продолжая находиться в блаженном состоянии из-за мыслей о Максе, его сюрпризе, Ольга ненарочно прослушала несколько приказов: добавить салфеток на стол, заменить плохо вымытую чайную ложку и тому подобное. «Ну ты чо, включила глухонемую?!»- рассвирепела Татьяна, не адресуя свои просьбы Нике, которая, в отличие от замечтавшейся подруги, выглядела более адекватной, однако из принципа не выполняющей ни просьбы, ни приказания вредной золушки. Ольга пришла в себя, но так вежливо извинилась перед Масловой, молниеносно выполнила все требования, вдобавок при всех спросила о

дальнейших указаниях на день, не удаляя счастливую улыбку с лица, — что остальные золушки не выдержали и посмеялись над своей самоуверенной лидершей, еще больше разозлив ее.

— Она не специально, — Ника объяснила Ольгино пожимание плечами на вопрос Леры, — разве ты не видишь: у нее от любви крыша поехала. Я сегодня два раза ловила ее за руку: она пыталась добавить в кофе соль.

Лера не заставила себя долго ждать и тут же разразилась заливистым хохотом, Ника не удержалась, присоединилась к смеху.

— Можно к вам? У вас веселее, — на кухню вернулась Ирэн Артисян с Викторией Шаповаловой.

Лера прекратила шутить и блестящими смеющимися глазами воззрилась на золушек.

— Оль, можно с тобой поговорить? — Ирэн села рядом с Валерией, — нет, нет, вы можете остаться, у нас от вас секретов нет, — и остановила Нику, собравшуюся выйти.

А новость была точно непредсказуема. Внезапно появившаяся в Доме Карина Собак сообщила, что возникла «небольшая» проблема: у тренера, Егора Дружкова, вдруг случился приступ аппендицита, и его увезли в больницу. Заменить его не представляется возможным, так как многие тренера, которым позвонили, находились либо на отдыхе, либо были загружены своей работой, — таким образом, оставшиеся два дня золушки должны были сами приготовить два танца.

— А может, все-таки попросить, чтоб привезли пластилин? — серьезно спросила Лера, — вылепите какую-нибудь гигантскую пятикилограммовую тупельку...

— Очень смешно, — скривила губы Виктория, — так наша Танюша и бросится ваять. А более-менее танцуют только половина из нас.

— Мы чуть не переругались сейчас, — Ирэн тоже не улыбнулась, — Вика и Лена занимались когда-то танцами, но уже все забыли. Маслова тоже хорошо танцует, но выпендривается много. Как обычно, только путает всех: каждый раз предлагает разные движения. В общем, — заключила Ирэн, — нам нужен человек со стороны. А лучше, чем ты, никто здесь не танцует.

Лера с Никой переглянулись.

— Правда, что в пятницу придет Салма Пухова? — Ника показала большой палец Ольге и та вдруг вышла из рассеянного транса.

— Что? Салма Пухова! — Ольга почти перестала дышать, — почему я не знала?

— Потому что только сегодня сказали, — теперь переглянулись Ирэн и Вика: у Ольги заблестели глаза и порозовели щеки, — Собак сказала, что золушке, которая будет танцевать лучше всех, Пухова сделает особый подарок.

— Я согласна, — Ольга положила руку на грудь, чтобы успокоить бешенный ритм сердца, — но при одном условии. Я тоже буду танцевать с вами в пятницу.

52

Стекло. А за ним -

Чучело обезьяны.

Здравствуй, о предок!

Никто из золушек не был против, лишь Маслова процедила сквозь зубы многозначительное: «Ну-ну...». А Ольгины подруги добровольно вызвались выполнять обязанности Николаевой по дому, чтобы помочь той, тем более что остальных помощниц никто из золушек не загружал работой, нужно было только привести в порядок

танцевальные костюмы, которые Карина пообещала достать к четвергу. И Вера была довольна, побывав на репетиции; менеджер заверила Ольгу, что лично займется заказом дополнительного, для Ольги, костюма.

На третий танцевальный «заход», вечером в среду, зашел посмотреть Макс. Он побыл рядом с Ольгой, которая осталась верной своей нелюбви к камере и не отступила от своих принципов — не разрешила Виктору снимать ее вместе с золушками, — она стояла позади оператора, как когда-то на репетиции с Ирэн. Макс шепотом перекинулся парой слов с возлюбленной, и они даже обнялись на прощание, уже не скрывая своих отношений. В тот момент Ольга, поглощенная репетицией и не подозревающая, что увидит Макса теперь не скоро, постаралась избавиться от возлюбленного, чтобы не сбиваться с рабочего настроения.

Это была первая самостоятельная работа студентки медицинского института, возведшей танцы в любимый вид досуга. Объясняла она терпеливо, вместе с тем настойчиво требуя выполнения своих просьб. Никакие возражения вроде: «Это я сейчас так танцую, а потом я буду стараться», не могли поколебать упрямую назойливость тренера с косичками — на репетиции золушки должны были отдавать все свои силы и не «мухлевать». И гениально простая, в отличие от эксцентрично профессиональных требований Егора Дружкова, методика обучения «от Николаевой» позволила уже к вечеру среды поставить танцы до восьмидесятипроцентной готовности.

Организаторы испытания, конечно, погорячились с количеством танцев (две композиции за четыре дня — это и для профессионала-то показалось бы трудновыполнимой задачей, а тут обычные девушки без навыков), так что в четверг Ольга кое-где упростила движения от предыдущего тренера, на что легко согласились сами золушки.

Многие были удивлены, когда Ольга стала прислушиваться к мнению Масловой, вовсе не потому, что та была ее «госпожой» на эту неделю: на самом деле, Ольга почувствовала некий скрытый профессионализм стервы за попытками той казаться вреднее всех. Ника и другие помощницы не поверили Ольге, которая поделилась невольными наблюдениями, и попытались подсмотреть репетицию, но сама же Маслова прогнала их: «В цирк бесплатный пришли? Я вам тут чо, хулахуп?»

А вечером, когда уже не было никаких сил двигаться, Ольга включала плеер, подаренный Максом, вставляла наушники поплотнее, чтобы не просачивалась в мозг болтовня Ники, Арины, Леры и Светланы. И можно было помечтать о любимом поразмышлять о поисках выхода из сложившейся ситуации, в которой она, влюбленная, оказалась пленницей проекта, а также о неприязненных отношениях внутри семьи Артура и Макса.

В четверг Ольга ничего не сказала подругам о своем дне рождения: ведь и так все было хорошо. Впереди была пятница, долгожданная встреча с Салмой Пуховой. Что Ольга скажет ей при встрече? Билет, переданный Стреном, уже не вернуть, да и сама влюбленная почти не думала об этом. Однажды она дала себе зарок никогда не сожалеть о сделанном выборе (если решение принято — значит, были сильные аргументы). Но главной целью всех усилий было получить одобрение этого гениального, какой Ольга считала Пухову, автора стильных, обладающих особой энергией танцевальных композиций. Нужно было всего ничего — так станцевать, чтобы Салма Пухова предложила еще раз приехать к ней и позаниматься в одной из групп. А то, что вместе с гением современного танца должен был приехать и Николай Цискарев, было даже забавно: пусть посмотрит на ее, Ольгину, работу и только попробует сказать в этот раз, что танцует она «посредственно!».

Это была ее мечта на сегодня, завтра и еще пару дней: думать об институте, больных детях, дельфинах и своем семейном домике Ольга будет потом, когда вволю напьется воды из нового, свежего источника. Засыпалось с этими мыслями легко, и потом во всем теле была такая легкость, что совсем не чувствовалось усталости в течение всех репетиций.

В четверг вечером на плеере села батарейка, пришлось поставить ее на подзарядку и слушать сплетни соседок по комнате. Ополоснувшись в душе перед сном последней, Ольга шла к своей кровати, как вдруг по дороге слух уловил странную фразу, сказанную Ариной:

— Да-а, не ожидала я этого от нашего Макса...

— О чем это вы? — Ольга остановилась в темноте.

— Да все о том же, — зевнула Светлана, — о твоём Максе и Колобовой.

— Опять вы какую-нибудь гадость замышляете, заняться вам нечем, бедненьким, — Ольга покачала неодобрительно головой, но в полутьме этого никто не заметил.

— Оль, а ты не ревнуешь своего возлюбленного, а? — подала голос Лера, — неужели совсем ни капельки?

— Она ничего еще не знает, — слышно было, как Ника повернулась в кровати, — она днем своими танцами грезит, а остальное время уши затыкает, нас не хочет слушать.

— Господи, да что случилось-то? — весь сон моментально исчез, Ольга села на кровати. — Я вас убью, если вы опять что-нибудь понапридумывали.

Она уже и не скрывала своих чувств к Максиму, тем более что их обмен поцелуем во время тренировки видели все золушки. Новость моментально распространилась, и Нике оставалось только скрипнуть зубами и промолчать: скрывать все было уже поздно.

— Вчера твой Максим обнимался с Нинель, причем, даже не стесняясь, — услужливо повторила новость Арина, — а потом Максик ушел из дома, и за ним, типа, так получилось, Нинель. Вот и думай теперь, что там у них.

— Что за ерунда! — рассердилась Ольга, — кто-нибудь это видел?

— Наташа с Катей видели... — с трудом, через зевок, выдавила Лера.

Ольга молчала, не зная, что и сказать. Вспомнилось предупреждение Макса о том, что весь проект «Десять Золушек» — это большая Игра, в которой главное — выстоять, не потерять своих убеждений. И девушка успокоилась, не приняв на веру сплетен.

— А сегодня Колобова вообще странная была, — не выдержала в тишине Арина, — Оль, ты знаешь, что она сегодня пыталась нам помочь помыть посуду? Сама убралась в своей комнате и вытерла пыль, представляешь?

— Молодец: устала, наверное, от безделья, — Ольга отвернулась лицом к стене. — Давайте спать, а? Завтра такой день...

53

Не повезло

Любопытной Варваре:

Как жить без носа?

Нинель изнывала от любопытства и мучивших ее догадок. Да, она не умела вкусно готовить, изящно танцевать и не обладала другими многими талантами, которыми блистали ее подруги на проекте. Но она умела думать. Когда-то высокоразвитая логика позволила ей, не готовясь, сдать ЕГЭ с очень высоким баллом. А теперь она получала в МГУ квалификацию аналитика, мечтала попасть на телевидение и, оказавшись на проекте благодаря безупречной внешности голливудской звезды, решила, во что бы то ни стало, выиграть.

Некоторые пункты в контракте и еще один лист, который остальные просто подписали, подтвердив согласие с любым («не противоречащим Уголовному Закону и Конституции Российской Федерации») действием руководства проекта, — все это Нинель тоже подписала, только нарочито медленно, пытаясь прочитать слова, едва различимые сквозь положенный сверху белый лист. Поскольку в Доме ничем другим интеллектуальным, как сплетнями и домыслами, голова не была занята она продолжила думать и сопоставлять факты.

То, что не стоило делиться своей аналитикой с другими, Колобова поняла каким-то внутренним шестым чувством. Подслушивая, общаясь с другими, она никогда до конца не открывалась сама, больше задавая вопросов, чем отвечая на них. Но был единственный раз, когда Шерлок Холмс сказала больше, чем нужно, — во время подготовки к съемке кулинарной программы: Нинель желала разговорить свою помощницу и узнать, так сказать, мнение второй стороны. Ольга не только подтвердила догадки, но и подала исключительно интересную идею, которая помогла бы доискаться истины.

Для этого Нинель нужен был Макс, простой оператор, готовый всегда поддержать чужую авантюру. Методом индукции Нинель вычислила, что Макс, в отличие от загадочно ухмыляющегося оператора Виктора, если не такой же участник проекта, то, по крайней мере, потенциальный союзник в поиске истины. Во-первых, у него, как и у всех, забрали телефон (а у Виктора, судя по тому, что он никогда не жаловался на ограниченную связь с родными, — нет). И во-вторых, Виктор вел себя куда осторожнее, как в словах, так и в действиях, в отличие от эмоционального Макса. Так что все дороги, как ни крути, вели к этому решению — сблизиться с молодым оператором и достать через него телефон, а потом — с помощью близкой подруги узнать все.

К сожалению, идеальный вариант все устроить на шашлычной вечеринке у Артура Карамзина не прошел: Макс не появился там, в воскресенье он срочно куда-то уехал, исчезнув из поля зрения Нинель до среды. Она никак не могла его застать в Доме, хотя повод был готов.

В среду, едва увидев Макса, сидящего в фойе и барабанившего нетерпеливо пальцами по стеклянному столику, Нинель бросилась к нему. На стандартное приветствие: «Максимка, привет! Как дела?» — он откликнулся охотно и обменялся любезностями. Нинель присела рядом с ним и спросила его, умеет ли он хранить тайны.

— Это ед-динственное, что я д-делаю здесь хорошо, — усмехнулся с горечью Максим.

— Я тут нашла одно стихотворение и хочу его прочитать одному человеку, с которым познакомилась в доме твоего друга. Только я не знаю, правильно ли он меня поймет, — Нинель достала из кармана свернутый в несколько раз лист. — Я хотела бы спросить твоего совета как мужчины.

— Д-давай, п-посмотрю, — Макс с готовностью протянул руку.

На листе было написано: «Максим, не читай вслух, пожалуйста! Мне очень-очень нужна твоя помощь! Я хочу поговорить с тобой наедине так, чтобы никто не услышал. Это очень важно!» Дочитав, оператор вернул девушке лист, двусмысленно улыбаясь и будто бы рассеянно глядя по сторонам, в том числе и на подвешенные камеры в фойе.

— Мне п-понравилось. Я думаю, что м-можешь спокойно прочитать это т-твоему знакомому, — молодой человек нагнулся и зашептал на ухо Нинель. — Извини, м-можно я тебя н-немного... обниму?

Нинель засмеялась: «Ну, конечно!»

— Я н-немного п-позаигрываю с тобой, ладно? — Макс опять зашептал ей на ухо, приводя в синхронность слова с действиями: одна рука пошла гладить ногу девушки, — г-говори мне на ухо, твой п-передатчик не засечет. Т-только делай вид, ч-что у нас роман, — пусть н-наши шефы думают.

За этим занятием и застучали парочку Наташа и Катя, идущие мимо с ведром и тряпками. Заметив помощниц, Макс отстранился от Нинель, но было уже поздно: не одни «шефы» подумали, что у оператора «роман» с самой красивой золушкой.

— Выйдем н-на улицу! — шепнул Макс на ухо довольной Нинель.

За ними, чуть погодя, осторожно вышла Наташа.

— Понимаешь, я не могу нормально поговорить с подругой по телефону, а у нее ужасный стресс: ее бросил парень, и она на грани самоубийства. Я очень за нее переживаю и хочу помочь. Но для этого мне нужно поговорить с ней, — объяснила свою просьбу Нинель так же на ухо Макс, когда они оказались вне стен, и молодой человек шел с ней рядом мимо высоких елей.

Вместо ответа оператор протянул руку за спину девушки, снял микрофон, что-то покрутил в нем:

— Г-готово! П-пойдем, только осторожно, см-мотри, чтобы никто нас н-не заметил.

Макс, взяв Нинель за руку, повел девушку через сад к служебному коттеджу. Там он проверил, нет ли в комнате Виктора, и впустил гостью.

— В-вот, возьми! — он протянул золушке свой мобильный телефон, — звони, к-куда хочешь и разговаривай, ск-колько хочешь: м-мне самому его только вчера вернули.

— Ой, мне нужно всего минут пятнадцать! — так Нинель оказалась почти у цели.

Максим закрыл дверь изнутри на ключ и тактично удалился в ванную, где когда-то мыла руки Ольга после массажа. Нинель осталась один на один с заветным телефоном и, как только за стенкой зашумела вода, не медля, набрала номер. К счастью, подруга тут же взяла трубку, и услышанный рассказ шокировал Нинель.

Как она и подозревала, ох, и неладно было на проекте: центральными фигурами были совсем не золушки, вернее, не «подставные золушки», в число которых входила и сама Колобова, а их помощницы, не подозревающие, что организаторы проекта испытывают их постоянной работой. В интернете, на сайте проекта, можно увидеть все, происходящее в Доме: задания и их выполнения, разговоры и тех, и других золушек, анкеты каждой участницы, но приоритет остается приоритетом — шансов выйти в финал у Нинель меньше, чем у, например, просто хорошенькой Олеси Жвалева, помощницы Колобовой на эту неделю. И самым катастрофичным заявлением близкой подруги для временно онемевшей Нинель была новость о провокаторше Татьяне Масловой: вся стервозность этой неадекватной девушки была лишь для того, чтобы проверить участниц проекта на наличие высоких моральных качеств и умение давать отпор, постоять за себя. «Финиш!» — одно слово вертелось в голове Колобовой, которая безоговорочно доверяла самой скандальной псевдозолушке. «Так вот почему ушла Зоя! — домыслила Нинель, — она по наивности ляпнула пару глупостей Таньке по секрету. А эта провокаторша все донесла до организаторов!» И Колобова стала лихорадочно вспоминать, не наговорила ли чего лишнего она сама.

— Ты не переживай, — уговаривала близкая подруга подавленно молчавшую Нинель, — на форуме ходят слухи, что скоро будет объединение невылетевших моделей и золушек, как только в общей сумме вас будет десять-двенадцать человек. Ты только не поддавайся на

провокации Масловой, подружись с вашими помощницами. На сайте ведется рейтинг моральных качеств всех ваших. Если ты наберешь много баллов за неделю, то тебя никто не выгонит...

— У кого самый высокий балл?

— Из ваших — у Ирэн Артисян, а вообще весь форум обсуждает Николаеву, с которой ты ужин готовила. Я не знаю, может, это очередная подстава, но твоя бывшая помощница делает рейтинг проекту. Так что держись рядом...

Когда Макс вышел из душа, Нинель успела обсудить все с подругой.

— Н-ну как, убедила свою сам-моубийцу не делать г-глупости? — Макс вытирал мокрые волосы полотенцем.

— Максимка, ты прелесть! — Нинель бросилась к нему на шею и расцеловала, — ты даже не представляешь, как ты мне помог! Чем мне тебя отблагодарить?

— У-уже сделала! С-слушай, д-давай договоримся: я т-тебе даю звонить, а т-ты помогаешь мне, — Макс убрал телефон в карман.

— Что я должна сделать? — Нинель была готова согласиться, но подумала и о собственной безопасности на проекте, — надеюсь, ничего запрещенного?

— Н-нет. Я иногда б-буду приезжать сюда за м-материалами и, если я п-попрошу кое-что п-передать Оле, Николаевой Оле, а н-не вашей, ты п-передашь?

В этом не было ничего кажущегося опасным, а милосердие к влюбленным даже могло сыграть ей на руку, — и Нинель с готовностью согласилась.

54

Блеяние-плач

Из-под веток на земле.

Ловушка для тигра.

Гости должны были приехать часов в двенадцать, поэтому Ольга рано подняла золушек, чтобы успеть отрепетировать, привести себя в порядок и, если что-то не так с костюмами, то успеть исправить недостаток либо сделать его менее заметным.

Вера, как и обещала, достала своей подопечной комплект костюмов, но вредной Масловой Ольга выгладила костюмы с вечера, а над своим корпела с шести утра. Костюмы несколько болтались на Ольге, с помощью ниток и иголки это было поправимо, только требовалось время, которого постоянно не хватало.

Завтраком пришлось пожертвовать: пока на кухне были золушки, Ольга возилась со своим танцевальным облачением; а когда пришло время помощниц подкрепиться, Маслова потребовала Ольгу начинать генеральную репетицию, за ней — помогать делать прическу, надеть костюм, заодно прибрать комнату, принести холодной минералки, потому что Танюша запыхалась и захотела пить; проверить, не слишком ли для шпилек скользкий пол в зале... И только потом отпустила взмокшую помощницу принять душ и одеться самой. Подруги сочувствовали, но что они могли сделать!

В половине одиннадцатого Ольга не успела выйти из душа, как собственной персоной к ней в комнату явилась Маслова, одетая в черный костюм для первого танца и похожая на сказочную злую королеву-мачеху.

— Кто у вас ответственный за зеркальную комнату?

— Я, — у Ольги не было ни малейшей ненависти к своей хозяйке, только досада на нее, как на назойливую муху. А может, просто не было времени прислушиваться к собственным чувствам. — Что случилось?

— Иди и посмотри. Приедет Пухова, будет ходить по дому и увидит этот бардак... Я жду тебя внизу.

Ольга спустилась в цокольный этаж и ахнула: весь пол в ее любимой комнате был посыпан чем-то белым, а зеркала — испачканы белыми полосами, словно зубной пастой.

— Кто это сделал?! — воскликнула Ольга, не веря своим глазам: для нее это было, по меньшей мере, кошунством.

— Без понятия, — Маслова равнодушно смотрела на беспорядок, — но очень хотелось бы, чтобы везде в доме было чисто, и мне не приходилось бы выполнять чужую работу, за которую некоторым еще и деньги платят.

— Я сейчас же уберу, — Ольга развернулась к двери, — надеюсь, эту сволочь камеры засекали. Обязательно потом попрошу у Веры Александровны найти пакостника.

— Сначала немедленно уберись.

Ругая про себя «эту сволочь» Ольга поднялась в свою комнату и столкнулась в дверях с Никой, которой в двух словах рассказала о чьей-то подлости. Ника поразилась:

— Сто процентов, это кто-то из золушек! Слушай, я сейчас к своей, а потом спущусь тебе помочь. Ты-то сама когда будешь одеваться?

— Ничего, спасибо, я успею. Я возьму с собой косметичку, заодно там спокойно накрашусь, — Ольга полезла в свою сумку, — пусть дорогуша брызжет себе ядом, я все равно успею.

— Ну, смотри сама. Если что, зови на помощь...

Продолжая думать над способами изобличить неизвестного преступника, Ольга взялась за уборку, поглядывая на камеры, и вдруг бросила тряпку на пол: камеры были заклеены полосками белого скотча. «Ну, надо же, какие умные!»- воскликнув в праведном гневе, она полезла на поставленный в угол стул отдирать скотч. Стоя спиной к двери, девушка не заметила: в комнату заглянула Маслова, удостоверилась, что ее помощница работает, — и заперла снаружи дверь на ключ.

55

От осенних слез

Нагнулись ветки сливы

До самой земли.

— Неужели нельзя поймать эту гадину за руку! — громче всех возмущалась Валерия.

...Гости проекта приехали неожиданно на час раньше. Вера объявила об этом за пять минут, и началась такая суматоха, что про Ольгу все забыли. И только когда золушки вышли в своих костюмах и начали танцевать, Ника спохватилась: среди танцующих не было Николаевой.

Помощницы, милостиво приглашенные в качестве зрителей, шепотом перекинулись между собой несколькими фразами, и выяснилось, что никто не видел Ольгу уже минимум как сорок минут. Ника и Лера попытались покинуть зал, но Вера им погрозила пальцем и показала на Виктора с камерой. Всю встречу со знаменитостями помощницы ерзали на стульях, и, едва выпала возможность уйти, Ника и Лера первыми выбежали из зала.

На стуки в дверь Ольга откликнулась не сразу, слабо ответила, что с ней все нормально. Ника помчалась к Вере, стоявшей у ворот и провожающей гостей, просить дубликат ключей. Пришлось объяснить, в чем дело, и главменеджер, проклиная свою работу, бросилась спасать запертую Ольгу, а потом искать человека, осмелившегося на злодеяние. И вернулась растерянная (подруги на кухне отпаивали валерьянкой бледную Ольгу, которую трясло так,

что девушка не могла удержать в руках бокал) с вестью, что последние два часа в цокольном этаже не работали камеры: оператор Дима проводил профилактику.

— Оль, не плачь, пожалуйста, — Олеся сама готова была заплакать: она так расчувствовалась, что у нее покраснели глаза, — дались тебе эти танцы... Плюнь ты на это дело.

— Ой, девочки, — всхлипывала Ольга, — если бы вы только знали...

Наконец валерьянка подействовала, Ольга перестала дрожать и теперь неподвижно сидела, не поднимая глаз от поверхности стола и обхватив ладонями голову. Катя протянула подруге смоченное в холодной воде полотенце, чтобы приложить к опухшему лицу.

— А правда, ну чего ты расстроилась? — бодро утешала Лера, — кто тебя позвал туда, в комнату? Наша дорогуша. Кто знал, что ты там будешь? Опять она. Девочки, ну, вспомните, как нашей Ксюше досталось. А теперь она просто Ольге мстит за свой позор, когда Лелька ее высмеяла за завтраком. Стопудово, это она!

— Черт с ней, — вздохнула через силу Ольга, — стерва она и есть стерва. Я не поэтому плачу. Я ведь в Москву приехала специально, чтобы учиться у Пуховой...

Ольга рассказала подружкам всю правду о настоящей причине появления на проекте. Шокированные рассказом, помощницы только переглядывались и ахали.

— Зачем же ты, дурочка, сначала порвала билет, — недоумевала Ника, — а потом пыталась встретиться с Пуховой? Ты все-таки хочешь на тот проект?

Ольга слабо покачала головой:

— Я же сделала свой выбор: если я оказалась здесь, значит, судьба у меня такая. Сегодня я просто хотела доказать себе, что я могу, что у меня получается... и этому противному Цискареву...

— Девочки! — воскликнула Лера, — наша подружайка выбрала нас, а не танцы! Давайте ее качать! Лелька, we will rock you!

Всхлип Ольги, должно быть, означал попытку рассмеяться. Она подняла голову и попыталась улыбнуться подругам:

— Спасибо вам большое, что поддержали, — и опять разревелась, закрыв лицо ладонями.

Наблюдавшая за этой сценой Вера сначала кусала губы и менялась в лице; не выдержала и ушла, вернулась спустя полчаса немного более спокойная, таща за собой шлейф из знакомого запаха, которым Ольга уже была окутана: сколько она не пила валерьянки, а легче пока не становилось.

— Послушайте меня, дорогие мои, — неуверенным голосом начала Вера, — мы, конечно, сделаем все возможное, чтобы найти человека, который сделал все это. А сейчас у меня небольшой сюрприз. Сегодня, в пять часов приедет автобус, и вы все едете в ночной клуб. Там повеселитесь, и, я надеюсь, что вы, Оля, забудете про этот инцидент. Кстати, хочу всем напомнить о правилах приличия в клубе. С вами я не еду, так что слушайте свою старосту, Нику.

Видя, что «небольшой сюрприз» не произвел особого впечатления (присутствующие в знак сочувствия подруге не решились открыто выразить радость), Вера добавила, уходя:

— Кстати, эту вечеринку для вас организовали ваши друзья, с которыми вы познакомились неделю назад.

Руки повисли плетьюми.

Проклятая старость!

Макс, взбешенный, ходил по офису, не обращая внимания на двух системных администраторов, своих новых коллег. Он пытался дозвониться до Стрэна, Веры, Виктора, Димы — все телефоны, как назло, были «отключены». Тогда попытался сбежать, и едва показался в коридоре, как двое широкоплечих охранников, поставленных специально, лениво поднялись с места, — пришлось вернуться. В отчаянии набрал телефон друга, и тот приехал не мешкая.

— Ты думаешь, никто не знает, что там происходит? — Артур смотрел на изображение зеркальной комнаты. Ольга сидела у двери, на полу, и, закрыв лицо руками, прятала свои слезы, но по содрогавшимся ее плечам можно было предположить, что жертве провокации, мягко говоря, было невесело.

— Н-наоборот, все, с-сволочи, знают и сп-пециально ждут, — Макс не мог смотреть на Ольгу. — Придумай что-нибудь, чтобы я свалил отсюда. В-видел там двух к-качков?

— Заметил... А нафиг ее там закрыли?

— Ч-чтобы рейтинг сделать! — Макс стал опять прохаживаться по офису, от окна до двери, размахивая руками и ударяя кулаком по попадавшейся на пути мебели.

Артур сел за компьютер и заинтересованно стал путешествовать по сайту, переключаясь на разные камеры, анкеты, фото...

...Субботний выпуск ударной волной прошелся и по Максиму. Сначала за свое игривое поведение он получил от родителей. Пришлось долго и терпеливо доказывать всю серьезность своих намерений жениться на девушке, с которой познакомился всего две недели назад.

Затем состоялся не менее нудный разговор со Стрэном, которому пришлось прислушаться к мнению Маргариты Павловны и изолировать Макса от ходячих соблазнов в юбках.

— Я одного н-не могу п-понять, — вскипел Макс, — хотели, ч-чтобы я женился? Н-ну, я выбрал. Т-теперь все п-против.

— Да ты пойми, — продюсер, все еще истощенный морально после разборок с Маргаритой Павловной, — никто не ожидал от тебя такой резвости: а вдруг ты передумаешь, что тогда? Испортишь жизнь девушке — и все дела. Ты о ней подумай. Подожди еще месяц хотя бы.

— Ага, и в-вы сожрете ее за это время... — Макс стоял на своем изо всех сил.

Директор телеканала не решился привести довод, согласно которому проект должен немного себя окупить, и отпустить одну из перспективных участниц сейчас было бы неразумно с точки зрения финансов. Константин Стрэн просто заключил с Максимом устный договор: влюбленный сидит себе за компьютерами, наблюдает за своей благоверной двадцать четыре часа в сутки и ждет один месяц. Потом, если чувства влюбленных не остынут, продюсер лично напишет последнюю красивую страницу в этой истории — устроит парочке свадьбу. А вообще, ради родителей, не доверяющих такому быстрому выбору сына, Максиму стоило бы присмотреться и к другим девушкам на проекте, проверить, так сказать, чувства.

— Ск-сколько она должна зап-платить за неустойку, если сб-бежит с проекта? — Макс не отступал.

— Денег не много, но нам потом придется судиться. Адвокаты, суды, пресса,

нервы... — мечтательно ответил Стрэн.

И молодой человек сдался, в отчаянии схватившись за голову и чувствуя себя связанным по рукам и ногам паутиной Стрэна. В качестве бонуса за послушание продюсер разрешил Максиму изредка ездить в Дом, чтобы повидаться с Ольгой, но, под страхом «отлучения» даже от таких редких свиданий, запретил близко подходить к Николаевой, чтобы случайно не выдать все тайны о проекте, которые Макс узнал или узнает.

— Ты в курсе, что сегодня вечеринка в клубе «Калифорния»? — Артур утолил любопытство и, развалившись на вращающемся кресле, повернулся к Максиму.

— Знаю, н-но мне туда вход зак-казан, — Макс что-то писал на листе бумаги. — Даже если я п-пойду, мне придется т-танцевать с другими, и Оля обидится... Я н-напишу записку, а т-ты передашь ей. В-вот, держи.

Артур взглядом попросил разрешения взглянуть, развернул сложенный вчетверо листок, пробежал глазами:

— За это и меня изолируют. Может, на словах что-то передать? Я приглашу ее на танец и скажу.

— А т-то ты не знаешь, что сказать, — усмехнулся Макс, забрал лист, скомкал его, выбросил в мусорную корзину под стол и задумался. — Ладно, я н-найду способ. Ты забеги сюда к ч-четырем, я тебе передам п-послание...

57

Не складывай,

Прошу, свой веер желтый.

Оставь раскрытым.

Вдоль тротуара у ночного клуба «Калифорния», куда приехал автобус с участницами проекта «Десять золушек», стояло несколько иномарок, возле них, кучками по три-четыре человека, разговаривали молодые люди, хорошо одетые, явно хозяева припаркованных дорогих авто.

— Смотрите, все наши мальчики здесь! — простонала Светлана, отодвигая как можно шире на окне занавеску.

Ольга тоже потянулась к окну, но не увидела Макса и подумала с надеждой, что, возможно, он придет позже. Последний раз она была в подобном клубе года четыре назад, в Барнауле, когда вместе с друзьями отмечали первую успешно сданную сессию. При воспоминании о той ночи Ольга одновременно улыбнулась и поежилась. Конечно, было смешно смотреть на подвыпивших однокурсников, да и сама она была хороша. Напробовавшись разных коктейлей, она с трудом поднялась по лестнице общежития, нет-нет хватаясь за ступеньки и присаживаясь передохнуть. Разум был ясен, она, продолжая себя контролировать, не позволила себе наделать глупостей там, в клубе. Но тело не обманешь: оно жило своей самостоятельной от разума жизнью, выдавая такие кренделя, что более привычные к спиртным напиткам подруги не могли удержаться от смеха, а на следующий день обрисовали в красках, как выглядела со стороны их целомудренная подруга-зануда.

С тех пор Ольга сама себе дала зарок не напиваться в обществе, ни под каким предлогом. А поскольку трезвому на пьяных смотреть смешно и противно, то вообще исключила из списка развлечений посещение клубов, вечеринок, дней рождений, свадеб, и, заодно, похоронных поминок. Поприсутствовав для вида, совсем недолго, уходила, не испытывая угрызений совести от едких и обидных слов хозяев праздника или друзей, как то: «Ты меня не уважаешь», «Я обижусь, если ты уйдешь», — и им подобных фраз, с помощью

которых одни люди манипулируют другими. И то сказать — что за радость потерять над собой контроль и получать удовольствие от расплескивающих спиртное трясущихся рук и ног, не попадающих в обувь!

Поэтому, захмелев от первого же принесенного Никой коктейля, Ольга стыдливо отодвинула фужер с бумажным зонтиком и стала обмахивать пылающее лицо салфеткой:

— Боже, какая я пьяная! Что в этом коктейле?

Сидящие за столиком Артур, Ника, Олеся и Данил, друг Артура, дружно рассмеялись.

— А ты еще не пьяная? — Артур посмотрел на Нику.

— Я ей говорила: «Пообедай!», а она все «нет» да «нет», — объяснила Олеся молодым людям, — конечно, на голодный желудок выпить...

— Я принесу больше закуски, — Артур встал и пошел к бару.

Ника улыбалась, глядя, как Ольга пытается быстро протрезветь, обмахиваясь салфеткой:

— Ничего, Оль, с горя можно расслабиться.

— У нас так полстраны спилось, — Ольга покинула компанию.

В уборной она умылась, постояла немного перед зеркалом, а возвращаясь к друзьям, попросила у бармена сок и оставшийся вечер, не поддаваясь на уговоры, пила только его.

Спустя какое-то время, когда Ника ушла за столик к Лере, Артур переключил свое внимание на Ольгу, принес небольшую коробочку из машины:

— Это тебе, с прошедшим Днем рождения!

— Откуда ты знаешь? — удивилась Ольга, не вскрывая упаковку.

— А я и не знал. Это от Макса. Просил передать.

Ольга хотела было сказать, что уже получила от него подарок, но промолчала. Над столиком бра освещало небольшое пространство, поэтому, чтобы рассмотреть содержимое коробки, Ольга высыпала предметы на стол. Артур развеселился, разглядев нелепый ассортимент:

— Это что, набор для любовных утех?

На столе лежали: бутон живой красной розы на короткой ножке и слегка увядшими лепестками, детская трубочка-калейдоскоп, пара наручников, опять же из детского набора игры в полицейского, и небольшая карточка. Ольга покраснела, сгребла все, кроме розы, назад в коробку и ушла рассмотреть «подарки» на свет, пообещав ухмыляющемуся Артуру скоро вернуться.

В туалете было светлее. Находившаяся там Наташа заметила, как Ольга выкладывает на полку предметы, подошла, слегка покачиваясь:

— Что это за игрушки? Кто тебе их дал?

— Не важно, — Оля подняла глаза на подругу. — Как ты сказала? «Игрушки»?.. Ну конечно!

Все стало понятно. Ольга более внимательно взглянула на послание от Макса, повертела в руках каждый предмет и уже хотела выбросить коробочку, но что-то заметила на ней, потянула подарочную обертку вниз. На самой коробке были нарисованы раскрытые губы, перечеркнутые маркером. Улыбнувшись изобретательности Макса, Ольга выбросила все, кроме розы и калейдоскопа, в мусорку и вернулась за столик к Артуру, по дороге придумав ответ:

— Передай Максиму спасибо за подарок, скажи, что у меня все в порядке, только с часами проблемы: боюсь, что батарейки хватит максимум на неделю. Если он не передаст новую, придется часы выбросить. Да, кстати, спасибо тебе.

— Спасибо не отделаешься, — Артур поднялся из-за столика, — потанцуем?

В этот момент за их спинами послышались аплодисменты и выкрики. Ди-джей объявил начало развлекательной программы. К шести-пилону на сцене поднялась девушка в ярком костюме, заиграла музыка, и стрип-пластика завладела вниманием и танцующих пар, и сидящих за столиками.

— Макс говорил, что ты классно танцуешь, — Артур обошел стол, потому что Ольга смотрела не на него, в сторону сцены, и сел рядом, — а как она, сможешь?

— Без тренировки — нет, но я как-то из любопытства пробовала изобразить нечто подобное... Не смотри, пожалуйста, на меня такими глазами! Стрип-дэнс это тебе не стриптиз, а абсолютно разные вещи.

— Я не знал. Жалко, что ты не в форме, я бы хотел увидеть...

После первого стрип-танца ди-джей позвал гостей вечера танцевать и предупредил, что скоро начнутся конкурсы. А в зале бурлило веселье: Маслова переходила от столика к столику, предлагала выпить за дружбу, за проект, за всех золушек вместе взятых и каждую отдельно, за их помощниц, за здоровье организаторов проекта, за прекрасный вечер... Подошла ко всем столикам, кроме того, за которым сидела Ольга с Артуром.

Наконец Масловой показалось скромным работать без микрофона. Она, как профессиональная тамада, подключила к своей индивидуальной программе ди-джея, чем существенно облегчила работу конференсье по имени Константин.

Захватив-таки в личную собственность микрофон, первое, что предложила неугомонная Маслова, был «медленный танец чувств». Артур настоял и пригласил Ольгу.

— А Ника не будет ревновать? — Ольга с тоской наблюдала вокруг себя пьяную вакханалию.

— С чего ей ревновать? — Артур мягко взял партнершу за талию, — мы всего лишь учились в одной школе. Тем более что она уже танцует с другим.

Словно по иронии судьбы зазвучала мелодия, под которую в зеркальном зале неделю назад обнимались влюбленные. От Артура пахло той же туалетной водой, что и от Макса, и Ольга закрыла глаза, вдыхая знакомый запах. Ей было стыдно признаться в своей слабости, но, в конце концов, обнимающий ее партнер не мог подслушать чужие мысли. Ей так казалось. Но Артур почувствовал эти флюиды, получая удовольствие от прижавшейся к его плечу голове и пальцам, гладящим плечи.

— У тебя сегодня день рождения? — Артур был доволен: из зала Ника показала ему большой палец.

От голоса, задавшего вопрос, партнерша пришла в себя, извинилась и отстранилась.

— Вчера было, но сегодня это не имеет никакого значения, — ответила нехотя.

— Почему я ничего не знал? Каюсь, Макс сказал мне слишком поздно. Но я исправлюсь, — он помолчал. — Я приглашаю тебя в кинотеатр, театр, кафе, ресторан... Куда бы ты хотела пойти?

— Никуда.

— И все же? Нет, кинотеатр и театр не пойдет, — Артур рассуждал, — там не поговоришь. Ресторан отпадает: ты не пьешь, а ради шашлыка даже ко мне не приехала. Может, в зоопарк?

— В тюрьму для животных? Прекрасно!

— Тогда в цирк.

— Там за еду заставляют несчастных животных ходить на задних лапах. Я согласна на

цирк, только если законы природы восторжествуют, и какой-нибудь лев опомнится и сожрет дрессировщика.

Артур засмеялся:

— Макс не говорил, что у него такая кровожадная подруга.

— Я не кровожадная, я — за справедливость. Чем провинились животные, что вынуждены терпеть унижения от человека, который сам не научился разумно пользоваться природой?

— Норковое манто отпадает... Значит, ни цирка, ни зоопарка, ни выставки собак и кошек...

— Последний вариант мне нравится больше: кошкам и собакам повезло.

— В чем это?

— Мне кажется, между ними и человеком особое соглашение, иногда мы даже зависим от них.

— Каким образом?

— Это же ясно, как божий день: собака охраняет наше жилье и нас самих от других людей, а кошка — от мышей, которые воруют наши запасы.

— Сплошной рационализм...

— Если бы не существовало этого рационализма, мы бы не превратились из обезьяны в человека.

— Значит, не Бог, а Чарльз Дарвин?

— Я же не про всех говорю. В ком-то видно произведение Создателя, а кое-кто до сих пор находится на стадии Гомо Сапиенса, или иногда впадает в нее, подтверждая тем самым теорию Дарвина, — Ольга кивнула на пьяненькую золушку Аллу Левицкую, неестественно повисшую на партнере.

— Я теряюсь в догадках, куда можно пригласить такого скептика.

— На лекцию профессора философии, — усмехнулась Ольга. — Но я была бы не против и дельфинария.

— Там тоже дельфины зависят от человека.

— Но у них многому стоит поучиться. Умению играть и веселиться без всякого спиртного, например. К тому же общение с дельфинами, я слышала, помогает детям с заболеванием центральной нервной системы.

— А, я забыл, что разговариваю с будущим доктором, — Артур вдруг вспомнил о друге, — кстати, а что означают безделушки Макса?

Ольга подумала, осторожно подбирая слова:

— То... что он помнит меня.

— И все?

— И все. Давай послушаем музыку: очень красивая... — Ольга устала говорить, звуки напоминали ей о любимом, а Артур отвлекал.

Оставалось несколько аккордов до конца мелодии, и вдруг она заиграла с самого начала. Ольга с благодарностью подумала о подарке судьбы: еще пару минут она могла думать о Нем и словно быть рядом с Ним, с Его запахом. Неожиданно на весь зал прогремел голос Масловой:

— Объявляется конкурс на самый долгий поцелуй! Приз победителю — фирменный утюг!

Артур отстранился, поднял за подбородок голову расслабленной Ольги и прижался

губами к ее губам. Это было внезапно, и все же чужой поцелуй не обманул — Ольга оттолкнула Артура и дала ему с размаху пощечину:

— У тебя дома утюга нет? — подбежала к столику, подхватила свою курточку и выбежала из клуба на улицу, оттолкнув по пути еще и охранника, стоявшего у двери.

— Господи, да за что же мне это! — она пыталась отдышаться ночным воздухом, более свежим и прозрачным, чем в помещении.

— Девушка, вернитесь назад! — ее за локоть взял тот же широкоплечий охранник.

Ольга осмотрелась: неподалеку стояло несколько мужчин, один из них был водителем автобуса проекта «Десять Золушек».

— Сергей Анатольевич! — Ольга вырвала локоть из пальцев охранника и побежала к водителю, — Сергей Анатольевич, откройте, пожалуйста, автобус.

— Что, уже натанцевались? — с надеждой спросил мужчина, выбрасывая полсигареты в мусорку, — скоро выезжаем?

— Я не знаю. Можно я посижу в автобусе, подожду там своих? Пожалуйста! — Ольга сложила молитвенно руки.

— Пожалуйста, — водитель удивился и направился к своему автобусу, — а вы там не замерзнете?

— Нет, я тепло одета, — Ольга показала язык охраннику.

Тот что-то пробормотал в рацию, дождался ответа и сделал равнодушное выражение лица, обращаясь к девушке:

— Только никуда не выходите из автобуса, ждите своих.

Водитель открыл двери, Ольга поблагодарила его, прошла в салон на свое место, где сидела рядом с Никой, когда ехала в клуб, откинула немного спинку и попыталась устроиться. Вздыхая и думая о Максе, она постаралась задремать, чувствуя легкий остаток хмеля в голове.

58

Крепкое сакэ.

Назойливых и наглых мух

Нет сил прогнать.

— Ай, как же ты меня напугала! — Ника вздрогнула, когда, подойдя к своему месту, увидела шурившуюся от включенного света подругу, — ты когда успела здесь оказаться? Артур тебя везде искал.

— Я из-за него сбежала, — Ольга потянулась, — а вы почему такие мокрые?

— А ты почему сухая? — за Нику ответила проходящая мимо Арина. — Где ты была?

— Она в автобусе просидела, — Ника разозлилась не на шутку, — мы не достойны ее компании.

Ольга опешила:

— Ника! Я что, должна весь вечер терпеть приставания твоего знакомого?

— Подумаешь, поцеловал один раз...

— Девочки, не ссорьтесь, — сказал рядом пьяный голос Леры, — Лелька права: таким хамам нужно в морду давать... Но мальчик он такой хорошеньки-и-ий. Я бы не отказалась...

Ольга ахнула:

— Лера — пьяная! Ты зачем так напилась?

— А я и не напила-а-ась, — Валерия затянула знакомую мелодию и привычно громко расхохоталась, а все в салоне тут же поддержали шутку смехом.

— Если бы ты видела, как Лерка отплясывала, — пока автобус не тронулся с места, Арина, чье место было позади Ольги, привстала и наклонилась вперед, — Никуся даже не смогла ее удержать... Как я хочу горячего чаю!

Ольга поежилась: она немного продрогла в автобусе и сама была не против:

— Давайте, приедем — попьем? А, Ника?

— Не хочу я с тобой разговаривать, предательница! — подруга демонстративно отвернулась.

Перед сном на чаепитие собрались и золушки, и помощницы. Как самой трезвой Ольге пришлось всех обслуживать. А заодно, скрепя сердце, отнести на разносе чашку кофе в комнату к утомленной Масловой, отказавшейся присутствовать со всеми на кухне.

Было удивительно и странно то, что, когда Ольга поставила разнос перед своей хозяйкой-на-неделю, та будто бы хотела что-то сказать, но промолчала, лишь кивнула головой, благодаря за услугу. Кроме того, Малова выглядела усталой и трезвой. «Или она такая, когда напьется?» — невольно продолжая думать о ясном взгляде «дорогуши», Ольга вернулась к шумной компании.

Из обсуждений медленно трезвеющих участниц проекта стало понятно, что вечеринка больше, чем удалась. В процессе участия в конкурсной программе несколько девушек так «набрались», что были готовы на любой подвиг. Особо отличившиеся три золушки: Елена, Алла и Александра ради сладкого приза показали на сцене эротический танец любви. От них не отстала и Лера: после того, как с потолка стала падать пена, похожая на снежные хлопья, хохотушка забралась на сцену к Масловой, объявившей новый конкурс — на самое лучшее караоке — и скверным голосом пропела, вернее, прокричала песню на украинском языке. А Светлана целовалась под эту песню и всеобщий хохот со всеми подбегавшими к ней молодыми людьми.

— Как в анекдоте: «Ничего себе я сходила за хлебушком!» — Ольга с ужасом слушала хихикающих пьяненьких подруг и подумала о том, что через несколько часов жюри вынесет свой вердикт, который будет явно не в пользу «Аликов»; но промолчала, решив никого не расстраивать раньше времени.

Будто прочтя Ольгины мысли, утром в Дом приехали Стрэн, Вера, Карина Собак, и с ними — двое неизвестных импозантных мужчин. Продюсер вместе с Верой заглянул в столовую, где пили кефир золушки, несколько растрепанные и с заспанными лицами. Ольга, вместо Светланы дежурившая на кухне, покраснела от одного появления Стрэна, поздоровалась и сделала вид, что очень занята. Продюсер удалился, беседуя с незнакомцами и показывая им дом; вернулся через полчаса, когда завтракавших золушек сменили помощницы; сказал так же несколько многозначительных фраз и опять исчез.

— Ой, девочки, чувствую печенкой, что-то сегодня будет, — занервничала первой Олеся посреди тишины, возникшей вместе с появлением Стрэна.

59

Друзьями брошен,

Словно потерял случайно

Свой талисман.

Руководствуясь всего одним пунктом контракта, гласящим о недопустимости фривольного поведения на проекте, на любой его территории, жюри «Десяти Золушек» отправило домой сразу пять девушек: золушек Елену Синицкую, Аллу Левицкую и Александру Сергееву; вместе с ними уехали рыдающая Светлана и Лера-Валерия, нашедшая

и в такой грустный момент повод для шуток. Плакала взхлеб чувствительная Олеся, обнимая ставших близкими за три недели подруг. Ника не выдержала прощания и убежала в дом.

— Нам будет очень не хватать тебя, — Ольга, которая не могла больше плакать после рыданий минувших дней (родник слез иссяк), обняла Леру, чувствуя колючий ком в горле, — а я, как я, без тебя, моего деда, теперь жить буду?

Лера всхлипнула, это было так на нее непохоже, она словно хотела задушить в объятиях подругу, но справилась с эмоциями и тихо рассмеялась:

— Ой, бабка, не плачь: вам и без меня будет весело. Я чувствую, ты им всем дашь жару. Я никогда не забуду лиц, когда ты сказала, что хочешь уйти вместо меня. Умора! Забегались, как суслики осенью, — увидев улыбку на лице Ольги, Лера добавила довольно, — спасибо тебе за поддержку, давай, держись, найди себе тут богатого жениха, утри им всем нос...

Лера протянула руки и постаралась обхватить как можно больше столпившихся возле нее подруг:

— Пока, девчонки, пишите! Вылейте за меня нашей дорогуше как-нибудь чай на голову...

— Я тебе лично обещаю, — рассмеялась сквозь слезы Ольга.

Владимирыч стоял у ворот, качая, как будто неодобрительно, головой, однако не делая попыток загнать назад, на территорию особняка, всех девушек, высыпавших провожать отлученных. Неизменный автобус с розовой надписью и сказочной иллюстрацией увез пятерых девушек, и остальные побрели назад, вытирая слезы, словно проводив в последний путь лучших подруг. За их спинами, когда ворота уже закрывались, остановился небольшой фургон. Из него вышел рассыльный с букетом цветов:

— Э-эй, подождите, не закрывайте! — он подбежал к Владимирычу, — здесь находится проект «Десять Золушек»? — получив утвердительный ответ, протянул букет и квитанцию, — примите цветы на имя Николаевой Ольги.

Кто-то из идущих последним услышал это, и несколько человек остановилось. Это не был букет от Макса. Однажды подарив красные розы, он неизменно выбирал эти цветы, не потому что они ему нравились больше остальных, но для того, чтобы возлюбленная начала узнавать его немые знаки.

В сердцевине букета из белых королевских лилий находился конверт с запиской. Наташа, Маша и Олеся вытянули шеи, пытаясь через плечо смущенной Ольги заглянуть в развернутый лист. Наташа прочитала негромко вслух:

— «Ты словно печальная луна на ночном небе осветила мрак моей жизни!! Я влюблен и жажду встречи!!!!!!!!!! С прошедшим Днем Рождения любимая!!!!!!!!!! Твой Принц, А. К.!!!»
Ничего себе! «А.К.» — это кто?

— Наверное, Артур Карамзин, — Олеся с завистью обняла Ольгу, — хоть одна хорошая новость за день.

— Если это его рук дело, то он обычный двоечник, — проходя мимо мусорных баков, Ольга хотела было выбросить записку, но передумала. Вместо этого она нашла грустную Нику, с которой после вчерашней встречи так и не разговаривала, протянула подруге записку:

— Ника, скажи мне, пожалуйста, ты ничего не говорила Артуру про мою систему имен?

— Какая еще система? — блондинка вытерла мокрое лицо, прочитала записку и хмуро подняла глаза на Ольгу.

— Помнишь, я тебе как-то рассказала по секрету про систему мужских имен в моей жизни: на «к», «с» и «а»?

— Ну, помню, и что?

— Как «и что», Никуся? — Ольга села рядом, — не нужен мне твой Артур, понимаешь? Я люблю другого, и черт с ними, с этими совпадениями. Я же вижу, что ты ревнуешь.

Ника холодно посмотрела говорящую, встала и сделала вид, что приводит в порядок свои вещи в шкафу.

— Ника, ну пожалуйста! Что я такого сделала? Не пила вместе с вами? Так я вообще не пью в толпе, потому что боюсь себя. И не танцевала я, потому что никакого настроения не было. А Артур сам меня поцеловал, вот тебе крест, я не хотела... Никуся!

Подруга смягчилась, вернулась к Ольге, продолжая держать в руках сложенную вчетверо кофточку:

— Да, я сказала Артуру про наш разговор, но это вышло как-то случайно, — Ника отложила кофточку и с хищным блеском в глазах взяла Ольгу за плечи, — а он тебе не говорил про свое предсказание?

Ольга поморщилась:

— Что женится на девушке с нитками в волосах?

— И что его жену будут звать Оля, как и тебя! Ты обязательно должна использовать этот шанс: ты ему очень нравишься, плюс — он богатый и симпатичный. Дай ему шанс!

— Сбывается только то, во что веришь. Я уже выбросила из головы всю эту хиромантию. А вот тебя я что-то я никак пойму, — удивилась Ольга, — ты меня ревнуешь или нет?

— Глупая! Я тебе желаю счастья, — Ника опустила глаза и вздохнула, — я тебе просто завидовала.

— Никуся, — простонала Ольга, обнимая подругу, — ты такая хорошая... Но я правда с ума схожу по Максиму, я умираю, как хочу его обнять, поцеловать. И не нужен мне никакой богатый и красивый Артур, будь он трижды суженым. Я уже нашла свою судьбу, помнишь: «Но я другому отдана и буду век ему верна»?..

— Дура! — Ника зло топнула ногой, — я тут распинаюсь, а она... Твой Макс... ты знаешь... ужасный бабник! У него до тебя таких... наивных... миллион был!

— Ну и пусть!

— Вот дура! — Ника, психуя, бросила кофточку в угол, — будет поздно — потом не говори, что я тебя не предупреждала.

— Я тебя не узнаю, — шокированная приступами гнева, столь не характерными для миролюбивой подруги, Ольга удивленно следила за перемещениями той по комнате, — зачем так злиться? Как будто ты несешь ответственность за мою судьбу.

В комнату заглянула Олеся:

— Оль, спустись-ка вниз. Там Артур пришел и принес еще один букет.

Ника широко развела руки перед Ольгой.

60

За всю рыбалку
Один случайный рак.
В реке нет рыбы.

Артур удивился, когда ему сказали про букет белых лилий, посланный от его имени, и записку. Молодой человек поклялся, что ничего подобного не делал. «Но Макс тоже до такого не додумался бы!» — подумала Ольга, принимая из рук гостя букет с экзотическими цветами.

Слово за слово и всем стало известно о прошедшем Ольгином дне рождения, а так же о предложении Артура в качестве подарка съездить на следующей неделе в дельфинарий. К беседе в фойе присоединилась Вера. Она искренне удивилась новости и без раздумий разрешила отпустить Ольгу.

Артур уехал, в доме опять восстановилось субботнее равновесие апатии и скуки. Ни Вера, ни золушки — никто не заставлял помощниц работать. Оставшиеся шесть претенденток на победу после отбытия сразу трех конкуренток еще находились в шоковом состоянии, да и сама Маслова вела себя тихо: целый день читала книгу в своей комнате, а вечером лениво отправилась в бассейн поплавать и даже не попросила Ольгу, сама взяла с собой бутерброды, сок. Понемногу за ней подтянулись другие золушки, Нинель пригласила помощниц присоединиться, но без зажигающей настроение Леры все было не то — помощницы отказались.

В воскресенье, чтобы уединиться со своими мыслями, Ольга мыла лестницу — территорию, значившуюся за Лерой. Работала, привычно закрыв слух наушниками и размышляя о подтексте ответа Веры на вопрос Кати, почему ушло трое золушек и только две помощницы: мол, работы слишком много, чтобы выгонять всех незаслуженно. «Игра, всего лишь игра, — повторяла себе Ольга, мысленно пообещавшая ушедшим подругам связаться с ними, как только выпадет возможность. — Все равно, никто никогда здесь, в Доме, не скажет правды и не объяснит, что на самом деле происходит». Макс намекнул на постоянное наблюдение, когда положил в «подарочную» коробочку рекламу круглосуточного интернета. Стало понятно, что тайные утренние занятия Ольги танцами были на всеобщем обозрении, «по секрету всему свету». А значит, больше этим она заниматься не будет, во всяком случае, пока, — сделает вид, что скорбит по «черной пятнице» и отлучению от Дома молодого оператора.

И случившееся в пятницу, и подсказка от Макса — все вело к тому, что Ольга зачем-то нужна проекту, поэтому ее не хотят отпускать, специально задерживают. Возможно, из-за Макса, а возможно, есть и другая причина. Переважив информацию, полученную из коробочки с безделушками, Ольга решила проверить свое предположение. Почти на всех реалити-шоу, которые она видела, был случай, когда находился желающий уйти вместо друга, — и никогда дирекция шоу не препятствовала такому душевному порыву. Ну а со стороны девушки, запертой в зеркальной комнате, это был еще и протест против грязных игр на проекте.

Она совсем не удивилась именам, прозвучавшим из уст Карины Собак в субботу, когда

все были собраны на очередной «разгон». И когда к выбывающим нерешительно хотели броситься на шею остающиеся счастливчики, она, Ольга Николаева, уверенно шагнула вперед и достаточно громко заявила, что хотела бы уйти вместо Терентьевой Валерии. Не Светланы Мальковой, хотя Ольга тоже ценила эту девушку как подругу: просто Лера была душой компании помощниц, с ней было весело, и лишить работниц этого приятного бонуса в Доме было бы слишком жестоко.

От заявления Ольги растерялась как самоуверенная Карина Собак, так и Вера. последняя тут же торопливо покинула компанию, видимо, чтобы посоветоваться с дирекцией. Никто из золушек не решился повторить подвига Николаевой, пожертвовать собой ради подруги, и в установившейся тишине все ждали ответа Собак, а она молчала, беспомощно переводя взгляд с Ольги на Леру. Через минуту ведущая справилась с собой, поправила микрофон в ухе и, вернув на лицо сухую улыбку, ответила, что такой поворот невозможен по двум причинам: во-первых, Терентьева уходит за провинность, нарушение норм поведения; и, во-вторых, контрактом не предусмотрена замена проштрафившихся на добровольцев. Ольга попробовала возразить, но Собак резко оборвала ее и завершила съемку фразой: «У вас двадцать минут, чтобы собрать свои вещи!» — словно бы возмущенная непослушанием, вышла из помещения, не желая никого слушать.

Что и требовалось доказать. Забавность этой ситуации, похоже, признала одна Маслова. Ухмыляясь больше обычного, она вышла вслед за ведущей, мельком бросив взгляд на Ольгу, на лице которой отражалась смена неопишуемой гаммы чувств, ежесекундно, — от смущения до негодования.

И все же, как бы то ни было, Ольга теперь знала, как гарантировано можно уйти с проекта: Собак сама подсказала эту мысль. Что ж, если будет совсем туго, если «батарейка» совсем сядет и если Макс одобрит эту попытку, Ольга обязательно использует шанс. Вот она, лазейка в контракте. Неприятная, как если бы совершать побег через канализацию, — но все-таки выход. В том случае, естественно, если подозрения оправданы, и ее держат в «заложниках».

Сам Макс, очевидно, находится в не менее затруднительном положении и не может быть здесь, иначе бы не положил в коробку игрушечные наручники, над которыми едко посмеялся Артур. Так что единственное, что Она может пока делать — молчать: никому нет доверия. Просто ждать...

— Можно присесть? — рядом с Ольгой, вручную протиравшую лестничные ступени, присела Нинель.

Ольга убрала наушники:

— Ты что-то хотела?

— Знаешь, я тут совсем с ума схожу: соскучилась по домашней работе, — Нинель мило улыбнулась, — разрешишь поработать с тобой вместе?

— Спроси сначала у Карины или Веры, можно ли. Но в любом случае, спасибо.

— Ладно, я пойду, спрошу, — Нинель наклонилась, положила рядом с мокрой тряпкой маленькую бумажку, выразительно посмотрела в глаза Ольге. — Достается же вам: кто-то мусорит, а кто-то должен убирать... Я еще приду.

Колобова пошла вверх по лестнице, не оборачиваясь. Ольга осторожно развернула увлажнившийся клочок бумаги. «Я буду вашим посредником», — там было написано мелким почерком. Ольга улыбнулась и бросила бумагу в ведро с водой, растворяясь. Сегодня у нее появился союзник. Это уже было хорошо.

Рябит в глазах

От головастика в воде.

Пятое мая.

Понедельник, которого по обыкновению ждали для получения нового творческого задания, с самого начала разочаровал золушек. Встреча с Кариной Собак состоялась скромно, в будней столовой на первом этаже. Сюда пригласили не только всю компанию Масловой, но и помощниц, вместе с Верой. Ведущая после стандартных приветствий, без предисловий, извинилась за неожиданные изменения в планах проекта:

— На этой неделе планировалась подготовка к подиумному показу новой коллекции свадебных платьев от модельера нашего проекта, Ираклия Иванко. Но мы были вынуждены откликнуться на просьбу одного из подмосковных частных детских домов — приютить до пятницы детей. Ребята будут жить здесь с завтрашнего дня до пятницы. Нужно будет сегодня подумать над их расселением.

— Разве нельзя совместить подиум и детей? На подиуме нам помощь не нужна, — за переглядывающихся золушек подала голос Маслова.

Собак покачала головой:

— Нет, девочки. Детей будет около девяти человек, помощницы (кажется, семеро вас осталось?) одни не справятся. Настало время вам, дорогие мои золушки, помочь своим помощницам. Собственно говоря, в связи с этой ситуацией мы не стали распределять пары. Всеобщая задача — создать максимальный комфорт для наших маленьких гостей, пока у них дома идет капитальный ремонт.

— Ребята самого разного возраста, от пяти до четырнадцати лет, — с места Вера зачитывала записи в своем блокноте, — трое мальчиков и пять-шесть девочек. Мы разместим малышей по вашим комнатам, и старшему я предоставлю свою комнату.

— Отлично, давайте посмотрим, у кого есть свободные кровати, — Карина вопросительно посмотрела на девушек, кивнула Вере, чтобы та приготовилась записывать...

— Вот это фокус! Сюрприз за сюрпризом. Если нет задания — выходит, не будет и вылетов в субботу?

Наташа никак не могла прийти в себя после установочного собрания. Сегодня по столовой были дежурные Ника с Ольгой, а где бы ни была Ника, рядом всегда обсуждали самое злободневное. С помощницами остались Ирэн Артисян, Виктория Шаповалова и конечно, Нинель, которая за последнее время сблизилась со всем обслуживающим персоналом, включая Владимирыча, и старалась не пропускать групповых бесед.

— Кто тебе сказал, что задания не было? — Ирэн сама додумалась до ответа, — сказали же, что нужно нормально встретить детей.

— Обалдеть! — дошло до Наташи, — это теперь вас будут проверять на любовь к детям, что ли?

Арина вдруг засмеялась, запрокинув голову:

— Я представляю, как Маслова будет строить бедного ребенка, которому выпадет счастье жить с ней в одной комнате!

Остальные засмеялись, кроме Ирэн:

— Зря смеетесь. Между прочим, она очень даже обрадовалась, когда узнала о детях.

— По ней было видно, — скептически усмехнулась Катя.

— А что ей переживать? Это нам больше работы будет, — Олеся чистила картошку,

помогала подругам готовить обед. — Нам нужно продумать меню и культурную программу. Неужели не разрешать сводить детей в зоопарк или цирк? Целую неделю в Доме дети не выдержат. Или разнесут тут все. Хотя, лично я, жду детей с нетерпением: ужас как хочется кого-нибудь помучить, зацеловать.

— Я уже поговорила с Верой. В четверг, как мы планировали с Артуром, ходим в дельфинарий все вместе. Вера сказала, что забронирует для нас пару часов, — заговорила Ольга.

Приезд детей был для нее очень удобным поводом не оставаться с Артуром наедине.

— Лелька! Ты отказалась от свидания! — Ирэн округлила свои большие красивые глаза.

— Ничего, пусть ухаживает за мной при свидетелях, — цинично отпарировала Ольга.

Катя полезла в кулинарную книгу, искать блюда, подходящие для детей, а Нинель напросилась в секретари. В самый разгар обсуждения пятничного праздничного меню на кухне возникла Карина Собак с таинственной улыбкой Моны Лизы:

— Девушки, у меня для вас сюрприз.

— Еще один? — буркнула Маша, скучавшая и не принимающая участия в спорах.

— Почему еще? — ведущая нашла свободный стул и подседа к столу, — я не хочу ждать, пока все соберутся, так что вы, Нинель, Вика и Ирэн, передадите другим новость. Наши пользователи сайта синдерелла-точка-ру предложили интересное задание. Как только мы выложили свою новость на сайт, вашим виртуальным наблюдателям показалось несправедливым тратить одну неделю просто так. Поэтому в пятницу для наших маленьких гостей вы показываете сказку. А чтобы было интереснее, одну сказку инсценируют золушки, другую — помощницы. Репетировать будете по очереди, договоритесь сами. Реквизит постарайтесь выбрать максимально простой, но костюмы мы вам найдем, договоримся с каким-нибудь театром. Судьями будут дети. Как вам идея?

— Я даже знаю, какая сказка будет у золушек, — Катя многозначительно кашлянула, уткнувшись опять в поваренную книгу.

62

Моим жалобам

Внимал Курамский монах.

Долгий вечер.

Вместо совета — посох

И слово «поторопись»...

Леонид, мальчик четырнадцати лет, был старшим в компании приехавших утром девяти детей, и Ольга сразу обратила на него внимание: очень уж внешне он был похож на вундеркинда Васю, такой же длинный и худой, с носом, усыпанным веснушками, и серыми глазами, принимавшими стальной оттенок, когда их хозяин был зол или недоволен.

Пока девушки щебетали и знакомились с маленькими гостями, Леонид стоял с видом маленького скучающего старичка, то скрестив руки на груди, то засунув их в карманы джинс. В то время как малыши ахали от восторга, осматривая Дом и его сокровищницу удовольствий — цокольный этаж, он не выразил никакой эмоции и даже позевывал, словно такая архитектура и дизайн были для него привычным делом. Несколько раз подросток с досадой пытался поймать быстрый взгляд наблюдающей за ним девушки с косичками (Леонид не запомнил имени), но та слишком ловко отводила глаза, словно и не смотрела на угрюмого гостя. Лишь один раз слабая улыбка и секундный блеск в глазах разморозили лицо, когда та же девушка привела его в отдельную комнату и небрежно сказала, что до пятницы

он здесь хозяин. Леонид обрадовался и тут же спохватился: опять Эта пялилась на него — замкнулся, надел на лицо прежнюю маску уставшего взрослого.

Разозлившись на самого себя за случайную слабость, он грубо ответил на вопрос, не нужно ли чего: «Хочу, чтобы все от меня отстали». И больше не вышел из комнаты, пока малыши купались в бассейне (девушкам пришлось переоблачаться в купальники и лезть в воду, следить за гостями, плещущимися с надувными баллонами), потом пообедали и «растеклись» по комнатам для дневной сиесты. В Доме сразу растворился ад из звуков, и теперь, в настоящем раю, он в одиночестве сидел в плавках на краю бассейна и болтал задумчиво ногами, создавая небольшие волны.

Блаженство испортила Эта, она тихо вошла с перекинутым через плечо большим полотенцем и с разносом в руках, на котором стоял стакан сока, тарелка с бутербродами, поставила рядом с Леонидом разнос, разулась, села рядом, подложив под себя сухой стороной кусок цветного пенопласта, и тоже опустила ноги в воду:

— Здесь почти два метра с этой стороны, ты умеешь плавать?

— Не бойтесь, не утону.

— А я не умею, поэтому не плаваю здесь, только так прихожу иногда посидеть. Ты жалеешь, что сюда приехал?

— Я? Нет. Здесь классно.

Ольга протянула мальчику стакан сока:

— Я тоже, когда сюда приехала, то решила, что попала в сказку, хотя здесь приходится много работать, почти нет времени побыть одной. Но тебя, конечно, никто заставлять не будет, так что можешь спокойно отдыхать. Дома у тебя есть своя комната?

Мальчик покачал головой.

— Наверное, это тяжело целый день терпеть возню своих братьев и сестер.

— У меня только один брат, Ваня, остальные — приемные, — Леонид с облегчением подумал про себя, что, возможно, общение с Этой будет не таким уж неприятным.

— Да, вы с Ваней похожи, я заметила. Чем он болел в детстве? — Ольга сразу забрала в свою комнату, где пустовали кровати Светы и Леры, малыша лет восьми, неестественно передвигающегося, вместе с другим мальчиком, такого же возраста.

— Его машина сбила. Он чуть не умер, родители ходили в церковь и там решили взять из детдома ребенка, если Ваня выживет... — Леонид подумал секунду, стоит ли откровенничать, не сдержался и добавил ядовито, — а потом понеслось...

— Что ты чувствовал, когда узнал, что твой брат выжил?

Подросток мощной пружиной вскочил на ноги и закричал:

— Что вы все лезете ко мне с этой жалостью? Достали все уже! — стал натягивать штаны.

— Да подожди же! Что случилось? Не уходи, я просто хотела с тобой поговорить!

— А если я не хочу ни с кем разговаривать? — он взмахнул руками, глядя злыми, почти бесцветными глазами на девушку, которая спокойно, будто смеясь над ним, вытаскивала какой-то ремешок из-под воротничка.

— Я дверь на ключ закрыла, чтобы спокойно поговорить с тобой: я же вижу, что тебя что-то беспокоит.

— Ты мне не мать! — Леонид еле сдерживался, чтобы не забраниться.

Мальчик побежал к двери и забарабанил кулаками. Ольга вздохнула, покачала головой, аккуратно положила кожаный ремешок, за сохранность которого так переживала Вера, на

отодвинутый от края бассейна разнос.

— Выпустите меня, иначе я сам не знаю, что сделаю! — Леонид повернулся к Ольге.

— Ладно, извини. Я была неправа. Возьми ключ, я обещаю, что больше не полезу к тебе с расспросами! — она, оставаясь сидеть на краю бассейна, криво наклонилась, чтобы достать из кармана ключ, и не удержалась, упала в воду, ушла под воду с головой, вынырнула и неловко захлопала руками по воде. — Я не умею плавать! Помогите!

Мальчик немного постоял, растерянно наблюдая, как Эта то вынырнет, то опять уйдет под воду и все дольше задерживается, не выплывает — очнулся и бросился одетый в бассейн, вытолкнул на поверхность ослабевшую странную девушку, потащил ее к лестнице. Кое-как спаситель и его «добыча» выбрались из воды.

— Спасибо! — откашлявшись и стуча зубами больше от волнения, чем от холода, Ольга поблагодарила бледного Леонида, точно так же выбивающего зубами мелкую дробь, — вот ересь! Я ключ в воду уронила... Как же мы теперь выйдем? Раньше, чем через час, нас не хватятся.

Леонид опять прыгнул в бассейн, уже без мокрой одежды. Вынырнув несколько раз, чтобы набрать в легкие воздуха, он, наконец, нашел ключ. Ольга протянула мальчику руку, помогая подняться:

— Знаешь, если бы я была помоложе лет на семь-восемь, я бы в тебя влюбилась: ты очень мужественный человек.

Подросток улыбнулся посиневшими губами. Ольга накинула ему на плечи широкое махровое полотенце, которое принесла с собой. Пока подросток приходил в себя, она продолжила:

— У меня была сестренка, но она умерла в детстве. Я часто думаю о том, как нам было бы весело вместе сейчас, после смерти мамы.

— У тебя нет мамы? — Леонид с любопытством посмотрел на Эту.

— Отца, фактически, тоже нет, да и не было никогда: слишком много он пьет, и поэтому мы не можем найти с ним общий язык. Зато у меня есть друг, почти такого же возраста, как и ты. В детстве он переболел полиомиелитом — я поэтому и спросила тебя про Ваню, — и теперь вообще не ходит. А его мама, моя крестная, целый день на работе. Я здесь часто думаю о нем, как он там: знаешь, в инвалидной коляске ничего особо не сделаешь. Братьев и сестер у него нет — помочь некому, и целый день он один-одинешенек, — Ольга почувствовала, что немного продвинулась в достижении своей миротворческой цели, подняла с пола разнос. — Так что извини, если что не так сказала... Пошли сушиться, мой спаситель? Надеюсь, нас никто не увидит: твои гешвистеры умотали всех наших.

Так Ольга все-таки добилась своего, пробила брешь и понемногу разговорила мальчика. Внезапное появление в его жизни нескольких братьев и сестер, повышенное внимание к ним родителей испортило всю жизнь Леониду, как он объяснил. Ему пришлось не только терпеть новых родственников, но, для начала, разделить свою личную комнату с родным братом Ваней и усыновленным Лешей.

— Старшим всегда приходится туго, я знаю, — Ольга понимающе кивала, разливая горячий чай по чашкам, — родители начинают вешать на тебя обязанность следить за младшими и помогать им.

— Вот-вот. Мелкопузики начинают драться из-за какой-нибудь мелочи, а я — крайний, если не разнял, — Леонид откровенничал, глядя влажными серо-голубыми глазами на Ольгу, — или бардак в комнате наведут, а мне убирай.

— Младшие к тебя приходят за советом, ну, или попросить что-нибудь починить?

— Постоянно. Запарили уже. Никакого покоя от них нет.

— Тебе сахар положить? — девушка пододвинула сахарницу. — Знаешь, а ведь дружба между братьями и сестрами бывает крепче, чем любовь к родителям. Они, естественно, будут благодарны маме и папе за их любовь, но ты для них все равно будешь стоять выше.

— Почему это?

— Потому что, когда они чуть-чуть повзрослеют, только у тебя смогут спросить совета относительно многих вещей, о которых взрослые, как правило, не любят говорить. Подрастут Ваня или Леша и именно тебя первым познакомят со своими девушками, а сестры будут просить тебя, глазами мужчины, оценить свои платья для свиданий. Тебя, а не отца или мать: ведь родители будут в их глазах ужасно старыми и абсолютно не разбирающимися ни в моде, ни в женихах. Или у тебя современные родители? Кто-нибудь из них объяснил тебе, например, откуда на самом деле берутся дети?

— Нет, родители у меня обычные, только я и без них знаю, — подросток опустил глаза.

— Минус, конечно, есть, — Ольга небрежно пожала плечами: — Подарков меньше достается, вещей. Это факт. Но что бы ты почувствовал, окажись один? Возможно, сначала — радость и облегчение, а потом посмотрел бы на другие семьи и пожалел. Я всегда, когда не знаю, как мне поступить, так делаю — представляю разные варианты ситуации. Иногда пропадает желание делать то, чего мне сначала так страстно хотелось. Не пробовал?

— Нет. Но они же меня совсем не слушаются!

— Значит, пока они считают, что ты можешь и знаешь меньше, чем твои родители, так сказать, ты для них еще не авторитет. Я не имею в виду, что тебе срочно нужно повзрослеть. Зачем? Наслаждайся возрастом, пока есть возможность. Можно сделать по-хитрому.

— Это как? — Леонид неловко усмехнулся.

— А как спас меня. Стань для них самым необходимым человеком, самым лучшим советчиком. Хочешь, я научу тебя правилам первой медицинской помощи, гарантирую, ты будешь знать больше своих родителей? Или танцевать? Ты ходишь куда-нибудь? Я имею в виду спортивную секцию и тому подобное.

— Некогда мне ходить, нужно с баласятами сидеть.

— Отлично! Я научу тебя. Я, хотя и не умею плавать, зато могу многое другое, ты согласен? — Ольга ждала положительного ответа, отрицательный означал бы ее пустые усилия. — Идет?

Леонид поднял на девушку с косичками серые глаза:

— Идет. Попробовать можно.

Ольга стукнула своей чашкой о его:

— Это дело надо отметить. Но взамен ты тоже окажешь мне услугу.

— Услугу?

— Понимаешь, нам в спектакле не хватает одного человека, мужчины. И никто из наших не хочет играть главную роль, все тушуются, — Ольга презрительно скривила губы. И мальчик покраснел от косвенно адресованного ему комплимента.

— Вы чего такие мокрые? — в столовую зашла Олеся с бокалом в руке.

— Я чуть не утонула в бассейне, если бы не Леонид. Когда вы меня научите плавать?

— Молодец, уважаю! — Олеся серьезно протянула руку подростку, подмигнув за его спиной подруге. — Леонид, вы себе не представляете, как нам здесь скучно без настоящих мужчин.

Нянюшка моя,
Не бросай свое дитя —
Закончи сказку!

Виктор лежал в одних плавках на кровати Веры и урчал от удовольствия: Ольга показывала на нем Леониду упрощенную технику классического массажа.

— Малышам будешь делать — не переусердствуй, — поучала студентка мединститута, — нет, не сюда, вот так, по направлению лимфы...

Сначала Ольга хотела попросить кого-нибудь из подруг побыть подопытным материалом, но передумала, предвидя стеснение мальчика. А Виктор согласился без раздумий: «Ладно, мучайте меня. Синяки украшают мужчину».

— У меня уже руки болят, — со смущенной улыбкой жаловался Леонид.

— Ничего, заодно мышцы подкачаешь. Не отвлекайся, — Ольга еще не исчерпала весь запас нравоучений, — у тебя еще голени и стопы остались. Смотри, как здесь... Я тебе скажу одну умную мысль, а ты запоминай. Нужно научиться благодарности. Не важно, кто перед тобой — чужой или свой. Выработай рефлекс волшебного слова, поверь мне, не случайно некоторые слова называют волшебными: тех, кто умеет быть благодарным, быстро запоминают. Тебе в жизни будет намного легче...

— Самая лучшая благодарность — тринадцатая зарплата в конверте, — пробормотал уткнувшийся лицом в покрывало оператор.

— Слушай его... — Ольга покачала головой, — от тебя не убудет, если лишний раз откроешь рот. Например, позавтракал — убери за собой тарелку и скажи не просто «спасибо», а: «Спасибо, мамочка, за завтрак. Все было очень вкусно». Не правда ли, просто? Или другу: «Спасибо за компанию. Я хорошо провел время». Или что-нибудь в этом духе. Придумаешь сообразно ситуации. Я бы даже сказала, что умение благодарить — это целое искусство. Если бы люди владели им в полной мере, возможно, в мире меньше было бы ссор. Начни здесь, прямо сейчас, потренируйся на наших — сам увидишь эффект. А дома продолжишь с малышами: «Спасибо, что не шумели, когда я делал уроки». Научишься этому искусству — твои гештвистеры тебе тапочки приносить будут. И сами научатся благодарить.

— Родители решат, что у меня крыша поехала, — ухмыльнулся Леонид, — если я буду по каждому поводу благодарить.

— Не надо каждую минуту. Это тоже раздражает. Можно просто поцеловать, кивнуть, улыбнуться, подмигнуть, наконец. Не думай, что родители подарили тебе жизнь — и теперь они вечно твои должники. Считай их посредниками между тобой и Богом. Да, кстати, это была только первая половина секрета...

Виктор не выдержал:

— А вторая — это кланяться как можно ниже?

— А вот и не обязательно, — Ольга шлепнула Виктора по спине, заставив его выгнуться, — нужно просто говорить искренне, поверить в свою благодарность. Смотри в глаза, улыбайся...

— И маши рукой... — опять хихикнул Виктор.

Ольга вздохнула, испытывая непреодолимое желание придушить Виктора, расслабившегося и выбивающего ее из колеи семейного психолога:

— Виктор... Вас заставить замолчать сложнее, чем остановить Куранты, — и снова обратилась к Леониду. — Я знаю людей, которые добивались успеха в обществе только за

счет своего умения говорить правильно «спасибо».

— Ты его лучше научи, как с девочками обращаться, — Виктор не утерпел.

— Общаться или обращаться? Растлевет он тут мне молодежь... Нужно иметь голову на плечах и уметь думать — вот и весь сказ. Отложим эту тему до следующего раза, если хочешь, Лень, мы поговорим об этом, только не сегодня. Завтра я покажу, как массаж головы делать...

— А почему не сегодня? — Виктор перевернулся и приподнялся на локте.

— Топор у меня не наточенный...

По правде говоря, Ольга просто подустала возиться с Леонидом, загоревшимся идеей научиться всему, что ему пообещала эта деловитая девушка. А ведь еще нужно было успевать следить за другими малышами, делать уборку в доме, стирать и уютжить, помогать дежурным по столовой, не смотря на то, что няnek для гостей вполне хватало по количеству. Но не по качеству: не все золушки добросовестно отнеслись просьбе Веры следить за своими подопечными двадцать четыре часа в сутки. «Мужественней» всех держались Ирэн, которая соскучилась по своим маленьким племянникам, и Нинель, которая, правда, тяжело вздыхала, когда считала, что никто не видит.

Кроме того, золушки более активно готовились к пятнице, чем помощницы, не располагавшие временем свободно. Появившегося в среду Макса тут же похитила Маслова и уговорила его принять участие в постановке, исполнить роль Принца, влюбленного в Золушку.

— Чем мы хуже? — возмутилась Ника, — пусть тогда вместо Ленчика играет Артур.

Ольга мгновенно распознала намерение подруги. После долгих препирательств и проб на главную роль именно Ника убедила остальных, что никто не сыграет Царевну-Несмеяну лучше Ольги, которой и принадлежало авторство идеи выбрать эту сказку про капризную принцессу.

Чтобы успокоить обидевшуюся Нику, Оля объяснила, что сыграть главную роль амбициозному Леониду важнее, чем Артуру; а тот, если хочет поучаствовать, пусть изобразит волшебника.

Роль автора и главного комментатора выпросила Олеся; Арине, вместо царя, досталась Царица; Кате, Наташе и Маше — немногословные, но богатые на мимику роли придворных фрейлин, и, наконец, Ника пожелала быть бабой Ягой, помощницей Ивана-Леньчика.

— Я умираю от усталости, — жаловалась Маша вечерами, когда дети засыпали, и в Доме восстанавливалась тишина, — жду не дождусь, когда придет пятница.

— А я — субботу, — стонала в унисон Катя, — давайте не будем сегодня репетировать, а?

Но когда в четверг Вера привезла из театра заказанные костюмы, девушки еле дождались вечера и подняли в цокольном этаже ужасный гвалт, не хуже самих маленьких гостей, прыгая и кривляясь.

64

Любая сказка —

Добрым молодцам урок.

Девицам тоже.

В пятницу бросили жребий на очередность. В результате золушки пошли переодеваться первыми, а помощницы — готовить в фойе сцену и зрительный зал. Ленчик организовал малышей и те, кряхтя, носили из столовой стулья. Слева от лестницы поставили ширму из

зеркального зала для того, чтобы актеры незаметно уходили, а лестница стала превосходной деталью импровизированных подмостков.

Тут как тут появились Карина Собак, Вера, Виктор с камерой и даже оператор Дима, бывавший редко на публике. Не удержался и пришел Владимирыч, а перед самым шоу, когда камеры были настроены, в фойе возник сам генеральный продюсер и директор проекта Константин Стрэн.

— О-ля-ля! — испугалась Маша, — я уже боюсь!

Тем не менее, помощницы находились в более выгодном положении: у них был шанс собраться с духом, а Золушки узнали о появлении неожиданных гостей, только выйдя на сцену. Поэтому они, представившие сокращенную академическую версию знаменитой истории Шарля Перро, играли хотя и неплохо, но (почти все «актрисы») то и дело терялись, мямлили слова или же говорили невпопад. Блистала Маслова, изображавшая злую мачеху. Она так вошла в роль, что улыбнулся даже вечно серьезный Стрэн; стала импровизировать, шутить с малышами, задавать им вопросы, какая из ее дочерей понравилась бы принцу, в это время Ирэн Артисян корчила лицо, показывая язык, а Рамина Султанова сводила к носу глаза.

Появился Макс с маской на пол-лица, одетый в костюм Принца, с высоким стоячим воротником, с картонной короной (которую потом предстояло «унаследовать» Ольге), на резинке под подбородком, короткими штанишками и ботасами вместо туфель. Он театрально вздыхал, закатывал глаза, разговаривал сам собой, пошел к зрителям, чтобы примерить туфельку: предлагал всем девочкам померить туфельку сорокового размера, потом пытался натянуть ее на ногу Артура, сидящего рядом с Ольгой, Веры, Карины, не забыл и про Владимирыча. Только пропустил Стрэна, скрестившего привычно на груди руки, и саму Ольгу обошел взглядом, словно ее тут и не было.

— Н-ни одной п-порядочной золушки здесь нет, — сокрушался Макс, игнорируя хохот вокруг себя и протянутые босые ноги сидящих с малышами в первом ряду Ники и Олеси.

Все бы ничего, это шутовство можно было выдержать, но не заключительный аккорд этой постановки, который по законам детского жанра можно было бы и избежать: найдя свою Золушку, блистающую красотой жеманную Нинель, Принц «запечатлел» на ее лице долгий поцелуй, повернувшись к зрителям спиной.

— У-у-у, — маленькие зрители подхватили неодобрительный возглас взрослых зрительниц.

После аплодисментов золушки остались со зрителями, а помощницы ушли готовиться; Собак объявила антракт и, пока новые актеры готовились, заговаривала зрителям зубы: спрашивала про любимые сказки, понравившихся в Доме «нянек» и прочее.

— Видала, Фома неверующий? — Ника, разумеется, не смогла не прокомментировать поцелуй.

— Видела, — Ольга с непроницаемым лицом натягивала пышное платье Несмеяны, — теперь плакать буду искренней.

В комнату, где они переодевались, заглянул Макс и, не входя, протянул корону через приоткрытую дверь. Ольга, шурша юбками, подошла, взяла реквизит и легко ударила веером Макса по макушке, не озвучивая вслух причины удара. Влюбленным хватило секунды обменяться взглядами, Макс почесал голову: «З-за что?» — и проворно исчез за дверью.

— Горбатого могила исправит, — продолжила свою мысль Ника.

В шесть тысяч драхм
монету спрятал — и забыл.

Изрыт весь сад.

Артур где-то достал специальное приспособление для разбрызгивания «слез». Жара, плавившая все на улице, проползла и в дом. Девушки, одетые в многослойные костюмы, до начала показа в нервном смешливом возбуждении просили Ольгу побрызгать их «слезами». Зарядив во второй раз секретный баллончик с водой, Ольга ворчала: «Отстаньте, мне потом нечем плакать будет!»

Сказка помощниц получилось более оригинальной: совершенно забыв про настоящий сюжет, помощницы во время своих репетиций так увлеклись его адаптацией под возраст маленьких зрителей, что от настоящего сказочного сюжета почти ничего не осталось. История рассказывала про вредную принцессу, которая любила делать пакости и плакать, если ее пытались наказать. Несмеяна так залила слезами всех зрителей, что несколько капель попало в объектив камеры Виктора. Затем героиня стала учить зрителей, как нужно правильно капризничать. Она вывела на импровизированную сцену двух девочек, которые больше всех плакали за четыре дня пребывания в Доме:

— Вот так надо топтать ногами! Вот так надо плакать! Вот так отказываться от завтрака! — Царевна показывала, а девочки смеялись и повторяли. Другие маленькие зрители на выдержали и стали вторить.

— Не плачь, доченька, покушай, вдруг полегчает... — убеждала плачущую Несмеяну-Олю Царица-Арина, поднося «дочери» бутерброды на тарелке.

— Не хочу я кушать! Надоело!

— Тогда ляг, поспи...

— Не хочу я спать! Тоже надоело!

— Давай я тебя в школу отведу. Будешь учиться с другими детками. В школе интересно...

— Там надо уроки делать! Не буду, не буду! — Несмеяна стала топтать ногами и вдруг округлила глаза, схватилась за щеку, потом — за живот, за спину. — Ой, ой-ой-ой! У меня зуб болит! И животик болит! Ой, как болит спина! А! Мои ноги, мои руки!..

— Это у тебя все болит, потому что ты постоянно вредничаешь! — объяснила мудрая Яга-Ника, — обманываешь друзей и родителей! А еще не чистишь зубы и плохо кушаешь!

Несмеяна бросилась на пол и стала стучать кулаками и ногами об пол, вдруг прервалась, подняла голову и спокойно обратилась к зрителям: «Видите, как мне плохо? А вы так дома делаете?.. Нет? Молодцы! А я буду дальше болеть!», — и опять запричитала, заколотила руками. Макс от души смеялся, не узнавая в энергичной «актрисе» свою скромную Ольгу.

Чтобы вылечить вредную Несмеяну, выход был один — научить ее смеяться. Царица издала указ:

— Тот, кто насмешит и вылечит Принцессу Несмеяну, получит полцарства и руку моей дочери.

— Не хочу замуж! — войдя в роль, неожиданно для зрителей заявила Несмеяна и показала пальцем на Нинель. — Вон, Золушка вышла замуж и теперь в десять раз больше моет посуды!

— Хочешь-не хочешь, а придется! — баба Яга схватила Принцессу за руку и потащила за ширму.

— Не хочу, я еще ма-а-ленькая! — притворно упиралась капризная героиня, — я хочу

просто играть и веселиться!..

Добрый волшебник-Артур подарил не менее доброму Ивану-Ленчику дар веселить людей, Иван пришел во дворец к Несмеяне, упал несколько раз и, когда дети отсмеялись, предложил Царевне станцевать веселый танец, полу-гопак, полу-кадриль. В заключение сказки Олеся прочитала мораль о том, что капризная Принцесса перестала плакать, стала слушаться взрослых, чистить зубы, — и сама, вслед за пляшущими героями, пустилась в пляс, показывая пример остальным актерам.

Танцевали все персонажи, выбрасывая коленца и вытягивая малышкой в свой хоровод. А «добрый волшебник» вынес, откуда ни возьмись, воздушные шары и подарил их пляшущим.

66

Три человека.

Кто-то лишний уйдет -

Женщине решать.

Автобус удалялся, увозя домой прилипших к стеклам детей. Вместе с ними уехал Макс, которому не удалось перебраться с Ольгой даже парой слов.

— Кому из вас пришла идея сделать подарок мальчику? — Вера стояла тут же, за воротами, и вместе с девушками махала детям рукой.

— Да всем сразу: кто-то подал идею, и мы согласились, — Ника обнимала Веру за талию одной рукой, а другой нетерпеливо теребила пуговицы на костюме Яги: никто из актеров не снял костюм, мужественно терпел отъезда гостей и время от времени проводил рукой по спине, промокая скатывающиеся капли пота под одеждой. — Ужас! Я вся мокрая.

— Это все бабка придумала, — Катя, за последнюю неделю исчерпала последние силы, и, наверное, из их экономии, почти не разговаривала.

— Кто? — Вера обернулась на замученную Катю.

— Лелька. Это она у нас любитель благотворительности...

Вера открыла рот что-то сказать, но ее мысли перебила Наташа, которая, поднимая свое платье сказочной фрейлины, вдруг вскрикнула и побежала к особняку:

— Чур, я первая в душ! Не занимать!

За ней побежала Маша, пытаясь догнать и опередить.

— Какие же вы молодцы! — Вера шла по аллее, обнимая идущих по обе стороны Нику и Олеся, — вспомните, какими дети приехали, и с каким настроением возвращаются домой...

— А у меня язык болит, — засмеялась Олеся. — Представляю, сейчас через час автобус назад вернется: родители вернут нам назад своих мелкопузиков, как говорит Ленчик.

— Почему?

— Потому что они их не узнают.

— Почему? — повторила Вера.

— Все такие вежливые стали, ба... Лелька заставила нас всех подавать им пример. Мне «спасибо» и «пожалуйста» ночами теперь сниться будут.

— Зато как наш Ленчик говорил! — по дороге Ника успела расстегнуть несколько верхних пуговиц, — я чуть не расплакалась. Такой благодарный... Я не жалею, что у нас высчитали деньги. Надеюсь, камера хорошая.

— А правда, вам не жалко денег? — Вера выпустила руки девушек, чтобы открыть перед ними дверь.

— Так мы же их все равно не видим, — засмеялась Олеся.

Процессию возвращавшихся в дом замыкали Артур и Ольга. Артур шел рядом, заложив руки за спину:

— Мы так и не поговорили. Давай попрошу у Веры, пусть отпустит тебя ко мне домой на завтра.

— Поговорить мы можем и здесь. Кажется, ты пришелся ко двору, и никто тебя пока не гонит.

Девушка рассеянно сорвала ветку с ели, размяла пальцами хвою, продолжая думать над неразрешимой задачей. Нинель успела выполнить просьбу: показала Максимум две записки с инициалами «А.К.» (вторую записку, достаточно пошлое стихотворение, написанное с ошибками, Владимирыч принес вместе с букетом белых ромашек в четверг утром). Изгнанный из Дома оператор так же начисто отрицал как свою роль в появлении этих букетов, так и за друга поручился, будучи уверенным, что тот не стал бы сам сочинять стихи. Кто же в таком случае был этот таинственный «А.К.»?

— Нет, я здесь не хочу, — настаивал Артур, — тут слишком много свидетелей.

— Свидетелей для чего, для разговора?.. Господи, как же жарко. Говорят, еще минимум неделю эта температура продержится, — Ольга провела рукой по влажным плечам, — пошли с нами в бассейн? Все кругом так будут кричать, что никто тебя не услышит.

— Ты мне нравишься, — вдруг сказал Артур останавливаясь и преграждая дорогу, — не смотри так. Да, Макс — мой лучший друг, но истина, как говорил Аристотель, дороже.

— Ой, не надо, Артур, я прошу, — Ольга попыталась отстранить молодого человека, но он не двинулся, — ты прекрасно знаешь, что я люблю Макса, каким бы он ни был. И мне плевать на все эти твои-мои предсказания. Дай пройти.

— Я тебе испортил настроение?

— Мне жарко, я хочу переодеться.

— Жаль, в этом платье ты мне напоминаешь настоящую принцессу.

— Я уже отыграла эту роль, — Ольга вошла в дом и села на софу в фойе, — давай поговорим, если хочешь. У меня тоже есть к тебе вопросы.

— Согласен, — Артур, прежде чем сесть рядом, принес из столовой бутылку холодной минералки и два бокала.

— Спасибо, — девушка выпила немного, остальное побрызгала на руку и провела мокрой рукой по лицу и шее, — не представляю, как раньше летом ходили в таких платьях... Прекрати так на меня смотреть!

— Приставать нельзя, говорить и смотреть — тоже. Что же мне сделать, чтобы я тебе понравился?

— Хватит красить волосы и эту дурацкую косичку, крысиный хвост, отрезать! — Ольга сердито отсела подальше от придвинувшегося молодого человека. — Не надо ничего делать, просто найди себе другой объект.

— А я не хочу. Я схожу с ума от твоей прически. Потом, ты всегда такая рассудительная, важная, а сегодня прыгала, как девчонка.

Ольга поднялась:

— Я вижу, разговора у нас с тобой не получится. Все, пока! Спасибо за помощь в постановке, за шары... кстати, я сейчас тебе твою брызгалку принесу.

Артур тоже поднялся и схватил Ольгу за руку:

— Извини! Я больше не буду. Давай еще поговорим. Ты же хотела о чем-то спросить.

— Лелька, Артурчик, пошли в бассейн! — по лестнице спускались с полотенцами в

руках духовные близнецы Наташа с Машей.

— Я сейчас, — без энтузиазма откликнулась Ольга, повернулась к Артуру, — да, я хотела спросить.

Она в общих чертах пересказала, умолчав о поводе, свой последний разговор с Маргаритой Павловной.

— Так вот, мне интересно, почему твои родители недолюбливают Макса, твоего друга? Почему твоя мать считает, что он плохо на тебя влияет, что пользуется тобой? Максим мне вкратце рассказал историю, что когда-то его отец спас твоего и прочее. И все-таки, мне интересно знать твою точку зрения. Ты действительно потакаешь Максиму? «Лексус» для свидания, может, еще что-то...

Артуру, как и когда-то Максиму, не понравился рассказ Ольги. Молодой человек сразу помрачнел и ссутулился:

— Да, я знаю об отношении Маргариты Павловны к Максиму. Но Макс тебе не правильно рассказал. Наши отцы воевали в Афганистане. И действительно, мой, тьфу ты, отец Макса спас жизнь моему, ценой собственной: заслонил от целой автоматной очереди, понимаешь? И я считаю, что мой отец теперь обязан обеспечивать моего друга.

— Как погиб? — Ольга опешила, — но ведь Макс рассказывал мне про своего отца как про живого.

— ...Это он про отчима.

— Понятно. Я не удивляюсь, что ты защищаешь своего лучшего (или нет?) друга. Но ведь то был выбор отца Макса — заслонить собой или нет, а пуля не выбирает, в кого попасть. Мне кажется, ты сам поощряешь в Максе такое унижительное отношение. Я, наверное, многого не знаю и не понимаю, но считаю, что так нельзя делать. Твоя мама говорила, что Макс постоянно отбивает у тебя девушек, во всем тебе подражает. Я как-то этого не замечала, наоборот, это ты сейчас пытаешься меня заставить бросить твоего друга.

— Да никто ни у кого не отбивал девушек, — возмутился Артур, — я сам просил Макса. Он проверял, как говорится, девушек на вшивость. Они все оказывались элементарными шлю... прости, гулящими.

— А теперь Макс попросил тебя меня проверить?! — Ольга мгновенно рассвирепела.

— Нет, он меня не просил, — спохватился Артур, — я сам.

— Знаешь, что? — разгневанная девушка встала, — я бы никогда не посмотрела в твою сторону, потому что у вас, богатеньких маменькиных сыночков, свои причуды. Я не могу поверить, что Макс такой, как ты мне рассказываешь, но пока вы между собой не разберетесь и не перестанете зависеть друг от друга, и поощрять во всем дурном, я не хочу иметь никакого дела ни с кем из вас. Так и передай своему другу.

— Еще не хватало, чтобы мы из-за бабы рассорились.

— Ах, из-за «бабы»? Я — виноватая? Ты пользуешься своим другом, я же вижу, что он тебе не может доверить элементарного — передать... — Ольга остановилась, едва не заговорившись, — просто передать на словах, что он, как он. А ты относишься к нему, как к своему рабу. Прекрасный повод: отец погиб, и теперь ты другу по гроб жизни должен. Хотя нет, мне кажется, ты его не опекаешь, а манипулируешь им: «Макс, напиши мне курсовую, а я тебе дам машину с девочкой покататься...»

Артур подскочил, злой и растерянный, словно первый раз в жизни имел подобный разговор.

— Ты это своему Максиму скажи!

— А я уже сказала! — Ольга схватилась за голову, почувствовав, что действительно разошлась: проходящие мимо, в цокольный этаж, девушки во всю глазели на ссорившихся, но тактично делали вид, что это их не касается. — Ладно, извини. Это, и правда, не мое, бабье дело. Делайте, что хотите. Мужская дружба — святое дело и все такое...

— Ну а что бы ты сделала на месте Макса? — выкрикнул Артур в след поднимающейся по лестнице Ольге, — без денег, без связей?

— Максим не мальчик, и может сам зарабатывать для себя и своей семьи деньги: у него есть талант. А связи можно и свои собственные завести, — девушка полуобернулась, чтобы ответить, и пошла дальше.

Артур стоял, засунув руки в карманы брюк, и смотрел в спину собеседнице, пока она не поднялась на второй этаж, погремел ключами и вернулся на софу, подождать Ольгиного возвращения с чужим цирковым реквизитом.

67

Нет старой луны

Перед месяцем новым.

Два дня тьмы.

Не смотря на то, что изначально, с понедельника, предполагалось, что выбывших не будет, в субботу Карина Собак назвала два имени: золушка Ольга Посмитная и помощница Екатерина Гурская. Прощание было несколько вялым (за несколько дней вымотались все), но ситуацию оживили, как обычно, подарки от дирекции проекта. Посмитную пригласили на съемки в рекламе; Гурской достался пухлый конверт с заработанной суммой, причем Вера добавила, что Проект не стал высчитывать у выбывающей помощницы недельный доход, который ушел бы на подарок Ленчику. Кроме того, обеим девушкам досталось на память от спонсоров проекта что-то из бытовой техники, а заключительным сюрпризом стало то, что расстроенных, но не страдающих Ольгу Посмитную и Катю Гурскую отправили домой на автомобилях, хозяевами которых оказались молодые люди, познакомившиеся с девушками на проекте.

— Вот, наша Катюшка и счастливая, — Наташа была рада за свою соседку по комнате, — уехала под ручку с кавалером, да еще с каким. Я бы тоже так хотела выбыть, спокойно себе, не рыдая, с деньгами и женихом.

— А ты попроси своего Олежика, пусть тебя тоже увезет через неделю, — Маша пошутила, — я, честно говоря, тоже соскучилась по дому. Как это ни звучит кощунственно, но я рада, что нас стало меньше. Золушек всего пятеро осталось, так что, самое меньшее, через месяц мы все будем дома.

— Твоими бы устами... — Олеся вздохнула устало, — а я, когда стали называть имена, сначала ослышалась, подумала, что наша Оля уходит. Думаю: «Ничего себе! Столько сделала — и на тебе!» Только почувствовала, что начинаю плакать, а Никуся меня толкает под бок, я и сообразила. Самой смешно стало.

— Не сыпьте соль на рану, — Ольга сама была мрачнее тучи, — я никак не могу понять, по какому принципу отправляют домой. Знала бы, давно уже была бы в своем общежитии.

— А почему не дома? — поинтересовалась Арина.

— У меня теперь — ни дома, ни отца, — Ольга потерла лоб: — В среду звонила своей крестной, моя мачеха, молодец, воспользовалась моим отсутствием и заставила отца переписать на себя дом. Чтобы я его не выгнала, когда вернусь.

— Бедная ты наша! — Олеся обняла Ольгу, — где же ты будешь жить, когда закончишь

свой институт?

— Что, я себе на квартиру не заработаю? Буду массаж делать, в больнице меня еще ждут, надеюсь. На худой конец, буду устраивать детям праздники за умеренную плату. Опыт у меня теперь богатый, — девушка рассмеялась и поцеловала добрую Олесю в висок.

68

В тихой роще

Сороки раскричались.

Испорчено утро.

— Ты что делаешь, балда?!

Ника спустилась в столовую, чтобы приготовить для подруг горячий чай перед сном, и остолбенела от увиденного. Ольга сидела за столом, постелив перед собой бумагу, смотрелась в небольшое круглое зеркальце и, вздыхая, отрезала искусственные косички, аккуратно складывая в одну кучку.

— Ты с ума сошла! — Ника подбежала и выхватила ножницы, — зачем ты это делаешь? Да еще на кухне...

— Не бойся, моих волос завтра в супе не будет, — Ольга забрала ножницы и нацелилась на очередную жертву из ниток.

— С тобой не соскучишься. Попросила бы меня, Арину... Мы бы помогли тебе.

— Ага, сегодня вы полдня расхваливали мои хвосты, а потом так и дали бы мне их отрезать.

— Ой, балда! — Ника всплеснула руками и обессилено опустилась на стул, — сейчас девчонки придут сюда и отшлепают тебя. Какая же ты балда...

Ольга отвела взгляд от зеркала:

— А в чем, собственно, дело? Была одна прическа, станет другая.

— Да твои косички — это здесь как бренд, понимаешь? Ты здесь, я даже не знаю, как сказать, выглядела по-особенному. Не как все.

— Вот именно, — Ольга на пару мгновений закрыла кистью руки с ножницами лицо, чтобы сдержать слезы, — была.

— Эй! Что случилось? — Ника обошла стол, села рядом с подругой и обняла ее. — Сегодня такой хороший день был... Ну что, Оль? Что стряслось за эти несколько часов?

— Да ничего не случилось, — Ольга взяла себя в руки, — просто я поняла кое-что. Вот именно, может быть, потому что у меня был свой бренд, как ты говоришь, я и осталась. Из-за прически, а не из-за чего-то более важного. И все это: Макс, Артур — все это было тоже, может быть, из-за моего бренда, а не из-за меня.

— Ничего не понимаю. Какая муха тебя укусила? Тебе кто-то сказал какую-нибудь гадость? Опять наша дорогуша стелет дорожку?

— Нет. Маслова не виновата. Да и вообще никто не виноват. Артур сказал, что балдеет от моих хвостиков, я подумала, что и Макс тоже... Пошла к Виктору, спросила его, что он думает о моем внешнем виде как мужчина. Я попросила посмотреть непредвзято, понимаешь? И он сказал, что я очень сексуально выгляжу...

— Молодец, правильно сказал.

— ...Что любой мужик может меня захотеть в таком виде...

— Ну и хорошо же...

— ...А когда я делаю два хвостика и еще и танцую, то похожа на школьницу из хентая...

Ника хлопнула ладонями об стол:

— Ты посмотри, какой идиот! Нашла, кого слушать! Прекрати плакать! Любая нормальная девушка должна уметь нравиться мужчинам. Пусть тебя хотят, пусть думают, что хотят... Главное, что ты — это ты, какая есть на самом деле.

— Объясни это им, — Ольга вытерла слезы и протянула Нике ножницы. — Отрежь мне, пожалуйста, на макушке: я там не вижу.

— Вот урод, а? Витек — он и в Африке Витек. На х... Вот зачем ты к нему пошла?.. Подожди, я поставлю чайник, девочки попросили... Ничего, я тебе завтра такую прическу забабахаяю — все обалдеют!

— Не надо мне ничего забабахивать, просто помоги отрезать нитки и расплести. Хватит с меня бренда, хочу быть, как все.

На следующий день, утром, неожиданно рано для выходного дня, в столовой появилась Вера:

— Доброе утро, девочки! Приятного аппетита!

— Доброе утро! Садитесь с нами!

— Нет, спасибо, много дел. Дима меня уже угостил кофе. А у меня для вас есть сюрприз... Оля, а где ваши косички?! — обводя взглядом сидящих девушек, менеджер остановилась на Ольге, уныло размешивающей сахар в бокале. Вера рассматривала девушку, словно это была не она. Как-то глупо в голове мелькнула сумасшедшая мысль, что, возможно, опять вместо подписавшей контракт Ольги Икс возникла очередная новая Ольга Игрек. Эта казалась куда проще, лицо — тоньше, а челка сразу придавала некоторую детскость. Да и цвет темно-русых волос стал четче.

— Я полиняла, — девушка продолжала уныло водить ложкой в бокале.

Вера задумалась на мгновение от шутки, сказанной без улыбки. Наверное, если бы здесь была бы Лера, хохот уже стоял бы вокруг, но сегодня, похоже, новая Ольга заразила всех своей хандрой, только Наташа коротко хмыкнула.

— С ума сойти! Вот балда!

— Это уже я слышала, — так же безэмоционально сказала Ольга: тон и голос Веры напоминал Нику.

— ...Зачем же я шла?.. Ах да! Девочки, сегодня ровно месяц, как вы оказались на проекте. И поэтому дирекция дарит вам небольшой сюрприз. Сейчас вы завтракаете, одеваетесь, можете особо не прихорашиваться, и едете в салон красоты!

Помощницы многозначительно переглянулись.

— Мы или золушки? — спросила Наташа.

— И вы, и золушки, и я. А пообедаем в закрытом ресторане: для нас уже забронировали зал.

Девушки завизжали от восторга и повскакивали со своих мест, бросились к Вере обнимать ее. За столом остались, словно наглядный пример двух антиподов, довольная Ника и равнодушная к происходящему Ольга, продолжавшая размешивать сахар, давно растворившийся в кипятке.

— Здесь, кажется, одна Оля не рада сюрпризу, — заметила Вера, когда всеобщая радость стала выражаться умереннее, и можно было расслышать голос менеджера.

— Месяц на проекте — понятно, но причем тут мы, простой обслуживающий персонал? — Ольга, наконец, убрала ложку из бокала, и, небрежно откинувшись на спинку стула, стала вертеть в пальцах.

Это было совсем уж невежливо. Но менеджер нашлась:

— Абсолютно правильный вопрос! Очень умный вопрос, поздравляю!

— Спасибо. Но легче не стало.

— Потерпите, девочки, все самое главное вы узнаете завтра. Так что будьте готовы во всеоружии и красоте. Завтра такое будет!

— Приедет Порфирио Лобо?

Арина, стоя позади Веры, покрутила Ольге пальцем у виска.

— А кто это? — любопытствовала менеджер.

Ольга вздохнула:

— Президент Гондураса.

Вера рассмеялась:

— Похоже, что вместе с косичками наша Оля лишилась хорошего настроения.

— Не обижайтесь на нее, пожалуйста, это все Виктор виноват, — Олеся попыталась реабилитировать неблагодарную подругу. — Сначала из-за него она свои косички отрезала, а потом, сегодня утром, он опять испортил Лельке настроение. Вот вы, Вера Александровна, скажите Оле, что ее новая прическа еще лучше прежней.

Вера уже повернулась к выходу:

— Конечно, лучше... — сделав несколько шагов, у порога блондинка остановилась и повернулась, — а вообще-то ваша подруга правильно сделала, что решила поменять имидж. Вовремя.

69

Под подушку

Рисунок положу я.

Пусть семеро гонцов

На паруснике белом

Мечту мою исполнят.

Решением большинства постановили: это воскресенье стало для помощниц самым счастливым днем за весь месяц их пребывания на Проекте. Мастера в салоне красоты знали свое дело, еда в ресторане понравилась всем, да и предвкушение обещанного Верой сюрприза обострило восприятие двух подарков от проекта.

Ольга вспомнила предупреждение Макса о том, что скоро грядет Нечто, которое позволит ей, как выразился сам Макс, «рулить процессом». А многого ей не было нужно: она хотела просто мирно покинуть проект, зажить привычной жизнью и дальше строить свои отношения с любимым. Однако со времени того предупреждения прошла неделя, казалось, что случилось слишком много, чтобы рассчитывать на благополучный конец. Артур и Виктор подкинули пару идей, которые сорняками разрастались в голове, перебивая мечты и надежды. Ольга чувствовала, что Макс совсем не такой, каким его делают рассказы Артура, обстоятельства. И все же: зачем он обнимается с Нинель, что-то шепчет ей на ухо, от чего красавица довольно хохочет?

Хорошо, допустим, Нинель тоже извлекает свою, неизвестную Ольге, выгоду, притворяясь заинтересованной простым оператором Максом, в то время как уже имеет потенциального ухажера, состоятельного и внушающего надежность Никиту, одного из знакомых Артура. Если это всего лишь Игра, часть плана, то Макс, тем не менее, мог бы пощадить чувства Ольги, не флиртовать так открыто.

Потом, этот странный Артур, симпатичный и внимательный, готовый откликнуться исполнить любое желание, любую просьбу. Он казался искренним и страстным, сказав, что

увлечен Ольгой, и, одновременно, неожиданно неприятно взорвался после разговора о том, кто кому и почему должен, — выплеснул из себя нечто гадкое, циничное. Девушка не могла себе объяснить, но воспоминания о последнем разговоре с Артуром заставляли ее непроизвольно морщиться.

Как бы то ни было, все новое, прочувствованное на минувшей неделе, можно было бы перечеркнуть одним взглядом, если бы только Макс смог найти повод и просто побыть рядом, взять за руку и — не надо даже поцелуев, — посмотреть в глаза и улыбнуться по-детски искренне, как он умел. Но его не было рядом, никто не передавал посланий, намеков. А Васина тетрадь, к которой Ольга обратилась за советом в вечер воскресенья, выдала хокку, не содержащее ясного совета, что делать:

Сижу на мысе,
В океан страстей смотрю,
Молчу и плачу.

В конце концов, девушка вспомнила о своем решении отказаться от суеверий и гаданий в любом виде, полагаться только на Бога, свою святую заступницу и на саму себя — так потрепанная тетрадка с пророчествующими хайку переключивалась на дно дорожной сумки.

— Как же мне плохо без тебя, — прошептала Ольга, пытаясь в темноте разглядеть лицо Макса на фотографии, — два дня не вижу и уже схожу с ума.

Она была слишком голодна, чтобы насытиться пятничными мимолетными взглядами и улыбками.

70

От ломоты

Промучился весь день.

И вот он, ливень! Счастье...

Карина Собак попросила всех собраться в праздничной столовой. Девушки вспомнили свою самую первую съемку в Доме и под впечатлением от этого дежавю возбужденно переговаривались, посматривая на Виктора, который спрятался за своей камерой, на Веру, загадочно улыбающуюся, и на друг друга.

Предложение ведущей взорвало и без того накаленную атмосферу ожидания. Карина Собак зачитала данные, гласящие о количестве посетителей интернет-сайта проекта и телезрителей Проекта; несколько цитат из писем, смсок и прочее; высказала свое мнение и мнение дирекции, жюри проекта... И в результате Собак объявила новый этап на Проекте — добровольное объединение всех одиннадцати оставшихся девушек в одну команду, команду Золушек. По словам ведущей, помощницы до среды должны были дать ответ, согласны ли они стать героинями проекта, хозяйками самим себе.

— Девочки, вы заслужили. Это мнение двадцати миллионов ваших поклонников.

Виктор наслаждался уникальными кадрами: на лицах большинства «старых» золушек было написано разочарование и страх за то, что придется начинать все сначала, ибо количество конкуренток не только не уменьшилось, но и плюс на одну могло стать больше. Первой опомнилась Ирэн Артисян, она заплодировала и сказала, что согласна с мнением жюри: многие помощницы за месяц стали ей настолько близки, что ей неловко смотреть, как те, не менее привлекательные и умные, вынуждены мыть пол вместо того, чтобы самим получать удовольствие. Остальные золушки натянули на лица маску доброжелательности, кроме Масловой (всю встречу она хмуро изучала свои ногти) и присоединились к монологу Ирэн.

— Но помните, девушки, — Карина обводила взглядом помощниц, — если вы вступаете в Игру, предложенную вам телезрителем, то вы автоматически лишаетесь статуса обслуживающего персонала. Я имею в виду вашу зарплату. Впредь вы будете работать бесплатно, ради самих себя, но и точно так же рискуете уйти в субботу в случае неудачно выполненного задания. Кстати, о задании...

Предупреждения ведущей совсем не охладили безумный восторг помощниц, не убавили пыл. Ольга, более всех спокойно отнесшаяся к предложению, разве что щеки вспыхнули румянцем, поняла: предложение скорее формальное, никто не будет спрашивать согласия — объединят и вся недолга.

— ...На этой неделе всех наших золушек, и со «стажем», и новых, ждет испытание стилем. Вам будет предложено в течение трех дней подобрать себе три комплекта вещей. Так сказать, три орешка для себя любимой. Для отдыха, работы и торжественного вечера. Если нашим экспертам понравится ваш выбор, то вы сможете оставить одежду у себя; если нет, — то, сами понимаете, с приобретением придется расстаться...

И кто бы смог отказаться от такого заманчивого предложения?

71

Без драк и битв

Взгрустнул мой меч самурая.

Пора наточить.

— Ну и черт с ними, деньгами, — Арина согласилась без раздумий, — всех не заработаешь. Зато теперь ни одна дорогуша не сможет меня заставить подавать ей салфетки.

Маша, Олеся и Наташа так же не стали терять время, оповестили Веру о своем положительном ответе — и менеджер велела девушкам переезжать на третий этаж, в комнаты к золушкам, туда, где пустовали кровати.

Устроившись в новой комнате, Олеся спустилась к подругам. На девушке уже не было униформы, с которой она рассталась без сожаления, а за джинсовым поясом, под кофточкой, уже выпирал закрепленный микрофон-коробочка.

— Вы еще не собрались? Наши золушки явно недовольны. Когда я принесла свои вещи в комнату к Рамине, она стала собираться и сказала, что, пока не поздно, переедет к Масловой. Так что нет худа без добра: кто-нибудь из вас будет жить со мной.

— А мы никак не переедем, — Арина давно сложила вещи в сумку и теперь сидела с недовольным видом на кровати: — У нас бабка артачится, не хочет. Мы ее уже и так и сяк уговариваем.

— Оль, ты почему не хочешь? — удивилась Олеся.

— Она деньги зарабатывает, — Ника крутила в зубах зубочистку, следя за молчаливой соседкой по комнате, демонстративно читающей книгу и делающей вид, что разговор ее не касается.

— Дело не в деньгах, — Ольга поддалась на провокацию: отбросила книгу.

— Ну и в чем же тогда?

— А я не хочу и все. Вы прекрасно знаете, что я бы ни за что не пришла бы на такой проект. Все эти испытания — ах, это так гламурно! Какая же из девушек будет хуже в этом испытании? Фи, у нее нет ни малейшего чувства стиля... Гнать ее! У меня тоже его нет. И что? Пусть меня лучше выгонят за скверно приготовленный борщ. Как-то честнее будет. Не хочу я ничего объяснять, — она хлопнула дверью, покидая комнату.

— А мне кажется, она бесится из-за своего Макса, — Арина встала и потянулась.

На Нику это имя словно подействовало магическим образом: она тоже соскочила, выбросила зубочистку куда-то в угол, осмотрела стены:

— Ну что ж, померла, так померла. Пошли, Аришка. Я уверена, что Николаеве перебесится, поживет тут одна, подраит полы в одиночестве и сама придет к нам. А правильной можно быть, где угодно и вне зависимости от статуса, золушка ты или помощница.

— Слушайте, а кто будет мыть полы, готовить, если мы все станем золушками? — спохватилась Олеся.

— Ника уже спрашивала у Веры, — Арина подняла сумку, — Вера сказала, что пока будет разделение на золушек и помощниц, всю грязную работу будут делать помощницы.

— Это что же, Оля будет мыть одна весь дом? А мы?

— Не переживай, помоем пару дней — и присоединится к нам, а потом нам всем опять раздадут территории, и Масловой тоже, и будет так же отвечать каждая за свой участок, — Ника как никогда решительно была настроена в своем решении укротить любой ценой строптивую подругу.

— А в столовой?

— И в столовой. Будем парами готовить, как и раньше... Когда Николаева согласится.

— Жалко ее... И ты тоже, как-то помягче, что ли...

— Обойдется. Пусть перебесится, пошли.

Вера не повела и бровью, когда Ольга попросила время на принятие решения до четверга.

— Все девочки уже согласились. Вы не боитесь, что вам, по условиям контракта, придется выполнять всю работу до этого времени? На вашем месте, Оля, я бы и не задумывалась.

— Я не боюсь работы, — Ольга ответила твердо, — нам разрешают звонить домой по средам, вот и я сначала посоветуюсь с семьей.

— У вас же нет семьи как таковой.

— Но у меня есть близкие люди.

Вера протянула свой телефон:

— Звоните сейчас, я разрешаю.

— Нет, я буду ждать до четверга.

— Если решитесь раньше — скажите, — Вера помолчала, оценивая слова и твердый взгляд подопечной.

— Может быть.

На самом деле заупрямившаяся помощница ждала Макса, появившегося преимущественно по средам. Она помнила его слова: «Ты должна выиграть», — и все же не могла согласиться на новый поворот событий на Проекте, главной целью которого было образование гламурных семейных пар. А значит, ей, уже влюбленной в рядового сотрудника Проекта, придется наравне с другими золушками, мало того что выполнять глупые задания (присматриваться к молодым людям, приходящим в Дом, в частности, к Артуру) и, даже если не изображать влюбленность, то, в любом случае, тратить драгоценное время на пустые разговоры-знакомства.

Макс, судя по всему, изгнан надолго: о его возвращении даже Виктор ничего не знал. Поэтому пока имелся один выход. Всех непокорных и нарушающих правила контракта отправляли домой. Как-нибудь она потерпит до субботы, если Макс не объявится, а там — жюри не останется ничего, как выбросить вредную участницу за стены и помахать на прощание ручкой. Что ж, Игра так Игра. «Потанцуем?»- усмехнулась про себя Ольга.

...Тяжело было невероятно. Во вторник Вера еще разрешила помочь Ольге, поскольку ее подруги официально становились золушками со среды, но на следующий день всю работу: уборку, приготовление завтраков, обедов и ужинов для золушек участниц и других обитателей Дома — все непокорной девушке пришлось делать самой. Олеся попыталась было помочь, но ее тут же позвали к Вере для частного разговора. Ольге казалось, что камеры повсюду начинают поворачиваться, как только она проходит рядом. «Не дождетесь!»- думала она ожесточенно и делала вид, что ей вовсе не тяжело.

Макс не появился в среду. Зато Владимирыч принес букет белых лилий:

— Там была записка, — виновато он объяснял, — но я ее где-то обронил.

— А что там было написано?

— Я не знаю, — и охранник смутился, — помню только, что взглянул, кому и от кого.

— Там были буквы «А.К.»?

— Точно были!

Определенно Владимирыч врал, говоря, что не читал и потерял, — все невербальные

признаки вранья были на лицо: мужчина не смотрел в глаза, озирался и потирал нос и шею — Ольга вдруг вспомнила о когда-то прочитанных трудах по языку тела. Значит, в записке от таинственного «А. К.» было нечто, что не пропустила цензура Проекта.

Долго думать об этом казусе не оставалось времени. Вечером, от усталости прикорнув на кровати, она, будто провалилась в яму, пришла в себя глубокой ночью от горевшего в комнате света, шатаясь дошла до выключателя, погасила свет и, не раздеваясь, опять легла, моментально вернувшись в сон.

В четверг, как Вера ни убеждала упрямыцу, Ольга так и не дала согласие, на ходу придумывая все новые и новые отговорки. Менеджер никак не могла взять в толк, почему девушка, изнемогая от непосильной работы, не меняет решения. Карина предложила на внеплановом совещании по этому поводу устроить очередной тотализатор в Интернете. Стрэн только пожал плечами и предложил подождать до пятницы: к этому дню походы золушек в бутики прекращались, и на проект должны были прийти психологи.

72

Играл в прятки

С находчивым хамелеоном.

И проиграл.

— Мне-то зачем проходить этот тест?

Вера заставила Ольгу подняться из цокольного этажа, где та убиралась, и присоединиться к золушкам в парадной столовой, с которыми беседовали две гостьи, блондинка, с короткой под мальчика стрижкой, лет сорока пяти, и шатенка в очках с черной оправой, выглядевшая немногим старше своей коллеги. Менеджер попросила психологов не начинать тестирование, пока не приведет еще одну, одиннадцатую, девушку.

— А вдруг ты все-таки согласишься? Чтобы нам не приглашать психологов еще раз, выполни, пожалуйста, их задание сегодня, — Вера убеждала Ольгу, как учитель, уставший от выходок непослушного ученика.

Поговорив о настроениях, женщины раздали девушкам по три листа белой бумаги, попросили нарисовать фантастическое чудовище, человека и дом; а также на тетрадном в клетку листе написать, почему для участниц важна победа.

Ольга быстро выполнила задание, в то время как остальные корпели над первым рисунком, и попросила разрешение уйти.

— Вы, кажется, Ольга Николаева? — психолог-шатенка заглянула себе в блокнот, — у вас есть какие-либо проблемы на проекте?

— Есть. Куча камер и глупых заданий. Извините, я пойду: мне еще обед готовить.

— Она у нас такая! — с гордостью сказала Олеся после ухода подруги, — ничем нельзя смутить...

Смущаться пришлось психологам, когда они в кабинете, вместе с Верой, Кариной и Виктором, снимавшем беседу для субботнего выпуска, обсуждали результаты психологического тестирования.

— Ваша Николаева, соглашусь, пожалуй, девушка-сюрприз. Вы только посмотрите, что она нарисовала, — психолог-блондинка отложила в сторону четыре листа.

Шатенка наклонилась к ним, сняла очки и закивала согласно головой, а Виктор тут же подошел с камерой снять изображение крупным планом.

— Я не понимаю, как так получилось, что у вас на проекте задержалась такая девушка, — блондинка удивлялась:— Здесь налицо гипертимно-застревающий тип с ярко

выраженным демонстративным акцентом; ненависть к окружающим, повышенная сексуальная и нервная возбудимость и еще много чего, стыдно озвучить.

— Слишком много для одного человека, — шатенка задумчиво покусывала дужку очков.

Вера посмотрела нерешительно на Карину:

— Странно, я не верю, мне казалось, что Николаева всегда была честной и откровенной, по ее лицу можно все прочитать. Тут что-то не так.

Карина Собак взяла в руки тетрадный лист всего с одной строчкой, прочитала вслух:

— «Для меня на этом проекте победа не важна». Понятно? Неужели у нее такой ужасный почерк?

Вера попросила посмотреть и улыбнулась: каждая буква имела заливчатскую вычурную закорючку, буквы то наезжали друг на друга, то стояли в стороне. Сама строчка уходила вниз, даже не заканчиваясь стандартным знаком препинания.

— Это не ее почерк, я бы обратила внимание. Сейчас я принесу анкету Николаевой.

— ...С остальными все более-менее просто, — психолог-блондинка отложила еще несколько рисунков. — Я бы порекомендовала присмотреться к Виктории Шаповаловой, Жвалевской Олесе и Ирэн Артисян, у них очень твердая жизненная позиция. Они открыты и дружелюбны, вполне готовы к созданию семьи. Адуевская Наталья, Султанова Рамина, Маслова Татьяна и Миусова Ника несколько замкнуты, но все в пределах допустимой нормы. Меня насторожили рисунки Петровой Арины и Колобовой Нинель. Эти девушки пойдут на все ради победы. Я бы рекомендовала так же обратить внимание и на них.

— А как вы все это узнали? — Карина подалась вся вперед, пытаясь разглядеть причину этих комментариев, — давайте по порядку. Начнем с Виктории Шаповаловой, я вижу, вы ей дали больше всех очков.

— Хорошо, давайте пройдемся по каждой личности.

— Вот! — в кабинете появилась Вера со стопкой тонких файловых папок, — я же говорила: здесь что-то не так. Вот, взгляните, в анкете на первой странице мой почерк, а дальше — Николаевой.

Она протянула психологам папку с досье Николаевой. Женщины склонились над почерком в анкете и фотографиями:

— Значит, ваша золушка намеренно фальсифицировала тест. Здесь и здесь — абсолютно разные люди.

Вера вздохнула с облегчением.

— А давайте пригласим ее сюда, мне бы очень хотелось узнать, зачем она это сделала, — шатенка просительно взглянула на Карину и Веру, — в моей практике это первый подобный случай.

— Ну что ж, идите, Вера Александровна, — кивнула Карина.

Ольга пришла с розовыми от недавней возни в воде руками и в переднике поверх униформы.

— Вы догадываетесь, зачем мы вас позвали? — Карина Собак развернулась на стуле.

— Нет.

Психологи переглянулись:

— Тогда не могли бы вы прокомментировать свои рисунки?

— Что плохого в том, что я не умею рисовать? — Ольга пыталась сдержать довольную улыбку, — и потом, я же не психолог: как я могу их прокомментировать?

— А зачем вы изменили свой почерк? — шатенка подняла в воздух тетрадный лист, а

Вера демонстративно развернула в сторону девушки раскрытую папку с анкетой.

— Вот блин! — Ольга искренне огорчилась. Чувствуя себя припертой к стене неопровержимым доказательством, она вздохнула. — Хорошо, я все расскажу.

Оператор развернул в ее сторону камеру.

— Можно меня не снимать? Сколько можно!

— Виктор, отдохните, немного, — попросила Карина, легко выполнив просьбу девушки, тем более что скрытые камеры в кабинете были по-прежнему включены, — говорите, Оля.

Ольга облокотилась на дверной косяк:

— Я хорошо знаю эти тесты и ключи к ним. Я еще в школе увлекалась психологией. А в институте, на втором курсе, помогала знакомым писать курсовые по психологии. Так что теперь я могу обмануть любой тест: Айзенка, Шмишека, Люшера, Кеттела или опросник, хоть Спилберга, хоть Тейлора — не важно, какой.

— Почему нам ничего не сказали? — простое объяснение девушки обескуражило психологов.

— Я могу не отвечать на этот вопрос?.. Теперь уже это не важно: я зря старалась. Можно идти? У меня работы много, — Ольга вопросительно показала большим пальцем на дверь.

Вера кусала края ногтей, пытаясь удержаться от громких вздохов, и с замученным видом переводила взгляд с психологов на ведущую. Психолог-блондинка кивнула девушке, и Ольга молниеносно испарилась. Виктор тут же включил камеру.

— Да-а-а, фокус-покус! — шатенка водрузила на нос очки и сделала вид, что рассматривает рисунки.

— Я как-то и не подумала: нужно было сначала изучить анкеты, — подала голос второй психолог, — больше здесь нет других знатоков?

Карина с Верой переглянулись.

— Вообще-то одна из девушек учится на психолога, — Вера взяла в руки оставшиеся досье, нашла нужное и положила на стол перед собеседницами, — пожалуйста, вот она.

Карина взглянула на фото:

— Итак, у нас появился кандидат на вылет.

73

Под душевной маской

По лицу ручьи текут.

И снять опасно...

Татьяна Вежинова чувствовала непреодолимую усталость: быть актрисой полдня и круглосуточно — большая разница.

Вера Александровна была хорошей подругой мамы Татьяны, иногда, обычно в середине августа, на неделю приезжала с семьей погостить к ним в Варну. А в этом году Вера со своей дочерью, сверстницей Татьяны, неожиданно приехала в гости посередине марта, предупредив о появлении едва ли не в последний момент. За вечерним чаем гостя сделала предложение амбициозной, но неизвестной миру талантливой студентке театрального института. Никакой сложности — играй себе стерву и играй. Главное, чтобы другие участницы проекта начали подражать, подыгрывать. Так сказать, обнаруживали бы в себе пороки и выставляли их на свет Божий. Остальное дело — судей.

Пришлось, конечно, повозиться с акцентом: дело было не из легких, но природный музыкальный слух помог, в результате фонетических тренировок с московским доктором

Хиггинсом, избавиться от нехарактерных для русского языка звуков.

Первую неделю было достаточно легко, и Вежинова даже получила от этого удовольствие: играть на чужих пороках оказалось наизабавнейшим делом. Пришлось немного намекнуть на свою связь со спонсорами, на возможность замолвить словечко — и две рыбки, Зоя Корнева и Алла Левицкая, попались сразу. Остальные ловились, когда Татьяна шутила, а шутила она зло и метко, и начинали смеяться над другими людьми. Если бы только за одно злорадство выгоняли с проекта, то уже после первой же недели из золушек осталась бы одна честная Ирэн Артисян да рассеянная Александра Сергеева, пропускавшая мимо ушей половину шуточек.

Чем дальше, тем становилось скучнее и тягостнее. С Никой работать было одно удовольствие, вместе они зажигали, стравливали две группы; а замучить бесхребетную Ксюшу было легко, только совесть потом мучила. Вера, правда, успокоила Татьяну, наговорив много чего про девушку, покинувшую проект по вине стервы. И что Ксюша даже не сама пришла на кастинг, а привела ее мама, возжелавшая для своей дочери хорошего жениха; и спонсоры сделали ставку именно на этой покорности девушки, предполагая, что кое-кому может понравиться это бессловесное существо с огромными, коровьими темными глазами. Ушла и ушла — зато с досье потенциальных женихов, уж пробивная мамочка подберет для своей дочери, студентки филфака, кого-нибудь из этих. И Вежиновой полегчало.

А затем к ней в пару сам Стрэн поставил незваную гостью проекта, Николаеву. Татьяна долго подбирала к ней ключи, потратив время на размышления. В отличие от Ксюши, внутри Ольги был некий несгибаемый стержень, и, кроме того, чуть не раскусила Маслову-Вежинову. Во время танцевальных репетиций Татьяна так увлеклась, что сбросила напускную важность и стервозность всего на мгновение, оговорившись и назвав Николаеву по имени, чего никогда себе «не позволяла» с помощницами. Ольга тогда не подала и виду, будто сама увлеклась танцами, но позже Татьяна видела ее взгляд, как если бы эта девушка с косичками была бы третьим агентом под прикрытием.

Тяжело далась Вежиновой пятница, которую Ольга про себя назвала «черной», девушка плакала так, что стены плавились от жалости. Вера перед тем, как отправить девушек в ночной клуб, отпаивала Татьяну валерьянкой:

— Танечка, ты молодец! Все получилось просто супер, ты не переживай.

— Да я-то что, как кошка, отосплюсь — и все пройдет. Не пойму я: зачем вам это нужно было?

Вера вкратце рассказала про желание спонсора оставить эту девушку, иначе Ольга, кто знает, уехала бы с Пуховой в тот же день, или в другой: главная мама данс-балета «Кордес» не дала бы в обиду талант.

Весь вечер, после своего преступления, потом, в ночном клубе, Татьяна невольно наблюдала за Ольгой, думала, что напьется несчастная с горя, потеряет над собой контроль — и все, под одну гребенку с расшалившимися Валерией Терентьевой и Светланой Мальковой — в автобус и домой. Плакал тогда план Стрэна и Веры. Но опять девушка с косичками выстояла: покинула соблазнительный вертеп ради тихого автобуса. Тогда-то провокаторша развернула для оставшихся в клубе свой талант конференсье, показала его красоту и мощь!

Согласно устному договору со Стрэном, гостя из Болгарии должна была помочь выгнать хотя бы пятерых негодных невест, однако она перевыполнила план. С проекта,

благодаря ей, ушло семеро, и, как говорится, «мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Константин Андреевич показал Татьяне бумагу с неплохими цифрами, переведенными на личный счет молодой актрисы, и спросил, не хочет ли она остаться и дальше, на месяц. Но Татьяна так соскучилась по дому, родителям и возлюбленному, который заставил пол-Болгарии смотреть «Десять Золушек» из-за нее! В последних телефонных разговорах мама рассказала Татьяне о нескольких звонках от местных продюсеров, предлагавших роли в сериалах ее талантливой дочери. Тут можно было бы красиво уйти, разве повод все никак не подворачивался, да и эти необъяснимые перемены в золушках и в главном распространителе инфекции — Колобовой Нинель.

Татьяна чувствовала фальшь в благих словах Нинель, но никак не могла понять причину перемен. Ни на какие откровенности красавица не шла, наоборот, удаляясь все дальше, отшучивалась и говорила, что давно пора было открыться глазам и сделать помощниц своими подругами, и тому подобное в этом духе. Так что Вежинова только предупредила о своих подозрениях Веру на случай, если выпадет шанс уйти раньше Колобовой.

И такая возможность подворачивалась на этой неделе, Татьяна использовала все, чтобы уйти красиво, по-масловски, и, главное, справедливо, чтобы другим неповадно было. Завалила задание от стилистов: нарочно выбирала себе такие наряды, что мама пришла бы в ужас. Но самое главное, Татьяна была в восхищении от поведения строптивой Николаевой. Эта девушка методично перечеркивала все планы дирекции проекта, заставляла своим решением менять стратегию, запланированную и продуманную за почти полгода до съемок.

Вот кто был провокатором более гениальным, чем она, студентка театрального института! Своим решением, противоречащим ситуации, Ольга для начала разделила всех участниц на три лагеря. Одни держались мнения, что Николаева падка до денег, другие, — что так она делает себе славу, третьи видели в этом намек на собственное тщеславие — и всем одинаково кусок хлеба не лез в горло, пока единственная помощница прислуживала за столом. Из любопытства поставив будильник на шесть утра, в четверг, Татьяна наблюдала, как Ольга, уже без косичек, но с выбивающимися из хвостика короткими локонами у лица, торопливо убирает особняк, чтобы избежать сочувствия со стороны так называемых подруг и приготовить завтрак.

Порывавшихся облегчить работу непокорной участнице Вера то отчитывала, то убеждала, что трудовая терапия заставит Ольгу быстрее принять решение. Пока не взбунтовалась Жвалеvская: в четверг рыженькая Олеся пришла к менеджеру, прихватив с собой Ирэн Артисян как тяжелую артиллерию, и сказала, что согласна с решением жюри, если оно выгонит ее, противницу использования рабского труда, но все равно продолжит помогать своей подруге, какие бы планы та не вынашивала. Вера для видимости сдалась, однако мимоходом рассказала Ольге, протирающей полы в бассейне, про визит подруг. Тут же, сразу после того, как психологи собрали все тесты, Ольга сама отчитала Олесю, оказавшуюся на кухне, желающую поспособствовать обеду:

— Олеська, ты же ничего не знаешь! Не подставляйся, я тебя прошу, потерпи до субботы.

— А что будет в субботу? — веснушки Олеси сразу заподозрили подвох.

— Ну, я решила, что в воскресенье утром дам согласие. Доработаю уж пока.

Олеся бросилась на шею Ольге, попутно показав язык Масловой, спустившейся за холодной минералкой.

Ждать спокойно до субботы в планы Татьяны не входило. Она и так не беспокоила

Ольгу всю неделю, сосредоточившись пока на расшатывании моральных устоев жительниц третьего этажа и собственной репутации. «Я буду не я, если не выведу всех в пятницу», — решила будущая актриса и, начиная с завтрака, планомерно шла к цели, уже представляя себя дома, в родной Варне, на коленях возлюбленного.

С едой все было в порядке. Омлет на завтрак не подгорел; обеденный супчик с болгарским перцем, плов в качестве второго блюда были такими, что пальчики оближешь; легкий суп с лапшой на ужин тоже был ничего.

— Это что, остатки обеда? — Татьяна водила ложкой в тарелке, пытаясь найти все признаки сходства.

— Чего ты опять? — возмутилась Олеся, — вкусный суп. Спасибо, Оля.

Тогда Татьяна переключилась на второе, картофельное пюре с котлетой и подливом, словно нехотя, давясь и запивая компотом, очистила тарелку, сразу попросила Ольгу убрать посуду, которая напоминает ее гадкое содержимое.

— Зачем же ела, если было невкусно? — кажется, провокация дорогуши удалась, и повар разозлился.

— Пришлось, чтобы от голода не умереть, — Татьяна задумчиво искала глазами на столе, чем бы еще перекусить, придралась к овощам, якобы щедро пересоленным, «увидела» на бокале следы мух, подумала и попросила налить суп, только бульончика побольше, а то желудок встал после этой картошки и не хочет работать.

— Суп, который у тебя в тарелке, не пойдет? — Ольга начала злиться, что для провокаторши было хорошим признаком приближающегося скандала.

— Нет, он уже остыл. Я такой есть не могу.

Олеся собирала со стола ненужные тарелки, вопросительно поглядывая на Ольгу, подошедшую к Масловой и имеющей достаточно решительный вид.

— Извини, тебе придется съесть этот суп или уйти. Еще Вера и мужчины не ужинали.

— Нифига себе! Я попросила ее налить мне еще суп, а она хамит! Вы это видели? — дорогуша огляделась по сторонам.

Зрители чувствовали близкую кульминацию, но не знали, как поступить. Как только сидящие поблизости от Ники открывали рот, та пинала ноги под столом, заставляя умолкнуть.

— Давай, налью, — Ольга взяла в руки тарелку, помедлила и вылила остывший суп на голову Масловой.

Провокаторша ожидала что угодно, кроме этого экспромта, растерялась на мгновение и быстро вернулась в свою роль.

— Ну как, желудок заработал? — Ольга сделала шаг назад, словно чтобы полюбоваться своим произведением, не выпуская тарелку из рук.

— Ах, ты, стерва! — Татьяна выбежала из-за стола, растопыривая руки и отряхивая с одежды и головы суповые ингредиенты, — ты испортила мне прическу и мою новую кофточку!

— Таки добавочки? — Ольга взяла в руки поварёшку.

Зрители не могли удержаться от смеха, но Ника пулей вылетела из-за стола и встала между возмущенной, хватяющей ртом воздух Масловой и решительной Николаевой.

— Тихо, девочки, тихо!

— Ты знаешь, я обещала Лерке вылить на тебя стакан чая, но извини, чая под рукой не оказалось, — Ольга подавила зевок.

— Вот ты... стерва! — Татьяна решила, что спектакль получился недурственный, а драка выглядела бы уж совсем пошло, и выбежала из столовой.

— Ты воплотила мою мечту! — перекрикивая аплодисменты, смеялась Наташа.

— Извините, но вы тоже хороши, могли бы и сами ее успокоить! — Ольга «оторвалась» от холодильника и покинула развеселившуюся компанию.

74

Устали руки

Бороться с рекой.

Прощайте, не смог...

— Ты из-за Вики расстроилась?

В субботу, после оглашения имени покидающей проект, Ольга даже не пошла со всеми к воротам прощаться, заметно скисла и удалилась в свою комнату. Олеся, Ника и Наташа зашли к ней, лежащей на кровати и уткнувшейся лицом в подушку. Подругам стоило немалых трудов, чтобы разговорить Ольгу.

— Я сделала все, чтобы вылететь! — она вытирала покрасневшие веки: я пошла против решения проекта, я завалила тесты, наконец, я облила Маслову супом... И все безрезультатно!

— С ума сошла? — Наташа развела руками, — а мы-то все гадали, зачем тебе это было нужно.

— Я спросила у Веры, почему ушла Вика, а не я, — Оля продолжила рассказ, — знаете, что она мне сказала? Что я вообще могла бы дойти до финала, потому что со своей работой справлялась хорошо, а до тех пор, пока я поддерживаю это проклятое разделение на помощниц и золушек, они, согласно бизнес-плану проекта, вообще не имеют права меня отпустить.

— Почему? — в один голос удивились Наташа и Олеся.

— Потому что в процентном соотношении меня в любом случае будет меньше, чем вас! — Ольга передразнила Веру сквозь слезы.

— Как это? — не дошло до Наташи.

Олеся сообразила быстрее:

— Какая глупость! Значит, ты меня обманула, когда пообещала согласиться?

— И да, и нет. Я только что дала свое согласие и вот... — Ольга протянула руку с устройством для «подслушивания», как называли микрофон золушки.

75

Первое декабря.

Последние хризантемы

Собрал и жду.

— Ну что, дорогие мои, я еще раз поздравляю вас: вы все финалисты и, как никогда, стоите в полушаге от намеченной цели. Я рада, что Николаева Ольга присоединилась к нам, и я надеюсь, что вы понимаете меня, почему.

Карина Собак сделала паузу и обвела взглядом всех сидящих за столом девушек.

— Вас теперь десять, как и в названии нашего проекта, «Десять Золушек». Вы через многое прошли, многим вам пришлось пожертвовать, но это того стоило. На этой неделе вам предстоит самое приятное задание: вы будете выбирать себе Принца. Да, многие из вас познакомились с несколькими претендентами. Но на этой неделе я открываю перед вами неограниченные возможности.

Вера поднесла ведущей пухлую файловую папку, Карина бережно приняла подношение: — Здесь досье всех мужчин, приславших свои анкеты и фотографии нам на электронный адрес. До среды я даю вам шанс найти своего Принца среди них. Разумеется, чтобы жизнь не казалась вам медом, я положу в вашу бочку свою ложку дегтя. В анкете мужчины указывали понравившуюся ему участницу, так что, девочки, будьте осторожны, если ваш Принц вдруг вам не подойдет. Да, да, да, предвижу ваши вопросы! Если вы уже определились с выбором и нашли своего суженого, то я только приветствую. Помните одно, ваш избранник должен вас стоить, иначе сказки может не случиться. В среду у вас будет возможность познакомиться ближе со своим Принцем, а в пятницу мы едем в Большой Театр и после него — в ресторан, где вы и представите публике свой выбор.

Кроме того, поскольку на нашем проекте начинается новая эпоха, мы разыгрываем Золотую Карту. Это шанс для каждой из вас исполнить заветное желание. Сегодня мы объявим для наших телезрителей и ваших поклонников о том, что у них появляется великолепная возможность сделать вам подарок. Как только на персональный виртуальный счет каждой из вас придет миллион смсок в вашу поддержку, мы вам отдаем эту карту, — ведущая показала позолоченный прямоугольник, — как символ вашего желания. Последняя миллионная смска может прийти в любое время дня и ночи — будьте готовы озвучить ваше желание немедленно. Кроме того, каждую неделю покидать наш проект будет золушка с самым низким рейтингом... Держитесь, девочки, начинается новая жизнь!

76

Малое облако

Закрыло собой солнце...

Так кто сильнее?

Первое, что сделала Ольга, когда Вера в субботу заново распределила пары, дежурство по столовой и территории Дома для уборки, — сначала девушка, выдохшаяся за тяжелую неделю, выпалась. В обмен на свое согласие, Ольга выторговала право остаться в комнате, к которой привыкла и в которой оценила преимущество пребывания одной: здесь никто не сплетничал и не бубнил, перебивая сон. Обидевшимся подругам Ольга сказала, что это временно, пока она не придет в себя.

— Ну-ну, ты не можешь не идти против системы, да? Все по-своему, — проворчала Ника.

— Не дуйся, хочешь, я буду делать вам массаж? — чтобы задобрить подругу, сказала Ольга.

Прежде душа компании и жизнерадостная Ника день ото дня становилась сварливой, возможно, от того, что, как и все, устала. Работу свою выполняла спустя рукава, часто жаловалась на жизнь, ухажеров; потом собиралась с силами — и ненадолго. Когда начали определяться с выбором Принца, Ника раскритиковала все предлагаемые анкеты, находя во всех претендентах порок; в отличие от Масловой, которая полистав первой папку, быстро, или просто наугад, выбрала себе спутника, молодого бизнесмена из Болгарии, вытащила его фото с номером и больше не делала попыток передумать.

У остальных дело вообще не продвигалось: глаза разбегались от вариантов, и поэтому золушки медлили. Чтобы помочь сделать выбор и поддержать решимость выполнить нелегкое задание, дирекция пригласила в Дом известных в шоу-бизнесе женщин, телеведущих передачи «Марш Мендельсона», на которой знакомились молодые и не очень люди для последующего создания семьи.

Как только в столовой, где Вера попросила девушек собраться, появились знаменитости с огромным тортом, поводом для длительной беседы за чаем, Ольга тут же улизнула: собрала ужин голодному Владимирычу и поспешно, разумеется, пообещав немедленно вернуться, удалилась с разносом. Доставив ужин по назначению, попросила удивившегося охранника есть как можно медленнее, а сама свернула к садовым качелям, на которых когда-то сидела с Максом и впервые поцеловалась с ним.

В вечернем воздухе висели те же звуки и запахи, что и в тот вечер, но сегодня было не просто пусто и одиноко — на сердце висела тяжесть, словно перед казнью. Ольга не могла доверить свою тайну Вере, которая уже однажды, вместе со Стрэном, доказала: администрации проекта доверять нельзя. Поэтому влюбленная попыталась посоветоваться с Никой, словно бы случайно намекнув, не может ли она, Ольга, теперь уже ставшая официально золушкой, выбрать принца не из предложенных Проектом, а другого...

Проницательная Ника тут же раскусила «коварный» замысел и, не дожидаясь, пока Николаева назовет имя Макса, отчитала подругу за самодеятельность: если Ольга не хочет платить Проекту огромную неустойку за невыполнение условий контракта, то она должна четко выполнять все задания. Сказали выбрать себе Принца — из представленных досье или из гостей Проекта — значит надо выбирать только из них.

После этого разговора, Ника сделала вид, будто не замечает красных глаз Николаевой, а на вопрос Ирэн, что опять случилось, сама Ольга грустно отшутилась: «У тебя, случайно, яд нигде не завалился?»

«Где же ты, почему молчишь?» — девушка была уверена, что с Максом все в порядке: иначе она наверняка что-то почувствовала бы. Что заставляло его молчать — оставалось пока неразрешимой загадкой.

Ольга собралась всплакнуть, но послышались шаги, поэтому она быстро встала, пошла навстречу: Владимирыч нес «сдачу» из пустой посуды. Пришлось слезы заставить вернуться назад, куда-то очень глубоко, под сердце, и идти в Дом, на очередную словесную пытку.

— ... Спросите у нашей Арины Родионовны! — при ее появлении тут же съязвила Маслова: очевидно, в отсутствие Ольги разговор зашел в тупик.

— Прекрати! — Ирэн одернула дорогушу.

— Не, а чо я такого сказала? Я, что ли, тут по вечерам детям лапшу на уши вешала?

— Тань, ты, правда, перегибаешь палку, — Нинель поддержала Ирэн, не без легкого трепета в голосе.

Лидия, сваха от шоу-бизнеса, взмахнула руками, как дирижер перед оркестром:

— Спокойно! Вы все высказались?.. Оля присаживайтесь.

«Куда тут можно голову положить?» — вертелось на языке Ольги. Все с тем же ощущением приглашенного на собственную казнь, она заняла место, указанное теледивой.

Все девушки, кроме вошедшей, были хорошо знакомы с сегодняшними гостями (эти женщины на втором туре Проекта входили в состав жюри) и поэтому чувствовали себя увереннее. Не смотря на то, что ведущие популярной передачи вызывали симпатию, Ольга не могла побороть растущего раздражения, то ли заразившись им от Ники, то ли от обычной усталости и желания побыть одной и помечтать. Ну что за дурость, ей богу, устраивать принудительный разговор по душам? Слепому ясно, что камеры снимают, микрофоны пищут, и этот разговор обязательно войдет в эфир. Поэтому надо тщательно подбирать слова, показать себя милой и скромной девушкой... А может, все таки, взорвать это «правильное» царство?

— Так что вы думаете, Оля? — Лидия повторила вопрос, стараясь не показывать желание зевнуть.

— А его не существует вообще! Это абстрактное понятие и чисто субъективное.

Сказанное, как и ожидала довольная Маслова, одним махом перечеркнуло все философствования и набор стандартных фраз умненьких и хорошеньких золушек. Все тут же насторожились и, в первую очередь, близкие подруги: они прекрасно видели в последние дни Ольгину хандру, злость и ее готовность идти против течения.

— Почему? — присутствовавшая при беседе Карина Собак заметила встревоженный взгляд Ники и приготовилась к спору.

— Потому что у каждого народа свои представления об идеале: сравните Азию и Европу, Америку... Что тут непонятного? — еще пока терпеливо и вежливо пояснила Ольга, — так чей идеал жены нужно описать?

Лидия переглянулась с коллегами. Встряла вечный миротворец Олеся:

— Оль, ну ты чего? Мы же так, просто рассуждаем...

«И морально готовимся к встрече с Принцем...»- Ольга опять невольно съязвила про себя, но промолчала и, вместо этого, произнесла:

— Да я поняла, поняла... Чистые тарелки, умытое дитя и прочее... Ну да, общий стандарт. Только это не гарантирует крепкого брака. Это такой же миф, как и сказка о Золушке.

— Что вы имеете против Золушки? — Собак вступилась за честь Проекта, не давая гостям опередить себя, — вам не нравится эта сказка?

— Сказка мне нравится, только ее восприятие, как правило, далеко от того, что хотел сказать автор, — спокойно ответила Ольга, не обращая внимания на толчки Никиной ноги под столом.

— Интересно, — гостья-астролог, с красивым именем Илария, положила свою ладонь на руку Лидии, словно бы прося разрешение повести дальше беседу самой. — Расскажите нам, Ольга, что вы имели в виду.

Олеся наклонилась к Ирэн, чтобы шепнуть той на ухо: «Учись, сейчас наша Лелька всех сделает!»

— Как правило, одна треть женщин, считающих эту сказку мудрой, растят в себе так называемый (это не я придумала) «комплекс Золушки»: ждут своего идеального Принца всю жизнь, не замечая вокруг себя реальных мужчин, с их недостатками и достоинствами. Результат — одиночество и раздражение на всю жизнь.

— Та-ак, — астролог кивнула головой, соглашаясь с упомянутой теорией.

Ольга продолжила, тоном, будто бы пересказывала самую скучную лекцию:

— Другие же, как правило, молодые, считают, что стать Золушкой — значит выйти замуж за очень богатого молодого человека. Не важно — по любви или нет. Вернее, не так: любовь здесь совсем не важна.

— Правильно, — поддакнули Лидия и Тамара, самая громкоголосая из свех.

— Однако Проект «Десять Золушек», не смотря на всю абсурдность и, я бы даже сказала, порочность этого решения, толкает нас именно на этот путь. Почему я должна выбрать неизвестного мне молодого человека за два дня и (я правильно предполагаю?) еще и выйти за него замуж. Чтобы составить рейтинг Проекту? Или чтобы показать, как не надо создавать семью? — не желая замечать негодования Собак, Ольга продолжила с упорством горящего фитиля на взрывном устройстве. — Наше телевидение уже разрушило все

моральные устои: у нас одиннадцатилетние девочки рожают, словно это в порядке вещей. Реклама секса и порнографии на каждом канале, причем в дневное время, журналы с откровенными фотографиями в каждом киоске...

— Где это вы видели у нас на канале? — Карину прорвало.

— Мы настолько привыкли к этому, как к случайным ругательствам, что не замечаем пошлости. А подросткам хватает и намека. Или половина рекламы не носит такого характера? А эротические сцены в фильме разве сейчас вырезают? Наоборот, еще и в рекламный анонс вставляют! И вы тут еще со своим Проектом. Вы закрепляете в подсознании незамужних телезрительниц идею того, что ради конечной цели — замужества или победы на проекте — любая может перешагнуть через свою честь... И не надо меня пинать под столом!

Ольга оттолкнула Олесину руку, тянущуюся к ней через Наташу, выразительно зло посмотрела на сидящую рядом Нику и вышла из-за стола.

— И что же вы предлагаете? — Собак, хотя и помнила о работе камер, позволила себе вспылить.

— Вместо того чтобы говорить на пустую тему об идеальной жене, уж если вы собрались создать такой образ, то начинать нужно с обучения девушек, как вести себя в различных конфликтных ситуациях в семье. Как научиться видеть проблему, которая еще не беспокоит, но повлечет за собой тяжелые последствия; как прощать и просить прощения; когда молчать и когда говорить... Что мужчин, как и подруг, надо любить и уважать в целом, а не только своего персонального Принца. Что надо, наконец, приносить мужу пиво, когда он смотрит свой дурацкий футбол, и сидеть рядом, болеть за ту же команду, а не убегать к соседке, чтобы перемыть кости всем знакомым... А ваша Золушка, если бы она была просто работающей и удачливой, вряд ли смогла бы завоевать сердце Принца всего за пару часов. Наверное, кроме желания уехать от мачехи, у нее еще что-то было. Вот здесь, — Ольга показала на грудь.

Девушка обвела взглядом замолчавших собеседников: переглядывающихся подруг, Маслову, с усмешкой рассматривающую собственные ногти, покрасневшую Нику, полусмущенно довольных свах; Собак, с непроницаемым лицом отрезавшую себе кусок торта, и Виктора, невозмутимо снимавшего происходящее, больше похожее на скандал, чем на гламурную встречу с телезвездами.

— Но если бы крестная фея вмешалась бы раньше в судьбу Золушки, все было бы по-другому, — невпопад сказала Нинель: еще минут пятнадцать назад она была в центре внимания, а сейчас даже немного возревновала к Ольгиному успеху.

— А ты почитай «Кольцо и розу» Теккерея... Не может правитель стать хорошим, пока он не побывает в шкуре бедняка. В смысле, королева как правитель, — Ольга задвинула за собой стул и пошла к выходу, кивнув гостям, — приятно было с вами познакомиться. Спокойной ночи всем.

— Вы с нами больше не хотите посидеть? — спросила Лидия.

— Извините, я просто хочу спать: сегодня рано встала.

— Жалко, я надеялась, что вы нам еще что-нибудь про сказки расскажете, — мягко произнесла Илария, — мне лично понравилось.

— Спасибо. Только сколько можно уже про этих Золушек, Бетсинд и Отикубах всяких говорить? У нас своих героинь хватает.

— Но вы так и не ответили на главный вопрос, — готовую уйти Ольгу опять остановила

Лидия.

— Какой?

— Я во многом с вами согласна, Оля. Но, тем не менее, вы сами выбрали себе спутника жизни?

— Да.

Ника закашлялась, однако и без нее Ольга знала, что не скажет лишнего.

— А вы его любите или выбрали только потому, что было необходимо сделать выбор?

— Очень люблю. И выбрала сама, — не дожидаясь, пока ее начнут расспрашивать,

Ольга быстро вышла.

Закрывая за собой дверь, она услышала смех эксцентричной Масловой и, кажется, принадлежавшие ей одинокие аплодисменты.

77

В клейких сетях

Слишком много глупых жертв.

Растерян паук.

Артур злорадно посмеялся над новостью Ники о том, что дирекции проекта пришлось отменить свое первоначальное намерение — устроить несколько показательных свадеб. И, в который раз, причиной этому решению стала резкая отповедь Николаевой, которую поддержали телезрители. Хотя, в целом, задание найти себе партнера осталось прежним, и все же такой поворот сулил Проекту возможный крах: Игра лишалась своей главной изюминки — шанса повторить развязку бессмертного сюжета Шарля Перро.

Парочка уютно расположилась на садовых качелях, обсуждая последние новости. Ника достаточно подробно пересказывала события последней недели, говоря быстрее обычного и не в силах отвести взгляд от нового Артура. Он, не появлявшийся в Доме несколько дней, вдруг приехал другим, изменившимся внешне, с макушки исчезла косичка, которую Ника пренебрежительно называла оселедцем, и покрасил волосы — из стильного «блондинчика» превратился в не менее привлекательного брюнета. А его рассеянная задумчивость только добавляла шарма. Изложив новости, Ника принялась подшучивать над визави, пытаясь абсурдными догадками выудить причину перемен во внешности. Артур отшучивался, получая удовольствие от легкого флирта, и накручивал на палец завитые, словно пружинки, локоны приблизившейся Ники.

— Слушай, неужели тебе совсем не жалко подругу? — неожиданно спросил молодой человек.

— Какую? У тебя что-то в волосах, — девушка вдруг заметила хвоинку и протянула руку к голове Артура, чтобы убрать, помедлила и запустила свои пальцы ему в волосы.

— Олю, — Артур не отстранился, — чего ты этим добиваешься, я никак не пойму. За что ты ее ненавидишь?

— Я? Я ее не ненавижу. Просто так... Хочу, чтобы ты понял разницу между тем, кто тебя любит и кто — нет...

— Ну и стерва же ты!

— Да, и горжусь этим... Поцелуй меня, пожалуйста.

Артур потянулся к Нике, приподнял кончиками пальцев ее лицо, притянув к себе, и приблизил свое, для поцелуя. И, прежде чем поцеловать, внимательно рассмотрел расслабленное лицо, макияж на опущенных веках и чувственно полуоткрытые губы; поцеловав, сразу отстранился:

— Почему ты не можешь быть...простой?

Ника попыталась скрыть досаду за ироничной улыбкой:

— Простой, как веник?

— Да так, действительно, брякнул, не подумав...

Артур вздохнул, надувая щеки, отвел взгляд, задумался. Еще полчаса назад она, отлучившаяся «припудрить свой носик», заставила его ждать себя в столовой минут десять. Скучая в ожидании, он сидел за столом, прихлебывая горячий чай и набирая смски на телефоне. Неожиданно кто-то обвил его плечи рукой, поцеловал в затылок и уткнулся лицом в волосы. По голосу он узнал: Ольга.

— Слава Богу!.. Сидит тут себе, негодник... А я схожу с ума... Господи... — Артуру было бы очень интересно узнать, что еще сказала бы обозвавшаяся Ольга, но, совести ради, ему пришлось обернуться.

Девушка тут же отшатнулась, растеряв в смущении и смятении все слова.

— Что, сильно изменился? — улыбнулся тогда Артур, — вот, как ты советовала...

— Я пошутила... тогда, — с трудом ответила Ольга, собираясь сбежать.

— Подожди, у меня для тебя новость.

Он десять раз потом пожалел, что сделал это, поддавшись на уговоры Ники. А когда Ольга ушла бледная, но не показавшая и вида, что убита новостью, он остался сидеть, еще помня мурашки, которые побежали по всему телу от нежных прикосновений. Интересно... Легкие упрёки, не обязывающие к ответу. Пропади он, исчезни от Ники в такой ситуации, на неделю, на день, она, как минимум, устроила бы ему скандалчик по поводу неизвестности. А Ольга готова все простить...

— Ты это слышишь? — Ника вывела его из раздумий.

Артур очнулся и прислушался. Где-то, в стороне ворот мужской голос кричал: «Оленька! Я здесь! Оля! Я тебя люблю!».

— Что за черт? — Артур побежал на звуки, за ним — Ника.

У ворот разгоралась нешуточная борьба. Владимирыч находился за воротами, держа наготове дубинку, и по рации кому-то объяснял ситуацию. В нескольких метрах от охранника стоял мужчина лет сорока, в костюме, местами запыленном, с прорехой у рукава, в сбившемся набок галстуке. Он выкрикивал фразы, подаваясь вперед и отводя руки назад, как это делают обиженные дети. Поскольку ворота были приоткрыты, Ника за Артуром вышла было за ворота, но охранник заметил ее, рявкнул, приказав исчезнуть.

Мужчина в костюме так же заметил девушку и попытался прорваться к ней, на территорию Дома, но Артур преградил ему дорогу. Этого рывка было достаточно для того, чтобы Ника вскрикнула от страха.

— Оля, Оленька! Любимая, я пришел к тебе! — взвыл поклонник.

— Ты кто такой, мужик? — Артур схватил за рукав незнакомца.

Мужчина переключил свое внимание на новую помеху:

— А ты кто такой?

— Я первый спросил.

— Я — Андрей Куприн, я — суженый Оленьки Николаевой.

Артур от удивления разжал пальцы и тут же ухватился за другую часть сюртука:

— Ты на себя посмотри, какой ты суженый? По тебе ветлечебница плачет, козел!

Они сцепились, обхватив друг друга, как два борца, повалились на землю. Прозвучавший где-то рядом выстрел был кстати (Владимирыч, наконец, получил разрешение

по рации и пальнул в воздух) — дерущаяся парочка моментально распалась.

— Уходи, пока наряд не приехал! — Владимирыч навел пистолет на мужчину.

— Я вас обоих запомнил! — поклонник пальцем показал на Артура и охранника, — все равно я женюсь на ней.

— Я тебя тоже запомнил! — Артур запальчиво выкрикнул в спину удаляющемуся. — Эй ты, Андрей Козлов! Она идет со мной, понял ты, старый козел? Поищи себе в деревне козу!

— Я тебя запомнил! — повторил мужчина, оборачиваясь, — еще посмотрим...

— Что это за псих? — отряхивая пыль с одежды, Артур спросил у бледной Ники, — давно он тут ошивается?

— Первый раз, — Владимирыч услышал вопрос, — до сегодня только букеты посылал... Надо усилить охрану... Ты посмотри, какой шустрый.

— А что он тут про Ольгу говорил? — Артур потопал ногами, поднимая белое облако над туфлями.

— Сумасшедший, — просто объяснил охранник, — он тут до вас минут пятнадцать мне мозги жевал, говорил, что суженный, что он и есть ее принц, потому что у него первые буквы совпадают... Так, я пойду, свяжусь с начальством, надо доложить. А вы, греха подальше, идите-ка в дом...

— Как страшно! Сколько таких ненормальных. Уйдешь с проекта — и тебя в подворотне этот псих встречает! Или кислотой лицо обольет, если откажешь... — Ника была напугана не на шутку: ее трясло.

Артур вдруг подозрительно посмотрел на девушку:

— Откуда этот debil знает про имена? Ты кому еще говорила про это?.. Чего молчишь?.. Говори!

Виноватое, напуганное лицо Ники и ее молчание красноречиво доказывало правильность догадки. Артур схватил девушку за плечи и встряхнул:

— Я спрашиваю, кому ты еще сказала, дура?

— Отстань от меня! Кому надо! — Ника вырвалась и торопливо пошла к особняку.

Артур догнал ее и, поймав за руку, остановил:

— Ты зачем это сделала?

— Меня Стрэн попросил все рассказывать. Отпусти!

— Ты хоть понимаешь, что ты наделала, недоделанная кузина-белошвейка?

— Я же не знала, что этот псих появится... — Ника расплакалась, уткнулась в плечо молодого человека, но он ее оттолкнул, — я должна была...

— Антилопа! Ревнивая антилопа! Ну и что теперь делать? Я из-за тебя себя последней сволочью чувствую...

Ника вытерла слезы и сказала зло:

— Поздно. Что будет — то будет. И ты меньше языком болтай.

— Ты не просто антилопа, ты — ведьма! — Артур возмущенно плюнул на землю и пошел назад, к воротам, у которых стояла его машина.

78

В воздухе ужас

От жадного зарева.

Рында, плачь громче!

Как холодно и как пусто стало вдруг. Захотелось умереть сразу, сию же секунду — закрыть глаза и, наконец, долететь до этой проклятой земли и разбиться об нее хрусталем,

на миллиарды осколков. Чтобы потом невозможно было собрать, оживить и заставить мучиться дальше. Господи, что же происходит?

Нарыдавшись и уснув от измождения, ненадолго, она проснулась и, словно набравшись сил, снова заплакала: перед глазами стояла пропасть, в которую она летела долго-долго и, подлетая к дну, вдруг опять оказывалась наверху и снова падала. Неужели все, что было, — фальшь, Игра или, еще страшнее, так, для разнообразия?.. Нет, она должна сопротивляться и продолжать верить, верить, верить!..

И все же, почему Он молчит (если то, в чем Ее пытались убедить — ложь), почему не мог передать через Веру, Нику, или, наконец, Нинель, Виктора, что все нормально, что скоро Они встретятся, что... Да мало ли чего можно было передать! Что угодно, лишь бы это стало защитой, доказательством Его невиновности.

Пустота. Земля ушла из-под ног, когда Артур, неловко извиняясь за плохую новость, сообщил, что Макс больше не придет. Никогда. Если бы Артур попытался спрятать улыбку, или на его лице промелькнуло бы нечто другое, указывающее на Игру, Ольга усомнилась бы в новости, дала бы шутнику очередную оплеуху. Но на лице гостя было только сожаление, да и говорил друг Макса неохотно, через силу. Наверное, со стороны, она выглядела ужасно, вызвала жалость, потому что Артур вдруг стукнул кулаком по спинке рядом стоявшего стула и шагнул вперед: «Прости, я не должен был этого делать...» Это было мило с его стороны — пожалеть влюбленную и обманутую дурочку. Ольга нашла в себе силы поблагодарить за искренность, и Артур стыдливо покраснел, силясь ответить, но в это мгновение в столовой появилась решительная Ника. «Ну что, сказал?» — сурово спросила она у молодого человека. «Да, — за Артура ответила Ольга. — Я не верю». — «А фотографию показал?».

Молодой человек зло посмотрел на Нику, вытащил из нагрудного кармана цветной прямоугольник, швырнул его на стол и в бешенстве вышел, бросив Ольге мимоходом: «Прости!» На фотографии веселый Макс в черном сюртуке, с белым цветком на груди, держал на руках девушку в белоснежном пышном платье; позади пары под открытым небом стояли яркие шатры и, возле них, на изумрудной траве, длинные столы, возле столов — толпы людей. Ольга, еще находясь в состоянии удивленного шока, вернула Нике фотографию и сказала спокойно: «Убери, я не хочу больше на это смотреть». «Так что, ты пойдешь с Артуром?» — словно это единственное интересовало Нику. «Пойду», — тихо ответила Ольга и больше ничего не сказала, медленно, будто вмиг постаревшая вдова, пошла наверх, в свою тихую комнату, закрыла за собой дверь на замок, села на кровати, долго смотрела в пол, потом легла, обхватив подушку, — и, наконец, завывала, вздрагивая и давясь звуками...

Отдохнув в субботу и воскресенье, Ольга вернулась, с ожесточением и стиснув зубы, к занятиям в комнате с зеркалами, чтобы вынести отсутствие Макса, чтобы выплеснуть свой страх и одиночество, чтобы, вырабатываясь до седьмого пота, не думать, не чувствовать, не помнить. Костюмов она больше не надевала, но, истязая свои немного расслабившиеся мышцы, вела себя подобно заключенному, готовящемуся к побегу из неприступной крепости.

И если до сегодняшнего дня, до среды, она хотела сделать это ради Макса, то теперь она доведет дело до конца ради себя. Нет, пока она не будет больше думать о том, что произошло. Пусть Ника смотрит на нее своим хищным взглядом, пытается найти тень печали, пусть проклятые камеры не спускают своих глаз с нее, объявившей войну

могущественному Рейтингу. Пусть Вера, Стрэн и другие, с ними взятые, рассчитывают на Ольгину покорность... Пусть! Ничего они не получают — она не будет их крепостной, кроткой и милой Золушкой.

«Святая Феврония, помоги! Дай мне мудрости и сил вынести это...»

79

Бессонная ночь.

Щели в стене соседа.

Все сплетни узнал.

— Дамы и господа, леди энд джентельмен, золушки и принцы! Ночной клуб «Калифорния» приветствует вас и начинает свою развлекательную программу!

— Вот это да! — Олеся кивнула Нике, — смотри, наша дорогуша уже того!

В углу зала, за столиком, сидела Маслова со своим принцем из Болгарии. Они сидели на подозрительно близком расстоянии, перешептывались и целовались время от времени.

— Вы еще удивляетесь, как эта нахалка дожидка до финала, — взвинченная как никогда Ника бросила своего ухажера, широкоплечего Александра, и присоединилась к Олеся.

Неподалеку, через столик, сидели Артур и Ольгой, — Ника с самого начала следила за ними: парочка, в основном, мирно беседовала и так же мирно станцевала медленный танец, держась друг от друга на вполне целомудренном расстоянии.

После объявления о начале развлекательной программы клуба, Ольга, недолго понаблюдав за приглашенными звездами танцпола, вышла из-за стола:

— Ладно, Артур, я пойду с девчонками посижу.

— Я тоже тогда присоединюсь, — молодой человек сгреб сигареты, зажигалку.

— А можно пару сигарет?

— Ты же не куришь! — удивился Артур.

— Это не для меня. Кстати, извини, если обидела тебя словами.

— Ничего, мне было интересно поболтать с тобой, — Артур последовал за Ольгой, и они присоединились к столику Ники, Олеся и Дениса.

Ольга ненадолго присела на диванчик и, извинившись, ушла к бару:

— Можно бутылку водки?

— Какую? — бармен хорошо помнил вечер, когда в ночном клубе отдыхали золушки со своими друзьями, и то, что сегодня к нему подходила менеджер с просьбой быть поаккуратнее с алкоголем, он тоже запомнил, хотя проект оплачивал все затраты клуба, не торгуясь.

— Мне все равно, самую дешевую.

— Может быть, сделать коктейль? — бармену было, конечно, все равно, и тем не менее, просьба начальства — дело святое.

— Я попросила водку, будьте добры. Мы сами разберемся.

— Пожалуйста. Открыть?

— Да, спасибо. Извините, зажигалку можно взять? Я ненадолго.

— Только верните, клиенты берут и не возвращают, а зажигалки у нас фирменные.

— Хорошо.

Нужно было видеть глаза бармена, когда Ольга засунула бутылку себе под легкую курточку, как опытный алкоголик, и пошла не в зал, а скрылась в туалете.

— Вот курица! Тоже мне золушка — ни в жизнь на такую бы не посмотрел.

Как Ольга выглядела сегодня со стороны, она и сама хорошо знала. Прическа, которую

самолично соорудила на голове, и макияж вызвали шок у подруг; не стала скрывать правды одна Олеся:

— Ты с рокерами не общаешься?

Ника, скрыв улыбку за покашливанием, защитила Ольгу: «Она же в ночной клуб идет, ничего страшного». Олеся все-таки потребовала стереть яркие краски, и Ника нехотя наложила новый макияж, попримечнее.

— Куда делся твой вкус? — удивлялась Ирэн, имея в виду то ли сарафан, то ли халат и знакомые серебристые танцевальные шпильки на Ольге, — у тебя же симпатичные джинсы были.

— Я их постирала, — было неприятно, но чем не пожертвуешь ради дела, и потом все время, во время разговора с Артуром, она развлекалась смущением собеседника, не ожидавшего вместо стильной знакомой встретить простушку с улицы, провинциалку.

В туалете Ольга столкнулась с Масловой и Раминой Султановой. При появлении Николаевой девушки замолчали и невежливо быстро ушли, выдав саркастическое замечание при виде умывающейся с мылом соперницы по Проекту.

— Ну и ладно, — Ольга, высушив лицо салфеткой, осмотрелась. — Так, дадут мне привести себя в порядок или нет?

В любую минуту сюда мог зайти любой человек, женского пола, разумеется, и помешать. Крайняя кабинка не работала: на ней висела табличка с предупреждением. Ольга взяла ее и прошлась, как по выставке, мимо дверей в ряд. «Какое счастье иметь чистый туалет! — усмехнулась она про себя, — просто плюнуть негде. Нам бы такой в общежитие. Интересно, надолго хватило бы?» На наиболее понравившуюся кабинку Ольга повесила снаружи табличку и закрылась изнутри.

— Для начала... За мир во всем мире! — Ольга хлебнула из бутылки, пополоскала водку во рту, выплюнула ее в унитаз и передернулась, уткнулась носом в рукав. — Фу, бяка!

Поставила бутылку на пол и полезла в сумочку за косметичкой. Было весьма неудобно, но Ольга, чертыхаясь время от времени, восстановила «красоту» на лице. Кто-то зашел в туалет — пришлось затихнуть и ждать, пока не послышался звук воды из бачка и закрывшейся двери.

— Ну вот... — Ольга пыталась обзреть в маленьком зеркальце до неприличия яркий макияж в стиле «вамп», который когда-то осудил на танцевальном кастинге Николай Цискарев, — далеко будет видно... Страшная красота — это сила!

Готовая к подвигу полезла в сумочку, достала «ошейник» из черной кожи, надела его на шею, провозившись наощупь с застежкой. Не удержалась, достала зеркальце и придирчиво еще раз осмотрела лицо, взбила волосы. Остался последний задуманный штрих — запах.

Откупорила бутылку, задрала на себе платье и облила тонкой струей водки тело. Под платьем был танцевальный костюм: черный кожаный лифт и шортики из такой же ткани.

— Уй, какая же она холодная, зараза! — Ольга растерла водку по телу и костюму и еще немного сбрызнула на сарафан, потом сразу зажгла обе сигареты, выпрошенные у Артура, и, уткнувшись носом в собственное предплечье, попыталась окурить себя дымом. Вдруг в туалете хлопнула входная дверь, и застучали каблучки. Ольга поспешно бросила сигареты в унитаз, в воду.

— Никуся, ну, Никуся!

— Отстаньте от меня! Не лезьте ко мне! — Ника, судя по голосу, плакала и психовала.

Первым автоматическим решением Ольги было выйти и присоединиться к утешающему

голосу Олеси, но спохватилась, подумав о том, что новый образ «высокомерной Николаевой», не поможет, а ухудшит настроение Ники — решила переждать.

— Ты Расскажи, тебе легче будет! — убеждала Олеся. — Здесь никого нет, вот, смотри: пусто, пусто... Ну что ты, право! Зачем сцепилась с Артуром? Все, все, молчу. Никуся, не плачь! Ты Расскажи, а вдруг я смогу тебе помочь?

— Мне никто не может помочь! — огрызнулась Ника, — дай мне поплакать спокойно!

— Я что-то пропустила в вашей словесной дуэли? Ну, Расскажи, только не плачь!

Ника не отвечала, рыдая взхлеб. Ольга вздыхала и боялась переступить с ноги на ногу, чтобы не выдать себя цоканьем шпилек.

— Артур был моим парнем, — сглотнув комок из слез, выдавила Ника.

— Когда? В школе? — голос Олеси был нежный и вкрадчивый.

— Я сначала влюбилась в Макса, он учился вместе с Артуром... В школе как-то не получилось, и только, когда они закончили школу, мне удалось через одну подружку познакомиться ближе... Мы с Максом стали встречаться: кино, мороженое, клубы... Я не знала, что у этих дураков игра такая: проверять подружек. Это мне потом одноклассница сказала, а ей — ее друг. Артур очень красиво за мной стал ухаживать, говорил красивые слова, типа: «Макс мне друг, но его девушка дороже». Козел! В общем, я увлеклась, как полная идиотка... Ты только никому не говори...

— Боже упаси, только, мне кажется, надо нашу Лельку предупредить. У нее сейчас, вроде, то же самое...

— Облезет! Она и так знает все, что ей надо знать. А ты, если ты ей скажешь, можешь забыть обо мне.

— ...Ладно, не скажу. Что же дальше?

Ника, было слышно, высморкалась.

— Я поверила всем его словам, что женится, что любит. Он мне даже кольцо подарил, как оказалось, дешевку... Короче, я переспала с ним, — девушка заревела снова, с трудом выдавив последние слова, — а он потом и перестал звонить. Я его нашла, говорю, мол, что за дела? А он мне: «Я не встречаюсь с женщинами!»...

— Ты посмотри! Действительно, козел! С виду такой милый и порядочный... Все мажоры такие. Бабла куча, вот и думают, что правят миром.

— «Бабла куча»... Да не крутой он, больше притворяется... Неважно.

— Так чего же ты тогда плачешь, плюнь на него! — Олеся, наконец, озвучила мысль застывшей за одной из дверей Ольги, — мало их что ли, принцев? Возьми у Веры — целая папка каких хочешь, красных, белых, зеленых... Ну-ну, чего ты опять?

— Я когда увидела Макса и Артура, обоих, на проекте, думала, на месте их порву... А потом стали общаться с... Артуром... поговорили, вроде как старые друзья, я же его после того случая года два не видела, пыталась забыть... ты не знаешь, каким он может быть нежным, внимательным... Притворщик!..

— И влюбилась опять? — угадала Олеся.

Кто-то зашел в туалет, из девушек, но Олеся громко сказала:

— Маш, потерпи, а? Видишь, у нас тут разговор.

— Ладно, но на вашей совести будет мой позор. Вы тут курите, что ли?

— Иди-иди!.. Все, она ушла... И правда, откуда запах?.. Ты успокоилась, Никусь?

— Ты не знаешь самого главного, — Нику уже понесло на откровения, ей точно становилось легче от исповеди, — я решила отомстить этим двум...

— Кому?

— Макс и Артуру, кому же еще? Я стала мешать Максиму встречаться с Ольгой, я делала все, чтобы они расстались. Это я уговорила Стрэна отправить Макса подальше, в офис, на компах сидеть. А потом я стала специально делать так, чтобы Артур влюбился в эту, я ему так все преподнесла, что он заинтересовался и стал ухаживать... Я такая дрянь!

— Ну-ну, успокойся, потом поговорим еще, — неуверенно утешил Олесин голос.

— Нет, у нас на проекте камеры везде, понимаешь? Я никому ничего не могу рассказать, мама сразу же узнает и тогда — ты не представляешь... Она вообще не в курсе. И ты мне обещала! Никому не говори!

— Я — могила!.. У меня идея: ты напиши письмо...

— Кому? — всхлипнула Ника, — Ольге, что ли, или Артуру? А может, Максиму? Самое обидное, что я сама начала ревновать Артура, когда он стал ухаживать за Ольгой. Он же теперь серьезно, понимаешь? Макс влюбился по-настоящему, и Артур теперь завидует, он всю свою жизнь подражал Максиму: одевался, как Макс, машину, как у Макса купил, одеколон, прическа... Не дай Бог таких друзей... Эта дура оделась сегодня, как колхозница, а он ее еще и защищает: «Ах, Оля такая разная!»... И, самое главное, сегодня днем я...

Ольга в это время рассеянно хлебнула из бутылки, поперхнулась водкой и еле сдерживала кашель, закрыв рот рукой.

— Девчонки, я уже не могу! — опять открылась дверь, усилив звуки музыки.

— Да иди, иди!

— А что тут у вас, Никусь, кто тебя обидел?

— Ты сюда зачем пришла? — сквозь зубы спросила Олеся, — вот и делай свое дело!

Ника опять высморкалась и уже более спокойно сказала подруге:

— Ладно, Олеся, мне полегчало, правда. Спасибо. Сейчас только умоюсь. Но моя просьба в силе?

— Разумеется! Не переживай.

— Не хотите говорить, не говорите, еще подругами называются, — Маша мыла руки, — попросите меня о чем-нибудь.

— И ты меньше болтай! у Ники просто нервный срыв, она устала и хочет домой.

— Так бы и сказали, а то развели секретность. Я тоже устала, пойдете пить. Там как раз конкурсы начались. Наши мальчишки, я умирала, танцевали смешно...

— Смотри, особо не веселись, — сказала Ника с хрипотцой, — на радостях еще напьетесь, и повьлетаете, как некоторые...

— Не, я помню, мы уже с девчонками «помянули» Лерку и Светку. Дорогуша тоже себя тихо ведет, боится, наверное, опозориться перед своим хахалем из Болгарии, переводит ему все. Я и не знала, что Маслова болгарский знает.

Ника выдохнула:

— Все, пошли.

— Ты как? — участливо спросил голос Олеси, — нормально?

— Пойдет, спасибо за поддержку. Держи только Артура от меня подальше, иначе я его, как сосульку об землю.

Едва за девушками закрылась дверь, Ольга закашлялась на весь туалет и схватилась за затекшие ноги, запрыгала на месте.

80

Жребий брошен.

Что сделано — должно быть.

Господи, прости...

— Девушки, смелее, смелее!.. Приз самой смелой Золушке за интересный танец! — конферансье зазывал желающих заработать славу и микроволновку от фирменного производителя бытовой техники, одного из спонсоров Проекта.

Но золушки в этот раз только переглядывались, подозревая очередную проверку на непутевость.

— Я хочу станцевать! — к сцене подошла шатаясь Ольга, с полупустой бутылкой водки в одной руке и фужером с фирменным коктейлем в другой. — На, поддержи! — она с трудом поднялась по ступенькам и протянула конферансье бутылку, фужер и, видя, что ведущий собирается поставить бутылку и фужер на разнос проходящей мимо девушки в откровенном наряде, забрала коктейль, — э-э, стакан верни!

Все подружки повыскакивали из-за своих столиков, стекаясь к сцене, куда быстро переместился Виктор с камерой.

— Боже мой! Оля пьяная в стельку! — не верила своим глазам Ирэн, — где она успела так набраться?

— Она же не пьет! — в неменьшем шоковом состоянии сказала Наташа.

— А сейчас она просто свежим воздухом надышалась? — съязвила Ника, — в тихом омуте, сами знаете...

Ольга пошатываясь стянула с себя курточку и сумку, переброшенную через плечо, кое-как сложила вещи, протянула их конферансье:

— И это тоже. Забери.

А конферансье так обрадовался, что появилась первая за весь вечер желающая показать себя на сцене, что не стал обращать внимания на состояние конкурсантки.

— Представьте, девушка, как вас зовут?

— Меня зовут Оля, просто Оля. Но ты мне не тыкай, понял? — Ольга подняла указательный палец в направлении ведущего.

Зрители рассмеялись.

— Аплодисменты нашей Оле! — крикнул конферансье. — Оля, вы знаете, какой вам полагается приз, если вы станцуете нам танец?

— Я буду танцевать бесплатно, — Ольга неловко поправила лямку на сарафане, но та опять поползла вниз, — а свою микроволновку можешь себе домой забрать. Мужик, как тебя зовут?

— Константин!

— О! Еще один Константин! — Ольга подняла указательный палец в потолок, — терпеть не могу это имя, знаешь, мужик? Давай я тебя буду звать просто мужиком, а?

Конферансье растерялся, публика хохотала, и он ждал паузу, чтобы ответить, однако Ольга забрала у него микрофон, с силой дернув на себя:

— Щас, мужик, я станцую, ты не переживай. Только сначала тост, можно?

— Давай! — крикнул кто-то из «принцев».

— Вот, мужик! Клиент всегда прав, ты иди, посторожи мои вещи, чтобы не украли, а я тут сама разберусь.

— Но... — конферансье пытался улыбаться, что выходило неискренне.

— Пусть девушка скажет! — поддержали опять из зала.

— Господи, какой позор! — Олеся простонала, — ее же выгонят! Может, увести, пока не поздно?

— Уже поздно, Виктор снимает! — Ника схватила Олеся за руку, — пусть скажет.

— Ты — злая! — Олеся подернула плечом.

— Я ей не наливала.

Почувствовав себя свободней, Ольга подошла, встала поустойчивей, поднесла микрофон ко рту:

— Сначала я бы хотела поблагодарить своих родителей, маму и папу, за то, что они дали мне шанс оказаться на проекте; всю дирекцию этого дурацкого проекта (никак не возьму в толк, что мы тут делаем?). А так же моих друзей по несчастью... Мужик, сначала надо всех поблагодарить! — Ольга заметила нетерпеливое движение со стороны конферансье, — видишь, людям нравится. Люди, вам нравится моя речь?

В ответ полетели одобрительные выкрики и аплодисменты, в основном, со стороны мужской половины. Ведущий вечера сдался, на всякий случай отойдя подальше, чтобы не попасть в камеру оператора.

— ... Мои самые лучшие подруги... Никуся, Олеся, Наташа, Маша, Арина, Ирэн Нинель, Раминка, — Ольга тягуче перечислила всех, кроме Масловой, — самая любимая Никусенька, ты мне как сестра, я знаешь, как тебя люблю, просто нету слов.

Олеся посмотрела на Нику, взывая к ее совести.

— Она же пьяная, ты не видишь? — Ника ответила на красноречивый взгляд подруги.

— ... Мальчики, мои подружки такие хорошие, вы их не обижайте! — пьяная то ли задумалась, то ли икнула в фужер, — ...о чем это я? А! Я хотела сказать тост, а потом станцевать для вас.

Из всех парней серьезный был один Артур, ему стало так неловко, что он, шаря по карманам в поисках сигарет и зажигалки, направился к выходу.

— Я хочу сказать тост для моего друга... Артура Карамзина... Не-не-не! «Бедную Лизу» написал другой Карамзин, не этот!.. Вон он! Артурчик, я буду говорить для тебя! — Ольга хлопнула себя по ляжке. — Артурец, не уходи, иди сюда! Ком цу мир!

Все обернулись, и Артуру пришлось вернуться. Он так и стоял до конца представления, багровый и перебирающий пальцами сломанную сигарету.

— Мы с тобой оч-чень долго говорили, но я так и не сказала тебе самого главного...

Ника со злорадной улыбкой обернулась посмотреть на бывшего парня. Ольга задумалась на мгновение, пытаясь неловко выкинуть из фужера декоративный зонтик с трубочкой:

— ...Понимаешь, я терпеть не могу людей, у которых нет своего мнения и мечты. Однажды я сказала Макс: «Не нужно стоять в чужой тени, если можешь отбрасывать собственную». Я тогда думала, что он во всем тебе подражает. А оказалось — наоборот. Ты стоишь в его тени... Так вот. Сегодня я хочу выпить за индивидуальность! — Ольга подняла высоко фужер, потом отпила от него, облизнула губы и медленно обвела глазами зрителей, ткнула фужером в сторону Артура, желающего в эти минуты одного — провалиться сквозь землю. Пьяная фыркнула, дрогнув в коленях и пошатнувшись. — Спокойствие, только

спокойствие! Я не пьяная! Артурчик, хочешь, я тебе микроволновку подарю? На халяву? Извини, мужик, Артурчику микроволновка нужнее...

— Станцуй сначала! — выкрикнули весело.

— Щас! Девушка пообещала, девушка сделала! — Ольга пошла было в сторону ди-джея и остановилась, — кстати, наш Артурчик любит только девушек. Ему нужна жена, чтобы ни с-сучки, простите, ни сучка, ни задоринки!

Виктор с трудом удерживал камеру: от смеха у него тряслись руки.

— Мужик, держи стакан! — Ольга протянула окаменевшему конферансье коктейль и микрофон, вытерла потные руки о платье, — давай, ди-джей! У тебя хоть есть хорошая музыка? Я под фуфло танцевать не буду.

Зазвучала одна композиция, медленная — Ольга замотала головой и руками — ди-джей поставил другую, потом третью («У тебя чо, «Фифтисента» нет? Ну ты даёшь!»), пока девушка не кивнула, мол, пойдет. Она подошла и под аплодисменты стала танцевать, принаравливаясь к звукам рэпа. Не раздумывая, стянула с себя сарафан и бросила в завизжавшую толпу, не ожидавшую увидеть вместо нижнего белья нечто, похожее на костюм профессиональной танцовщицы. Девушка прошлась по сцене туда-сюда, покачивая бедрами, потом неожиданно для всех запрыгнула на пилон, шест для стрип-данса, и, уверенно изобразила несколько фигур, покрутившись вокруг; неожиданно для зрителей, держась руками за металлический пилон, вдруг оказалась висящей на пилоне вниз головой — и сползла резко, остановившись в нескольких сантиметрах от пола, чем заставила зрителей вскрикнуть.

— Я в шоке: Лелька пьяная, а что выделяет! — Ирэн восхищенно аплодировала, — теперь, даже если ее выгонят, она уйдет знаменитой.

Удовлетворенная унижением Артура и шоу от Ольги, Ника сделала Олесе знак и протиснулась через толпу к сцене.

— Вот это девочка! — завистливо сказал кто-то рядом: Ольга как раз опустилась возле шеста, призывно провела рукой по волосам, подвигала бедрами и пошла к улюлюкающим зрителям.

Композиция все длилась. Ди-джей довольно кивал в такт головой, и толпа уже подхватила ритм, вскидывая руки и раскачиваясь в такт.

— Давай, давай! — крикнул кто-то, раззадорившись, стоящий ближе всех к возвышению.

Танцовщица откликнулась на возглас, улыбнулась, подошла и в танце выбросила ногу вперед, ударив по лицу крикнувшего. Молодой человек, принц, кажется, Маши, зажал руками нос под смех толпы. А Ольга уже танцевала с полузакрытыми глазами, рискуя свалиться со сцены.

— Танцуй, Золушка, танцуй! Молодец! Давай еще на шесте! — выкрикивали из толпы.

В зале появилась Вера и остолбенела от увиденного, не веря своим глазам. Ника как почувствовала, обернулась, помахала побледневшей начальнице рукой, показывая сначала на Ольгу, потом на дверь; Вера не поняла, и Ника протиснулась к двум принцам, вскидывающим сарафаном Ольги, словно флагом, вырвала платье из рук, вернулась к Олесе, перекрикивая музыку и крики, приказала забрать вещи танцующей у конферансье и побежала к Артуру, стоящему в стороне и не имеющему сил отвести взгляд от происходящего на сцене:

— Твоя машина рядом?

— Что? Да.

— Иди, заводи, я сейчас выведу эту пьяницу. Иди быстрее!

... Ольга продолжала танцевать, изобретая в процессе новые движения и возвращаясь к шесту, чем вызывала всплеск восторга, но вниз головой больше не повисала, ограничиваясь воздушными кругами вокруг пилона. Вера, испуганно закрыв ладонью рот, только переводила взгляд с толпы на сцену, с Виктора — на конференсье, заразившегося музыкой, с Ники, пробирающейся к сцене, — на Артура, поспешно идущего к выходу.

Наконец закончилась музыка, конференсье попытался перекричать бешеные аплодисменты и свист, а танцовщица остановилась, невидящим взглядом обвела толпу и стала медленно оседать — конференсье успел подхватить ее на руки.

81

Пляшет чья-то тень

У неподвижных ног.

Ночь перед Рождеством.

— А куда мы едем? — заплетающимся языком спросила Ольга, когда машина Артура с ней, Никой и Верой отъехала порядочное расстояние от клуба.

— Домой, пьяница! — сердито ответила Ника.

— Напилася я пьяна! Не дойду я до дома! — тихо запела Ольга, — зачем у меня так ноги болят? — она попыталась их вытянуть впереди себя, задрать их на спинку сиденья, за которым виднелась голова Артура, управлявшего машиной, — эй, можно убрать голову?

— Боже мой! — простонала Вера, помогая Нике опустить протянутые Ольгины ноги, — за что мне это? Оля, зачем вы столько выпили?

— Мам, с ней бесполезно разговаривать, ты разве не видишь: она пьяная, как бобик.

— Мама? — вдруг трезво переспросила Ольга и опять откинулась на сиденье, затянула, — пусть мама услышит, пусть мама придет, меня непременно к себе заберет... как там дальше?

— Болтай меньше! — Вера обернулась к Нике.

— Артурчик! Артурец! Ну и гнида же ты! — сегодня Ольге было позволено говорить все, — что же ты мне голову-то морочил, подлец, а?.. Крошка моя, я по тебе ску-ча-ю! Писем я от тебя не по-лу-ча-ю!..

Ника фыркнула, не в силах сдержаться, но водитель мужественно промолчал.

— Нафига вы мне с Максом нужны, такие сукины дети, а? — Ольга всхлипнула, — вам же доверия нет: один девушек друга на целе...целее... блин, как это?.. целесообразность... целостность... проверяет... другой морочит голову... а сам женится на другой... Думала, думала, думала, думала, ни ответа, ни привета, ты опять пропал-а! Думала, думала, думала, думала, вот такая вот история, ла-ла-ла-ла!

— Шоу продолжается! — проворчал Артур в паузе, как только певшая Ольга задумалась.

— Поворачивай! — Ольга вскинула руки, — едем назад, я там еще спою! Артурец, ты забрал свою микроволновку?

Ника тихо давилась смехом, Вера стеснялась, и не могла сдержать улыбки, закрывая ладонью от Артура свое лицо.

— Я не знала, что ты такая буйная! — Ника ворчала, придерживая пляшущие в воздухе Ольгины руки, — фу! Ты курила что ли?

— Нет, я только нюхала, — довольно сказала Ольга, — Никусь, ты меня прости, а?

— За что, алкоголик?

— За то, что я у тебя чуть — ик! — одноклассника не увела. Ну ты сама подумай, нахрена он мне нужен, а? Такой одноклассник... У меня своих много... Вот сколько пальцев на руках и даже ногах... Сколько же это?.. Артурец! Ты меня слышишь?

— Ну, слышу, не ори на ухо, — недовольно отозвался водитель.

— Ты скажи, ты точно в школе учился? Скажи! — Ольга пнула ногами кресло впереди себя.

— Ну что?!

— Признаки СПИДа знаешь?

Артур резко затормозил, и трезвые пассажирки вскрикнули, подавшись вперед.

— Так знаешь или нет?

— Нет.

— Вот, блин! Два тебе по физике!

— А почему по физике? — поинтересовалась Ника.

— Потому что я в школе не-на-ви-де-ла физику. Когда, Артурец, от тебя начнут шарахаться девушки, значит, ты — спидоносец! А вывод какой, а? Не знаешь? Это я тебе как врач скажу (блин, а чо так холодно?): спать нужно с одной, а не проверять всех подряд. Но я с тобой спать не бу-уду... потому что ты ка-зел и бросаешь своих классных одноклассниц! Холодно! — Ольга провела рукой по танцевальному костюму, — вот зараза! Я в таком виде приехала?

— Кажется, начинаешь трезветь, — заметила Ника, помогая не попадающей руками в прорези Ольге надеть сарафан и курточку, — а сама над нами прикалывалась, аликами обзывалась!

— Я больше не буду, — притворно захныкала пьяница, — пока не буду. Я сегодня Лерке посвятила вечер. Пусть ей там, стерве, икается... Забирай меня скорей, увози за сто морей, и целуй меня везде, я ведь взрослая уже! Ла-ла-ла-ла-ла! Я уже танцевать устала, эта песня сто раз звучала! Ла-ла-ла-ла! Я сегодня взрослее стала! Ла-ла-ла-ла!

— У тебя еще много таких песен?

— Целых два альбома! — с гордостью кивнула Ольга, зевнула и положила голову на колени, — а что я вообще сегодня делала? Ничерта не помню... Бросили меня все, собаки... Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес, от того, что лес — моя колыбель и могила — лес, от того, что я на земле стою лишь одной ногой...

Всю оставшуюся дорогу Ольга так заразно пела грустные песни, что Ника не выдержала и затянула тоже.

82

Желтый лист клена...

До чего красиво

Осеннее забытье.

— Доброе утро, соня! — Ника зашла в комнату, где спала Ольга, поставила перед ней на стуле разнос с кофе и бутербродом, — наши все уже позавтракали, а ты все спишь. Как себя чувствуешь?

На самом деле Ольга давно проснулась, по старой привычке, но нарочно не выходила, хотя сегодня было ее дежурство по кухне, в новой паре с Олесей. Подводить рыженькую добрую подругу не хотелось, но нужно было доиграть до конца: получить минус еще и за пренебрежение обязанностями. Однако, Ника (с хорошим настроением!) встала «к станку»

вместо проспавшей пьяницы... «Отлично, хоть одно доброе дело сделала — помирилась с Никой», — подумала Ольга, благодаря подругу за заботу и принимая в постель бокал с кофе.

— Да-а, погуляла ты, подруга, вчера на славу: лицо у тебя отекающее — просто жуть! — Ника с любопытством наблюдала за «больной», — сегодня все утро разговоры про твое выступление в клубе. И даже не знаю, кого больше, сочувствующих или завистников.

— А что я вчера натворила? Я думала, что опять сознание потеряла: помню, как мы приехали, потом я разговаривала с Артуром, пошла к бару, попросила еще коктейль — и очнулась утром здесь, — девушка говорила, словно не в силах была поднять покрасневшие, отекающие веки, — и все тело болит, словно после тренажерного зала.

— Совсем ничего не помнишь? — Ника бы и рассмеялась, но тихий голос и убитый вид Ольги заслуживал больше жалости.

— Ничего, абсолютно.

— И даже как сняла с себя сарафан?

На лице Ольги отразилось слабое удивление:

— Где? В клубе? Я стриптиз, что ли, танцевала?

— Нет, слава Богу, как я поняла, в танцевальном костюме: иначе Вере пришлось бы скорую вызывать. Зачем ты так оделась?

— Просто примеряла, хотела посмотреть, растолстела или нет. Неужели я напилась? Не может быть! Я как выпью — меня сразу клонит в сон.

— Ну да, ну да... Ты давай приходи в себя быстрее. Мы через час все вместе едем выбирать вечернее платье для театра и ресторана. Так что будь, как стеклышко!

— Я никуда не поеду, спасибо, — Ольга поставила пустой бокал на разнос, не притронувшись к бутерброду, — ни за платьем, ни в театр.

— Ну вот, захандрила... Боишься, что тебя выгонят за вчерашнее?

— А меня точно выгонят?

Ника подумала, стоит ли говорить правду:

— Нас сегодня утром уже собирали для профилактики алкоголизма. Собак была злая, как черт. Константин Андреевич тоже пришел, правда, ничего не сказал, но так посмотрел на нас, что — бр-р! В ресторане, сказали, теперь ничего крепче томатного сока наливать не будут. Даже шампанское. И все благодаря тебе. Так, ты пришла в себя?

— Я никуда не поеду. Я хочу спать.

— Хорошо, зайду через час, — Ника вышла, всерьез задумавшись: состояние «алкоголички» и вправду было неважным. Лгала Ольга, когда говорила, что ничего не помнит, или нет — трудно было понять, но лицо, посеревшее за ночь, и дрожащие руки были не в пользу самой непредсказуемой золушки.

Ольга осталась одна и вновь легла, закуталась в одеяло, как в мягкий кокон, достала из-под подушки фотографию Макса. Чем красивее ухаживания, тем больше неловкости при расставании, чем клятвеннее заверения, тем больше стыда за них. Но Она сдержала свое слово, данное когда-то на улице ночной Москвы: не стала проклинать бросившего Ее Макса, не думала о нем ни плохо, ни хорошо. Сосредоточилась только на своих чувствах и, как когда-то, в первую ночь, размышляя о нем, влюбилась, так и в эту ночь накрутила себя, опустошив мыслями.

Если бы Ей предложили дать имя этому состоянию, то Ольга сказала бы просто, без патетики: «Я умираю». Ей не нужно было целый день притворяться перед подругами, начавшими было подшучивать над ней, спустившейся вниз, чтобы помочь приготовить ужин.

К этому времени девушки вернулись из модного бутика, и Ника, находящаяся в возбуждении счастливого человека, принесла Ольге платье в чехле со словами: «Самое лучшее для тебя выбрала. Нинель чуть от зависти не умерла, тоже хотела его взять, но я сказала, что оно будет ей коротковато, потому что она выше тебя... Туфли померяй сейчас на всякий случай, я сравнила наши размеры: почти одинаковые, у тебя чуть-чуть меньше. Если что, Вера поменяет. И хватить хандрить, ты только на платье взгляни! К нему я такое кольцо подобрала — у самой слюнки текут!» — и убежала, добавив, что ей некогда возиться с Ольгиной хандрой, а нужно готовить ужин. Вместо того, чтобы выполнить полуприказ-полусовет Ники, «больная» так и не подошла к платью — решила присоединиться к подругам, исполнить частично свой долг дежурной.

Олеся выгнала с кухни Ольгу после того, как та разбила тарелку и долго сидела над ней, рассматривая осколки и пытаясь на полу, словно фаянсовые пазлы, сложить заново посуду. Кроме того, болели во всем теле мышцы, получившие свою порцию нагрузки после «пьяного» стип-дэнса. Ольга выпила аспирин, и ее тут же бросило в пот; навалилась слабость, как от гриппа.

— Иди, иди, отлеживайся. Мы как-нибудь с Никусей сами разберемся, — Олеся, упершись ладонями в спину Ольги, вытолкала пьяницу в фойе, — ляг, полежи, я тебе чай крепкий с бутербродами сейчас принесу. Тебе тут, кстати, Маслова, представляешь(?), передала таблетки, специальные, о-пох-ме-ли-ру-ю-щие, скажи Никусь, как они называются?..

Ольга не стала сопротивляться и охотно вернулась в свою комнату: не все мысли были передуманы. Оставалось главное и самое трудное. Раз первый шаг к свободе был сделан, то теперь нужно было заставить себя, как бы больно не было, — разобраться, объективно, цинично и жестко, проанализировать свои действия и найти выход, чтобы жить дальше.

83

Надпись на камне —

Буквы не разобрать.

Вернусь-ка я домой...

«Это мне за мои грехи, за самонадеянность. Поучаю всех, а сама...» — думала Ольга, привычно укрывшись покрывалом и вытирая упрямо-бесконечные слезы. Вспомнилась баба Нюра, бабушка Васи и почти родная Ольге, до конца своих дней находившаяся в здравом уме и обладавшая потрясающим чувством юмора.

В тринадцать неполных лет Оля по-настоящему влюбилась в мальчика, учившегося двумя классами старше. Ситуация была скверная: близкая подруга тоже была влюблена в него, звезду школы, выступавшего с песнями под гитару на каждом празднике, отрастившего небольшую черную бородку и тонкие усики, благодаря чему Артем выглядел старше всех. Оля не стала говорить про свои чувства подруге, чтобы не стеснять ее, думала о возлюбленном дни и ночи, завалила не одну контрольную и бесконечно страдала, в результате заработав из-за плохого аппетита и постоянных переживаний немислимый букет — низкий гемоглобин, гастрит и аритмию. Мать, наверняка, все понимала, но не могла разговорить дочь, вызвать ту на откровенный разговор, чтобы как-то помочь советом. Да и не до того было Инне Ивановне, страдающей от последних раковых метастазов. Когда, наконец, бедная женщина отмучилась, отошла в мир иной, ее дочь находилась на той грани безумства и отчаяния, которая либо ломает людей, опуская на дно, либо делают стальными, несгибаемыми.

И баба Нюра возникла в судьбе девочки-подростка, высохшей от любви и страха перед одиночеством без матери, как Моисей для поработанного народа Израиля. Мудрая бабушка забрала девочку с собой в поездку к подруге, в Муром. Там баба Нюра собиралась исправить грех Инны Ивановны, которая была при жизни еще той атеисткой и пришла к Богу только перед своей смертью, что обычно делают неверующие люди, обреченные на медленное умирание от неизлечимой болезни. Всю дорогу баба Нюра рассказывала школьнице, подзабывшей эту историю из учебника литературы, про умную девушку Февронию, покорившую гордого князя; лучше учителя литературы бабушка-подружка объясняла мудрость сказания и ставила его в пример: ведь она, Ольга, счастливица, родилась в день памяти Муромских святых и имела могущественную покровительницу. Так к Ольге и пришла вера, вместе с первым чудом: по дороге, на второй день мерного стука колес, девочка стояла у окна в тамбуре и загадала, глядя в безоблачное небо, попросила: «Боженька, если ты есть, пусть пойдет дождь». А через пару часов за окном закрапали легкие капли, и по одну сторону от поезда побежала рядом тонкая радуга, смеясь над неверием наивной девчонки. Было это простым погодным совпадением или нет — Оля не стала задумываться: она спросила — ей ответили.

После праздничной службы священник окрестил девочку, а когда узнал, что сегодня еще и день рождения крещенной, повторил слова бабы Нюры. Там, в храме, Ольга попросила свою святую, чтобы та помогла успокоиться, пережить смерть матери и забыть красавчика Артема — и второе чудо случилось: за лето любовь испарилась куда-то. Первого сентября Она спокойно смотрела на повзрослевшего, ставшего более мужественным красавчика Артема, и поймала себя на мысли, что равнодушна.

Были другие знаки, которые Ольга запомнила надолго и которые утвердили ее новую веру. Она поменяла веревочку от крестика на завалившуюся и потемневшую от времени цепочку из своей девчоночьей сокровищницы, шкатулки с искусственными камнями, мамиными старыми серьгами и бусами. Цепочка была обычная, с клеймом на застежке «3 коп.». И там, где висел крестик, посередине, металл вдруг посветлел и заблестел серебряной чистотой. И трижды, когда девочка передвигала крестик, металл под серебряной петелькой креста будто бы очищался и начинал блестеть. И еще кто-то светлый приходил во сне к заплаканной Ольге и гладил по голове, говоря: «Так надо, милая, потерпи».

Следующие несколько лет было по-всякому: возникали другие проблемы, которые надо было как-то решать или мириться с ними; были и счастливые мгновения, конечно, не такие яркие, как с Максом — но прошлое, Ольга так чувствовала, стало всего лишь увертюрой к настоящему, чтобы изменить будущее и создать новый взгляд на мир людей.

«Налево пойти — убиту бысть»? Выбрать дорогу брошенных, разочарованных влюбленных? Самый легкий путь для слабых, имеющих одну мечту, эгоистично глупую — быть счастливым самому. Можно быстро покончить с собой, как делают самые слабые и глупые, или предпочесть медленное самоубийство: истязать, жалеть себя и возненавидеть противоположный пол, превратиться, как Ника, в мстительную стерву, а потом удивляться одиночеству и нелюбви окружающих. Сколько таких людей наивно жалуется на жизнь и непонимание близких, забывая, что Любовь бывает разной! На смену одной приходит другая — в сердце того, кто открыт для Нее, кто жаждет влюбленности в любом ее проявлении и готов отдавать, делиться, а не потреблять. Поэтому, Ольга согласилась с разумом: встать на эту сужающуюся, становящуюся постепенно тесной и теряющуюся в песках будущего тропу значило предать две ждущие исполнения мечты: быть счастливой вместе со своей семьей в

большом красивом доме и иметь возможность помогать нуждающимся, делать добро и получать от этого удовольствие.

Или пойти прямо, чтобы «царем стать»? Признаться в своем лицедействе, покаяться и назло Максу остаться с Артуром, не повторив Никиных ошибок, завоевать сердце обеспеченного маменькиного сыночка, наказать Маргариту Павловну за материнский эгоизм. Тем более что новый Артур стал похож на Макса не только внешне, но и мог, учился, наверное, поступать благородно: на руках донес «пьяную» Ольгу вопреки ее сопротивлению, от машины до кровати, кряхтел, но нес. А что, так делают многие, в частности, те девушки, о которых она сама недавно так резко и нелестно отзывалась в присутствии подруг и свах с телепроекта. Выйти замуж, жениться назло — решение легкомысленных глупцов, не понимающих, что за таким выбором стоит тягостная расплата, наказание, которое заденет невинного человека. Каким бы плохим Артур и его мать не были, они не заслуживали чужого наказания — свой крест они и так понесут, рано или поздно... Нет, Ольга не стала даже мысленно развивать этот, второй вариант.

Главный герой в сказке, как правило, выбирал третью дорогу — жертвовал самое ценное для путешественника, коня, во имя своего спасения и возможности двигаться дальше, пешком, но все-таки двигаться. Это ли лучший выход? Для Ольги верным скакуном была Любовь, и отказаться в одночасье от этого чувства было невозможно. Каким бы не был этот Божий дар, отказываться от него нельзя. Мука, боль, счастье, сомнения, желание — все это последствия тяжелого наркотика, зависимости от которого не избежать. Ну не ложиться же впрямь в психиатрическую больницу? Нет, если в таком состоянии идти дальше нельзя, но и отказаться от чувства — кощунство, то и эта дорога не для Ольги. Она, конечно, будет стараться не думать о Максе, в конце концов, глупо любить любовь, а не человека. Однако, всему свое время.

«...И нищим стать, как прежде...», — оказавшись в тупике, девушка шепотом стала вспоминать одно из своих любимых стихотворений, «Заповеди» Редьярда Киплинга. Дойдя до нужной строчки, страдальца остановилась. Послезавтра она покинет проект и обязательно поедет домой через Муром, попросит у своей святой, как когда-то, помощи в мудрости жить дальше. А пока впереди еще два дня пребывания в Доме, где каждый сантиметр напоминал о Нем (Ольга боялась, чтобы вновь не расплакаться, даже мысленно назвать по имени предателя), есть одно проверенное средство. Для начала нужно попроситься, и сделать это будет удобнее в пятницу вечером, когда все уедут в Большой Театр.

84

О, мухобойка!

Подари покой мне в доме,

Где я — хозяин.

Во всех пятничных, допоздненных, мероприятиях Ольга намеренно не принимала участия: «проспала» занятие по фитнесу, превзошла по дерзости Маслову, которая даже притихла от такой конкуренции; а над гостем, обладавшим талантом и славой эстрадной звезды нетрадиционной ориентации, сначала подшучивала, не беря в расчет цыканье готовых разразиться хохотом подруг, потом попробовала провести сеанс психоанализа, задавая вопросы личного характера, — в результате бедолага уехал обиженным и возмущенным, пообещав обесславить «Десять Золушек» на весь мир.

Такое демонстративное нарушение нескольких пунктов контракта заставило даже

продюсера вскипеть: на робкую попытку Веры защитить Николаеву Стрэн процитировал поговорку «Суров закон, но это закон».

После отъезда звездного гостя все заметили улучшившееся настроение Ольги, словно та отвела душу и стала прежней, какой была в самые первые дни на Проекте: веселой в беседе с подругами и временами молчаливой, задумчивой. Арина смогла озвучить то, что вертелось на языке у многих, но никак не могло быть сформулировано:

— Лелька, у тебя в роду не было родственников, страдающих размножением личности?

— Не «размножение личности», а множественная личность. Что ты имеешь в виду? — переспросила Ольга, на сей раз равнодушно.

— Ты сегодня похожа на взбесившуюся живую коробку с детскими красками, — Арина нашла еще одно определение.

— То есть? У тебя очень интересные, богатые на метафору, диагнозы. Представляю, я говорю пациенту, у которого острый аппендицит: «Извините, мне крайне важно поговорить тет-а-тет с одной немаловажной частью ваших внутренностей, а какой — вам знать не следует. Не разрешите ли мне ее незамедлительно удалить, чтобы, так сказать, воссоединиться не токмо мысленно...»

— Тьфу ты, — Арина с досадой перебила подругу, — я имела в виду, что сегодня от тебя не знаешь, что ожидать: ты каждую минуту другая.

— Так полнолуние сегодня. Ты не знала? Подожди, ближе к ночи вы увидите мое настоящее лицо!

— Ох, и достанется, Оля, вашему супругу! — Вера улыбнулась, переглянувшись с Никой.

— Если он мне достанется...

Ближе к вечеру приехали стилисты помочь золушкам подготовиться к торжественному выезду в свет. Сотворив красоту на головах, лицах и руках всех девушек, стилисты тут же удалились, а вскоре подъехал автобус, готовый увезти участниц Проекта на очередное испытание — испытание светскими развлечениями.

— Оля! Мы уже выезжаем, спускайся! — Ника заглянула в комнату к Ольге и потеряла дар речи: та сидела на кровати в халате, с тюрбаном из полотенца на голове, без всяких признаков сделанного стилистами макияжа, и спокойно читала книгу. — Слушай, ну это уже слишком!

Ника перевела взгляд на другую кровать, на которой когда-то сама спала, и увидела платье в чехле:

— Ты его даже не открывала!

— Что тут у вас? — из своей комнаты к ним заглянула Вера, одетая в темно-бордовое вечернее платье, такая же красивая, как и Ника, — что это такое, Оля, вы же совсем не готовы! Люди на вас время потратили, а вы...

— А мне не понравилась их работа. Кроме того, я и не обещала, что поеду, — девушка отвлеклась от чтения и взглянула на обеих, — вы выглядите потрясающе.

— У вас уже вошло в привычку вести себя как заблагорассудится, — не моргнув глазом на комплимент, продолжила рассерженный менеджер, — нарушаете контракт на каждом шагу.

— Вера Александровна, я выучила контракт наизусть: единственное наказание за нарушение контракта — выбывание.

— Но вы делаете это намеренно!

— А вот про «намеренно» ничего не сказано. Так что тот, кто составлял контракт,

немного просчитался. Вот если бы я сбежала, то у вас был бы шанс наказать меня. А я что? Я — ничего, просто нарушаю.

Вера глубоко вздохнула, призывая на помощь остатки терпения, и посмотрела на Нику:

— Спускайся к девочкам, я сейчас.

— В контракте так же написано, что я могу по состоянию здоровья временно отказаться от испытания, — кивнув уходящей Нике, Ольга попутно вспомнила еще один пункт.

— Ради вас никто не будет еще раз заказывать ложу и ресторан. Опомнитесь, Оля!

— Значит, так тому и быть.

— Ничего не понимаю, сейчас, когда для вас, Ольга, так все удачно складывается, вы отказываетесь от всего. Вы понимаете, что то, что вы сейчас делаете, идет не на пользу вашей репутации самой яркой золушки? А что скажут ваши будущие родственники? Я вам поражаюсь.

— Ох, спасибо! Наконец-то, я узнала, в чем дело. Ну, тогда можно немного и позвездить. Сегодня у меня свои личные планы. А в театр я еще успею сходить. Пусть его до конца отремонтируют: зачем смотреть на этот полуразрушенный Колизей?

Менеджер не верила своим глазам и ушам:

— Оля, я вас не узнаю... Честно говоря я рассчитывала на другую реакцию. Вам точно Ника все рассказала про Макса?

— О да! — Ольгу передернуло от напоминания, — поэтому я и хочу побыть одна. Вера Александровна, не злитесь на меня, пожалуйста, просто дайте мне шанс побыть одной, последний раз.

— Вот упрямая! Кто вас влюбленных разберет?.. Сегодня целуются в беседке, завтра готовы... Господи, кто бы знал, как я устала от вас! — Вера с негодованием потрясла сумочкой и тут увидела Ольгин «багаж» у стены, — а, вы уже собрались! Отлично, очень хорошо, что мне не придется завтра вас утешать! Все, я умываю свои руки: я и так достаточно навозилась с вами. Будь по-вашему: несколько часов вы проведете в полнейшем одиночестве. Имей в виду, кроме охранника, никого в Доме нет. Поэтому я вас очень прошу не выходить из помещения.

— Это я вам обещаю. Счастливо отдохнуть, — спокойно произнесла Ольга.

Вера закрыла за собой дверь, не прощаясь. Строптивница тут же отбросила книгу, стянула тюрбан с мокрых волос, распушила их, вышла в коридор удостовериться, действительно ли все уехали. В доме стояла тишина, а из окна на третьем этаже было видно, как отъехал автобус в сопровождении патрульной машины.

Тогда Ольга взяла с собой фотографию Макса, подаренную Маргаритой Павловной, и спустилась неспешно по лестнице вниз, в столовую.

85

Высокой горы

Не бывает без склона

Высокой горы

Сегодня оператор Дима был не то чтобы счастлив — доволен и находился в состоянии предвкушения от последней недели своего пребывания на Проекте. Он, талантливый звукооператор, монтажер и профессионал до мозга костей, сам стал пленником проекта: круглосуточно и почти безвылазно находился в просторной комнате с начинкой из мониторов, компьютеров, пульта управления и прочей техники. Это на других, нормальных, проектах такую нудную работу выполняют несколько человек, а здесь постоянно

подозревающий утечку информации Стрэн дал всего одного напарника, Виктора, и строго-настрого наказал скрывать от толкового Макса все секреты. Виктор, конечно, был настоящим гомо сапиенсом, поговорить на разумные темы с ним можно было, но с Максом было веселее, хотя и приходилось при его появлении сворачивать окно, работу над новым, вечерним выпуском.

Дима стал раздражителен и часто с удовольствием, как одинокий Робинзон, дабы не сойти с ума, комментировал вслух происходящее в Доме, чем смешил Веру, Нику и Танюшку, заходящих иногда поболтать, и Олега Леонидовича, последний появлялся в операторской два раза в неделю для контролирования телефонных разговоров участниц.

Видя упадническое настроение работника, на котором лежала ответственность предупреждать дирекцию обо всех подозрительных и нестандартных поступках девушек, Стрэн пообещал Диме, что через неделю ему прибудет замена, поскольку начинается «открытая» часть проекта: все секреты и сюрпризы скоро станут достоянием общественности. Поэтому не у одной Ольги было чемоданное настроение.

Находясь мысленно в солнечном Шарм-Эль-Шейхе, где Дима собирался восполнить полуторамесячный дефицит ультрафиолета, «ответственный» звукооператор безответственно пропустил несколько моментов, в частности, тот, когда Артур и Ника поставили Ольгу в известность о состоявшейся, давно запланированной родителями жениха, свадьбе Макса и английской девушки. Трансляция событий Дома через спутник напрямую передавалась в головной офис Проекта, и Дима, возможно, получил бы нагоняй от начальства за эту пропущенную информацию, а не за то, что были отключены камеры в столовой.

Позже пленник операторской, пытаясь найти причину оплошности, вспомнил, что за полчаса до звонка из офиса в домик заходила Ника поболтать и даже предложила засыпающему от скуки оператору сходить в душ, пока она присмотрит за происходящим. Наверное, любопытная Ника случайно отключила злополучные камеры. Докопавшись до истины, Дима не придал этому случаю значения, как и всего лишь подивился странностям Ольги, много плачущей и вполне трезво передвигавшейся по комнате вечером, после выступления в ночном клубе. Ну а то, что девушка много молилась перед сном, стоя на коленях перед водруженной на столик какой-то мелкой иконой, заставило невозмутимого наблюдателя покачать головой: «Ну все, одной монашкой стало больше! Черта тебе лысого, Макс, а не невесту!» — и затем Дима по привычке громко «озвучил» беззвучную картинку, вставляя через каждое словосочетание неприличные слова...

Сегодня, слава Богу, все уехали, и можно расслабиться, попить пива и весь вечер смотреть канал «Спорт», а не пялиться на надоевшие лица и слушать одни и те же разговоры.

То, что осталась одна Ольга, его не беспокоило: вела девушка себя смирно, собралась пить чай: поставила перед собой тарелку с хлебом и села за стол, как истинная христианка, сложив руки в молитве и склонив голову.

— О! Мы уже и перед едой стали молиться... Господя! Пошли мне самый большой в мире сэндвич и бочку самого классного темного пива!.. Ну и дура, надо было ехать! — сказал ее изображению Дима, стягивая с себя футболку. — Подумаешь: напилась и станцевала, зато всех повеселила... Я бы, на твоём месте, не поехал бы, побежал, чтобы на нормальных людей посмотреть. Теперь сиди одна, как айсберг в океане... Давай, за наших тоже помолись, пусть выиграют...

Насвистывая гимн болельщиков футбола, он отправился в душ. А выйдя, довольный, подсушил волосы полотенцем, достал из холодильника банку пива — выпрошенную контрабанду от Виктора, открыл ее и, закрыв глаза, с наслаждением хлебнул холодненького. Направляясь к телевизору, мимоходом остановился у монитора с изображением Ольги, все еще пребывавшей в столовой, качнул банкой в сторону девушки:

— Эй, Николаева, будешь?.. Не понял!

На столе, на тарелке перед Ольгой что-то горело, выбрасывая короткие фиолетовые языки пламени вверх. Рядом с тарелкой, каким-то белыми точками были выложены буквы. Девушка явно плакала. Когда на тарелке потух огонь и пепел, до конца не остывший, пустил тонкую струйку дыма, Николаева придвинула ближе к себе стакан с водой и, одну за другой, что-то приговаривая, стала отправлять в рот, запивая небольшими глотками, «буквы», одну за одной.

Дима потянулся к монитору, чтобы понять происходящее, чертыхаясь и проклиная тот день, когда он поступил на факультет телекоммуникаций и новых инновационных технологий:

— Что же ты делаешь, дура? — он увеличил изображение и, наконец, рассмотрел: белые точки оказались таблетками, а первое слово из них уже исчезло со стола, и осталось злое «прощай!», — черт, черт!

Дима дрожащими руками набрал на мобильном телефоне, имевшем доступ всего к нескольким абонентам — Вере, Стрэну, Виктору и чрезвычайным службам — номер менеджера: продюсеру Дима побоялся сообщить страшную новость.

Вера почти забыла про существование выведшей ее из себя Ольги, слушала возбужденную беседу едущих на первое светское мероприятие золушек и улыбалась их планам и надеждам. До конца проекта было еще далеко, но результат уже радовал глаз. «Вот и настал ваш первый бал, девочки!» — думала Вера.

Когда зазвонил телефон, и Дима что-то начал кричать в трубку, она не сообразила сначала, кто это, взглянула на дисплей:

— Да, Дима, еще раз скажи, только погромче, а то шумновато у нас... Что?.. Что?.. Еще раз!.. И много выпила?.. Что она говорит?.. Сейчас, подожди, я никак не соображу, что делать... Дурочка, дурочка... Что же она творит?! — Вера терла лоб, — Господи, какая глупость!.. Так, ты скажи охраннику, пусть вызывает скорую, а я сейчас приеду... — менеджер обратилась к водителю, — Сергей, остановите автобус и посигнальте сопровождению.

— Что-то случилось?

— Да, небольшая проблема... Господи, господи... пожалуйста, побыстрее!

Уже стоя у готовых открыться дверей, Вера вспомнила про пассажиров:

— Девочки! Мне срочно нужно вернуться, вы поедете без меня. Там вас встретит Константин Андреевич. И, пожалуйста, пока он не подойдет к автобусу, не выходите самостоятельно.

— Что случилось? — Ника тут же соскочила с места и стала пробираться к выходу.

— Ничего страшного, — дрожащим голосом сказала Вера, — я присоединюсь к вам, но попозже, наверное, в ресторане.

— Это что-то с Ольгой?

Вера не ответила, только вздохнула и помахала рукой, ожидая, пока водитель выйдет и опустит ступеньку.

— Я тоже еду! Только я! — Ника уверенно остановила жестом повскакивавших подруг, — пока, девчонки! Все будет нормально! Удачи!

Менеджер подбежала к остановившейся впереди патрульной машине, что-то сказала сидящим в салоне милиционерам, те торопливо вышли и пошли к автобусу, а сама Вера и упрямая Ника, не желающая слышать крики-просьбы вернуться, заняли места страж порядка. Водитель включил сирену, машина развернулась и поехала в обратную сторону, гораздо быстрее, чем шла до этого впереди автобуса. Сам автобус тронулся с места, и расстояние между ним и машиной сопровождения стало увеличиваться.

86

Сестрицы мои,

Березоньки! Воспряньте:

Запах весны...

Вера и Ника, насколько им позволяла обувь, не предназначенная для занятий спортом, неслись по дорожке от ворот к особняку, оставив далеко позади охранника. Владимирч никого не ожидал и уже, как оператор Дима, находился в первой стадии ошарашенного отдыхом человека: от него пахло чем-то острым и закуской. Возвращение взбудораженной начальницы его отрезвило, и он стоял у ворот, потирая шею и размышляя о причине указаний, связанных с будущим приездом кареты скорой помощи.

В столовой Ольга сидела неподвижно за столом, уронив голову с влажными волосами на сложенные руки. Вера подбежала и затрясла девушку за плечи:

— Оля! Очнитесь!

— Зачем вы вернулись? — Ольга выглядела бледной, немного всплакнувшей, и испуганной криками Веры, но, тем не менее, здоровой.

— Сколько ты выпила таблеток?! Что это за таблетки?! — Вера продолжала ее трясти.

— Что здесь горело? — Ника взяла в руки блюдце с пеплом прямоугольной формы, потом — лежавшую рядом одинокую таблетку, поднесла ее к глазам, — что это за лекарство?

— Где? — Вера схватила скатанный из хлеба приплюснутый шарик, понюхала, раскрошила в пальцах, — что это такое?

— Таблетки счастья из хлеба, — машинально ответила Ольга, потрясенная внезапной суетой.

— Какой хлеб? — Вера перевела вопросительный взгляд на Нику.

— Обычный, белый.

— Боже мой! — женщина тяжело опустилась на стул, — зачем вы это со мной делаете? Вы что же сейчас пили эти таблетки... из хлеба?

— А что? Я хотела умереть, — видя, что ее слова напугали примчавшихся к ней на помощь, и пояснила неохотно, — понарошку... А потом как бы ожить, стать новым человеком... Мы так в детстве играли... Почти всегда помогало...

— Они так в детстве играли... — Вера схватилась за сердце, почти плача, — Никусь, накапай мне валерьянки, пожалуйста... Я не могу больше... Ольга, вы сведете меня с ума. От ваших выходов меня скоро сюда ногами в дверь вынесут...

До обвиняемой в провокации, наконец, дошел смысл ситуации, Ольга вскочила и с грохотом задвинула за собой стул:

— Вы опять за мной следили?! Неужели вам все мало? Зачем вы постоянно лезете в мою судьбу, чувства? Да хоть бы я и отравилась по-настоящему, что это изменило бы? Ах да,

рейтинг у программы повысился бы. Конечно! Как это трогательно: заставить провинциалку влюбиться, проверить ее на вшивость, а вдруг она недостойна такого замечательного мальчика, как Макс? И что? Ну, влюбилась я, влюбилась! Что теперь? Теперь нам стало неинтересно: а давайте, выгоним его, пусть едет в свою Англию, женится на дочери богатенького английского лорда! А мы тут посмотрим, как эта дурочка будет страдать и мучиться. И камер, камер везде побольше! Как она себя поведет, а? Наверное, плюнет на простого парня и будет дружить с богатеньким сынком, да? Или нет! Она напьется и устроит шоу... Вот, наверное, было жалко, что я не разделась догола, да? А еще можно сделать вид, что уехали, а сами понаблюдаем... О! Это же настоящее реалити-шоу!.. Вот вам всем! — Ольга показала фигу онемевшим слушательницам. — Не мешайте мне спокойно уйти! И не трогайте меня!..

— Так это все из-за Макса? — Вера поняла.

— Не говорите мне о нем. Все, он уехал — нет его! Сгорел! — Ольга ткнула пальцем в сторону пепла, — и меня нет! Нет Ольги Николаевой больше на проекте, вообще нет, понимаете? Для всех вас я умерла!

Она собралась выйти.

— Подожди, балда! — Вера встала, не отнимая одной руки от своей груди, — постой же!

— Что еще?

— Когда ты успела поссориться с Максом?

— Я? Поссориться? А у меня была такая возможность? Да и потом, кто я такая для него? Голубая кровь во мне не течет, потом, молчать и притворяться я не умею. Так что все нормально — развлеклись, подружили, теперь можно и разбежаться — вам какое дело? — Ольга зло встряхнула мокрыми волосами.

Вера посмотрела на Нику:

— Ты разве ей ничего не говорила?

— Я думала, что ты... вы сказали, — Ника покраснела и понесла тарелку с пеплом на кухню.

— А ну-ка постой, дорогая, — Вера остановила Нику за руку, — говори, солнце мое, почему ты не сказала, и своей подруге расскажи всю-всю правду, если она твоя подруга, на самом деле.

Ника повернулась к Ольге, сделала неуверенно шаг и тихо произнесла, путаясь в словах и оправдываясь:

— Прости, Оль! Я просто дура и ревнивая стерва... А потом, когда я уже поняла, что я натворила, я не хотела, чтобы ты начала переживать, что что-то случилось страшное...

— Что с Максом?

— Все нормально... прости меня... я, честное слово, хотела все исправить, но...

— Что с Максом?! — закричала Ольга.

— Ну, он... просто... физически не мог сюда приехать...

— «Физически не мог», — в ужасе повторила Ольга и сразу вообразила себе Макса, лежащего в бинтах на больничной койке.

— Да все нормально: он жив, — Нике было стыдно продолжать свои объяснения, — только...

Ольга рукой нащупала спинку рядом стоящего стула и попыталась его выдвинуть, но не хватило сил: закружилась вдруг голова. Вера подбежала и усадила Ольгу на стул.

— Оля, честное слово, все нормально! Он жив и здоров... А ты, балда, тянешь кота за хвост, нормально сказать не можешь... — менеджер положила руки на плечи ослабевшей Ольги, — твой Максим на неделю уехал в Англию, чтобы забрать из своего университета документы и перевестись в Московский, поближе к тебе. А сегодня он ждал, вернее, ждет тебя в театре. И у него для тебя есть сюрприз... Хотя я бы на его месте тебе сегодня больше новостей не рассказывала... Да что же это такое?!

Благая весть от Веры, казалось, только ухудшила состояние Ольги: девушку залихорадило, и менеджер протянула ей бокал с запахом успокаивающей валерьянки.

Ника робко подошла, не смея прикоснуться к подруге:

— Оля, прости, пожалуйста. Вот я, клянусь, хотела тебе вчера все рассказать, но у тебя был такой вид, будто ты уже знаешь, и вообще, ты сама не спрашивала... Не плачь, пожалуйста, а то я сама плакать начну, — Ника всхлипнула.

В брошенной на стол сумочке Веры постоянно играла одна и та же мелодия, но хозяйка не подходила. Теперь, когда ситуация стала более-менее управляемой, менеджер достала-таки телефон и поднесла к уху:

— Да? Да, все нормально... Клянусь, честное слово... Да, все обошлось... Здесь, рядом со мной... Конечно, мы приедем, толькождемся такси: я отправила патруль к вам... Нет... Постараюсь... Все, пока! — Вера вздохнула и выпила оставшуюся от Ольги воду с валерьянкой, — ну что, раз все живы и здоровы, то поехали? Я сейчас вызову такси, а вы, Оля, пока одевайтесь, приводите себя в порядок. В театр мы, конечно, не успеем, но в ресторан попадем.

— Куда идти? — откуда-то послышались голоса.

Вера ахнула:

— Я совсем про «скорую» забыла! Пойду, договорюсь! — и столкнулась в дверях с двумя женщинами-санитарами.

— Девочки, здравствуйте! — к ним вышла Вера, — вы нас извините, но мы, кажется, сами справились. Сколько с нас за ложный вызов?

— Вы с ума сошли, что ли, дамочка? — молниеносно отреагировала женщина постарше, — вы знаете, что у нас машин не хватает? Могли бы и отзвониться. Как помощь нужна, так все кричат: «Быстрее, быстрее! Тут девушка отравилась» А потом вот из-за таких, как вы...

— Да нет же, просто наш человек, который звонил, все перепутал. Простите нас, — рядом с Верой встала Ника, — плохо стало вашей коллеге. Вот, девушка, тоже на доктора учится. Она сама себе первую помощь оказала.

Санитары смерили Ольгу, устыдившуюся слез в присутствии посторонних людей, теперь судорожно вздыхающую и украдкой вытирающую лицо.

— Богатые тоже плачут, — глубокомысленно сказала избитую фразу санитарка, — беситесь и сами не знаете от чего.

Ника зашептала что-то на ухо Вере, и менеджер засмеялась:

— Хорошо, идите, я попробую.

Ника потащила Ольгу к лифту.

— Девочки, а вы вообще знаете, что это за дом? — Вера жестом пригласила женщин вернуться в фойе, — вы знаете, кто здесь живет?

Санитарки переглянулись. Вера показала Владимирычу пальцем на дверь и повернулась к санитарам:

— И если вы нам не поможете, то может случиться страшное...

87

Первые почки...

Запах на клейких пальцах

Держится долго.

Золушек ждали. Патрульная машина, на которой Вера вернулась в Дом, успела догнать автобус с девушками и с сиреной подъехала к Большому. Наряд милиции, ожидавший гостей с проекта, выстроил живой коридор, и любопытных собралось немало. Золушки, к которым подошли их друзья, одетые в строгие костюмы, под руку с Принцами, словно звезды из Голливуда, сопровождаемые криками из толпы, аплодисментами, важно прошествовали внутрь, в вестибюль.

Театр кипел и был подобен муравейнику своими многочисленными посетителями. Впрочем, не все дамы были одеты в вечерние платья, а джентльмены — во фраки, и тем ярче в этой толпе выделялись золушки со своими спутниками. Оказавшиеся здесь операторы суетливо забегали ради удачных кадров перед смущенными и смеющимися девушками; среди них один Виктор степенно переходил с места на место, запечатлевая всех подряд: и золушек, и простых людей, подходящих к ним за автографами, и своих коллег. Один из корреспондентов захватил Стрэна в свой плен догадок, потому что никто не отвечал подробно на вопросы: наученные Верой золушки говорили одинаково, что пока они не имеют права распространяться о своих планах и что всю информацию можно получить только у руководства. Часть наряда милиции с улицы перекочевала сюда же и у стен блюла безопасность красавиц от толпы фанатов и случайных зевак.

Прозвучал первый звонок, и золушки ушли в отведенную для них большую ложу, напротив сцены. В вестибюле остались Макс и Артур. Стрэн жестом показал им подниматься со всеми вместе, дал понять корреспонденту, что интервью закончено; последовал за молодыми людьми, лично проследил, чтобы они зашли к золушкам; сказал несколько слов двум охранникам у входа, и сам ушел к знакомым.

Конферансье объявил начало концерта, зал взорвался аплодисментами, но в крайней ложе, на втором ярусе, на сцену прилежно смотрел только телохранитель представительного вида: сам банкир и Маргарита Павловна, вооружившись биноклями, обсуждали появившихся девушек.

— Которая из них? — банкир нетерпеливо пытался угадать, — с которой он сейчас разговаривает?

— Нет, я ее не вижу, — Маргарита Павловна беззвучно посчитала девушек, — кажется, двоих нет. Интересно, что случилось?

— А что, эта очень даже ничего...

— Которая в лиловом? Да, ничего так, — жена отвела бинокль и посмотрела на мужа, — тебе нравится или твоему сыну?

...В это время, в большой ложе, Артур что-то нашептывал Наташе на ухо, не обращая внимания на находившегося тут же Наташиного Принца-Олега. Наташа хихикала, Принц морщился, а Артур между делом незаметно косился на Макса — в сущности, Карамзин-младший делал все, чтобы только избежать неприятного разговора со своим другом, который нервничал, не сидел спокойно, то и дело наклоняясь с вопросом к сидящей впереди Нинель. Макс попросил у нее сумочку, словно для того чтобы рассмотреть дизайн, и положил туда свой телефон:

— Н-не забудь потом в-выключить. Сама н-не боишься, что п-поймают?

— Глупости! — шепнула Нинель, — за нами уже не так строго следят.

— Смотри сама. Г-где Оля и Ника?

— Оля вообще с нами не поехала: у нее хандра. А Ника уехала с Верой, я даже не знаю куда. Девочки говорили, что что-то случилось дома, в смысле, на проекте.

— Может, хватит шептаться? — не выдержала Олеся, которая сидела рядом с Нинель, — мешаете! Выйдите и говорите себе, сколько влезет!

— Да тихо вы! — цепная реакция зацепила Маслову.

Макс успокоился ненадолго, повернулся к Артуру:

— Д-дай, пожалуйста, телефон.

— А твой где?

— Д-дома забыл, — извинившись перед зашипевшими на него, он вышел из ложи, сделал знак дрогнувшим охранникам, мол, все в порядке, нашел в списке контактов менеджера и набрал номер. — Алло, В-вера Александровна?.. Д-да, я... Едете? Уже скоро? А п-почему сирена постоянно?.. Н-на чем?.. — Макс засмеялся. — Х-хорошо, жду. М-мужик, есть сигарета? — он обратился к стоящему на входе охраннику, — б-блин, когда надо, н-ни у кого нет.

Он нетерпеливо прошелся туда-сюда по коридору, побарабанил пальцами по стене, вернулся в ложу и опять зашептал Артуру:

— Френд, д-дай сигарету, а?

— Ты же бросил!

— С-сил нет ждать. Ск-казали, что едут.

— Вот вы надоели! — вздохнула Олеся, зачарованная музыкой.

— Н-не говори, — Макс опять вышел. Артур вслед за ним.

— Я тоже пойду, посмотрю, — Нинель шепнула Наташе.

— Сиди! Без тебя разберутся.

Молодые люди вышли на улицу. Там Макс закурил сигарету и немного успокоился:

— Н-не пойму, почему т-так долго?

— Бабы, одним словом. Антилопы... — Артур кусал губы. Макс покосился в ответ на его реплику, но ничего не сказал.

Где-то послышался вой сирены кареты скорой помощи, звук приближался.

— Едут! — Макс отбросил в сторону окурков.

— Не бойтесь, люди, это моя лягушонка в корбчонке едет! — низким голосом пошутил Артур, — ... не на скорой же помощи...

Макс засмеялся и показал рукой:

— См-мотри туда, царевич!

К ним действительно приближался белый автомобиль с красным крестом. На подъезде к театру сирена стихла. Сначала из кареты скорой помощи вышли санитарки, они помогли Вере и девушкам.

— Т-ты только посмотри, к-кто это? — Макс ошалел: Ольга одергивала на себе платье, еще не замечая зрителей.

Ника увидела их первой, помахала рукой, тронула подругу за руку. Ольга подняла голову, увидела и нерешительно пошла к протянувшему руки Макс, тот подхватил подругу и закружил ее в воздухе. Словно не две недели — несколько лет — прошло со дня их последней встречи: двое никак не могли разомкнуть объятия. Было видно, как Макс

отстранил от себя Ольгу, взял ее отворачивавшееся лицо в свои ладони, что-то сказал, расцеловал и прижал к себе.

— Ну что, это стоило моей работы? — Ника обратилась к санитаркам и вышедшему покурить водителю, — где бы вы еще такое увидели?

— Счастливая... — выдохнула одна из женщин.

— Спасибо вам большое, — Вера попрощалась со всеми за руку, — без вас ничего бы не получилось, — и сразу полезла в сумочку за телефоном предупредить Стрэна.

— Не за что, мы были рады помочь коллеге, — улыбнулась санитарка постарше, — теперь будем знать, как еще можно спасать людей.

— Да, условия были экстремальные, — Ника подхватила поудобнее большую сумку с феном, расческами разных размеров, средствами для укладки, косметичкой — одним словом, всем, что Ника нашла в своих закромах для создания красоты.

— Н-ника, привет! — Макс чмокнул подошедшую Нику в щеку, взял у нее сумку из рук, — д-догадываюсь, ч-что вся эта п-прелесть — т-твоих рук дело. К-кстати, ты выглядишь супер. Вы т-тоже, Вера Александровна.

— Учись, студент! — Ника показала язык остолебневшему Артуру, — вот как ведут себя настоящие джентльмены.

— Я потрясен вашей красотой не меньше, — опомнился Артур, — чего опоздали-то?

— Тебе большое спасибо, — за промолчавшую Ольгу ответила Ника, подумала и добавила тише, — ну и мне, частично.

— Герои! — восхитилась Вера, — одна пара: сапог да лапоть. Но я с вами обоими в следующий раз поговорю, тет-а-тет.

— Т-так, тебе без меня б-было скучно? — Макс не выпускал Ольгиной руки.

Артур, наконец, догадался взять у друга сумку Ники, и влюбленные теперь свободно шли впереди остальной троицы.

— Чуть не умерла, — Она еще не в силах была поверить такому повороту в своей судьбе, — если еще раз уедешь, не предупредив меня лично, я сделаю что-нибудь такое гадкое, что тебе будет потом стыдно всю жизнь.

— М-мне уже стыдно, — засмеялся Макс, — н-но я рад, что ты в форме.

— В смысле?

— Я в-видел т-твое последнее выступление и остался д-доволен, — Макс, смеясь, поцеловал Ольгу в шею, — у м-меня очень гибкая невеста. И, к-кстати, хорошая актриса. М-мне нужно быть внимательней к т-тебе.

— Негодяй! — Ольга слегка ударила Макса сумочкой, — ты бросил меня и ничего не сказал. Что я должна была думать? Пришлось самой изобретать план побега. А теперь меня выгонят за аморальное поведение, из-за тебя, между прочим.

— Н-не выгонят, если захочешь остаться, п-просто скажи, что ты п-притворялась.

— Ни за что не признаюсь! Пусть верят.

— Н-ну и ладно, уедем завтра н-на мою квартиру и б-будем готовиться к свадьбе, если т-ты не передумала. Н-но это п-пока большой секрет.

— А вот и подумаю! Сил моих больше нет терпеть всю эту гламурность. Я, пока мы ехали, работу вспомнила, ностальгия одолела.

— П-потерпи всего одну неделю, ради м-моих предков. Я их уже п-предупредил, рады безм-мерно, т-только нужно к-кое-что довести д-до ума.

— Одну неделю?

— Одну н-неделю и все. К-клянусь, чем хочешь.

88

Нерукотворный

Памятник воздвиг себе.

Есть для чего жить!

Никю распирало от гордости за творение своих рук. Золотистое облегающее платье, которое она подобрала подруге, туфли и аксессуары, легкий макияж и прическа, наконец, — все это превратило Ольгу в настоящую светскую даму. Но не холодной и тяжелой красоты, а воздушную, похожую на невесомого мотылька с блестящими крыльшками. Чего стоила эта красота Нике, знали только санитары и Вера: на полном ходу, подпрыгивая на ухабах и качаясь на поворотах и объездах дорожных ямах, добровольный стилист, еле сдерживаясь, чтобы не выпустить в воздух крепкое словцо, отрабатывала свою вину. Для макияжа, естественно, пришлось на пять минут остановить карету скорой помощи — так быстро Ника еще никогда не делала мейк-ап.

Не успели две пары и Вера зайти в вестибюль, как рядом тут же оказался Виктор, опоздавшие случайные фотографы и корреспондент. Стоило некоторых усилий уговорить Ольгу и Макса дать согласие на короткую фотосессию. А пока фотографировали эту пару, Ника с гордостью смотрела на них со стороны, впрочем, успев попозировать вместе с Артуром. Ольга и Макс, внешне неуловимо похожие друг на друга, не рассоединяли рук, постоянно переглядывались, иногда в один голос, не сговариваясь, выдавали одинаковые реплики — и светились от счастья. «Как лампочки», — проворчал Артур, за что и получил от Ники стандартный подзатыльник.

Стрэн, вышедший их встретить, довольно улыбнулся и, словно читая мысли Веры, похвалил качественную работу Ники, а заодно отвесил комплимент Максиму по поводу его внешней гармоничности с партнершей.

Поверив в себя, Ника простила Ольгу как потенциальную соперницу и Макса, когда-то обидевшего ее, влюбленную в него. Кроме того, Ника это поняла, Артуру было не совсем комфортно в этот вечер: он с трудом заставлял себя не смотреть на спутницу друга, но и с Никой, излучавшей самоуверенность, ему тоже было тяжело. Наверное, и классическая музыка, которую недолго, но все-таки удалось послушать, внесла свою лепту в создание новой Ники, более сильной, доброй. Так что к тому моменту, когда кончился концерт, все приглашенные поехали в ресторан, Ника окончательно и бесповоротно была счастлива только потому, что теперь знала себе цену, и знала, как этой ценой распорядиться. А самое главное, Ника только подумала, что, возможно, без Артура ее жизнь будет даже интереснее, и поймала себя на мысли, что не чувствует по этому поводу никакого сожаления и страха потери, — только свободу. Так она фактически осталась без Принца на проекте, а стало быть шансов на победу, но не жалела.

89

От сглаза людского

Тяжелая шкура

У входа в пещеру.

В ресторан были приглашены, помимо золушек и их принцев, спонсоры, а так же почти вся группа, работавшая над проектом, для создания, так сказать, массы и атмосферы праздника. Едва появившись в ресторане и услышав музыку, Макс тут же повел Ольгу танцевать:

— Эти двое н-нам не дадут спокойно п-поговорить, — объяснил, имея в виду постоянно Нику и Артура, затеявших словесную дуэль, сидевших за одним столом с влюбленными. — П-пусть официанты п-принесут еду, т-тогда у этих, может быть, рот б-будет закрыт... Я уж-жасно соскучился!

— А мне уж-жасно хочется задать тебе кучу вопросов, но я не хочу портить вечер.

— Н-ничего я выдержу, сегодня к-как раз и нужно все в-выяснить.

— Почему?

— П-потому что такой сегодня в-волшебный вечер, — Макс закрутил в танце девушку и обнял ее со спины, зашептал на ухо:- Я д-должен буду успеть исп-править все твои п-претензии.

— Значит, ко мне претензий нет?

— К-какие могут быть к т-тебе п-претензии? — Макс смеющимися глазами смотрел только на партнершу.

— В-первых, я много плачу, если меня обижают.

— Я н-не буду обижать, и у тебя н-не будет п-поводов д-для слез.

— Во-вторых, я непредсказуема, в этом меня недавно обвинили, — Ольга загибала пальцы.

— Хорошо, зн-начит, мне будет в-весело.

— В-третьих, я, когда выпью, становлюсь опасной для общества.

— Я в-видел, как ты м-мужу нос разбила. В эт-том случае я б-буду т-тебя изолировать от общества, мы б-будем уединяться, а ты б-будешь танцевать для меня, а п-потом мы...

— В-четвертых, я ни за что не буду делать аборт, даже если это будет мой десятый ребенок.

Макс простонал:

— Т-ты это моим родителям скажи, они т-тебя на руках будут носить!

— В-пятых, я никогда не брошу свой институт и работу и не буду сидеть дома, когда дети вырастут.

— З-значит, пока они б-будут маленькие, ты все-таки н-не станешь искать им н-няньку?

— Ни за что! С ума сошел? Чтобы какая-нибудь злая тетка воспитывала моих малышек?

— Ч-что такого я с-сделал хорошего в жизни, что мне д-досталась жена, которая г-готовит, к-красива, умна, с-сексапильна еще и м-массаж умеет делать?

— Не заговаривай мне зубы! — партнерша закрыла, шутя, Максу рот своей ладонью.

— А ч-что, еще пункты есть?

— Навалом.

— Т-тогда не говори, п-пусть сюрприз будет.

— Пожалеешь!

— Н-ну, как жить без ложки д-дегтя? П-предупреждаю, у меня тоже есть н-недостатки.

Их диалог прервала Карина Собак, подошедшая с разносом, на котором лежали конверты:

— Ребята, возьмите свой конверт с номером.

— Ч-что за номер?

— Пары по очереди будут выходить на сцену и отвечать на вопросы, которые достанутся. Я попозже подойду к вам, вы мне номер свой скажете?

— Давайте сразу, — Ольга вскрыла конверт, — восемь.

— Отлично, у вас будет время подготовиться.

— Видел? — Ольга расстроилась, — опять эта показуха и пафос!

Она развернула лист на плече Макса и в медленном, не соответствующем ритму, танце стала читать вопросы:

— Первый вопрос. «Как вы думаете, ваши отношения продолжатся после окончания проекта?»

— Я отвечаю н-на него.

— Можно я сегодня буду молчать? Ну что за глупость придумали? Анкета школьницы, ей богу!

— Ч-читай второй вопрос.

— «Вы будете составлять брачный контракт?»

— Д-действительно, гадость. Еще есть?

— Есть, видимо, организаторы очень любят троицу, как и Создатель. Но это не вопрос: «Расскажите, что вы чувствуете к своему партнеру».

— Ну и к-какие п-проблемы?

— Меня тошнит от этих испытаний, так и подмывает ответить назло.

— П-плюнь. Мы ч-что-нибудь придумаем. И в-вообще я хочу, чтобы мне сегодня в-все завидовали. П-потанцуем?

— А сейчас что мы делаем? — Ольга никак не могла успокоиться, пока у нее в руках был треклятый конверт.

— Разг-говариваем. Я сейчас!

Макс оставил Ольгу стоять одну и пошел к музыкантам. К этому времени рядом покачивались три пары. Одна из них, Олеся с Данилом, тоже, кажется, была довольна своим выбором: оба мило улыбались друг другу, а Олесины веснушки особенно трогательно смотрелись на ее нежно порозовевшем рембрандтовском лице.

Макс быстро вернулся:

— Я т-тогда получил столько удовольствия, п-помнишь наше танго? П-повторим? Учти, я поп-просил играть долго. Я хочу, ч-чтобы все мне сегодня завидовали самой ч-черной завистью. Сд-делай такой подарок, п-пожалуйста.

Он манерно поклонился, приглашая на танец. Ольга неуверенно оглянулась на зал и, уже подчиняясь музыке, ответила Максиму, сделала на обманное движение партнера свое встречное. Другие пары попробовали последовать заразному примеру, но уступили талантливой импровизации двух влюбленных, отойдя в сторону.

Сегодня Макс вел танец, получая эгоистичное удовольствие от зрительского восхищения. «Это моя женщина!» — будто говорил его сияющий пристальный взгляд, и, хотя он не смотрел по сторонам, что и было положено профессиональному тангерос, физически чувствовал всеобщее любование и еще больше входил в азарт. В то время как партнерша смущалась и будто бы притворно сердито, в отместку за его «случайные» поцелуи украдкой, в танце давала Максиму легкие пощечины, он только довольно улыбался и прикусывал край нижней губы, гипнотизировал Ольгу взглядом.

Официанты бросили работу, никто из гостей не жевал, Ника время от времени поддразнивала Артура, намекая ему на превосходство Макса и в танцевальном вопросе. Недалеко от сцены, за почетным столиком, Маргарита Павловна вытирала салфеткой выступившие слезы и вздыхала, ее супруг, счастливо откинувшись на спинку дивана, под столом, незаметно гладил коленку жены.

Никто не решился соперничать с этой парой, и только когда музыка затихла, а

танцующие замерли в поцелуе, зал разорвался от аплодисментов и криков «браво».

— К-кто здесь? — оторвавшись от Ольгиных губ, Макс стал озираться, насмешив партнершу.

— Я проголодалась от такого всплеска адреналина.

— А я д-давно хочу есть, п-пойдем, перекусим?

— Пойдем, и пусть тут нас только попробуют переплюнуть!

90

Вплету в косу

Тяжелую монету

На счастье и любовь.

— Я т-тебя хочу к-кое с кем познакомить, — Макс протянул руку, чтобы помочь выйти из-за стола.

Ольга встала, подмигнула остававшейся Нике, пошла было за Максом, но, когда проследила направление его взгляда и поняла, что он ведет ее к столику, за которым сидели Маргарита Павловна с мужем, Стрэн и Вера, заупрямилась:

— Нет, я к ним не пойду, пока там сидит этот... «испытатель».

— К-константин Андреич?

— Ну да, я его до сих пор боюсь.

— Зря, м-милейшей души человек.

— Нет, — Ольга положила Максу руки на плечи, — раз уж вышли, давай лучше потанцуем. Тем более что ты обещал мне ответить на несколько вопросов.

— Слушаюсь, г-гражданин следователь. Итак?

— Это правда, что ты просил Артура меня проверить?

— В см-мысле?

— Как обычно вы это делали, с Никой, например.

— Г-грешен, каюсь: б-было пару раз. Н-но не с тобой, — Макс, кажется, говорил искренне.

— За что такая честь? — Ольга была неумолима, отстраняясь от прикосновений губами.

— Ч-честное слово! Я п-просил его присмотреть за тобой, п-помочь, посоветовать, если что н-не так. Н-неужели приставал?

Партнерша демонстративно молчала.

— Т-ты прости его: у н-него в привычку вошло, п-почувствовал себя К-казановой. Т-ты знаешь, сколько он у м-меня девушек отбил? Сп-пасибо ему б-большое, иначе я б-бы никогда т-тебя не встретил.

— Ох, и умеешь ты заговаривать зубы! У мужика отбивают бабу, а он терпит, еще и благодарит соседа.

— Т-ты, как он, заг-говорила. Я т-такой человек, что м-мне интереснее за к-компом вечер п-просидеть, чем проболтать с девушкой о в-всякой фигне. В шк-коле некогда было: в-волейбол, т-танцы, английский. П-потом, м-мать сама н-не раз отбивала у м-меня охоту, устраивала н-нравоучения по вечерам... Самое интересное, что я в-вообще ничего н-не рассказывал. Она п-придет на мероприятие, я т-там станцую с кем-нибудь, а она тут же п-понапридумывает себе и к-как начнет: «В-вот, эта из н-неблагополучной семьи, у н-нее отец инженер...» Или: «Ей т-твои деньги нужны».

— Какой кошмар!

— А к-когда закончил школу, д-да, друг п-помогал. П-пару раз п-перепихнемся с девушкой — на следующий д-день она с Артуром г-гуляет. Я обижался сначала, а п-потом привык. Что с него в-возьмешь? К-какой ни есть, а д-друг. Хорошего б-больше было. Я от-

ответил на твой вопрос?

— Ладно, это на твоей совести, время покажет, — рассказ Макса убедил Ольгу в его искренности, но плохое мнение об Артуре только окрепло. — Я теперь знаю, как ответить на второй вопрос про брачный контракт. Обязательно его заключу с твоей матерью, если придется.

Макс засмеялся:

— Д-да она сама хочет, ч-чтобы я на тебе женился.

— Ага, а потом окажется, что я не оправдала ее ожиданий: свеклы мало в борщ положила, не там тарелку поставила. Ну уж нет, я с твоими родителями после всего этого жить не стану.

— Ты, к-когда с ней п-познакомишься, поменяешь свое мнение. Еще что т-тебе интересно узнать?

— Больше ничего на сегодня, давай просто танцевать... и целоваться.

— М-моя ты сладкая, — Макс обнял девушку, — разве я п-против? Но п-пока мы не начали шокировать п-публику, ск-кажи, тебе все равно, из к-какой я с-семьи?

— Все равно. Про маму твою я знаю: предупреждена — значит вооружена. Про отчима ты мне рассказывал давно.

— Я имею в-виду, из б-бедной или б-богатой?

— Абсолютно все равно, но я уже кому-то говорила, что на богатенького сыночка я бы не посмотрела, поэтому твоему Артуру не повезло со мной, — Оля вдруг отстранилась, заглянула в глаза партнеру, — хватит меня уже испытывать.

Они остановились. Карина Собак позвала на сцену очередную пару, Маслову и ее принца, но Макс повел Ольгу не к столику — в сторону служебных помещений, где можно было договорить:

— Если я сейчас не сп-прошу, п-потом будет поздно.

Ольга немного встревожилась: она интуитивно почувствовала важность серьезности Макса, как в московском храме, и даже больше.

— П-прежде, чем мы выйдем т-туда, — он кивнул в сторону сцены, — я хочу, чтобы т-ты узнала в-всю правду обо мне.

— Не пугай меня, я и так полдня с ума сходила, думала, что никогда больше тебя не увижу.

— Н-нет, нет, ничего страшного, — Оля вспыхивала, как спичка, когда речь шла о неизвестности, сразу подозревая худшее, и молодой человек взял ее лицо в свои руки, подождав, пока мимо них в туалет пройдет Нинель, — это совсем н-не страшно, больше смешно, п-поверь.

— Господи, опять! Ты увлекаешься наркотиками?

— Фу!

— Алкоголем?

— Н-нет.

— Ты болен СПИДом?

— Б-боже упаси!

— У тебя проблемы с законом?

— Н-ну, у тебя и фантазия!

— Ты не можешь иметь детей?

— Н-никаких проблем со здоровьем, к-кроме этого, — Макс показал на свой рот.

— Как же ты меня напугал!

Макс засмеялся и обнял Ольгу:

— Т-ты такая смешная!

Ольга вырвалась:

— А что может быть страшней всего этого?.. Так что ты хотел рассказать?

На лице молодого человека боролись решимость и мысль, заставившая приподниматься уголки губ:

— Т-ты меня обо всем спросила, к-к кроме одного... а вдруг я н-не свободен? — Макс заговорил торопливо, стараясь опередить мысли побелевшей возлюбленной, — я пошутил... Н-на самом деле, я был н-недавно обручен, н-но мы, я и К-катрин, к счастью, поняли, что это ошибка... Т-так хотели наши родители, ч-честное слово... Н-но и это не все...

Ольга направила указательный палец на собеседника, предупреждая о собственной решимости исполнить угрозу:

— Если я узнаю, что вы расстались из-за меня, я тут же уйду...

— П-почему?

— Я не собираюсь терпеть угрозы и истерики брошенной тобой, которой ты когда-то пообещал то же самое, что и мне. Кроме того я верю, что все возвращается: и чужая боль, и слезы... Но и любовницей я тоже не буду!

Макс не придумал ничего лучше, как приложить усилие и все-таки прижать к себе девушку, зашептать ей на ухо:

— Т-тихо, тихо! Я ск-казал правду: у м-меня есть д-доказательства, покажу п-потом. Я слишком х-хорошо тебя знаю, ч-чтобы рассказать об этом и н-не подстраховаться. Я п-просто сам все хочу раск-казать, чтобы н-никто б-больше...

Ольга невольно взглянула в сторону Ники и Артура, последний наблюдал за ними.

— Мне уже рассказали, я поэтому отказалась ехать, — она и хотела оттолкнуть от себя Макса, но и не могла лишиться его прикосновений.

— Н-ну и сволочи же они, зн-наю я, о к-ком ты, — Макс немного расстроился, — т-только это было...

Ольга перебила:

— Ничего не хочу слышать. Никогда больше не рассказывай мне о прошлом.

— Обычно, д-девушки хотят узнать в-все...

— Я не «обычно». Если нет никаких последствий от твоих бывших, то и не надо ворошить...

— Д-да не было н-ничего!

— Тем более. Все, выбрось это из головы, но помни, что я сказала: захочешь убить меня, сделай это быстро, хотя бы в память о том, что было.

— «Ост-тавь меня, но не в п-последний миг, когда от м-мелких бед я ослабею...»

— «... Оставь меня, чтоб сразу я постиг, что это горе всех невзгод больнее!» Шекспир прав, как всегда... Нет, ты это слышал? — Ольга вдруг отвлеклась на происходящее в эти минуты на сцене.

— Ч-что?

Они обернулись. Говорил Принц Масловой на русском, но с сильным акцентом и запинаясь, подглядывая на клочок белой бумаги, зажатой в руке.

— Мы не ослышались? — переспросила Карина Собак, делая рукой знаки публике

поддержать говорящего, — можно повторить?

— Я прошу отпустить мою невесту, Танечку, чтобы подготовиться к свадьбе.

— Уау! Я прошу всех поддержать нашу первую сложившуюся счастливую семью! — закричала Карина, и зал гаркнул: «Горько!»

Пара поцеловалась, Маслова выглядела счастливой и даже немного растроганной.

— Ох, и получит на орехи этот болгарский перчик! — Ольга покачала головой: — она из него не то что веревки, нитки для батистовых платков соткет.

— Ты п-плохо ее знаешь, она к-классная девчонка! — Макс услышал ворчание подруги.

— Извращенец! — Ольга хлопнула его ниже спины, — тебе стервы захотелось?

— О-о-о! — Макс потер место удара, резко схватил Ольгу за талию и поцеловал ее.

— Тише ты! — Ольга вырвалась, — не нам кричат!

— А я п-потренироваться!

— Пойдем, неудобно: стоим, целуемся возле туалета.

— Н-но я самого смешного н-не рассказал...

— Потом свой смешной секрет расскажешь. Нинель, наверное, из-за нас стесняется выйти из туалета.

Ольга пошла вперед, в зал, увлекая за собой медлившего Макса. Маслова со своим Принцем сорвали очередные аплодисменты и призывы поцеловаться. Болгарин в доказательство искренности одел своей золушке кольцо на палец, и Маслова так растрогалась, что стремительно вышла из зала, потирая пальцами уголки глаз.

— Скоро наша очередь, — без особого энтузиазма сказал Артур, провожая Маслову глазами. — Что говорить, ума не приложу.

— Было бы что прикладывать, — съязвила Ника, — может, прикинемся влюбленными? Вдруг тебе за это уют или микроволновку дадут?

Ника с Ольгой расхохотались — Артур разозлился и поднялся с места, кивнул Максусу:

— Пойдем, покурим?

— Так я и знала, что он не бросил курить, а все меня пугает страшными тайнами. Ох, и шифровальщик! — Ольга возвела глаза к потолку, как только парни ушли. — Зря ты дразнишь Артура, задеваешь его самолюбие. Он еще больше злиться начинает. Простила бы уж.

— Я другого найду, какого-нибудь умного и богатого француза, уеду в Париж, поработаю стилистом — и выйду там замуж.

— Смотри сама.

Они еще немного поговорили про своих избранников, пока тех не было, а потом переключились на другие пары, обсуждая их шансы на счастливую семейную жизнь.

— О! Глянь туда! — Ника подпрыгнула на диванчике, — обалдеть!

Ольга обернулась на танцующих Стрэна и Нинель, покачала головой:

— Поверь мне, это неспроста, кто кого пригласил?

— В том-то и дело, что Стрэн ее! — Ника с открытым ртом наблюдала за продюсером и самой красивой золушкой, — как пить дать, она станет его любовницей!

Продюсер и правда что-то шептал партнерше на ухо, она смеялась.

— Ну, это же неприлично! — возмущалась Ника: — Нелька должна после Масловой выходить. Как ее парень после этого сможет говорить про любовь?

— Кто тут говорит про любовь? — Артур с Максом вернулись.

Ника кивнула на причину своего возмущения:

— Ты посмотри, я понимаю — флиртовать где-нибудь дома, там хоть деревья есть, ну не на публике же, перед самым выходом!

Словно издеваясь над целомудренным негодованием Ники, Стрэн повел Нинель к выходу. Красотка заинтересованно слушала человека, который был старше ее на двадцать лет, и смущалась, подтверждая теорию наблюдательной Миусовой. Вслед за Стрэном и Колобовой к выходу пошла Вера, сделав знак Карине Собак последовать.

— А вот это мне нравится меньше, — Ольга заметила это и нервно подернувшееся лицо Макса.

Он как будто хотел что-то сказать и даже привстал, но вместо того, чтобы уйти, снял пиджак и налил себе минералки в фужер.

— Пойдемте танцевать? — неловко предложил Артур с целью прервать затянувшуюся паузу.

Ника с готовностью поднялась, Максиму пришлось выпустить своего друга.

— Что случилось? — спросила Ольга, оставшись наедине с возлюбленным, задумчиво потирающим лоб.

— Д-дурак я, и оплошал.

— Ты о ком?

— Д-держу пари, что Н-нинельку ты больше не увидишь.

— Это из-за того, что вы шушукались, что ли? — не поняла Оля.

— Д-да так, ерунда, — Макс крутил в пальцах полупустой фужер.

— На, держи свой телефон и больше никому его не давай! — вдруг возникшая рядом Маслова со стуком положила телефон Макса на столик. Перед тем, как уйти, покрутила пальцем у виска и показала на Ольгу, — о ней подумай, добрый ты наш!

91

Как весело в избе

От желтого огня!

А за окном — буран...

Как Макс ни уговаривал Ольгу подойти к столику, где сидела Маргарита Павловна, девушка упиралась и настаивала на том, что она ни за что не подойдет к Стрэну.

— И за что т-ты его так н-не любишь? Он вп-полне нормальный дядька.

— У тебя все нормальные: Артур, который уводит от тебя девушек; наша Танечка, которая сделала все возможное, чтобы испортить всем жизнь на проекте, и чокнутый продюсер, который смотрит на людей, как на амёб. Ты же ничего о них не знаешь, какими они могут быть.

— Я зн-наю больше, чем ты д-думаешь.

— Поделишься с нами? — Ольга иронично улыбнулась и обвела взглядом остальных собеседников за столом: уговоры поменять сложившееся мнение только подливали масла в огонь.

— В-всему свое время. Н-нинель из-за своего любопытства... — Макс не знал, как и сказать.

— ...Превратилась в соляной столб. Я поняла.

— Упрямая жена у тебя будет, Макс. Не хочет она ничего знать, видишь? Ей и так удобно, — Артур развалился на диванчике: он снимал стресс после своего выступления на публике и признаний в любви к Нике.

— Помолчал бы! — Ника бросила в него скомканной салфеткой, — не слушай его, Оля:

меньше знаешь — лучше спишь.

— Эй, это вы о чем сейчас? — возмутилась Ольга, — у меня такое ощущение, что я отсутствовала здесь последние полчаса. Что за секреты?

— А ты иди с Максимом, — Артур с особой язвительностью выделил имя друга, — а то потом он же и будет виноват.

— Надо же, у вас обоих талант портить настроение! — Ольга поднялась, взглянула на Макса, то ли обидевшегося на ее отказ, то ли переживающего исчезновение из ресторана Нинель. — Максим, я тебе доверяю, но, ей богу... Ладно, я немного соберусь с духом и пойдем, так и быть, к твоему Стрэну.

— Т-ты куда?

— Щас она поднимет свой боевой дух чем-нибудь сорокаградусным и такое выдаст! — хохотнул Артур.

— Два тебе по физике! — Ольга показала ему два выпрямленных пальца.

Где-то за пределами ресторана послышался хлопок и сразу за ним — звук автомобильных сигнализаций. Молодые люди переглянулись, прислушиваясь.

— Не моя, — Артур потянулся за стаканом сока.

— И н-не моя, — Макс опять расслабился.

Ольга махнула на них рукой и пошла в туалет, посторонившись идущего навстречу охранника из службы безопасности. Девушка зашла в туалет, подошла к зеркалу, пару минут рассматривая лицо и слушая топот ног за дверью. Передразнила неизвестно кого:

— Уважаемые молодожены, вы будете оформлять брачный контракт?

В вестибюле стало тише, где-то выли сирены.

— Растет преступность! — объяснила своему отражению девушка и полезла в сумочку за пудреницей.

92

Вершина горы.

Увидел всё, и больше

Нет тайных троп.

— Да, не повезло Артуру, — Ольга наблюдала происходящее за окном.

Пространство перед рестораном было заполнено сотрудниками правоохранительных органов и милицейскими машинами. У одной из них стоял Артур, Ника и Стрэн. Следователь что-то записывал на бумаге, положенной на капот.

— П-подожди-ка, — проезжая рядом с ними, Макс приостановил машину, открыл окно и посигналил, Ника подошла, — скажи ему, что я т-только отвезу Олю и п-подъеду.

— Мы сейчас в отделение составлять фоторобот, лучше созвонитесь. Мы с Константином Андреевичем поедem.

— А тебе-то зачем туда ехать? — удивилась Ольга, — поехали с нами.

Ника в ответ сделала невнятный жест рукой и вернулась назад, к группе мужчин. Макс закрыл окно, и машина медленно сдвинулась: впереди образовалась пробка.

— Ск-кажи, ты знаешь Андрея К-куприна? — Макс смотрел на дорогу.

Ольга задумалась, перебрала в памяти всех знакомых:

— Кажется, нет. А кто это?

— Б-без понятия. Кто-то н-назвал.

— Как ты думаешь, этот «товарищ» выбрал машину Артура случайно или нет? — Ольга во все глаза смотрела на останки «Лексуса».

— К-как оказалось, нет. Хотя, сначала д-думали, что случайно. А п-потом, к-когда охранники стали описывать эт-того чувака, Артур вспомнил, что н-недавно п-подрался с ним.

— Господи боже ж ты мой! А зачем?

— Защищал ч-честь дамы, — Макс улыбнулся углом рта.

— Какой-нибудь ревнивый парень девушки, которую соблазнил наш Артурец. Так ему и надо: сколько я ему пыталась вдолбить, что так нельзя! — Ольга вздохнула и спохватилась. — Ника зачем с ними? Что она может знать?

— Она б-была рядом и т-тоже видела этого психа в лицо.

— Какой ужас! Надо же, а ведь он готовился: заранее приготовил зажигательную смесь, принес с собой молоток, чтобы разбить стекло... Надеюсь, что его найдут.

— Я т-тоже надеюсь. П-поэтому тебе п-пока лучше побыть на п-проекте.

Оля удивилась:

— А я-то тут причем?

Макс не ответил на вопрос. Сосредоточившись на дороге, он подумал и произнес:

— Т-ты мне обещаешь сидеть т-тихо, как м-мышка, в доме и никуда н-не выходить, особенно в сад?

— Если надо — буду, но, мне кажется, ты преувеличиваешь. Кому я нужна?

— М-мне нужна, и это самое г-главное. Я сегодня т-тебе хотел кое-что рассказать, но п-пока не буду. Как сказала Ника, м-меньше знаешь — лучше сп-пишь. А я хочу, ч-чтобы ты спала сп-покойно. Поэтому п-прости меня заранее, если я н-неправ.

— Я буду спать спокойно тогда, когда ты будешь спать со мной рядом, — девушка прикоснулась к волосам Макса.

Молодой человек засмеялся, перехватил руку спутницы и поцеловал в ладонь:

— Я хочу эт-того не меньше тебя. Но с-считай это м-моим подарком: у нас будет все, к-как положено и даже б-больше.

— Что ты задумал, а? — Ольга шутливо схватила водителя за ухо и уже серьезно сказала, — я надеюсь, что мы обойдемся без подарков от родителей Артура? И вообще, ты должен прекратить зависеть от них. Лучше обойтись без платья невесты, чем потом слушать упреки. Кстати, муж Маргариты Павловны к тебе хорошо относится: я сильно удивилась, когда он тебя обнял. Но это ничего не меняет.

— Я т-тебе обещаю и к-клянусь, что буду п-пользоваться помощью т-только своих родителей. Ни от к-кого другого мы зависеть не будем.

— А эта машина?

— Это п-подарок моего отца на мое двадцат-тилетие.

— В смысле отчима?

— В см-мысле отца, — на трассе стало посвободнее, и Макс посмотрел на Ольгу. — Слушай, я д-давно хотел тебя сп-просить, но все как-то забывал. П-почему ты тогда, в самый п-первый день, согласилась ост-таться? Н-ну, еще п-попросила меня число назвать?

Ольга была готова ответить на этот вопрос: передумано за эти дни и разобрано «по костям» было немало, — но только сейчас все детали срослись, словно ждали определенной минуты. Девушка приложила руку к щеке, поразившись вспыхнувшей мысли:

— А ведь, если так подумать, это ты во всем виноват! Если бы ты тогда...

Ольга попыталась сесть в кресле полубоком, чтобы насладиться вопросительным удивлением Макса.

— Я н-не понимаю, но уже заинт-тригован...

— Понимаешь, мой друг Вася, я про него тебе рассказывала, помнишь?.. Ну, он мне как брат!.. Эй, не улыбайся!

— Я п-помню, ему п-пятнадцать лет.

— Как-то я ему подарила книгу с японской поэзией. Хокку, хайку, танки, это такие жанры японской поэзии...

— Н-ну-ну, я знаю. Басё, Кобаяси Исса... Других не помню.

— Ему так они понравилось, и он попробовал их писать сам. Конечно, с количеством слогов и строк не всегда совпадает, зато он исписал для меня целую тетрадь и подарил мне перед моим отъездом, чтобы через расстояние мне помогать, советы давать.

— И ч-что тебе поп-палось тогда?

— Сейчас... — девушка задумалась, припоминая:- Кажется, так: «Решайся, Золушка: не быть иначе сказке. Туфельку примерь...»

Макс от души рассмеялся:

— Ай да, Васька, ай да сукин сын! И ты сразу согласилась!

— Я сначала своим глазам не поверила, помнишь — нет, попросила еще цифру назвать. И что ты думаешь? Читаю, а там про свадьбу какую-то смешную, про то, что я должна согласиться, — все хайку в унисон. Так что ты виноват в принятии этого решения. А я ведь послушалась! — продолжила удивляться Ольга, — с ума сойти, на самом деле, я влюбилась бы в тебя, если бы не стала думать над этим пророчеством? Я стала искать: «Кто? Кто?»- и нашла. Как все просто! Проще, чем по Фрейду...

— Я п-помню, ч-что ты рассказывала про женскую л-логику... Зн-начит, ты поверила п-простому стихотворению? — сквозь смех спросил Макс.

— Не просто поверила: это было мое третье предсказание за день. Представляешь, стою в поезде у окна читаю, что-то вроде: «Немеют пальцы: я украл, но не стыжусь. Бегу, как лань от зверя», — и тут же у меня проходящий мимо парень, еще так вежливо извинился, что помешал, вытаскивает из кармана телефон. А я, эстет, стою и размышляю над смыслом трехстишия... Потом выхожу на улицу, из метро, — и у меня выхватывают кошелек, которым я, как полная дура, размахиваю... Эй, подожди, это не все! В такси прошу у водителя тоже назвать число, и мне попадается: «Муравейник — муравьям. Сотни дверей. Не ошибись». Ну, думаю, только бы не запутаться в этом Останкино. Когда зашла в комнату, где жюри сидело, первая мысль была, что, слава Богу, на этот раз пронесло, «не ошиблась комнатой» — и через полчаса расстилаюсь у дверей автобуса, и заносят меня, аки херувима.

Макс смеялся, пристанывая и вытирая слезы, мешавшие ему следить за дорогой.

— Я т-такого еще никогда н-не слышал. Жалеешь, ч-что влюбилась?

— Издеваешься... Если бы ты знал, что сегодня за день для меня был, ты бы тогда вообще не настаивал на том, чтобы подойти к Стрэну. Я, как утопающий, то на дно опускаюсь, то на поверхность. Утром умереть хотела, мечтала о забвении, а сейчас страшно от такого количества счастья. Ты сейчас уедешь — и я опять не усну, начну придумывать ужасы.

— Н-надо потерпеть. Т-ты думаешь, мне легко? П-помнишь, мы в б-беседке целовались? Я п-потом всю ночь п-под холодным душем стоял, решил: лучше п-простуда, чем позор п-перед Витьком. Н-не переживай, мы свое наверстаем. Я т-тебе свои сны не рассказываю, б-боюсь шокировать... В-все, сменили т-тему.

— Мне уже стыдно, — Ольга смущенно закрыла лицо руками.

— Д-дашь почитать т-твои предсказания?

— Не мои, Васины, — она вдруг вспомнила, — кстати, о предсказаниях. Артур мне рассказывал, что ему одна цыганка предсказала, что он женится на девушке с коричневыми нитками в волосах, и что ее будут звать Оля. Он тебе про такое говорил?

— В-верь ему больше: он еще т-тот мастер вешать лапшу н-на уши. К-какая цыганка? Он их т-терпеть не может, обходит д-десятой стороной и в-вообще не верит ни в г-гороскопы, ни в, как ее, х-хиромантию.

— Слава Богу! Я тогда немного испугалась. А ты веришь?

— Нет, но в тетрадь твоего Васи — теперь да! — Макс скорчил рожицу.

Они подъехали к Дому раньше автобуса, Макс посигналил, вышел из машины, поговорил с охранником. Владимирыч открыл ворота, и автомобиль заехал на территорию особняка. Макс объяснил:

— Я н-не надолго, п-просто не хочу оставлять на улице п-после сегодняшнего случая. Т-ты иди, а я поздороваюсь с Д-димычем.

93

С сюрпризом ларчик.

Лишь сегодня обнаружил

Второе дно.

Поговорив с оператором Димой, успевшим-таки посмотреть свой спортивный канал и попить пива, Макс узнал о переполохе, который устроила расстроенная Ольга ему, Диме, и Вере. Макс от души посмеялся и пообещал за «спасение» упаковку холодненького.

— Я сам готов глотать таблетки: достало уже все. Сажу тут в темнице, не сырой, но темной, вскормленный шоу-бизнесом орел молодой... — жаловался оператор, — одни бабы кругом, тихое болото. Только и трепяты про своих принцев, да про то, кто как задание выполнил. Подохнуть можно... Если бы не твоя благоверная, совсем бы тут зачах. Хвала небесам, скоро эта тоска будет позади...

Находясь под впечатлением от рассказа товарища, Макс взлетел по лестнице в комнату, где жила Ольга. Дверь в душ была приоткрыта, и Макс заглянул туда, чтобы отпрянуть спустя мгновение от полетевших в его сторону брызг, тихо рассмеялся:

— Т-ты почему не зак-кываешься?

— Я думала, что успею, пока ты наговоришься с Димой, — Ольга вышла в халате.

Макс обнял ее, прижался лицом к открытому треугольнику на груди:

— К-как ты вкусно п-пахнешь! Выгони м-меня, или я за себя не ручаюсь!

— Выгоняю! — пошутила Ольга, пытаясь отстраниться.

— Т-так, все! — Макс резко отодвинулся, — д-давай мне тетрадь, и я п-поехал.

Ольга достала из сумки то, что просил Макс. Пока она искала, он зашел в душ ненадолго, вышел с влажным лицом.

— В-все, я поехал, не ск-кучай, приеду в п-понедельник, — Макс еще раз поцеловал девушку и задержал в объятиях.

— Меня завтра выгонят...

— Зн-начит, приеду завтра. Я бы, если ч-честно, остался, но не хочу Д-димыча развлекать, — рука Макса уже потянулась к поясу на халате.

— При чем тут он? — в перерыве между поцелуями прошептала девушка.

— П-потому что он сейчас п-похотливо см-молит на нас, пёс м-мартовский, и жаждет п-продолжения...

— Где?

— А т-ты думала, ч-что это п-пожарная сигнализация?

Ольга вскрикнула и отскочила в сторону:

— И ты мне ничего не сказал!

— Эт-то большой секрет! — Макс задрал голову и погрозил кулаком коробочке, висящей напротив входа, — т-только расскажи другим!

— Так вот почему Вера разрешила мне остаться в этой комнате! Это подло!

— Н-неделя, неделя, в-всего одна неделя! — Макс послал воздушный поцелуй и скрылся за дверью, оставив Ольгу подозрительно осматривать комнату.

94

Меж сочных лепестков

Божья коровка — мой друг.

О, спасибо!

В воскресенье, самый любимый день, когда можно было позволить себе понежиться в кровати и отдыхать целый день, поздний завтрак затянулся. Последней в столовой появилась Маша, вернее, ворвалась в тихое, по выражению оператора Димы «болото»:

— Наша дорогуша вернулась! Я в окно видела, как она из машины выходит!

— Тебе, наверное, кошмар приснился, — Олеся задумчиво с ложки лениво пила кофе, — спала бы до вечера, еще и не то бы увидела.

— Мамой клянусь! Идет одна, без своего принца. Ой, девочки, чувствую я, что мы от нее еще наплачемся! Вы что думаете: захотела сама уйти и ушла с проекта? Олька вон, что ни вытворять, — и то не отпускают. Недаром же дорогуша говорила, что у нее тут мохнатая лапа есть.

— Пойду, посмотрю, — Ирэн поднялась и столкнулась в дверях с улыбающейся Масловой, — ой, точно!

— Привет, девчонки! — в руках Маслова держала торт, — чего вы испугались, как будто привидение увидели?

— Тортик! — простонала Олеся, — я же только что мечтала об этом!

— Значит, будем пить чай и немного посплетничаем, — «дорогуша» поставила торт на стол, нашла нож, сама разрежала ленточку, сняла крышку от коробки и протянула нож Олесе, — держи, сладкоежка, разрежай.

— А потом окажется, что торт был, скромно говоря, со стрихниновой прослойкой, — Ольга скептически наблюдала за происходящим.

Маслова засмеялась, не так, как обычно, веселее и искреннее:

— Торт свежий, можете не сомневаться, йогуртовый: говорят, что в нем калорий мало, — не верьте.

— Мой любимый! — Олеся еще пять минут назад положила себе в кофе четыре ложки сахара и никак не могла понять, сладкий он или нет.

— Ладно, не смотрите на меня так, я сама все расскажу, — Татьяна достала девять десертных тарелочек и стала раскладывать всем по куску торта, над которым умилялась Олеся.

... Спустя четверть часа презент был съеден, история рассказана, и Маслова, то есть болгарская актриса Татьяна Вежинова, самолично отправилась мыть тарелки, пренебрегая машиной для мытья посуды.

— Подожди, мы сами помоем, — Рамина остановила гостью и вернула ее за стол, — значит, провокаций больше не будет?

— Если вы их сами себе не будете устраивать, — рассмеялась Татьяна.

— А кто будет? — Ника обвела глазами присутствующих, сытых и находящихся в прострации после услышанного.

— Оля лихо со всеми вами справилась, когда отказалась стать золушкой. Вспомните, как вы ругались. Ах да, чуть не забыла! — гостя полезла в сумочку и достала визитку, протянула ее Ольге, — возьми, это тебе мой подарок.

— Что это?

— Это мой адрес, телефон. Приезжайте со своим мужем ко мне в гости, буду рада видеть.

Рамина прослезилась:

— А я-то тебя стервой считала. Развела всех, да? И теперь сидит тут довольная, улыбается...

Татьяна обняла подругу:

— Не переживай, вы все ко мне приезжайте. Мы с Богданом решили свадьбу отложить до окончания проекта. Это было бы честно по отношению к вам: в конце концов, мы были с ним знакомы давно и даже думали узаконить наши отношения. Все, без обид? Я просто устала вас душить, простите вы уж меня.

Девушки повскакивали со своих мест и бросились обнимать бывшую стерву и свою мучительницу. Одна Ольга, напротив которой села Маслова-Вежинова, задумчиво вертела в руках визитку:

— Тань, скажи мне, ведь это была ты, я чувствую, зачем ты заперла тогда меня в комнате?

— О! Прости, мне самой неудобно вспоминать. Кое-кому было нужно, чтобы ты осталась на проекте и не уехала вместе с Пуховой.

— «Кое-кому» — это кому, если не секрет?

— Если говорить в общих чертах, то твоему Максиму.

— А я никуда и не собиралась уходить, я же сделала выбор, как меня просил... продюсер.

— Да мы потом уже поняли. Прости, я сама переживала, — Татьяна положила свою руку на руку Ольги, — мир?

— Мир, — Ольга улыбнулась.

— Ой, мы совсем про Нинельку забыли, — спохватилась Ирэн, — Танюш, расскажи, что на самом деле произошло? Что она нарушила в контракте?

— Рассказывать особо нечего. Просто она сумела воспользоваться информацией в своих корыстных целях. А мы ей все поверили, что она и детей любит, и благотворительностью хочет заниматься, и вам, кстати, она не просто так помогала: она уже знала, что... — Татьяна замахала руками, — вы из меня чуть преступницу не сделали!

— Ну, расскажи! — взмолилась Наташа.

— Нет, нет и нет! — Татьяна встала, не обращая внимания на хор ноющих голосов, — берите пример с Оли и Ники: и не просите. Нет, я, конечно, могу все рассказать на ушко, если вы хотите срочно вернуться домой... Ага! — она засмеялась: в столовой наступила тишина, — любопытной Варваре на базаре нос оторвали. Все, девочки, пока я не наболтала лишнего, уйду. Тем более что у меня самолет через четыре часа, а мне еще до аэропорта добраться надо. И Богданчик меня ждет у ворот.

— Привела бы сюда с собой... — Ника обняла Татьяну, — пока, подруга!

— Ты тоже тут не кисни!

Гостья по очереди обняла всех. Последняя подошла Ольга, робко протянула руку и бросилась на шею:

— Прости за суп!

— О-о-о! Я это долго буду вспоминать. Но десять смсок на твою золотую карту я уже отправила и еще пошлю. Давай, Джульетта, счастливо тебе оставаться!

95

На столе, опять,

Все та же книга сказок.

Истина проста.

Темой новой недели, случайно или нет, стала подготовка к свадьбам. Оставшимся восьми участницам Карина Собак предложила нарисовать свадебное платье своей мечты, снабдить рисунок комментариями и «защитить» его в среду. Выполнять задание оказалось очень приятным делом: ничего трудного или скандального в этом не было. В отличие от подготовки к пятничному подиумному показу новой коллекции от модельера Ираклия Иванко, которая называлась «Новая Золушка».

Тренировки начались во вторник, сначала в Доме. Легче было Рамине и Ирэн, потому что они, несколько недель назад, уже проходили курс дефиле от этого же модельера, вместе с первыми золушками, а значит, демонстрация одежды давалась им легче. Затем, по степени убывания способностей модели, шли Арина, Ника, Ольга (ей не так сложно было в виду своей танцевальной подготовленности), Наташа, Маша и Олеся. Последняя переживала больше всех, терялась на поворотах. Девушки-модели, приехавшие вместе с Ираклием Иванко, поддерживали Олесю и давали ценные советы, как расслабиться.

В среду, после защиты проекта «Мое платье», шестидесятилетний Иванко сделал все необходимые замеры на фигурах девушек, и это означало, что никто из них не увидит раньше пятницы своего платья.

— А вдруг оно будет сидеть на мне, как седло? — Арина удивлялась такому ожиданию сюрприза.

Вера успокоила:

— Униформа же не «сидела». Не волнуйтесь, с нами работают только профессионалы своего дела. Это у вас синдром невесты появился.

— Это как? — спросила Ольга, которая плохо спала бы всю эту неделю, если бы не успокоительное.

— Обычная истерия, страх, что что-то может получиться не так: что жених не придет, что что-то может случиться по дороге к Загсу, что платье окажется с дефектом — мало ли чего можно себе понапридумывать.

Ольга только глубоко вздохнула. В понедельник появившийся ненадолго Макс с загадочным видом вернул Ольге кольцо, которое «случайно» взял в ванной.

— У тебя что-то белое на шее, — Ольга потерла пятнышко пальцем и присмотрелась, — это краска? Ты делаешь ремонт!

— Уже заканчиваю, — с гордостью подтвердил Макс, — больше за рабочими слежу, как «начальника». К пятнице квартира даже проветриться успеет.

И все. Этого было достаточно, чтобы начался тот самый синдром невесты, о котором говорила Вера.

В пятницу, после раннего обеда, знакомый автобус отвез в дом моды девушек. За свое

дело сначала взялись парикмахеры-стилисты. Обозрев «готовые» головы и руки, Ираклий Иванко велел привезти вешалки с платьями.

Это была коллекция из разряда тех, которые не создают для обычных женщин, ходящих по земле: такие платья осмелится одеть одиозная эпатажная особа.

— Фиолетовое свадебное платье! — минут пять Ольга находилась в состоянии шокового негодования, рассматривая коллекцию, — зеленая фата...

И наотрез отказалась выходить в предложенном ей наряде, розовом, из плотной ткани и скошенными краями, хотя платье сидело отлично. Модельер онемел от хамского отношения к своему творчеству и, что вполне было ожидаемо, скоро разразился молниями:

— Это что за козявка тут пищит? Да что ты понимаешь в моде, пигалица? Одевай, я сказал!

— Я туда в этом не выйду! — Ольга вытянула руку в сторону подиума.

— Это что такое, саботаж?! — Иванко топнул ногой.

Остальные золушки молчаливо поддерживали подругу, не решаясь противоречить: последнее время Ольге многое сходило с рук, но ведь сегодня, по секрету сказала Вера, Макс должен был сделать предложение.

— Не пойду! — Ольга тоже топнула ногой и демонстративно скрестила руки.

— Каким же должно быть платье для новой золушки, милочка? — модельер вдруг сбавил тон на вкрадчивый, припася, как говорится, нож за спиной.

— Белое! Только белое. Ну, в крайнем случае, серебристое или с позолотой, — уверенно ответила Ольга.

— А туфелек, случайно, у вас хрустальных нет, моя дорогая? Я — здесь фей и буду одевать своих золушек, как посчитаю нужным! Новая Золушка — это, в первую очередь, стиль, а не белое, с позолотой, как канделябр, платье.

Но настырная «козявка» вытацила привезенные с собой «волшебные» босоножки, которые взяла из страха, что предложенные туфли окажутся неудобными, и улетит она с подиума на какой-нибудь софит:

— Или нормальное платье, или я дальше этой двери не выйду!

— Она меня еще шантажировать будет! — растерялся фей, — кто еще мне что скажет? Какую-нибудь ценную мысль? Что моя коллекция вообще ни к черту?

Появившаяся в самый разгар спора Вера вмешалась:

— Ваша коллекция лучше всех! Вы первопроходец, уважаемый Ираклий! У нашей участницы просто нервы сдают, для нее это очень важный день, понимаете?

— А дня меня так, обычный выходной, когда на дачу за картошкой едут...

— Нет, нет, нет. Мы сейчас успокоимся, и все будет хорошо, — Вера погладила модельера по плечу, взяла Ольгу за руку, успевшую облачиться в свой скромный сарафан, и потянула в кабинет для душевного разговора, заметив молчаливую поддержку остальных девушек, готовых вот-вот вслух озвучить мысли.

— Ну и что же мы будем делать? — Вера усадила Ольгу в кресло, а сама оперлась на стол.

— Я это платье не одену. В одном нижнем белье пойду. Или вообще не пойду. Ну что скажет Макс, когда меня увидит в этом розовом платье. Как плавленый чупа-чупс...

— Тихо, тихо! Плакать не нужно, а то макияж испортишь!

— Да разве это макияж? Я же на проститутку похожа! Ника лучше делает.

— Тьфу ты, — Вера покачала головой, — ай-яй-яй, никак я этого не предвидела.

Константин Андреевич предлагал репетицию в платьях провести, а наш маэстро заупрямился.

— Вот и пусть сам их одевает, — Ольга плюнула на салфетку и стала протирать ею веки.

— Ну, так тоже нельзя, — Вера наблюдала, как на лице девушки размываются линии, нарисованные визажистами.

— Все, что хотите со мной делайте, а я никуда не пойду.

— Может тебе из салона какое-нибудь платье привезти, а? — Вера раздумывала, — время у нас еще есть, за пару часов управимся...

Она прошлась по комнате, рассматривая эскизы на столе, фотографии, приоткрыла рассеянно дверь, ведущую в подсобное помещение, закрыла, отошла на пару шагов и вернулась:

— Мне показалось?

В подсобном помещении висело пышное, мерцающее от попавшего на него света, платье.

— Что это такое? — Вера открыла дверь пошире, и ахнула, — какая красота!

— Нет и еще раз нет! — в комнате стоял Иванко с платьем нежно лавандового цвета через руку.

— Почему? Вот же оно, настоящее золушкино платье из сказки!

— Оно не готово... Я его сшил для своей дочери... по ее эскизу... Никакой речи о том, чтобы одеть это платье не может быть и речи. Оно не соответствует моей концепции, — модельер попытался отвести Веру подальше от кладовой.

— Вы — гений! — восхитилась Вера, не моргнув и глазом, — ах, вы гениальный проказник! Я так и знала, что вы приготовили нам грандиозный сюрприз... Вы — самый настоящий маг! А я-то, бестолковая, и не догадалась, что вы просто решили нас разыграть... Ираклий, я вас люблю, я готова последовать за вами на край света!

Вера вырвалась из цепких рук ошалевшего от комплиментов модельера, вернулась к платью и вынесла манекен на середину комнаты:

— Это же шедевр!

Ольга тем временем уже разрушила экстравагантную укладку на своей голове, потрясла волосами, пытаясь избавиться от модного хаоса, и увидела платье:

— Господи! Я же вам такое нарисовала... А вы... украли мою идею?

— Э-э-э, милочки мои, сейчас вы, конечно, уже его мысленно примеряете, да? — Иванко загородил собой платье от медленно идущей к нему Ольги, — никто, слышите, никто не оденет это платье, кроме моей дочери.

— Я сейчас выйду из этой комнаты и скажу всем, что вы преступник! — с другой стороны наседала на упряма Вера, — вы скрыли от нас платье, достойное восхищения...

Модельер кусал губы, заламывал руки, взывая возведенными вверх глазами к несправедливым небесам — и сдался под натиском ласковых комплиментов этой льстивой женщины.

— Да не я автор — моя дочь! — простонал Иванко. — А я преступник, да! Потому что сегодня мой показ! И я тут хозяин!

— Ну и ладно, — Ольга пыталась пригладить волосы, — так и передайте ей, что ее отец — эгоист и не хочет просто порадоваться за свою дочь, что у нее такой талант. Нет бы сделать ей приятное, пригласить сюда, показать всем платье и объявить о рождении нового

законодателя моды. Пойдемте, Вера Александровна, мы еще успеем съездить в свадебный салон. Вы потом вычтете из моей зарплаты, хорошо?

Девушка и менеджер переглянулись и направились к двери. Маэстро успокоился, любовно погладил платье и собрался было его вернуть в сокровищницу — как едва не уронил манекена:

— Как, вы собираетесь на моем показе одеть какое-то безвкусное платье из дешевого салона?

— Не переживайте, дорогой вы наш, — нежно сказала Вера, медля у двери, — мы выберем самое красивое.

— И я даже выходить в нем не буду на подиум, я просто буду сидеть рядом с другом, — Ольга заметила подмигивание Веры, — как обычная, скромная золушка. Которая действительно выходит замуж. В нормальном свадебном платье. И с удовольствием после показа пофотографируюсь с Максом на фоне вашей коллекции...

Иванко побледнел от этой перспективы, вдруг затопал ногами и бросился к двери:

— Лучше смерть, чем позор! Уйдите с дороги! Дайте мне умереть!

Вера переглянулась с Ольгой, не уступая выход из комнаты.

— А согласно этикету первой должна выйти дама, — Ольга отстранила взбешенного мастера и жестом предложила Вере выйти.

— Я согласен, черт возьми! Уговорили, иуды! — Иванко вцепился в рукав Веры, — режьте меня дальше.

Вера и Ольга бросились на шею модельеру. Тот не знал, радоваться или продолжать рвать на себе волосы.

— Зови сюда Нику! — Вера подмигнула Ольге и осталась дальше «обрабатывать» строптивного гения.

96

Солнцестояния

Пересеклись окрест.

Пусть минет чаша...

Зрительный зал был заполнен до отказа: постарались промоутеры проекта «Десять Золушек». Ближе к подиуму сидела дирекция и спонсоры, за ними — потенциальные женихи-«принцы». Большой частью остальной массы были журналисты, операторы новостных каналов и фотографы гламурных журналов. На этот раз даже «прокисшему» в своем домике оператору Диме, решившему дожидаться Максовской свадьбы, дали работу: он и Виктор установили камеры по обеим сторонам подиума, в самых выгодных для съемок точках.

— Как мне страшно! — губы Олеси запрыгали, когда она увидела количество зрителей.

Вера срочно принесла всем нервничавшим спасительную валерьянку, от чего отказалась Арина:

— Нет, я буду наслаждаться адреналином, — хотя и трясла сцепленными в единый кулак руками.

Нике некогда было волноваться: она заканчивала наводить красоту на бледной и подхватившей заразную предподиумную панику Ольге, которая потребовала визажистов Ириаклия оставить ее в покое и одолжить на время необходимые инструменты своей подруге. Однако у молодой «феи» тоже тряслись руки, и нет-нет кисточки вылетали на пол из пальцев.

— Ну, ни пуха, ни пера! — Карина Собак зашла пожелать всем удачи, показала золушкам, как надо правильно дышать, чтобы успокоиться, полуобняла кусающего ногти Ираклия и, сжав кулаки, пошла к зрителям объявлять начало.

— Я уже привыкла к этому платью, и я спокойна, как никогда... — Олеся проводила перед зеркалом сеанс аутотренинга, воспользовавшись оставшимся временем.

Профессиональные модели вышли первыми, у золушек было в запасе некоторое количество времени, пока Карина Собак озвучивала модную концепцию, ни разу не сбившись благодаря подсказкам редактора. Потом, ловко повернув к теме Проекта, Собак объявила о сюрпризе вечера, кратко рассказала о героинях популярного телеканала, пока на возвышенности повторно замельтешили модели-профессионалы, и по одной стала вызывать семерых золушек, оставив Ольгу «на закуску», для представления отдельной работы, платья от дочери гения Иванко. Творец серебристого платья с золотистыми розами сидела тут же, рядом со Стрэном, и не подозревала о подарке, который ей предстояло принять.

Первой пошла смелая Арина, за ней — хладнокровная Рамина и хорошо скрывающая волнение Ирэн. Объявили Наташу, бледная Олеся, на лице которой от страха выцвели даже веснушки, вышла, как на эшафот; замыкала процессию Маша, нервно улыбающаяся от страха. Когда ушла и она, Ольга вытянула на цепочке медальон с крестиком, поцеловала изображение, спрятала назад, и, выдохнув в молитвенно сложенные ладони, кивнула Вере, давая понять, что морально готова.

Со стороны сцены послышались аплодисменты и одобрительные возгласы поддержки вылетевшему на сцену Ираклию Иванко.

— И еще сюрприз нашего вечера! — Карина перекричала гул. — Сегодня! Впервые! На небосклоне моды зажглась новая звезда! Первое платье от Лины Иванко демонстрирует наша последняя золушка, Николаева Ольга!

Стоящие на сцене расступились, появившуюся Ольгу взял за руку сам модельер-отец и вывел к публике. Платье дочери Иванко, как и предугадал Ираклий, не просто отличалось от показанной коллекции. Оно кричало о большой разнице между миром моды и простым человеческим желанием каждой невесты выглядеть «как положено», не удивлять нарядом, но потрясать классической красотой.

Сюрприз удался: Лина Иванко закричала от восторга, на трясущихся ногах поднялась на подиум и побежала навстречу отцу, чтобы повиснуть на нем. Иванко-старший выпустил руку Ольги, и девушка пошла дальше, как учила Вера, медленно и важно. Не подходя близко к краю подиума, Золушка (один медальон под платьем слышал бешенное биение сердца) медленно подняла фату и встала в стандартную позу модели, демонстрируя платье и стараясь не моргать перед вспышками фотографов. Отступила, повернулась, прошла назад, почти дойдя до вставших в одну линию моделей, и опять повернулась к публике.

Ярким сочным пятном, сквозь ослепляющий свет к ней плыли букет темно-бардовых роз и светлое, как облако, пятно — Макс в белоснежном фраке жениха запрыгнул на возвышение и, улыбаясь, двигался к Ольге. Карина Собак скрещенными крестом руками попросила публику о минуте тишины, подбежала к Максиму и всунула ему в свободную руку микрофон. Повисла тишина, слышны были только щелчки фотоаппаратов.

— Сегодня, в эт-тот т-торжественный д-день, — Макс протянул Ольге огромный букет, не оформленный ничем, и эта простота только подчеркнула классику красоты платья, когда яркие розы оказались на фоне мерцающего серебром белого платья невесты, — я п-прошу руки и серд-дца у д-девушки, к-которую люблю и ув-важаю. Оленька, б-будь моей женой!

Макс преклонил колени и протянул девушке руку. Модельер Иванко в этот момент подумал и отогнал от себя мысль, что сегодня, на самом деле, не он главная персона: новый шквал аплодисментов намного превосходил адресованные несколько минут назад ему и даже его умнице-доченьке.

В то мгновение, когда девушка открыла рот, чтобы дать согласие, один из фоторепортеров театрально отбросил в сторону кепку со своей головы, за кепкой в толпу решительно полетели темные очки, и в следующую секунду мужчина уже был на подиуме:

— Оленька, подумай! Он не тот, кто тебе нужен!

97

Защити мой день,

Великий жук-скарабей!

Сумрак откати.

Его слова слышали стоящие ближе к возвышению и сама невеста, больше догадавшаяся по движению губ сорокалетнего фотографа, одетого в черный костюм, с бабочкой вместо галстука.

— Что он сказал? — Маргарита Павловна растерянно повернулась к супругу, блестящему от выступившего на лице пота, и молодому человеку, внешне похожему на Макса, одного с ним возраста.

— Я не услышал.

Макс увидел изменившееся лицо Ольги, и что она сделала шаг назад, рассыпая розы, — вскочил с колена и обернулся.

— Он же тебя не достоин, — фотограф протянул руки, — приди ко мне. Только я смогу оценить тебя! Я знаю о тебе все! Ты — святая, ты — стерва, ты — моя суженая!

— В-вы кто? — Ольга медленно отступала.

Публика, наконец, догадалась, что происходит нечто незапланированное и затихла, гадая, часть ли это творческого экспромта или нечто опасное и тем более интересное.

— Охрана! Что стоите? — вдруг закричал Артур. — Артур, это он!

Стоящие у дверей широкоплечие мужики перестали жевать жвачку и, расталкивая толпу, устремились к подиуму.

— Стоять! — фотограф вдруг вытащил из-за пояса пистолет, выпалил в потолок и начал медленно поворачиваться вокруг собственной оси, чтобы продемонстрировать свое преимущество перед толпой, одетой стильно, но такой безоружной.

Раздался женский визг, толпа отхлынула к стенам помещения, на сцене модельер растопырил руки, загораживая собой дочь. Минута — и на возвышении остались стоять Макс, Ольга за его спиной и, напротив, в нескольких метрах, фотограф.

— Дай я с ним поговорю, — девушка попыталась выйти из-за заслонившего ее собой.

— Н-нет, п-постарайся уйти, это м-мужской разговор, — вполголоса ответил молодой человек.

— Он убьет тебя, а мне ничего не сделает, ты слышал?

— Н-нет, — Макс покачал головой, почему-то вспомнив классическую фразу: «Так не доставайся же ты никому!».

— Если подойдете ко мне, я выстрелю в него! — пригрозил охране мужчина, направляя пистолет на Макса.

— Артурчик, сынок! — простонала Маргарита Павловна, оседая у стены и закрывая рот ладонью, испугавшись, что ее крик отчаяния, крик матери, только спровоцирует

сумасшедшего.

Банкир попытался одной рукой удержать супругу, раздвинул двух телохранителей и отчаянно шагнул к сцене, оставив позади себя обезумевшую от ужаса женщину и бледного, окаменевшего сына.

— Вернись на место, папаша! — вооруженный фотограф заметил движение и навел пистолет на Карамзина-старшего, — на тебя тоже хватит.

— М-мужик, давай п-поговорим спокойно! — Макс сделал шаг вперед, медленно разводя свои руки в стороны и растопыривая пальцы.

Ольга услышала где-то за спиной свое имя и полуобернулась: из-за кулис ей махали руками напуганные подружки, делая знаки отступить. Она слегка потянула назад Макса. Фотограф заметил и это — сократил расстояние:

— Уйди с дороги, слюняй! Твое время ушло. Я теперь ее хозяин! Оленька, ты не пожалеешь: я буду тебя на руках носить. Я же тебя ждал всю жизнь. Я всех победил! Мы будем жить с тобой сразу в двух временах, настоящем и будущем!

У стены рыдала Маргарита Павловна. Рядом находящиеся люди пытались ее успокоить, шепча что-то несуразное, а сын-блондин неуверенно гладил мать по плечу. Нашлись и такие, которые подняли свои телефоны вверх, желая запечатлеть происходящее.

Артур медленно, не привлекая к себе внимания, за стеной из напряженных спин стал продвигаться к выходу.

— А д-давай устроим д-дуэль мужик, а? Т-только в д-другом м-месте и в д-другое время, д-давай? — Макс отвел левой рукой Ольгины пальцы за своей спиной и выдвинулся вперед на несколько сантиметров, но стоящая позади снова удержала.

— Заткнись, тебя никто не спрашивает! — мужчина решительно встряхнул оружие в руке, — знаешь, сколько я ждал?

— Т-тогда спроси у нее, к-кого она любит н-на самом деле. Если она скажет, что т-тебя, к-клянусь, я уйду п-прямо сейчас, а если м-меня, то б-будь мужиком, м-мужик! Т-ты же, п-правда, хочешь ей счастья? П-пусть она сама выб-берет.

Артур успешно выскользнул за дверь, что-то мимолетно сказав выжидающим охранникам.

— Артур, не делай глупости! — рявкнул банкир, обращаясь к Максиму, — ты не видишь, что он ненормальный?

— Артур? — переспросила Ольга.

— Н-ну да, — тихо ответил Макс.

— Олечка, видишь, он тебе врал все это время, ты о нем ничего не знаешь, — усмехнулся мужчина.

Повисла пауза. Банкир побагровел еще больше, осознав опрометчивость своего выкрика, однако взял себя в руки и громко сказал:

— Он — мой сын, подонок, если ты в него выстрелишь, я тебя на электрический стул посажу!

Ольга вытерла рукой в перчатке свой взмокший лоб.

— Максим... или Артур... уйди, пожалуйста, я сама с ним поговорю, — она вышла из-за спины молодого человека, — вас как зовут?

— Андрей. Андрей Куприн. Неужели ты меня не узнала?

— Тот самый «А.К.», который посылал мне цветы?

— Да, этоя! — обрадовался мужчина и обернулся к публике и камерам, — слышали?

Она меня любит!

— Андрей, увезите меня, пожалуйста, отсюда, я вас прошу. Только уберите пистолет, не портите нам праздник.

— Я согласен, но только когда выйдем отсюда, сядем в машину и уедем, — он протянул руку шагнувшей к нему девушки, попутно оборачиваясь к толпе. — Никто не дергается! Всем понятно?

— Оля, эт-то опасно, — Макс попытался задержать девушку за руку, — он же п-псих!

— Я люблю тебя! — Ольга обернулась к любимому так, что мужчина не заметил, и еле слышно прошептала, подмигнув обеими глазами, — все будет хорошо.

— Т-ты слышал это, п-придурок? — сумасшедший уже почти касался своей рукой протянутой ему руки девушки, как Макс-Артур закричал, и зал вздрогнул. — Она т-только что ск-казала, что любит меня. Отпусти ее!

— Что? — фотограф крепко взял руку Ольги в свою, посмотрел на «суженую», — это правда?

— Ск-кажи ему!

— Артур, не делай глупости, пусть они уйдут! — прогремел банкир.

— Слушайся папочку! — засмеялся мужчина.

— Ск-кажи ему! — молодой человек видел, как на лице девушки борются две эмоции: желание сказать правду и страх за его жизнь. Решение подыгрывать сумасшедшему победило, и Ольга пыталась выдавить из себя ответ.

Макс двинулся на соперника, который навел на него, в грудь, свой пистолет. Палец сумасшедшего медленно нажимал на курок, осталось совсем чуть-чуть, и Ольга бросилась к сумасшедшему, повисла на нем, пытаясь отвести вытянутую руку. Почти одновременно раздались крики и выстрел. Макс остановился в недоумении: на левом рукаве, немного ниже плеча, медленно стало появляться темное пятно, расцветая и увеличиваясь ярко-бардовым амарилисом. Стрелявший, видимо, и сам не ожидал, что соперник упадет не вскрикнув и сразу замрет, раскинув руки, — после выстрела, мужчина опустил оружие, с недоумением рассматривая неподвижного франта и позволив девушке, прильнувшей до выстрела, теперь отстраниться. Но руки ее не выпустил. И тут же, за последовавшим многоголосым «А-аах!» прозвучавшие два хлопка заставили фотографа, медленно осесть; он повернул голову к девушке, попытался что-то сказать. Ольга закричала, безуспешно вырывая свою руку из сжавшихся в предсмертной судороге пальцев. Белая кружевная перчатка осталась в руке убитого — и Ольга бросилась к лежащему на подиуме в нескольких метрах Максусу.

Пятно приобрело очертание острова в белой морской пене. Ольга с трудом, оторвав несколько пуговиц, расстегнула фрак дрожащими руками:

— Не умирай, только не умирай!.. Я тебя простила, слышишь?.. Ты слышишь?.. Мне плевать, как тебя зовут и кто ты на самом деле. Не бросай меня опять, ты слышишь? — она просунула левую руку под намокший рукав, не сумев ни снять верхней одежды, ни разорвать ее и, надавливая правой рукой сверху на плечевую артерию — и заклиная нелепым «ты слышишь?».

Зрители опомнились: кто-то побежал к выходу, кто-то окружил подиум. Из-за кулис выбежали остальные. Маргарита Павловна и банкир расталкивали толпу, а похожий на Макса бледный молодой человек остался стоять у стены, как пригвожденный.

— Сыночек мой, рыбонька моя, не умирай! — мать бросилась к сыну, затеребила его.

— Не трогайте, я его держу! — закричала Ольга, не отпуская рук от раны и не имея

возможности вытереть на лице капли пота и слезы, — скорую вызывайте! Уйдите все, дайте воздух!

— Скорая уже едет, милиция здесь! — невесть откуда появился мнимый Артур, — друг, держись!

— Мой Артурчик! — плакала Маргарита Павловна, осмеливаясь лишь на прикосновения кончиками пальцев к белому лицу сына.

— Какая у него группа крови? — сквозь пелену на глазах, безынтонационно, будто доктор у операционного стола, то ли кричала, то ли говорила Ольга, чувствуя онемение в собственных руках от нажима на рану, — какая у него группа крови?!

— Вторая, положительная, — через комок, застрявший в горле, ответил отец. А полу-двойник Макса, наконец, оказался рядом и положил руку на плечо дрожащему отцу, и просто стоял и смотрел на брата, не в силах отвести от его мелового лица свои широко распахнутые глаза.

— У кого вторая группа крови?! — выкрикнула Ольга, — подойдите сюда! Не уходите до приезда скорой...

Потом она говорила еще что-то, утешая Маргариту Павловну и себя, взывая к ничего не слышащему любимому. И долго, очень долго, как ей казалось, ехала скорая помощь.

— Девушка, отпустите, дальше мы сами! — кто-то в белом просил, а она никак не могла разжать собственные пальцы, почти не чувствуя их, скользкие и холодные. — Родственники здесь есть?

Санитар помог отнять руки, недолго смотрел на рану, помог переложить раненного на носилки, — и, как показалось Ольге, слишком громко, удаляясь и растворяясь в белое пятно, сказал:

— Огнестрельное ранение в плечо, задета подключичная артерия. Большая потеря крови. Коля, звони, пусть срочно готовят операционную... — его голос стал удаляться от Ольги, которая была не в состоянии отвести взгляд от своих окровавленных рук, — ... необходимо срочное переливание.

— Я, я — мать! Я здесь, я еду с вами! — широко расставляя руки, напоминая встревоженную курицу-наседку, Маргарита Павловна не отставала от торопящихся санитаров.

Для Ольги все последовавшие события прерывисто, словно на замученном видеопроекторе, кадрами сменяли друг друга. Белые халаты уносили Макса-Артура, милиционеры склонялись над телом сумасшедшего, скончавшегося моментально от выстрелов телохранителя Карамзина; к Ольге подбежали подруги, и она, как пьяная, отмахнулась от них, желающих поднять ее с затекших колен, мутным взором заметила рядом с собой разбросанные розы и стала их собирать. Наташа, вслед за подругой, подняла пару цветов и протянула их Ольге, но та не заметила, отвела своей рукой протянутые розы, отказываясь и дальше от помощи.

— Это все из-за меня, — плакала Ника на плече у Олеси, — это я рассказала... Из-за меня появился этот сумасшедший.

Собрав почти все цветы, лежавшие на подиуме, Ольга издала несколько глухих рыданий, опустив лицо в потрепанные лепестки, и неожиданно замолчала, отерла слезы еще влажной и розовой перчаткой, размазывая кровь Макса по своему лицу, с недоумением посмотрела на руку — и вдруг вскочила на ноги, подобрав подол платья одной рукой, другой — прижимая к себе разлохмаченную охапку роз; бросилась к выходу.

Перед ней расступались, и она бежала, отталкивая букетом преграждавших путь знакомых, секьюрити и простых зевак, а на улице сирена кареты скорой помощи выла уже где-то далеко, увозя Макса, его мать и двух человек, имевших ту же группу крови, что и раненый.

На секунду остановилась, переводя дыхание и прислушиваясь, чтобы стремительно побегать снова на удаляющееся завывание, на носочках, готовая взлететь.

98

Не плачь, отец,
Ради народа моего
Взойду я на костер.

— Ты опять бросил меня, ты бросил... ты обещал не бросать и бросил, обманщик... — она монотонно повторяла одно и то же, сидя на бугристой мостовой. Вдруг усмотрев новый роковой знак — лопнула пряжка, и сломался каблук на одной из ее волшебных босоножек, приносившей до сих пор только радость, — и Ольга отказалась от неравной погони.

Небольшая толпа любопытных не решалась подойти к безумной девушке в свадебном, испачканном светлыми коричневыми пятнами, платье, а дрожащие розы и сброшенная с головы фата, валяющаяся неподалеку, подчеркивали картину скорби, делая ее гротескной и нереальной на фоне серых и темно-коричневых домов с пустыми глазами.

Завизжали тормоза, рядом остановился автомобиль, из него выскочили Вера, Карина и Ника, они подняли девушку и повели в машину. Закрыв за Никой дверь и обходя машину, чтобы сесть с другой стороны, Вера заметила оставленные на мостовой фату и серебристую «туфельку», подобрала их и запрыгнула в салон.

— Не плачь, пожалуйста, прости меня, это все я виновата, — всхлипывала Ника, а Ольга и не плакала, только мелко дрожала и смотрела в пустоту перед собой, — с Максом все будет нормально...

— Конечно, его обязательно спасут, — Вера прижала к себе Ольгу и гладила ее по голове, с трудом удерживаясь от слез и тоже что-то говоря в утешение.

Но Ольга медленно, из стороны в сторону, покачала головой:

— Нет...

— Спасут, обязательно спасут...

— Я видела, я знаю: нет, — «невеста» упрямо повторила движение головой, — просто так не выживают...

Ника переглянулась с Верой. Собак бросила быстрый взгляд в зеркало, заметила растерянность коллеги и бодро, громко, заявила:

— Ничего-ничего, выживет, как миленький, твой принц. Уж если и, как ты, Оля, говорила, первые буквы совпали, значит, вам судьба быть вместе.

Нику передернуло от напоминания об ошибке: девушка тысячу раз пожалела, что рассказала дирекции проекта о необычном суеверии подруги. Вера метнула мысленную молнию в сторону водителя и решила поправить сказанное:

— Ты, Оленька, не переживай, все уже закончилось: тот сумасшедший ничего вам плохого больше не сделает, а Артура твоего обязательно вылечат.

— Какого Артура? — глухо и безэмоционально спросила Ольга, забыв обо всем, кроме собственной скорби.

— Артура Карамзина, — подсказала Ника.

— Артур был крещен под именем Максима, так что, Оленька, он тебя не обманывал,

просто так было нужно. Ты уж нас прости: Маргарита Павловна просила, чтобы мы по возможности скрывали пребывание ее старшего сына у нас на проекте.

— Господи! — Ольга разжала руки, обхватывающие цветы и поднесла дрожащие, как у старухи, пальцы к лицу, — это я во всем виновата... Зачем я сюда приехала?..

Ника не выдержала и разозлилась на мать и Карину:

— Вот вы, блин, не могли промолчать, да? Обязательно нужно было напоминать? Зачем вы опять про эту историю? Посыпаете солью...

Женщины промолчали. И Ника, прижала к себе лихорадившую подругу:

— Прости их и меня, ладно? Все будет хорошо, — она прикоснулась к выбившейся из-под Ольгиного корсета цепочке и, поправляя, ненароком вытянула крестик и серебряную иконку. Желая перевести разговор на другую тему, полюбопытничала, — это что у тебя?

Подруга не ответила, зажала в кулак молчаливые обереги и, второй раз за день, поднесла их, зажатые в пальцах, к губам.

— Святая Феврония, помоги, прошу, помоги! Это все из-за меня, он не виноват, я прошу, помоги... Я уйду, я клянусь, что уйду, я не буду его искать, я уеду, помоги...

Этих слов в салоне автомобиля, принадлежавшего Собак, никто не мог расслышать, даже Ника, чьи уши были ближе к шепчущей Ольге, настолько тихо и бессвязно было сказано обещание. Несчастливая затихла, окаменела, и только дрожь во всем теле являлась признаком жизни в теле, готовом расстаться с душой.

Где-то зазвенел телефон, Вера полезла свою сумочку, поднесла к уху мобильный и заговорила тихо:

— Да, да Артур... прости, Игорь... привыкла уже... Да, организуй все сам. Скажи водителю, пусть немедленно выезжает, мы уже едем домой. Вас встретим... да, конечно, сопровождение обязательно чтобы было... хорошо, я буду ждать твоего звонка... обязательно позвони... все, пока!

Автомобиль подъехал к особняку, Вера с Никой помогли Ольге подняться в комнату, снять платье и оставшуюся целой вторую босоножку, уложили в постель.

— Я поехала навстречу нашим, давайте отвезу платье. Оно, конечно, испорчено, но вдруг восстановят. Потом — в студию: в любом случае нужно делать выпуск, пока нас не опередили. Если что, я еще сегодня вернусь, — Карина забрала с собой платье, фату и уехала. Мать и дочь остались сидеть рядом с потухшей Ольгой.

99

Для птицы в небе

Больше нет запретов.

Клетка открыта.

Вернувшись девушек Вера попросила присмотреть за Ольгой, а сама ушла в домик продюсера, сделать оттуда несколько звонков по городской линии; попутно включила телевизор, чтобы немного успокоиться. Уже через час после события многие местные каналы показывали видео, снятое во время показа мод: кратко — дефиле золушек и почти без купюр — происходившее до выстрела и после него.

— Какой ужас! — Вера смотрела во все глаза: ведь она ничего толком не видела, только слышала, прячась с девочками и модельером за кулисами.

За считанные часы рейтинг «Десяти Золушек» опять вырос, и вечерний выпуск проекта не посмотрел только слепой и спящий.

В начале двенадцатого часа Вера в очередной раз вернулась в комнату Ольги, где

сидели остальные золушки: никто не расходился, Наташа, Маша и Рамина дремали на пустых кроватях.

— Хорошие новости, — лицо Веры не обманывало, — и ни одной плохой. Врачи сказали, что угроза почти миновала. Наш Макс, правда, находится еще в реанимации, но операция прошла успешно: только что позвонил его друг... Ну, вы меня поняли, о ком я. Крови для переливания было предостаточно, нашего Макса подштопали на славу — так что все отлично. Оля, вы слышите?

— Слышу, — она тяжело поднялась на кровати, — в какой он больнице?

— Имени Склифосовского, — Вера помолчала, присела на кровать напротив. — И я хочу сказать, это все благодаря вашей своевременной медицинской помощи. Доктора сказали, что, как правило, при таких ранениях люди не выживают из-за большой потери крови, то, чего вы так боялись. Получается, что вы спасли жизнь Мак... Артурчику. Теперь уже нет смысла ничего скрывать: пресса раструбила эту историю на весь мир.

Вера говорила медленно и ожидая хоть какую-нибудь ответную реплику от девушки. Остальные тоже молчали, удивленно и радостно переглядываясь.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — паузу разбила Наташа. Она, зевая, поднялась и пошла к двери. — Давай, Лелька, держись. У вас с Максом, ака Артуром, все впереди: все живы и здоровы. Завтра мы все съездим к нему в больницу, да, Вера Александровна?

— Обязательно, если разрешат. Поэтому всем надо выспаться.

— Согласна, я пошла спать.

— Я тоже, — Рамина протирала глаза.

— Подождите, у меня еще новость, — Вера достала из кармана позолоченный пластиковый прямоугольник. — Карина попросила меня передать эту золотую карту вам, Оля. Сегодня на ваше имя пришло более миллиона смсок. Чтобы вы оценили по достоинству этот подарок, я скажу, что каждая смска была платной, шестидесяти рублей.

— Нифига себе! — не выдержала Арина, — Лелька, ты миллионерша!

— Почти, — улыбнулась Вера, — часть уходит в благотворительный фонд.

— Отдайте им все, — Ольга не вставая с кровати, одела халат, — мне ничего не нужно.

— А ваше желание? Вы можете подумать до завтра.

— Желание у меня одно — уехать, — Ольга взяла протянутую карточку, повертела ее в руках и вернула назад. — Свидетели у меня есть. Если у меня есть такое право, то я хочу завтра уехать домой. Это мое желание.

— Хорошо, — вздохнула Вера, пока она решила не отговаривать, — я завтра утром съезжу в бухгалтерию, и в обед придет за вами машина. Но я надеюсь, что завтра утром мы еще с вами поговорим, и девочки уговорят вас не делать поспешных выводов.

— Посмотрим, спасибо, — Ольга хмуро поблагодарила Веру. — Может быть, кто-нибудь составит мне компанию? Я хочу поужинать.

100

Мой отчий дом,

Прими меня и не кори

За безрассудство.

Перед тем, как выключить свет в комнате, Ольга внимательно осмотрела собранные сумки, не обращая внимания на жалобные уговоры Ники, которая по просьбе Веры охотно осталась вместе с подругой. Щелкнув выключатель, Ольга, в ванной, переделась в джинсы и футболку, сверху набросила халат, который сняла лишь под одеялом, в своей кровати,

чтобы обмануть бдительность подруги.

Для сна Ольга себе выделила три часа, из них добрых полтора она прислушивалась к дыханию тяжело засыпающей Ники. Прислушиваясь, и сама погрузилась в дремоту на несколько минут, проснулась от разбудившего ее страха, что проспала, и остаток времени лежала, боясь любым шорохом потревожить бормочущую во сне соседку по комнате, и, то и дело, под одеялом, проверяла на будильнике медленно текущее время.

В Доме расположилась ночь. Пространство над лестницей мягко освещали бра-ночники. Беглянка крадучись вынесла из комнаты по одной свои сумки, замирая и прислушиваясь к тишине, забрала красные посвежевшие розы, поставленные кем-то в вазу на столик у кровати; бесшумно закрыла за собой дверь, и вместе со своим багажом, цветами, на цыпочках, почти беззвучно, благодаря спортивной обуви, спустилась в фойе по лестнице. Вряд ли кто-то из операторов в такое глухое время наблюдал за Домом: ближе к утру сон крепче.

Ольга оказалась в саду и сквозь сумеречные тени пошла к Кривому Дереву, который когда-то Макс-Артур назвал «их м-мостом на свободу». Собравшись с силами (с Максом это было проще), беглянка по очереди подняла на стену сумки и розы, сбросила их во влажнеющую желтую траву у стены, и, выдохнув, прыгнула сама. На востоке засветлела кромка горизонта — нужно было поторапливаться.

С сумками и прижимаемыми к груди цветами Ольга быстро зашагала по направлению к городу, надеясь поймать по дороге такси.

И снова был знак, убедивший, что так и надо, что решение правильно: случайным таксистом оказался тот самый дядя Леша, который когда-то встретил Ольгу, дерзкую и уверенную в себе Приезжую.

Она узнала водителя не сразу, лишь когда он, рассказывая о своих бессонных ночах, упомянул внука Васю, которому теперь должно было быть около семи-восьми месяцев, и об обычной проблеме растущего малыша: не спит, капризничает, наверное, зубки режутся, а может, животик болит. И сын с невесткой устали от ночного цирка, так что дед с бабкой решили детям дать отоспаться, а сами уже вторую ночь возились с неугомонным внуком.

Нет, дядя Леша не узнал в бледной Ольге Приезжую с фальшивым животиком, наверное, в прошлый раз обиделся, что его, сентиментального деда, обманули, и выбросил из головы, как и шутки коллеги Петрыча, вдруг разведшегося со своей женой месяц назад. Не вспомнил, а Ольга и не стала ворошить прошлое, улыбнулась совпадению, дала несколько полезных советов озабоченному водителю по поводу капризного наследника. Обрадованный тем, что его рассказ заинтересовал пассажирку, дядя Леша вскользь поинтересовался, куда и зачем в такую рань едет «одинокая девушка с прекрасными глазами», и снова вернулся к излюбленной теме — радости, которую приносят внуки своим дедам.

У больницы Ольга попросила таксиста подождать, оставила в машине сумки, взяла с собой только цветы. В реанимационном отделении на пропускном пункте без предисловий девушка положила перед молоденькой медсестрой купюру и попросила провести в палату, где находился с огнестрельным ранением молодой человек по фамилии Карамзин

— Ой, а вы та самая золушка? — медсестра во все глаза смотрела на молчаливую Ольгу, шагающую рядом в белом халате.

— Вы что-нибудь знаете, какое у него состояние? — Ольга не ответила на вопрос.

— Все нормально, жить будет... А правда, что вы тоже в мединституте учитесь?

— Все правда. Оставьте меня на пять минут, хорошо?

— Только недолго: мне влетит. И с цветами, кстати, тоже сюда нельзя.

— Утром вынесете.

Ольга зашла в указанную палату. Маргарита Павловна спала, сидя в кресле, у кровати с раненым. К руке и носу молодого человека были подсоединены капельницы. Ольга бесшумно подошла ближе, вытирая настырные слезы и боясь шморгнуть носом, проверила катеторы. Положила розы на тумбочку, постаравшись не задеть посуду, одну розу — рядом с рукой молодого человека. Погладила волосы.

— Прощай! — она сняла с себя цепочку со своими любимыми оберегами — теперь они должны были охранять не ее, а того, который пострадал из-за глупого суеверия провинциалки. В последний поцеловала изображение святых Петра и Февронии, вложила цепочку в расслабленную ладонь, — берегите его...

Подумала и забрала одну розу с тумбочки, попятилась к двери, будучи не в силах повернуться спиной к лежащему на кровати, осторожно приоткрыла дверь и выскользнула в коридор.

— Вас как зовут? — она обратилась к девушке, ожидавшей Ольгу в коридоре.

— Лена.

— Леночка, через минут двадцать загляните в эту палату, проверьте капельницы: там скоро раствор закончится.

— Хорошо, я обязательно посмотрю.

— Не забудьте, пожалуйста, — вытирая нос и глаза, Ольга пошла к выходу, ускоряя шаг, пока не побежала.

Таксист курил у машины, увидев возвращающуюся девушку, он обрадовался:

— Все нормально? Как ваша сестра себя чувствует?

— Спасибо, теперь все будет хорошо.

— Вот и ладненько. Куда теперь?

— Посоветуйте, с какого вокзала лучше уехать: мне нужно попасть в Муром.

"Золушка à la russe: Постскриптум". Эпилог

Эпилог

Такси медленно ехало по пыльной дороге. Аномально жаркая погода плавилась воздух, растительность вдоль пыльной колеи и даже воду в реках и водоемах: влага убывала на глазах, оставляя мутные теплые лужицы с кишачными в них мальками.

Вера с тоской смотрела на алтайский пейзаж, южный край России. Здесь не было запаха гари, как в Москве и в других городах, окруженных лесами, воздух казался легче. Но Веру, бывавшей, в основном, в российских да европейских мегаполисах, до невозможности угнетал вид деревни с ее пылью, покосившимися заборами и любопытными бабками, мужиками нетрезвого вида на завалинках у дороги. Бесконечный музей имени Николая Гоголя, в котором, спустя две стони лет, экспонаты все так же находили особое удовольствие в созерцании прохожих, транспорта, развивая свой интеллект в одном направлении — кто кому и чего.

Стрэн дал поручение менеджеру вернуть на проект любыми посулами Николаеву, хотя бы ее уговорить погостить временно. После Ольгиного ухода, то есть побега, взлетевший к облакам рейтинг программы стал неумолимо падать. Пользователи интернет сайта завалили телеканал просьбами рассказать о сложившейся судьбе двух влюбленных, в студию звонили люди с просьбой сделать отдельную передачу. Что касается оставшихся участниц, все были до безобразия предсказуемы. Вслед за Масловой добровольно ушла Ника Миусова провокатор среди настоящих золушек, и Стрэн, положив руку на сердце, выгнал бы всех оставшихся, но решил выждать время и отправил домой пока только Рамину Султанову. На очереди стояли «проектные сиамские близнецы» Наташа и Маша. Ни одна из девушек не горела страстью к своему избранному Принцу, как это было у Николаевой: отношения были, в лучшем случае, теплыми, например, у Олеси Жвалевской, но не более того.

— Сворачивать надо эту лавочку, но сделать красиво, — мечтал продюсер и спрашивал у Веры и Карины совета, как можно воплотить идею в жизнь.

В результате длительных раздумий, Стрэн купил Вере билет на самолет до Барнаула, и теперь менеджер пыталась разыскать в этой самой Усть Лосихе Ольгу.

— Мальчики, скажите, где живет Оля Николаева? — Вера высунулась через опущенное стекло на улицу.

— Не, мы не знаем, — пацаны деловито с удочками шли с рыбалки, неся в руках пластиковые бутылки с болтающимися рыбешками.

Вера подумала и спросила:

— Вы телевизор смотрите?

— Ну да, иногда.

— Я имею в виду золушку, она где-то здесь живет...

Рыбаки даже не дослушали, сразу закивали головами и показали дорогу.

— Вот так и живем, — вздохнула Вера, — имен друг друга не знаем.

Она так и стала дальше спрашивать: «Где дом золушки?» Еще один встречный мужичок почесал щетину на подбородке:

— Вона дом ее отца. Тока ее там нет. Повертайте направо, на ту улицу, спросите Людмилу — там и поживает золушка.

Вера была рада мысли, что близка к цели и скоро увидит знакомое лицо. Стрэн хотел было послать и Виктора с камерой, но Вера напомнила о нелюбви Ольги к суете и показухе.

Женщина лет пятидесяти, худая, с умными глазами, узнала Веру и заулыбалась:

— А мы каждый день смотрим вашу передачу. Лелька уходит на речку, злится, но мы смотрим: интересно, чем все закончится.

— А где она сама?

— Дома: жара стоит, так мы стараемся управлять утром и вечером.

— Здравствуй, Оля! — Вера вошла в аккуратный домик, прошла в комнату за хозяйкой, которая сразу засуетилась, собралась готовить на стол, кормить приезжую и таксиста.

Девушка обнялась с Верой, представила мальчику, лежавшему на кровати, знаменитую гостью

— Лелька, ты разговаривай, а я сама все сделаю, — тетя Люда ушла на кухню.

— Как поживаешь? — Вера рассматривала девушку, — похудела или мне так кажется?

Ольга пожала плечами. Что она могла рассказать Вере? Как тянула возвращение домой? После больницы, она отправилась в Муром. Деньги на дорогу, к счастью, были заработаны у Маргариты Павловны дома, но и от них, как от неприятных воспоминаний, девушка желала избавиться быстрее. После молитвы и благословения священника в Троицком храме (заодно купила новый оберег, образы Муромских святых, такой же, какой оставила Макс) и потом долго ехала до родного Барнаула. На одной из станций пришлось купить дешевые черные солнцезащитные очки, чтобы маскироваться от узнававших ее и иногда просивших автографы людей. В самом Барнауле к очкам пришлось добавить надвинутую на глаза кепку: невозможно было не пройти мимо киоска с газетами, чтобы не зацепить глазом газету или журнал со своей фотографией на обложке. А в самом центре города, неподалеку от родного института, над дорогой висел рекламный баннер с фотографией, сделанной в Большом Театре: она и Макс, оба красивые, счастливые и внизу — телефон какого-то находчивого свадебного салона.

Не удержалась и купила на память несколько журналов с фотографиями Макса, девчонок с проекта. Присела у института полистать — и не смогла, так больно давались воспоминания, еще совсем свежие. Хотела остаться в общежитии, но передумала, едва пожилая тетя Катя закричала на весь вестибюль, что, дескать, золушка вернулась: так и вышла, не оборачиваясь на оклики.

В деревне встретили и того хуже. Каждый почему-то считал, что теперь, вернувшись и став миллионершей, она должна была каждому денег. Отец, встретивший ее сидя за столом, в той же самой позе, в какой его оставила уезжая дочь, сразу стал плакаться на тяжелую жизнь, боли в печени и намекнул, что было бы неплохо купить хоть какую машину для хозяйства. А мачеха язвительно, и никак иначе, называла падчерицу «прынце́сса наша».

В своей комнате, кроме толстого слоя пыли на любимой книжной полке, Ольга увидела на письменном столе новых хозяев — самогонный аппарат и банки, которых и без того было много на полу. А кровати лежал не разувшись пьяный сосед.

И тогда девушка пришла к крестной: «Мне жить больше негде, тетя Люд». Вася так обрадовался, что запретил названной сестре вообще ходить в отчий дом, разве только для того, чтобы забрать книги и одежду.

А потом к ним в деревню зачастили журналисты — первая неделя была особенно тяжелой. Ольга гнала их, не соглашаясь на интервью ни за какие суммы. Зато деревенские не оплошали. Пронюхав, в чем дело, сами пошли к газетчикам, предлагая за деньги ответить на

любой вопрос вместо гордой золушки...

Надо ли все это знать Вере, наверняка, так же приехавшей неспроста? Ольга коротко ответила:

— Все нормально, только по улице без черных очков ходить не могу: папарацци замучили, через два-три дня налетают, как вороны.

— Ты расскажи, как ты последних обманула, — засмеялся Вася.

— Да ну их! — поморщилась брезгливо Ольга, — а вы зачем приехали, Вера Александровна?

— Просто Вера, если не забыла. Я привезла тебе должок, — она выложила из своей сумочки большой конверт с известным логотипом: — Здесь твоя зарплата за шесть недель, плюс бонус за высокий рейтинг. И пластиковая карта: на твое имя был открыт банковский счет. В той части контракта, которую вы, все девушки, подписали вслепую, был пункт, касающийся особого статуса. Дело в том, что смски на счет каждой участницы были платными, и, по условию контракта, треть твоей суммы ушла на благотворительность, разумеется, также некоторая часть осталась на проекте, а остальное — твое, но сумма, поверь мне, очень большая. Поэтому мы даже не стали ее озвучивать в эфире.

— Спасибо. Еще кто-нибудь получил такую же? — Ольга повертела в руках запечатанный конверт, но не вскрыла, а отложила в сторону.

— Разве ты не смотришь?.. Ах да, извини, мне Людмила сказала, что нет. Нет, никто пока не смог угнаться за тобой, и поэтому их суммы, почти полностью, остались в проекте.

Ольга запустила руки в гладкие волосы:

— У вас как обычно: гонка за рейтингом.

— Шоубизнес, ничего не поделаешь, — Вера пожала плечами. — Ты даже не хочешь узнать, сколько заработала?

— Приблизительно представляю. Честно говоря, я рада этой сумме. Да и Василиску, т.е. Васе, нужно заменить коляску: старая пришла в негодность. Плюс, не буду висеть на шее у крестной. Подозреваю, что работать в первое время не получится: не смогу психологически, будут тыкать в глаза вашим проектом, — девушка еще собиралась что-то сказать, но замолчала.

— Понятно.

Вера оценивала ситуацию и уже заранее знала наверняка, какой даст ответ Ольга, но попытаться стоило, хотя бы ради того, чтобы честно посмотреть в глаза разочарованному Стрэнну.

— Я хочу тебе сделать одно предложение. Нашим телезрителям интересно, как сложилась жизнь героев после пребывания на проекте. Мы планируем сделать документальный фильм, взять интервью у каждого участника.

Девушка отвела взгляд в сторону, закрыла рот кулаком, потом встала и отошла к окну:

— Как у меня сложилась жизнь? Хорошо... Я здорова, все мои близкие тоже не при смерти. Деньги есть, — она махнула на конверт, — что еще нужно для счастливой жизни? Рассказывать особо нечего.

— Тогда, может, вернешься со мной, на пару дней? Просто побудешь у нас в Доме, с девочками поводишься...

— Нет. Дважды в одну реку не войдешь. Я вообще хочу про все это забыть.

— Но почему? Разве тебе было плохо? Разве это плохие воспоминания?

— Я была там счастлива — это правда. Но и потрясений мне хватило. Дело не в этом.

Вы мне сами с Никой много раз говорили, намекали, что я все ломаю, разрушаю чужие планы, иду против системы. Слишком строптива и упряма. Для рейтинга это, наверное, хорошо. Но не для близких мне людей. Я не хочу больше никому, ни прямо, ни косвенно нанести вред. Я дала себе слово. И кое-кому еще... Извините, — девушка вышла из комнаты, чтобы скрыть волнение.

— Понятно, — Вера встала, осмотрела рассеянно интерьер, — ну что ж, если все понятно, то пора назад.

— Подождите, мама же обед готовит, — Вася давно сел на кровати, следил за разговором. Когда Ольга ушла, он переполз в инвалидное кресло, которое стояло рядом.

— Да нет, я, пожалуй, поеду. Пообедаю в аэропорте, пока буду самолет ждать. Ну а вообще, как у вас дела? — Вера с сумкой в руках прошла по комнате, потрогала цветы на подоконниках.

Вася подъехал к письменному столу, стоящему у одного из окон, выдвинул ящик и показал Вере журнал, на обложке которого улыбался Макс-Артур:

— Вот такие у нас дела. Каждый вечер, когда думает, что мы спим, достает и плачет, — заслышав шаги, подросток торопливо засунул журнал назад и откатил кресло.

— У меня все готово! — тетя Люда несла в руках тарелки.

— Вы меня извините, мне время не позволяет. Спасибо за гостеприимство, — Вера погладила женщину по плечу и махнула рукой мальчику, — до свидания, Василий. До свидания и вам.

Вернулась Ольга. Она не стала уговаривать гостью остаться, пошла провожать и вдруг вспомнила:

— Вера, можно я вас кое о чем попрошу?

— Да, конечно.

— Я сейчас, — девушка сбегала в дом, вернувшись, протянула Вере лист бумаги, — это наш почтовый адрес. Не могли бы вы выслать бандеролью одну вещь, которую я забыла. Это тетрадка с Васиными стихами, она мне дорога.

— Без проблем, я сделаю. А где ты ее оставила?

— Она у Максима. Просто попросите у него тетрадь и отправьте мне, — девушка порозовела.

— У Артура, в смысле?

— Ну да, я по привычке.

— Кстати, ты о нем ничего не спросила: не хочешь узнать, как он? — Вера полезла в сумку убрать записку, но краем глаза следила за реакцией Ольги.

— Не хочу. Я знаю, что с ним все в порядке. Я не спросила, потому что вы все равно потом передали бы ему мой вопрос, что я спрашивала, говорила... Поэтому не буду.

Вера засмеялась обескуражено:

— Узнаю свою золушку, вы всегда умели смотреть вперед. Тогда я тоже, безо всякого вопроса, просто так говорю, потому что мне хочется: с ним, действительно, все в порядке, кажется, осложнений нет. Его выпишут на днях... Чуть не забыла. Тебе Ника передавала привет.

Ольга улыбнулась довольно:

— Спасибо. Ей тоже от меня. Как у нее дела с... Игорем?

— Сама удивляюсь: после того случая как-то помирились, Ника часто ночует у него.

— И вы как мама не против?

— А откуда ты знаешь, что Ника — моя дочь? — Вера удивилась.

— Догадалась, — девушка снова улыбалась и напоминала прежнюю жизнерадостную Ольгу Николаеву, — вы очень похожи внешне, и всегда как-то по-родственному переглядывались. Но если по правде, я все узнала, когда Ника оговорилась и назвала вас мамой.

— Это когда же, я не помню? — Вера даже дверь такси приоткрыла, словно собираясь выйти.

— Когда вы меня пьяную из клуба везли.

— Так ты же ничего не помнила!

— А я и пьяной-то не была. Просто очень хотела уйти с проекта, вот и полицедействовала чуть-чуть.

— С ума сойти! — Вера смеялась, — но мы действительно думали, что ты набралась до чертиков. Мы недавно вспоминали этот случай: несколько дней назад привезли из клуба твою микроволновку. Кстати, я про нее и забыла.

— Ну, пару-то плотков пришлось сделать, чтобы пахло. А Максим мне не поверил, так что не такая уж я и хорошая актриса, — случайно упомянув имя, Ольга вновь посерьезнела. — Вам, наверное, ехать уже надо. Передавайте всем привет, — она сделала прощальный жест и отступила к калитке, давая понять, что разговор закончен.

Вера уехала.

— Ну что, молодой человек, — вернувшись в дом к Васе, Ольга взъерошила ему волосы, — поеду завтра в город искать тебе новый автомобиль! А заодно купим тебе ноутбук, подключим к интернету — и будешь ты завоевывать себе пространство во всемирной паутине, чувак!

...Тетя Люда стояла в дверях, бледная и немного растрепанная. Даже не подойдя к ней вплотную, Ольга уже почувствовала устойчивый запах лекарства.

— Теть Люд, я все знаю, — лучшей защитой было сразу признать свою вину, — не говорите мне ничего...

— Вася мне хотел скорую вызывать! — прыгающими губами выговорила обиду крестная, — ты почему не позвонила, что приедешь так поздно?

— Куда бы я позвонила? Бабе Клаве ни одного секрета нельзя доверить, — девушка разулась и потащила все пакеты в комнату, — через пять минут вся деревня бы знала. Василиск! Давай сюда, гений хокку и танков!

Мальчик тоже не спал, сидел полураздетый в кресле и, скрестив руки, сердито поддержал слова матери.

— Так, тут, тетя Люд, всякие мелочи, а это... — Ольга расчехлила ноутбук, — а это, Васька, твой подарок. В смысле тебе подарок, от меня... Ну, долго будешь дуться? Идите сюда, обещаю, больно не будет... Включаем... Ждем...

— Правда что ли? — мальчик сдался и подъехал к столу.

— Ой, новая игрушка появилась, — с сарказмом сказала мать, присаживаясь робко рядом на стул.

— Потому что в новом доме должны быть новые игрушки! — глаза у девушки блеснули как никогда, — пока я покупала ноутбук, попросила продавцов поискать хороший дом... Сейчас подключимся к интернету, и я вам его покажу...

— Ты купила дом? — догадался Вася, во все глаза глядя то на технику, то на сестру.

— Да, я почти уже потратила все деньги, — она набирала адрес и пароль в электронной почте, — и не жалею. Мечты надо исполнять, если есть возможность. Иначе больше их не будет...

— С ума сошла! — тетя Люда приложила ладонь к щеке и качала головой, — сколько же у тебя было денег?

— Не скажу: вам станет плохо... Вот как выглядит наше пристанище, — Ольга повернула к крестной и Васе ноутбук, — вам нравится? Я уже созвонилась с хозяином, и мне даже уступили вполне ощутимую цифру.

— Красотища! — мальчик-инвалид заразился гордостью Ольги, — ты теперь будешь там жить?

— Не я — мы! Зачем мне одной такой огромный дом? Теть Люд, вы только не переживайте, но я планирую переехать в новый дом через неделю. Коляску, кстати, новую туда доставят, чтобы нам меньше было возни.

— Где он хоть находится-то? — слабым голосом спросила женщина.

— А вот этого не скажу. И не просите.

— Хоть намекни, — Вася сделал жалобное лицо.

— Очень далеко отсюда, — Ольга встала, выложила из кармана джинсов на стол новенький мобильный телефон, потянулась и запела, — далеко, далеко, на лугу пасутся кони... Никто не догадается там меня искать: где угодно будут рыть носом землю, и не найдут! Нет, я, конечно, буду иногда приезжать проведать отца, могилу матери... Теть Люд, там Васе будет лучше во сто раз: там хорошая больница рядом, детский садик есть, школа — все по-человечески. Я переведусь в институт в том городе...

— А кого ты будешь в детский садик водить? — крестная вытаскивала из волос шпильки, — от кого рожать будешь? От Степки?

— Типун вам на язык! Я усыновлю кого-нибудь...

— Ой, размечталась... Куда ты бежишь и от кого? Поехала бы вместе с этой женщиной — и то правда, — навестила бы своего раненого: знаешь ведь, что сохнет по тебе... А она тут чемоданы готовит!

— Давайте, хотите поругаться и испортить мне настроение — пожалуйста, можете продолжать, — девушка обиделась, стала выкладывать из других пакетов содержимое.

— А разве я неправа?

— Ой, уже первый час ночи, а мы не спим! — Ольга закрыла ноутбук и щелкнула по носу подростка, прильнувшего к подарку, — иди спать, Василиск! Завтра наиграешься!

Вечерело. На небе молодой месяц желтел тонкой полоской, а Ольга все возилась на огороде, выкапывала молодую картошку.

— Оля!.. Лелька! — чей-то мужской голос позвал ее.

Тонко тьякнула собака, и девушка выронила из рук лопату, прислушалась, приложив руку к груди.

— Лелька! Ну, подойди, поговорим, — голос звучал со стороны невысоко забора.

— Напугал, блин! — Ольга воткнула в землю лопату, подняла ведро, поставила его на аллею и, похлопав руками, стряхнула пыль с рук, — Степан, сколько можно, а? Я же просила...

— А я не могу, — возле забора, сложив на шпакетник руки, стоял парень с закатанными до локтя рукавами, в белой рубашке, выделявшейся на темнеющем фоне.

— Сразу предупреждаю, будешь приставать — получишь лопатой в лоб, — девушка вышла за забор и присела на скамью. — Что-то я сегодня устала.

— Надеюсь, не от меня.

— Говори, что хотел, или уходи.

Из дома послышался голос крестной:

— Оля, пошли ужинать!

— Меня пригласишь? — молодой человек сел рядом на скамейку.

— Степан, ну сколько можно? Я же просила: не мучай ты меня, не буду я с тобой.

— От меня уезжаешь?

— Уже вся деревня знает... Вот народ! — Ольга вытерла лицо тыльной стороной руки, — какая вам разница? Давай так, начистоту. Скажи, за что ты меня любишь?

— Ну как? — Степан растерялся, — ты симпатичная, деловая такая вся, не похожа на наших девчонок. Дети тебя любят...

— Птицы прилетают ко мне по утрам песни петь... А еще я могу разговаривать с животными... И вообще у меня над головой нимб, как вокруг луны...

— Издеваешься... — он сорвал сухую травинку и пожевал стебель, — я же про тебя все знаю: телевизор смотрю.

— Тьфу ты! Ну, зачем я тебе нужна? Допустим, выйду я за тебя замуж, и что? Я же не смогу тебя полюбить, даже привыкнуть, понимаешь? Это только так говорят: стерпится — слюбится. Ерунда это все. Нет, наверное, возможно, но только если кто-то из пары не влюблен в кого-то другого... И представляешь, я буду изо дня в день вздыхать, сравнивать тебя с другим — ты, даже если этого не увидишь, все равно почувствуешь. Начнешь выпивать каждый день, будешь жаловаться своим друзьям, что жена у тебя стерва. Может, поколотишь меня, если получится...

— Да ты что? — Степан возмущенно выплюнул травинку изо рта, — я тебя пальцем не трону!

— Но счастливее-то я от этого не стану. Нельзя без обоюдной любви строить брак, понимаешь? Вылезет это когда-нибудь наружу, и будем друг друга попрекать... Господь благословляет, когда дает и мужу, и жене любовь, — Ольга вздохнула и задумалась.

— Что вы все с этой любовью носитесь? Вон, живут люди несколько лет, — и где эта любовь потом? Детей навалом и скандалы каждый день.

— Умница! Степан, ты умница! Жене твоей повезет, если задаваться не будешь. Ты говоришь про любовь, а думаешь про телесные удовольствия. Переспят друг с другом, думают потом: «О! Нам было хорошо, значит стоит пожениться...» А чем я физиологически отличаюсь от той же Лариски, которая на тебя молится? Ну и получай ты с ней удовольствие.

— Что же в сексе плохого?

— А что в нем такого хорошего, что его непременно нужно ставить во главу угла? Есть понимание, уважение, восхищение человеком, наконец. Можно забыть человека, которым восхищаешься? Ась? За мной почему ходишь? Я для тебя как небожитель, потому что меня по телевизору показали, да?

— Что ты так резко?

— Когда? Ты мне так все точно расписал, почему меня любишь, а я, понимаешь, не могу

этого объяснить. Я знаю, что восхищаюсь Максимом, потому что он талант, я хочу видеть, как он растет, помогать, носить ему кофе к компьютеру, когда он работает. Но я никак не могу объяснить, за что я его люблю. Ты знаешь, как я соскучилась по его заиканию?.. — Ольга задумалась, — да, наверное, ты прав, можно объяснить, но не так, как ты, сходу, быстро... Не обижайся на меня, пожалуйста, я сама себе не принадлежу.

— Морочишь ты мне голову, все понятно, — Степан поднялся, поправил ремень на брюках.

— Я? Я хочу, чтобы ты мне был хорошим, настоящим другом, который все понимает, а ты обижаешься, — Ольга тоже встала.

— Когда уезжаешь?

— Сейчас тебе скажу — завтра вся деревня ко мне придет.

— Понятно. Друг, говоришь, хороший нужен? — Степан сделал глубокий вдох и повернулся уйти.

— Ну да, проще обидеться, чем попытаться понять. Машина придет через дня три. Тогда и уеду. Только не спрашивай, куда. Все равно не скажу. Даже тетя Люда не знает.

— Ладно, партизанка, я приду проститься. Пока, спокойной ночи!

— Спокойной ночи! — с облегчением попрощалась девушка. — Степан!

— Что? — молодой человек с готовностью повернулся.

— Мне всегда везло на друзей!

Тетя Люда доела суп и отставила тарелку в сторону. Вася до сих пор ковырялся, откладывая вареную морковь, лук на край тарелки.

— Ну и чего ты сегодня все перебираешь? — мать неодобрительно наблюдала за процессом, — правильно люди говорят, что ваши компютеры портят аппетит.

— Ма, правда, невкусно. Ты вообще последнее время готовишь как-то не так. Дай соль, пожалуйста. Как ты сама это ела?

— Я вообще вкуса еды не чувствую, волнительно мне, и кошки на сердце скребут. Как мы туда поедем, когда везде пожары? Приедем, а дома-то нету — сгорел.

— Мам! Не говори глупостей! — Вася посолил суп, попробовал и отодвинул тарелку. — Все равно не вкусно.

— Картошечки будешь?

— Давай. А я хочу уехать: дом классный, там даже бассейн есть. Знать бы только, где это.

— Узнает Лелька, что ты разболтал все репортерам, вот получишь! — мать погрозила мальчику ложкой, — будет тебе бассейн.

— Ничего, пусть этот придурок знает...

— Василий! — тетя Люда стукнула по столу, — следи за языком!

— Все равно он придурок: я бы не отпустил Олю.

— Так в больнице же он, что ты возводишь поклеп на бедного парня? Тебе же Лелька сказала, что раньше, чем через две недели его не выпишут.

— Уже третья неделя пошла, сентябрь на носу, чего он не чешется? Уедем — никогда не найдет, пока очухается.

— Тихо! — мать стала собирать ненужные тарелки со стола, — чай принесу.

В дом вошла Ольга, поправляя мокрые после умывания пряди волос:

— Еле выпроводила. Женился бы уже на своей Лариске...

— Степан-то? — тетя Люда поставила чайник на стол, — видный парень, сейчас таких в деревне мало — все в город уехали.

— Я же сказал, что невкусно, — Вася кивнул матери на отставленный девушкой суп, пододвинул к Ольге тарелку с молодой вареной картошкой, — бери.

— Не хочу я ничего: душно, — Ольга вздохнула и взялась за чай.

— О чем вы там со Степаном говорили? — любопытствовала женщина.

— О браке. Кстати, — Ольга достала из письменного стола тетрадь, под села ближе к мальчику, — посмотри, что я нашла, когда перебирала бумаги.

— Что это?

— Библия для народа. Шучу, конечно. Ты мне одну тетрадь подарил, а я тебе взамен — свою даю. Я записывала сюда понравившиеся мысли, стихотворения. Вот послушай: «Женятся не для того, чтобы думать только друг о друге, но чтобы совместно выполнять обязанности, налаживаемые жизнью общества, умело и разумно вести хозяйство, хорошо воспитывать детей. Влюбленные думают только друг о друге, непрестанно занятые лишь собою и умеют только одно — любить. Супруги должны выполнять столько обязанностей, что этого недостаточно. Ни одна страсть так не обольщает нас, как обольщает любовь, — ее неистовую силу принимаешь за признак ее долговечности...» Как тебе? Это Жан-Жак Руссо. Эх, если бы люди внимательно его читали...

— Что ж теперь, браки нужно создавать по расчету, а не по любви? — тетя Люда прислушалась к цитате.

— Нет, нужно умело сочетать любовь и расчет, — Ольга перевернула страницу назад. — Вот, еще: «...Стоит любви проститься с честью, и она лишается самой большей своей прелести; дабы чувствовать всю цену любви, сердцу надобно восхищаться ею и возвышать нас самих, возвышая предмет нашего чувства. Лишите ее идеи совершенства, и вы ее лишите способности восторгаться; лишите уважения, и от любви ничего не останется...»

— Непонятно, но красиво, — заметил Вася, — дай, посмотрю, что еще есть.

— Мал еще все понимать, — Ольга взлохматила волосы на голове подростка.

— Действительно, «библия»: чего тут только нет. Это лучше, чем моя тетрадь.

— Сравнил тоже! Я же воровала чужие мысли, а ты создавал.

— Мам, послушай:

«Я слышал ночь: как шлейф ее шуршал

По мрамору дворца.

И свет небесных стен ее мерцал

На платье, как пыльца...»

Генри Лонгфелло. Супер, мне бы так научиться...

— Научишься. Чего бросил-то читать? — тетя Люда, подперев голову, внимательно слушала сына.

— Сейчас, а вот еще:

«В святыне сердца сокровенной

Чем я живу,

Я ни за что во всей вселенной

Не назову...»

— «Зачем вам имя? — продолжила Ольга. — Прозвучит вам,

В нем звук пустой;

Но этот звук моим молитвам

Огонь святой...

Но я люблю, любовь скрывая,

Пока живу.

И это имя, умирая,

Не назову.»

Альфред де Мюссе, перевод Курочкина. Мое любимое, когда-то было...

Весь вечер они читали стихи, афоризмы, войдя в азарт и соревнуясь в искусстве выразительного воспроизведения мыслей автора.

Это вошло в привычку: Ольга лежала с закрытыми глазами и беспрестанно ворочалась с боку на бок, вперемешку с разными мыслями мечтая о рассвете. Тетя Люда, спавшая в этой же комнате, то начинала тихо похрапывать, то затихала, просыпалась от скрипа другой кровати — и опять начинала сопеть. Девушка слушала эту душную тишину и только переворачивалась на другой бок, не отвечая на полусонные вопросы: «Ты чего опять не спишь?», чтобы окончательно не разбудить крестную.

Не выдержала пытки и, дождавшись очередного приступа легкого храпа, осторожно встала, закутавшись в покрывало, вышла из комнаты, нащупала на письменном столе фонарик, стараясь не выдвигать ящик полностью, вытащила из него журнал и крадучись вышла на крыльцо. Не чувствуя, что Вася точно так же не спит и в темноте смотрит ей в спину.

Усевшись на ступеньках, девушка включила фонарик и направила его на журнал, раскрыла и стала перебирать сокровища — вырезанные из прессы разные фотографии Артура. Самая яркая и большая была в самом журнале. Перебрав мелкие, Ольга наклонилась над фотографией, нежно поцеловала лицо и опустила на него свое:

— Максик мой, Артурушка... Как же я тебя люблю, как мне тяжело без тебя, если бы ты знал... Я скоро, совсем скоро уеду, и никто больше меня не найдет. Даже ты. Как бы я хотела оказаться с тобой рядом, солнышко мое... Но нельзя, нельзя... Я обещала, а обещания нужно держать... Но ты не думай, я буду любить тебя, никогда не забуду... Дура я была, надо было согласиться и сбежать еще тогда... — она тихонечко заплакала, не отнимая лица от фотографии.

... В Муромский храм она приехала рано утром, прихожан еще не было, и сонный служака удивился недовольно, что кто-то просит батюшку об исповеди. Но священник вышел, покорил девушку за то, что она не имеет платка и крестика. А когда услышал историю — посочувствовал. Слушал внимательно, не перебивая. Он, конечно, не смотрел по телевизору никаких гламурных передач, интернетом не владел, но последние новости о несчастном случае на показе мод в Москве слышал. Видя, что исповедующаяся от воспоминаний начинает дрожать, принес печенье и горячего сладкого кофе со сливками. Ольга есть не стала, но всю оставшуюся беседу-исповедь не выпускала из рук остывающий бокал.

— Ты не подруге, Господу Богу Вседержителю нашему пообещала, значит надо держать слово. А уж Он распорядится твоим даром: решит, если тебе он нужен, то вернет.

— Я не поняла, — Ольга кротко подняла глаза на священника.

— А ты вспомни про жертвоприношение Авраама. Сына своего любимого собирался отдать, принести в жертву, а Господь сам решил. Увидел искренность поступка, настоящую веру, и не принял жертвы, послал ангнца в кустах... Кушай печеньки, кушай... Ты правильно

решила: чтобы что-то получить, нужно отдать равноценное. Что обычно люди делают: обещают Отцу Небесному, а потом не исполняют. Сказано: «По вере вашей будет вам». Ты веришь, что твой возлюбленный исцелится?

— Хочу верить, но боюсь. Я знаю, что может быть все, что угодно: заражение крови, ампутация руки...

— Ты несешь свое сердце в дар и боишься, что Создатель не примет его. Не бойся. И не жалея. Докажи, что твои помыслы искренни. Господь ничего не делает зря: промысел его велик. Иди себе с Богом и не сомневайся. А крестик все-таки одень.

— Я хотела его купить здесь.

Священник положил руку на склоненную голову девушки, прочитал несколько молитв, перекрестил ее:

— Пойдем, выберем тебе крест...

... Из журнала на колени выпала сухая почерневшая роза со стеблем, похожим на проволоку. Девушка поднесла цветок к лицу. Сухой сладковатый аромат цветка сохранился и как-то особенно оттенял эту летнюю душную ночь, пение сверчков темной траве и подмигивающие звезды над головой. Ольга выключила фонарик и сидела, вдыхая приторный аромат:

— «...Но я люблю, любовь скрывая, пока живу. И это имя, умирая, не назову». Прости меня и живи дальше. Господи, спасибо за все, но не отнимай у меня печали, как аромата у этой розы...

Василий лежал в кровати и бормотал свою молитву:

— Число шестьдесят два, придурок, открой число шестьдесят два...

— Ты-то чего там бормочешь? — из соседней комнаты послышался голос матери, — спал бы уже — завтра не встанешь, бормотун.

Вася затих и теперь беззвучно повторял заклинание.

В своей московской квартире, поздно вечером, Макс-Артур сидел за кухонным столом, сложив руки на плоскости и глядя на разводы лакированного дерева.

— Пора спать, — вошла Маргарита Павловна, встав позади сына, поцеловала его в макушку, поводила руками по обнаженному торсу, поправила повязку, закрепленную на здоровом плече.

— Н-не хочу п-пока, еще рано, — Артур посмотрел на мать, — я д-думаю.

— Мы обязательно съездим к ней, как только ты поправишься. Чай будешь?

— Игорь сегодня звонил, ск-казал, что Оля п-переезжает: в к-какой-то газете написали.

— Мало ли чего пишут эти газетчики, найдем: отец все свои связи подключит, — Маргарита Павловна поставила чайник на газплиту.

— Т-ты знаешь, ск-колько у нас в стране Н-николаевых? П-пока найдем, будет п-поздно. Н-ну почему она сбежала, мам? Т-ты как женщина объясни: в-все же было х-хорошо.

— Я тоже не понимаю ее. Ты у меня красивый, умный, обаятельный, не из бедной семьи, наконец. А вдруг она испугалась чего-то? — Маргарита Павловна потянулась через стол к сыну, — что это у тебя за прыщики на лице? Аллергия? Надо позвонить завтра доктору.

— Г-где? — Артур потрогал лица, содрал один, до крови, и посмотрел на пальцы, — это у меня ст-трупья лезут.

— Типун тебе, скажешь тоже!

— Что у нас тут за ночные бдения? — на кухне появился банкир, измученный бессонницей, — один наш балбес дрыхнет с чистой совестью. Хорошо спать тому, у кого совести нет.

— Хватит его балбесом обзывать, — возмутилась Маргарита Павловна, — к твоему сведению, он целый день лекции учил.

— Охо-хох! Учил он... Пусть теперь догоняет пропущенное, юрист-недоучка. Я всегда знал, что ты его защищаешь. Лучше сделай-ка мне кофейку, дорогая. Я после него лучше засыпаю.

Отец сел рядом с сыном:

— Может тебе другую девушку найти, а? Эта, конечно, хороша. Жизнь тебе спасла, но уехала же.

— Па!

— Я шучу, пошутить нельзя? Ты мне скажи, сын, ты ее любишь или нет? — банкир, развалившись на стуле, выжидательно смотрел на сына.

— Она ник-когда за меня н-не выйдет. Н-наверное, уже слишком п-поздно.

— Я всегда знал, что ты у меня балбес. Съезди в ее Мухосранск, поговори с ней. Неужели она такая дура, что откажет тебе, неужели не хочет в достатке жить?

— Па! Т-ты все д-деньгами меряешь. Если бы я ей к-когда-нибудь сказал такое, он б-бы меня ударила ч-чем-нибудь тяжелым.

Маргарита Павловна поставила перед своими мужчинами по бокалу.

— Что же делать теперь, Артурчик?

Артур наклонился к чаю, пускающего вверх замысловатые струйки пара. Ольгин медальон и крестик на цепочке повисли рядом, касаясь горячего бокала, — откинувшись назад, на спинку стула, молодой человек почувствовал, как металл обжег тело:

— Ах т-ты! — он схватился за цепочку, провел рукой по груди.

— Что такое? — встрепенулась мать.

— Н-ничего страшного, — Артур покрутил в пальцах изображение святой семейной пары, — она б-была права: я т-точно Фома н-неверующий.

Банкир проследил взглядом за сыном, вышедшим и вернувшимся с некоей тетрадью в руках.

— П-пап, мам, загадайте ч-число от одного до ста.

— Что это? — Маргарита Павловна протянула руку к блестящей обложке, но Артур не дал, — ну ладно, четырнадцать.

— Сорок восемь. И что будет?

— Н-нет, вы одно ч-число скажите... А п-пусть... Ч-четырнадцать п-плюс сорок в-восемь б-будет... — пока он складывал про себя, банкир выдал:

— Шестьдесят два, что тут считать?

— Сп-пасибо, — Артур открыл тетрадь, нашел нужное число, прочитал и засмеялся, протянул матери тетрадь.

— Что это такое? — Маргарита Павловна рассматривала круглый аккуратный почерк.

Сын потянулся и ткнул пальцем:

— В-вот тут ч-читай!

Маргарита Павловна неуверенно прочла:

Моим жалобам

Внимал Курамский монах.

Долгий вечер.

Вместо совета — посох

И слово «поторопись»...

— Что это такое? И что за вульгарная приписка: «Поторопись, придурок!»? Что это за поэзия?

— Эт-то Вася! — Артур залпом допил чай и решительно встал, — сп-пасибо за чай, я п-поехал.

— Куда ты поехал? Что это за тетрадь? — заволновалась мать.

— Пусть едет! — спокойно кивнул отец.

— Вы посмотрите на улицу: там же ночь и ничего не видно из-за дыма! Куда ты поедешь со своим плечом? Артур?

— Пусть едет!

— Господи, его сын неменяемый собрался ехать черт знает куда и на ночь глядя, а отец сидит довольный... — запричитала Маргарита Павловна.

Но на кухне уже стоял Артур, рассовывая здоровой рукой по карманам кошелек, документы и ключи.

— Как приедешь, позвони. Помогла бы сыну, что ли, раскудаhtалась, — проворчал банкир, — деньги у тебя есть?

— Х-хватит. Г-главное, в аэроп-порт успеть: самолет ч-через три часа.

Артур взял со стола Васину тетрадку, поцеловал родителей:

— Я т-туда и обратно. Завтра ждите н-нас.

Из рук вылетела кастрюля и громыхая покатила по полу.

— Ну и чего ты так рано-то соскочила: семи еще нет! — тетя Люда ворчала на Ольгу, которая полночи опять ворочалась на кровати, мешая спать, потом просидела на крыльце и с утра успела повозиться в огороде, полить цветы. — Сама не спишь и никому не даешь.

— Я спокойно усну, только когда мы переедем. Потерпите, тетя Люд, завтра в дороге отоспимся.

— И думать про завтра боюсь. Что-то Винька твоя лает, пойду, посмотрю. Опять какой-нибудь алкаш пришел просить у тебя на опохмел.

— Да что же сегодня такое? — Ольга уронила картошку, пока наклонялась за ней, зацепила стоящие на краю миску с ложкой, — кто к нам торопится?

— Я т-тороплюсь, — в дверях стоял сияющий Макс.

— П-привет, — гость протянул руку сидящему с гордым видом в инвалидном кресле Василию, — Артур. Д-давно хотел с т-тобой познакомиться.

— Максимушка, то есть, Артур, дай я посмотрю, может, повязку надо поменять? — Ольга уже успокоилась от пережитого и порхала по дому, собирая вещи и поминутно возвращаясь к гостю, чтобы прикоснуться.

— Я тоже про тебя много читал, — Вася небрежно протянул руку.

— А т-ты не верь г-газетам, — Артур позволил снять с себя футболку, чмокнув по ходу дела Ольгу, — в-вот, к слову, про «ч-читал». Я п-привез твою т-тетрадь.

— Она не моя, я ее Лельке подарил.

— Я знаю, — молодой человек одной рукой, пока «доктор» снимала бинты, раскрыл тетрадь и пододвинул ее, — в-вот это п-предложение тоже д-для нее?

— Где? — девушка потянулась к тетради.

Вася схватил тетрадь, развернул ее, раскрытую, к гостю и показал пальцем:

— Это?

— Н-ну да.

— Она тебе помогла?

— Еще к-как!

— Значит для тебя, — засмеялся мальчик.

— Т-ты еще т-тот жук, к-как я посмотрю, — Артур засмеялся.

Ольга отложила бинт на стол:

— Теть Люд, у них уже секреты общие появились. Ну-ка, что у нас тут... Не больно?

— Н-нет.

— Немного влажные края, сейчас обработаю, — она ушла за аптечкой.

— А т-ты что сидишь, как уважаемый Басё? Т-тоже собирайся, с н-нами едешь, —

Артур подмигнул мальчику.

— Куда «с нами»? Ты же видишь, какой он? — встряла тетя Люда, накрывавшая праздничный стол.

— К-какой? Н-нормальный п-пацан. В д-дельфинарий ходим, еще к-куда-нибудь. Вы, тетя Люда, тоже п-приезжайте, я п-позвоню, когда. Мы пока п-приготовимся и разберемся, что и к-как.

Женщина посмотрела на сумки и коробки, сложенные в углу. Артур перехватил взгляд:

— Н-не переживайте, д-даю слово, что вы все равно п-переедете в новый дом, в т-течение этой недели, т-только поближе к нам, г-где-нибудь в П-подмосковье.

— Мальчики! — Ольга вернулась с раствором марганцовки, — вы не представляете, как я вас обоих люблю. И вас, тетя Люда. Если бы мама была с нами, она бы плакала от счастья.

— А к-кстати, о родителях... — Артур что-то вспомнил и после завтрака отправился к отцу Ольги.

Полутрезвый с утра отец Ольги прослезился после сделанного официального предложения; во время импровизированного сватовства Ольга стояла с крещенными руками и только краснела.

— Пойдем, сынок мой дорогой, отметим это дело. Выскочила моя Лелька замуж — взрослая стала...

— Ох, и наплачешься ты с ней, — хмыкнула мачеха, наблюдая эту картину.

— Извини, б-батя, я — за здоровое п-поколение. А водку г-где берешь?

Ольга кивнула на дверь в бывшую свою комнату. Артур только заглянул туда и все понял:

— Н-ничего, батя, и тебя т-тоже вылечат, — повернулся к мачехе, зеркально отображавшей негативную позу Ольги, — в-вернусь, еще раз увижу этот аппарат — найду статью, п-по которой вас п-посадят.

— Ты все-таки решил закончить свое «банковское дело»? — спросила Ольга, когда они наконец вышли из дома отца.

— К-кому-то же надо б-будет спонсировать т-твою клинику, — Артур стукнул себя в грудь и засмеялся, притягивая девушку за талию, — свой юрист у нас тоже скоро будет: К-кирюха за ум взялся. А я, п-параллельно, решил поступить еще к-кое-куда.

— ...Итак, сейчас мы находимся на Малом Арбате у дверей ЗАГСа, в котором сегодня

состоялось бракосочетание самой красивой пары этого года, Ольги Николаевой, участницы проекта «Десять Золушек» и Артура Карамзина. Напоминаю, что проект «Десять Золушек» завершился месяц назад, финалистками стали Олеся Жвалевская и Ирэн Артисян. Николаева Ольга, покинувшая проект задолго до финала, осталась в памяти телезрителей самой яркой участницей, которая единственная из двадцати девушек получила так называемую Золотую Карту и довольно круглую сумму на свой банковский счет, — размер суммы не разглашается. Можно сказать, что данный факт является символичным: ведь отец жениха является владельцем банка, контролирующего финансовые потоки Проекта. По словам самой Николаевой Ольги, теперь уже Ольги Карамзиной, полученные деньги она потратила частично на покупку дома в Подмоскowie для своих родственников... — корреспондент сделал паузу и дотронулся пальцем до уха.

— Михаил, насколько я помню, недавно состоялась пресс-конференция, на которой отец жениха заявил о прекращении своей политической деятельности и об организации благотворительного детского фонда в помощь детям, страдающим заболеваниями центральной нервной системы. Это решение как-то связано с сегодняшним событием?

— Да, это так. Нас не пропустили в здание ЗАГСа, но мы успели пообщаться с родственниками молодых. По словам нашего источника, это решение было принято благодаря все той же золушке, Николаевой Ольге. История умалчивает, как ей это удалось, но именно она стала первым человеком, внесшим сумму на банковский счет фонда... Вернемся к бракосочетанию. Следует отметить, что само событие отмечается достаточно скромно и, пожалуй, нетрадиционно, поскольку свадебное путешествие состоялось до свадьбы, а не после. А сами молодожены уже с понедельника отправятся в свои институты и продолжат получать образование: ведь учебный год давно в разгаре... А вот появились и наши молодые... Ольга и Артур, поздравляем вас с бракосочетанием! Позвольте задать вам несколько вопросов.

Молодые переглянулись: на микрофоне корреспондента была эмблема телеканала, директором которого был Стрэн.

— Скажите, это правда, что для вас это уже третья церемония бракосочетания?

— Н-не совсем — четвертая, — жених не ожидал этого вопроса, — но, н-наконец, гражданская.

— Первая, насколько я помню, состоялась на проекте «Десять Золушек»?

— Вообще-то, это была вторая, — невеста заулыбалась, — скорее, шуточная. Мы пошли навстречу просьбе организаторов проекта, благодаря которым мы с Артуром познакомились.

— Кроме того, мне известно, что именно Константин Стрэн, продюсер проекта стал одним из ваших доноров, Артур, в результате печального события, случившегося с вами.

— Д-да, все верно, — подтвердил жених.

— Не могли бы вы нам рассказать о первой и третьей церемонии бракосочетания?

— О первой — нет! — в один голос засмеялись молодые.

— Я расскажу это т-только нашим внукам, н-на нашу золотую свадьбу, — на лицах жениха и невесты воспоминание вызвало смущение.

— Я свое кольцо сохранила, а ты? — невеста еле сдерживалась от смеха.

— А я п-порвал... в см-мысле, потерял. Случайно.

— Интересно, — корреспондент переводил взгляд с невесты на жениха, — а на третьей церемонии?

— Месяц назад мы повенчались, — объяснила Ольга, — это было в Троицком храме

города Мурома, там были только наши самые близкие родственники.

— Какие у вас планы?

— Пока только учиться и растить малыша.

Корреспондент округлил глаза:

— В вашей семье ожидается пополнение?

— М-мы считаем, что Бог б-благословил нашу семью, — жених гордо обнял невесту, — я, к-кстати, только что сп-просил свою жену, п-почему все в-волшебные сказки заканчиваются свадьбой и н-не рассказывают о т-том, что было после. И она ск-казала, что...

— Не надо мои слова предавать на публику, — невеста поспешно закрыла рукой микрофон.

— Я же к-кратко, — засмеялся жених, — она ск-казала, что сказки — это детский жанр, и а п-после свадьбы наступает настоящая взрослая жизнь.

— Спасибо, что не слово в слово, — Ольга с облегчением дослушала жениха, — я же медик — у нас, у всех трезвый взгляд на жизнь. Но ты не переживай, в конце каждой волшебной сказки есть такая фраза: «И стали они жить — поживать и добра наживать». Понимаешь, они, а не по отдельности каждый из героев.

— Ч-что ты имеешь в виду?

— То, что вдвоем новую жизнь строить легче.

— Отличная фраза! — у корреспондента было ощущение, что про него забыли, — еще раз примите поздравление от нашего канала и совет вам да любовь!

— Спасибо.

Корреспондент повернулся лицом к камере, закрыв собой уходящих в сторону свадебного кортежа новобрачных:

— Ну что ж, наш репортаж позвольте мне закончить известной фразой: тут и сказочке конец, а кто слушал — молодец. Михаил Бойко, Алексей Филимонов. Первый канал, специально для программы «Вести-Москва».

— Лучше бы он сказал: «Сказка — ложь, да в ней намек...», — сказала Ольга мужу, когда они отошли от съемочной группы. — Если честно, у нас слишком много праздников в последнее время: жду, не дождусь суровых будней. Если бы не твои родители...

— Н-ничего, всего ч-четыре часа — и мы б-будем свободны. М-меня больше б-беспокоит эта парочка. Еще п-полдня с ними я не выдержу, — Артур кивнул на Нику и Игоря у лимузина. Те, по обыкновению, опять нашли повод для спора.

— Надо их научить танго танцевать: им же просто свою энергию девать некуда.

— И арабский! Обожаю, к-когда ты мне его т-танцуешь! — Артур поцеловал жену в шею. — В-все, ты отдохнула? Идем к-ко всем?

У машин терпеливо стояли родственники и гости, кроме Васи, который уже ждал молодых в салоне свадебного лимузина. Банкир, увидев возвращающихся от корреспондента детей, открыл супруге дверь, подождал, пока она устроится, и обернулся к терпеливо стоящему за своей спиной младшему сыну, Кириллу.

— Следующая свадьба твоя! — погрозил пальцем банкир.

— Я сам себе жену найду. Не надо мне ваших проектов, — огрызнулся, впрочем, негромко Кирилл, поправляя на своей голове крысиный хвостик.

Банкир хотел было привычно дать подзатыльник, но сдержался: не при газетчиках же. Садясь в салон, к супруге, проворчал:

— Я, конечно, не пожалел, что наш старший нашел себе хорошую жену, но, ей богу, надо было, чтобы этот балбес сам себе невесту выбирал. А то понадеялся на брата, — банкир щелкнул по затылку впереди сидящего Кирилла. — Глядишь, две свадьбы сразу бы сыграли.

Отпрыск потер затылок:

— Началось... Да женюсь я, женюсь! Только не на такой зануде, — он помахал рукой случайно обернувшейся в его сторону Валерии, которая тоже собиралась сесть в другую машину, — всю плешь мне позавчера проела своими нравоучениями.

— Наконец-то нашелся кто-то, кто тебя достал, — рассмеялся банкир, — будешь себя плохо вести, отправлю жить с ними. Лелька за тобой присмотрит...

— Не надо! — Кирилл испуганно обернулся.

Маргарита Павловна, рассеянно не слушавшая перебранку супруга и младшего сына, не вытерпела, открыла дверь со своей стороны, вылезла и крикнула молодым:

— Дети! Поехали! Нас уже ждут.

Артур и Ольга стояли у лимузина, обнявшись и продолжая разговаривать.

— Ну, если не получается уйти красиво на закат, тогда еще потерпим, воплотим в жизнь мечту твоих родителей. Я, например, свои три мечты почти уже реализовала...

— И м-моя, вт-торая, на подходе, — Артур сделал довольную мину.

— Эй! А я почему ничего не знаю? Все, развод! — Ольга смеясь, подбоченилась.

— Это сюрп-приз. Скоро увидишь, — Артур притворно поморгал и скромно опустил ресницы.

Ольга ахнула:

— Твой мультфильм про нас?

— П-почти. Но это т-только начало, я п-предупреждаю, что буду м-много работать...

— Ничего, я тебе буду кофе приносить. Молча-молча, тихо-тихо, как мышка!

Они оба рассмеялись, поцеловались, и Артур открыл перед Ольгой дверцу лимузина:

— П-прошу! Н-но т-твоя идея с закатом м-мне понравилась...

— Какая идея? — в один голос из салона отозвались Ника и Игорь.

Уже готовая сесть в лимузин, Ольга улыбнулась супругу и вдруг перевела взгляд поверх головы Артура:

— Смотри! — невеста с удивлением показала пальцем на небо. Артур обернулся.

Вверху, в ритме танго-вечности, над большим и суетливым городом, над свадебной процессией, плыло розово-серое облако, похожее на...

НЕ КОНЕЦ

"Золушка à la russe: Постскриптум". Комментарии (некоторые пояснения к главам)

2 глава

Читаю и смеюсь:

Строки обмана.

Начальник дал бумагу подписать.

Здесь и далее в качестве эпиграфов к главам приводятся стихотворения в прозе, написанные по правилам жанров японской поэзии — хайку (хокку) и танка. Строение хайку — 5 слогов в первой строке, 7- во второй и 5 в третьей (в танке, соответственно 5-7-5-7-7). Некоторые языковеды и многие авторы, пишущие в вышеуказанном жанре считают, что в русском языке возможно использование другого количества слогов ввиду отличного от японского характера русского языка.

4 глава

Книга перемен.

Пророчат мне тревоги,

Звеня, монеты...

Книга Перемен (или, правильнее, Канон Перемен, И цзин) — литературно-философский труд Китая, являющийся одним из канонов конфуцианского Пятикнижия. Книга состоит из 64 символов, гексаграмм. Толкование каждой гексаграммы заключено в афоризме или наборе афоризмов, расшифровка такого «предсказания» позволяет принять решение и пр. Гадание осуществляется (один из способов) при помощи монет: подбрасывая их шесть раз, гадающий получает один из 64 рисунков-гексаграмм и находит соответствующий ему афоризм.

5 глава

За прудом виднелось какое-то здание, похожее на старинную усадьбу, и церквушка...

Имеется в виду церковь, построенная графом Н.П.Шереметевым в 18 веке.

11 глава

Бабочки пляшут...

Бабочка — один из символов Востока. Так например, бабочка может означать беззаботное существование, чистая радость. В Китае бабочка является знаком влюбленных; в Японии (одна бабочка) — символ женской суетливости и ремесла гейши, а две бабочки — супружеское счастье.

16 глава

Рассвет забрезжил.

Жужжание резвых пчел.

Начало жизни.

Пчела — достаточно красноречивый символ во многих странах. Пчела может быть символом королевской власти (в Египте), реинкарнации (в Индии), то у древних Славян пчела — символ любви, экономии и бережливости.

19 глава

«М-мы в в-восхищении!»

Афоризм из романа Михаила Булгакова «мастер и Маргарита». Эту фразу попеременно

произносят Корovieв, Азазелло и Бегемот, спутники Волянда.

«Эх, этот дурак всю песню испортил». — «Эх... испортил песню... дур-рак!» — говорит заключительную фразу в пьесе Горького «На дне» Сатин, один из обитателей ночлежки.

23 глава

... У нее, как это (?), тактильный голод, — ответила за Ольгу Ника.

Тактильный голод — физиологическое состояние недостатка осязательных и осязающих ощущений. Современная психология дает несколько видов голода, помимо физиологического: эмоциональный, информационный и другие.

25 глава

«...из тебя получится отличный дед Щукарь!». Дед Щукарь — один из самых известных, ставший нарицательным благодаря своему чувству юмора, героев «Поднятой целины» Михаила Шолохова.

Семейка Адамс — герои фильма режиссёра Барри Зонненфельда.

Симпсоны — герои самого длинного мультсериала Америки.

26 глава

... добавленными в «фотошопе». Photoshop — одна из популярных графических компьютерных программ, созданных для обработки цифровых фотографии.

28 глава

...Инь-ян весны. Инь-Ян — одна из концепций китайской философии. Ян символизирует светлое мужское начало, Инь — темное, женское.

30 глава

Иду я в гору

За улиткой Мацуо.

Учитель, прости!

Мацуо Басё — один из «отцов» японского хайку. Ссылка на известное хайку «Улитка».

34 глава

«Поздравляю, Шарик, ты балбес!» — слова Кота Матроскина из российского мультипликационного фильма «Зима в Простоквашино» по книге Э. Успенского.

Тангерос — профессиональные танцоры, исполняющие танго на профессиональной сцене-милонге. Корте, очо кортадо, кунита, мулине, баррида, левада, адорнос, рондо — названия движений в танго.

Корте (corte — прерывание) — прерванное движение в любом направлении.

Очо кортадо (ocho cortado — прерванная восьмёрка) — остановка шага мулинете или очо и ведение обратно. Типично для избегания столкновений.

Кунита (cunita- качалка). Делается шаг с возвратом назад.

Мулине (molinete — мельница) — шаги вокруг лидера (вперед-всторону-назад-всторону).

Баррида (barrida — метелка). Сдвиг ногой, как подметание метлой.

Левада (llevada — перенос). Партнер на бедре «несёт» ногу партнерши.

Адорнос (adornos — украшения) — любые элементы вне шагов.

Рондо (rondo) — завиток.

38 глава

...Пройслеровского «Крабата»...Имеется в виду сказка немецкого писателя Отфрида Пройслера «Крабат: Легенды старой мельницы»

40 глава

«Люблю ли тебя — я не знаю, но, кажется мне, что люблю». Цитата из известного стихотворения А. К. Толстого «Средь шумного бала случайно...»

46 глава

...Я люблю тебя, «как сорок тысяч сестер», — и точка! — Парафраз на известную фразу Гамлета «любил, как сорок тысяч братьев»

57 глава

Не складывай,
Прошу, свой веер желтый.
Оставь раскрытым.

Веер как элемент бытовой культуры был привезен в Россию в 18 веке через Европу из Японии и Китая. В 18–19 веках существовал особый язык веера. Так, закрытый веер мог значить отказ, а желтый цвет так же мог нести аналогичную смысловую нагрузку при молчаливом «разговоре».

...Все стало понятно. Девушка более внимательно взглянула на послание от Макса... Во многих сказках разных народов мира присутствует сюжет разгадывания «странных посланий». Подобное есть и житии Петра и Февронии Муромских: в качестве испытания мудрости князь Петр попросил девушку сшить рубашку из пучка льна.

61 глава

Рябит в глазах
От головастиков в воде.
Первое июня.

Головастик в Японии и Китае — символ детства: из головастика появляются лягушки.

62 глава

Моим жалобам
Внимал Курамский монах...

Гора Курама (район к северу от Киото, Япония) известна своими буддийскими храмами.

63 глава

Нянюшка моя,
Не бросай свое дитя —
Закончи сказку!

В феодальной Японии крестьяне нередко бросали маленьких детей на произвол судьбы или сами их убивали, чтобы избавиться от лишнего рта в нищем семействе («Басё и поэты Золотого века хайку», с 276)

...Гешвистеры... — из немецкого, «братья и сестры»

65 глава

В шесть тысяч драхм
монету спрятал — и забыл.
Изрыт весь сад.

Намек на библейскую притчу о талантах. Один талант равнялся 6 000 драхам.

69 глава

Под подушку
Рисунок положу я.
Пусть семеро гонцов
На паруснике белом

Мечту мою исполняют.

В новогоднюю ночь японские дети прячут под подушку картинку с изображением парусника, на котором плывут семь сказочных волшебников — семь покровителей счастья

72 глава

Тесты Айзенка, Шмишека, Люшера, Кеттела; опросник Спилберга, Тейлора — самые популярные в психологии и психиатрии тесты для определения эмоционального, психологического состояния испытуемого.

73 глава

Варна — город в Болгарии, один из курортов.

...в результате фонетических тренировок с московским доктором Хиггинсом... Доктор Хиггинс — персонаж, ставший нарицательным, из пьесы Б. Шоу «Пигмалион», поставил произношение главной героине пьесы.

«Мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Афоризм из трагедии У. Шекспира «Отелло».

76 глава

Комплекс Золушки — пассивное ожидание чувственных и эмоциональных привязанностей, характерное дамам, страдающим "парящим в облаках воображением", девушкам с богатой фантазией, нерешительных и робких. При этом действительность рассматривается ими как нечто серое и скучное. (http://www.kleo.ru/items/about_you/komplex.shtml)

...А ты почитай «Кольцо и розу» Теккеря... Только сколько можно уже про этих Золушек, Бетсинд и Отикубах всяких говорить? У нас своих героинь хватает...

Ссылка на сказку Уильяма Мейкписа Теккеря «Кольцо и роза, или история принца Обалду и принца Перекориля». Золушку этой сказки зовут Бетсинда. Подарком главным героям от Крестной Феи стало «немного несчастья» для закалки характера. Отикубо — японская Золушка («Повесть о Прекрасной Отикубо»)

79 глава

Бессонная ночь.

Щели в стене соседа.

Все сплетни узнал.

Перифраз на хайку Кобаяси Исса: «Цикады поют. Этой щели в стене я не видел — до нынешней ночи».

80 глава

Ком цу мир! — с немецкого «Иди ко мне!»

83 глава

«...И нищим стать, как прежде...» — цитата из известного стихотворения Редьярда Киплинга «Заповеди» («Если»): «... Все проиграть, и нищим стать, как прежде. И никогда не пожалеть о том...»)

84 глава

О, мухобойка!

Подари покой мне в доме,

Где я — хозяин.

Мухобойка- символ власти в Китае.

85 глава

Находясь мысленно в солнечном Шарм-Эль-Шейхе,

Шарм-Эль-Шейх — город-курорт в Египте.

88 глава

Нерукотворный

Памятник воздвиг себе.

Есть для чего жить!

Парафраз первых строк стихотворения А.С. Пушкина «Памятник».

91 глава

...Превратилась в соляной столб...ссылка на известную библейскую историю: любопытная жена Лота нарушила приказ не оборачиваться при бегстве и превратилась в соляной столб

94 глава

Меж сочных лепестков

Божья коровка — мой друг.

О, спасибо!

Божья коровка — на Востоке символ удачи.

96 глава

Солнцестояния

Пересеклись окрест.

Пусть минет чаша...

Крест — один из символов Христианства. Крест — символ жизни, произошёл от солярного знака, символизирующего движение Солнца по небесной сфере. Окружность символизирует годовой путь Земли вокруг Солнца. Точка в наиболее верхней части окружности символизирует день зимнего солнцестояния, в нижней — день летнего солнцестояния. Правая и левая точки — дни весеннего и осеннего равноденствия, соответственно. (ru.wikipedia.org/wiki/Крест)

97 глава

Защити мой день,

Великий жук-скарабей!

Сумрак откати.

Скарабей — один из почитаемых символов в Древнем Египте. Движение жука-скарабея символизирует движение солнца.

98 глава

Не плачь, отец,

Ради народа моего

Взойду я на костер.

Ссылка на древне-греческий миф о царе Агамемноне, который должен был выполнить рекомендации жреца: принести свою дочь Ифигению в жертву богам; в момент жертвоприношения Ифигения была похищена с алтаря Артемидой, заменившей ее ланью. Схожий сюжет наблюдается в библии: жертвоприношение Авраама. Так же намек на сожжение Жанны д'Арк.

Эпилог

Жан-Жак Руссо — французский просветитель. Здесь цитируются его отрывки из романа в письмах «Юлия, или Новая Элоиза».

... В Троицкий храм она приехала рано утром... имеется в виду собор в Свято-Троицком женском монастыре города Муром (Владимирская область), в котором хранятся мощи

святых Петра и Февронии.

Больше книг на сайте - Knigolub.net